

СОЦИОЛОГИЯ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г. «Воры в законе»: вопросы социологии и права (Часть 2) 5

Плетнев А.В., Конанчук С.В. Влияние развития процессов виртуализации на распространение феномена «аномической депрессии» в системе социальных отношений 12

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пэй Ян. Цифровизация сферы образования в Китае 16

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Галлямова Д.А., Недельченко О.И. Научно-образовательные центры как инновационный институциональный фактор трансформации социально-профессиональной структуры российского общества 24

Заварзина Ю.В. Социальное измерение региональной инвестиционной политики 28

Иванов Р.В. Политика патриотизма: особенности работы молодежных политических организаций (на примере Иркутской области) 36

Маслодудова Н.В. Социальный капитал региональной молодежи 47

Переселкова З.Ю. Установки на бездетность в сознании студенческой молодежи под влиянием идеологии «чайлдфри» (региональный аспект) 55

Перкова Е.П., Почестнев А.А. Высшее образование в авиакосмической отрасли: социологическое исследование 61

Стоянов А.С., Попова И.Л. Социальные факторы формирования военных династий 69

Субочева О.Н., Рождественская М.И. Трансформация профессиональной деятельности преподавателя социально-гуманитарных дисциплин в инженерном вузе в условиях цифровизации общества 80

Сушко В.А. Социологические подходы к исследованию цифровой политики и роль государства в формировании цифровых процессов в обществе 87

Основан в марте 2004 года. Выходит 12 раз в год

Учредители: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Российская социологическая ассоциация

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации ПИ № 77-17521 от 24.02.2004. ISSN 1812-9226

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, социологический факультет, 3-й учебный корпус

Тел. (495) 939-24-05;

e-mail: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор – **Добреньков Владимир Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Кравченко Альберт Иванович**, доктор философских наук, профессор; зам. главного редактора – **Зырянов Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент кафедры социальных технологий, МГУ имени М.В. Ломоносова; ответственный секретарь – **Агапов Платон Валериевич**, кандидат социологических наук, доцент, доцент по кафедре истории и теории социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова; Зав. редакцией – **Казакова Александра Андреевна**, старший преподаватель кафедры Истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Барков Сергей Александрович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии организаций и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Желтов Виктор Васильевич**, доктор философских наук, профессор; **Мамедов Агамали Кулам-Оглы**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Петров Владимир Николаевич**, доктор социологических наук, профессор, преподаватель кафедры социологии Кубанского государственного университета; **Силласте Галина Георгиевна**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Департамента социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ; **Багдасарьян Надежда Гегамовна**, доктор философских наук, профессор, МГТУ им. Н.Э. Баумана; **Рахманов Азат Борисович**, доктор философских наук, социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; **Гребельных Татьяна Ивановна**, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной философии и социологии Института социальных наук ИГУ; **Добренькова Екатерина Владимировна**, доктор социологических наук, профессор, ректор Международной Академии Бизнеса и Управления; **Бурмыкина Ирина Викторовна**, доктор социологических наук, профессор, проректор по научно-методической работе, Липецкий государственный педагогический университет; **Маршак Аркадий Львович**, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН; **Осипов Александр Михайлович**, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого; **Афонин Юрий Алексеевич**, доктор экономических наук, профессор, Самарский государственный экономический университет.

СОСТАВ МЕЖДУНАРОДНОГО СОВЕТА

Ахметов Сайранбек Махсутович, ректор Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем КАЗИИТУ, доктор технических наук, профессор, академик Национальной инженерной академии Республики Казахстан, академик РАЕН; **Вукичевич Слободан**, профессор, факультет философии, Университет Черногории
Кропф Фредрик, декан факультета Монтеррейского университета США; **Митрович Любиша**, профессор, директор Института социологии Университета г. Ниш, Сербия; **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, факультет философии и социальных наук, Белорусский государственный университет, Республика Беларусь; **Фарро Антонио Лиджи**, профессор, доктор социологических наук, профессор Римского университета «Салиенца», г. Рим, Италия; **Чжан Шу-хуа**, доктор политических наук, профессор, директор Института научной информации Академии общественных наук Китая, главный редактор журнала «Общественные науки за рубежом»; **Соколова Галина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Институт социологии НАН Беларуси Минск.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор; **Скворцов Николай Генрихович**, доктор социологических наук, профессор, декан факультета социологии СПбГУ; **Осипова Надежда Геннадьевна**, доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; **Иванов Вилен Николаевич**, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор; **Хунагов Рашид Думалиевич**, доктор социологических наук, профессор; **Волков Юрий Григорьевич**, доктор философских наук профессор, директор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, директор Южно-Российского филиала Института социологии РАН, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований; **Ивченков Сергей Григорьевич**, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии молодежи Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; **Дзуцев Хасан Владимирович**, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных процессов ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова».

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

Отпечатано в типографии ООО «Стромьнка Принт», Москва, ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.06.2024 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Тринадцатко А.А.</i> Официальная и неофициальная занятость лиц с тяжелыми нарушениями зрительной функции: динамика, тенденции и причины выбора.....	97
<i>Цянь Цяньжон.</i> Влияние миграции на демографическую безопасность России	105

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Баклановский С.В.</i> Механизмы социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей ВС РФ как объект социологического анализа	110
<i>Васильев В.В.</i> Особенности диагностики скулшутинга. Социологический мониторинг его причин, форм проявления и социальных последствий в образовательной среде	117
<i>Икрамов Д.Б.</i> Определение категории совокупного социального потенциала в контексте стратегического развития социотехнической организации институционального типа: на примере Вооруженных Сил Российской Федерации	123
<i>Михайлюк А.А.</i> Механизм регулирования деятельности санаторно-курортных организаций.....	130
<i>Почестнев А.А.</i> Конфигурация управленческих отношений в подразделениях современных организаций	135
<i>Чжао Юньхуэй, Гавриленко О.В.</i> Корпоративная культура как механизм социального управления в китайских предприятиях.....	144
<i>Щипаков В.Э.</i> Научные подходы в исследовании социальных технологий управления ресоциализацией офицеров ВС РФ, уволенных в запас	148

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Кибыш А.И., Зуйкова Ю.В.</i> Транспортная блокада Калининградской области глазами калининградцев.....	155
<i>Бутко Н.Б., Степина С.П.</i> Влияние дистанционного образования на отношение к самостоятельной работе студентов.....	161
<i>Ян Цяньвэнь.</i> Механизмы охраны культурного наследия Китая в аспекте устойчивого социального развития	164

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Самохвалов А.И.</i> Сущность историософских взглядов Антанаса Мацейны: на примере трудов «Великий инквизитор» и «Тайна беззакония»	171
---	-----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ

<i>Намозова Н.А.</i> Сопоставление содержания феномена «личность» в персональном экзистенциализме и христианской теологии: на примере трудов Н.А. Бердяева	177
<i>Номеровский В.О.</i> Связь психофизического состояния ВИЧ-инфицированных пациентов инфекционной клинической больницы и их воцерковленности	183
<i>Сулонов П.Е., Вуберман А.Б.</i> Выявление восприятия молодежью роли религии в обществе: аспекты формирования веротерпимости	189

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Гуйда А.П., Апсаматова Э.Д., Смутко А.Н., Брусиловский Д.А., Жумабекова А.Т.</i> Гипертекстуальность и «Я»: деконструкция идентичности в цифровую эпоху.....	193
<i>Дубровский И.Ю.</i> Философский анализ фундаментальных оснований взаимодействия образования, науки и производства в аспекте инновационного развития	198
<i>Кокорева Е.Б.</i> Влияние эпидемии Черной смерти на дестабилизацию европейского общества	204
<i>Гуйда А.П., Апсаматова Э.Д., Урумкулова Н.Т., Брусиловский Д.А., Тейишева К.Б.</i> «Текущая идентичность»: деконструкция самости в контексте гипертекстуальности.....	210
<i>Кравченко А.И.</i> Чиновничество и чиновочитание: от «кувшинного рыла» до «офисного планктона».....	214
<i>Нагорная Л.А., Нагорный Н.Н.</i> Восстановление «Я-образа» человека с искащенной телесностью средствами трудотерапии: социально-философский анализ	223

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kिताev N.N., Ardashev R.G. "Thieves in the law": issues of sociology and law (Part 2)..... 5

Pletnev A.V., Konanchuk S.V. The influence of the development of virtualization processes on the spread of the phenomenon of "anomic depression" in the system of social relations 12

EMPIRICAL STUDIES

Pei Yang. Digitalization of education in China..... 16

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Gallyamova D.A., Nedelchenko O.I. Scientific and educational centers as an innovative institutional factor in the transformation of the social and professional structure of Russian society 24

Zavarzina Y.V. Social dimension of regional investment policy 28

Ivanov R.V. Politics of patriotism: peculiarities of youth political organizations (on the example of the Irkutsk region) 36

Maslodudova N.V. Social capital of regional youth..... 47

Pereselkova Z.Yu. Attitudes towards childlessness in the minds of students under the influence of the ideology of "childfree" (regional aspect) 55

Perkova E.P., Pochestnev A.A. Higher education in the aerospace industry: a sociological research 61

Stoyanov A.S., Popova I.L. Social factors in the formation of military dynasties 69

Subocheva O.N., Rozhdestvenskaya M.I. Transformation of professional activity of a teacher of social and humanities disciplines at an engineering university in the conditions of digitization of society 80

Sushko V.A. Sociological approaches to the study of digital policy and the role of the state in the formation of digital processes in society..... 87

Trinadtsatko A.A. Official and unofficial employment of persons with severe visual impairments: dynamics, trends and reasons for choice 97

Qian Qianrong. The impact of migration on Russia's demographic security 105

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Baklanovsky S.V. Mechanisms for social regulation of conflict in the management environment of military units of the RF Armed Forces as an object of sociological analysis 110

Vasiliev V.V. Features of the diagnosis of schoolshooting. Sociological monitoring of its causes, forms of manifestation and social consequences in the educational environment..... 117

Founded in March 2004. Published 12 times a year

Founders: **Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russian Sociological Association**
The magazine is registered with the Ministry of Press and Information of the Russian Federation.

Certificate of registration of PI No. 7717521 dated February 24, 2004. ISSN 18129226

Editorial address: 119992, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University. M.V. Lomonosov, Faculty of Sociology, 3rd Academic Building

Tel.: (495)9392405;

email: socjournal.msu@gmail.com

http://soziologi.ru

EDITORIAL BOARD OF THE MAGAZINE

Chief Editor – Dobrenkov **Vladimir Ivanovich**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Albert Ivanovich Kravchenko**, Doctor of Philosophy, Professor; deputy editor-in-chief – **Vladimir Viktorovich Zyryanov**, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; executive Secretary – **Agapov Platon Valerievich**, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of History and Theory of Sociology, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Head by the editors – **Alexandra Andreevna Kazakova**, senior lecturer of the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov.

Barkov Sergey Aleksandrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Organizations and Management, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Zhelto V Viktor Vasilievich**, Doctor of Philosophy, Professor; **Mamedov Agamali KulamOgly**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head. Department of Sociology of Communication Systems, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Petrov Vladimir Nikolaevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Lecturer in the Department of Sociology of Kuban State University; **Sillaste Galina Georgievna**, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation; **Bagdasaryan Nadezhda Gegamovna**, Doctor of Philosophy, Professor, MSTU. N.E. Bauman; **Rakhmanov Azat Borisovich**, Doctor of Philosophy, Faculty of Sociology, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Tatyana Ivanovna Grabelnykh**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Social Philosophy and Sociology, Institute of Social Sciences, ISU; **Dobrenkova Ekaterina Vladimirovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Rector of the International Academy of Business and Management; **Burmykina Irina Viktorovna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Vice-Rector for Scientific and Methodological Work, Lipetsk State Pedagogical University; **Marshak Arkady Lvovich**, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Osipov Alexander Mikhailovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Research Center, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise; **Afonin Yuri Alekseevich**, Doctor of Economics, Professor, Samara State Economic University.

COMPOSITION OF THE INTERNATIONAL COUNCIL

Akhmetov Sairanbek Makhmutovich, Rector of the Kazakhstan University of Innovation and Telecommunication Systems KazlITU, Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the National Engineering Academy of the Republic of Kazakhstan, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences; **Vukicevic Slobodan**, Professor, Faculty of Philosophy, University of Montenegro

Kropp Fredric, Dean of Faculty, University of Monterrey, USA; **Mitrovic Ljubisa**, professor, director of the Institute of Sociology of the University of Nis, Serbia; **Titarenko Larisa Grigorievna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarusian State University, Republic of Belarus; **Farro Antimo Luigi**, professor, doctor of sociological sciences, professor at the Sapienza University of Rome, Rome, Italy; **Zhang Shuhua**, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Scientific Information of the Chinese Academy of Social Sciences, Editor-in-Chief of the journal "Social Sciences Abroad"; **Sokolova Galina Nikolaevna**, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Social Demography, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus Minsk.

COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Osipov Gennady Vasilievich, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University; **Osipova Nadezhda Gennadiyevna**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Sociology of Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Ivanov Vilen Nikolaevich**, corresponding member. RAS, Doctor of Philosophy, Professor; **Khunagov Rashid Dumalichevich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Volkov Yuri Grigorievich**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University, Director of the South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies; **Ivchenkov Sergey Grigorievich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, Saratov State University. N.G. Chernyshevsky; **Dzutsev Khasan Vladimirovich**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Processes, Federal State Budgetary Educational Institution Higher professional education « North Ossetian State University named after K.L. Khetagurova.»

NOTE TO AUTHORS

Dear Colleagues! We draw your attention to the fact that the examination of article materials is carried out by specialized research committees of the Russian Sociological Association for internal use. After the examination, the articles are sent to the Editorial Board of the journal, where they undergo editorial and proofreading. The editors reserve the right to reduce the length of articles and edit them in accordance with the requirements of the scientific journal. Manuscripts of articles are not returned; The editors do not enter into correspondence with the authors; No royalties are paid to the authors.

Printed at the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18

Circulation 300 copies. A4 format. Signed for printing: 06/30/2024 Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external review.

The publication is not subject to labeling in accordance with clause 2 of Art. 1 of Federal Law No. 436FZ of December 29, 2010 "On the protection of children from information harmful to their health and development."

Ikramov D.B. Definition of the category of total social potential in the context of the strategic development of a socio-technical organization of an institutional type: using the example of the Armed Forces of the Russian Federation 123

Mikhailyuk A.A. Mechanism for regulating the activities of sanatorium and resort organizations 130

Pochestnev A.A. The configuration of management relations in the departments of modern organizations 135

Zhao Yunhui, Gavrilenko O.V. Corporate culture as a mechanism of social management in Chinese enterprises 144

Shchipakov V.E. Scientific approaches to the study of social technologies for managing the resocialization of officers of the RF Armed Forces transferred to the reserve 148

SOCIOLOGY OF CULTURE

Kibysh A.I., Zuikova J.V. The transport blockade of the Kaliningrad region through the eyes of Kaliningrad residents 155

Butko N.B., Stepina S.P. The influence of distance education on students' attitudes towards independent work 161

Yang Qianwen. Mechanisms for the protection of Chinese cultural heritage in the aspect of sustainable social development 164

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Samokhvalov A.I. The essence of the historiosophical views of Antanas Maceina: using the example of the works "The Grand Inquisitor" and "The Mystery of Lawlessness" 171

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE, PHILOSOPHY OF RELIGION

Namazova N.A. Comparison of the content of the phenomenon "personality" in personal existentialism and Christian theology: using the example of the works of N.A. Berdyaev 177

Nomerovsky V.O. Relationship between the psychophysical state of HIV-infected patients at an infectious diseases clinical hospital and their church membership 183

Suslonov P.E., Wuberman A.B. Identifying young people's perception of the role of religion in society: aspects of the formation of religious tolerance 189

SOCIAL PHILOSOPHY

Guida A.P., Apsamatova E.D., Smutko A.N., Brusilovsky D.A., Zhumabekova A.T. Hypertextuality and the self: deconstructing identity in the digital age 193

Dubrovsky I.Yu. Philosophical analysis of the fundamental foundations of interaction between education, science and production in the aspect of innovative development 198

Kokoreva E.B. The impact of the Black Death epidemic on the destabilization of European society 204

Guida A.P., Apsamatova E.D., Urumkulova N.T., Brusilovsky D.A., Teyisheva K.B. "Fluid identity": deconstruction of the self in the context of hypertextuality 210

Kravchenko A.I. Officialdom and official veneration: from «jug snout» to «office plankton» 214

Nagornaya L.A., Nagorny N.N. Restoration of the self-image of a person with a crippled corporeality by means of occupational therapy: a socio-philosophical analysis 223

«Воры в законе»: вопросы социологии и права (Часть 2)

Китаев Николай Николаевич,

к.ю.н., доцент, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Кыргызско-Российского Славянского университета имени Б.Н. Ельцина, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета

Ардашев Роман Георгиевич,

д.ф.н., к.ю.н., начальник кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Восточно-Сибирского института МВД России, профессор кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета

Статья раскрывает особенности развития социальной когорты «воров в законе» как социального феномена. На примере грузинских «воров в законе» показывается эволюция данного феномена с позиции социологии права. Также обозначается общая динамика социально-криминального общественного развития. В статье доказывается, что силу и агрессию криминального мира можно подавить репрессивными методами борьбы, опираясь на прозрачность и жесткость применяемых мер, которые не только уменьшают уровень преступности в стране, но и меняют жизненные установки граждан, формируя более гуманные сценарии развития своего будущего и будущего своих детей.

Ключевые слова: воры в законе, социология права, преступление, закон, репрессивные методы.

Нормы права и лидерства, легитимного и незаконного регулируют общество испокон веков, поэтому важно отслеживать социальное развитие этих практик для того, чтобы понимать происходящие процессы на стыке закона и его нарушения и уметь регулировать возможные социальные последствия [11, 12, 15]. Изменить такое положение вещей навряд ли будет возможно, но знать о его особенностях и формах изменения необходимо. Это своего рода цена за условное спокойствие общественного воспроизводства. Данная статья является продолжением работы, предложенной читателям в 3 номере журнала Социология за 2024 год [23].

Грузинские «воры в законе» как социальный феномен

Современные воры в законе не занимаются «воровскими сходками» и сбором денег на «общак» (это уже прошлое, зачастую романтизированное в «блатной культуре» общества массового потребления), а борются за право регулирования той или иной территорией или сферой в бизнесе, роли в принимаемых решениях на уровне власти и управления крупными предприятиями, соблюдении и нарушении закона. Это то, что позволяет регулировать социальное взаимодействие тех, кто находится по ту и эту грани закона (Барабанов С.А., Гришко А.Я., Кутякин С.А., Реент Ю.А., Шурухнов Н.Г.). В многонациональном сообществе «воров в законе» примерно одну треть составляют русские, еще одна треть – грузины [17]. Процентные составляющие по данной теме у разных авторов – различные, и даже специализированные учреждения затрудняются ответить на данный вопрос. Так, начальник ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России признал: «...Информацией о количестве «воров в законе» на территории России в 2023 г., процентном соотношении национальностей в данном числе «воров», открытых научных источниках, в которых содержится информация о грузинских «ворах в законе», институт не располагает»¹. Встречающееся противостояние русских и грузинских (кавказских) «воров» происходит не по национальным, а по идеологическим мотивам – основанием этого выступают не одинаковые условия, контекст и формальная организация преступных норм, традиций и ритуалов. В. Новиков обоснованно отмечал: «Институт так называемых «воров в законе» был продуктом советской социальной, в том числе – пенитенциарной системы, но нигде этот феномен не приобрёл такого мас-

¹ Письмо № ОГ-55-3 от 14 февраля 2024 г. Личный архив Р.Г. Ардашева.

штаба и значения, как в Грузии» [9]. Это фиксация социально-правового явления в контексте времени и пространства. Что является одной из важных характеристик выявления нормативно-правового регулирования социального пространства.

Говоря о социально-поведенческих характеристиках воров в законе можно выделить отличные социально-психологические черты, которые позволили определить особенности межличностных и межгрупповых, а также внутригрупповых отличий выстраивания социальной иерархии. Воры в законе, также известные как «авторитеты», это высшие члены организованной преступной группировки, которые имеют особый статус и уважение среди других членов. Они обычно занимают руководящие позиции и принимают ключевые решения в организации.

Отличие русских воров в законе от других членов преступного мира заключается в том, что они придерживаются определенных кодексов чести и поведения, которые они считают жизненно важными. Эти кодексы включают в себя недопустимость сотрудничества с правоохранительными органами, верность организации и ее членам, а также строгое соблюдение иерархии и правил внутри организации. Другим отличительным признаком воров в законе является использование специальных татуировок, которые обычно изображают их статус и принадлежность к преступному миру. В целом, воры в законе обладают определенным авторитетом и уважением в преступной среде, и их слово и решения считаются законом для других членов организации.

У «грузинских воров» имеют место случаи приобретения звания «вора в законе» за крупные денежные суммы лицами, которые никогда не отбывали срок наказания, отчего российские «воры» презрительно называют «грузинских воров» «лаварушниками» [13].

Известный кинорежиссёр Георгий Данелия в своей автобиографической книге «Безбилетный пассажир» упоминает «блатных», с которыми он встречался подростком в Тбилиси в период Великой Отечественной войны. В его описании это была группа маргиналов, на которых смотрели со страхом и долей брезгливости. «Хотя в Тбилиси и своих блатных хватало... во время войны понаехали и воры из Одессы, из Ростова, Киева и других оккупированных городов» [4].

Можно отметить, что первыми стали обзаводиться семьями, не складывая с себя полномочий «воров в законе», стали выходцы их союзных республик Кавказа (в основном – из Грузии). Они получали огромные прибыли от теневых промыслов, а приумножать капитал можно только передав его в надёжные руки. Поэтому лишь семейные отношения давали гарантию надёжности и скрытности подобных операций, отчего родственные связи приобретали особую значимость. В то время, как русские «воры», пройдя суровые испытания выживания в ИТК, считали своим основным богатством воровской авторитет и независимость, «грузин-

ские воры» при их стремлении к семейственности значительно укрепляли взаимную поддержку, проводя ускоренными темпами «коронацию» своих родственников, даже никогда не содержащихся в местах лишения свободы. В то же время жажда наживы повлекла жестокую конкурентную борьбу между семейными кланами на Кавказе, который оказался слишком мал для аппетитов выросшего числа «коронованных» криминальных иерархов [10].

Кавказ является основой клановости и провоцирует социальную напряженность и конфликтность. На основе длительных наблюдений установлено, что снижение конфликтности связано с ограничением воздействия клановости на все социальные сферы общества. Причины конфликтов кроются в этнонациональных распрях, которые нельзя убрать росчерком пера, но можно поэтапно менять социально-идеологическую политику общества, что приведет к толерантности и гораздо меньшей социальной конфликтности. Особенным вниманием стоит рассматривать этнонациональную преступность, так как как правила, в данных сообществах существуют альтернативные основной системе ценности и мировоззренческие установки, социальные ориентиры и догмы, это влечет за собой новое понимание государственного устройства и социального воспроизводства общества (по воровским законам, а не по мирским) [5].

Исследования показывают (М.Ю. Бажаев, М.А. Касьяненко, Д.М. Коломытц), что современная преступность на Кавказе уже давно вышла за границы рода и формируется на принципах более выгодного и социально адаптивного поведения по обе грани закона. Это помогает найти социально-экономические преимущества в рамках бизнеса и власти [14]. Результатом взаимодействия бизнеса и власти становится формирование организованной преступной группировки (ОПГ) в виде криминальной бюрократии и клановости [1].

Криминолог Гэйвин Слэйд, изучая кавказских и особо грузинских воров в законе он говорит о формировании теневой экономики. Грузинские воры смогли удобно устроиться и адаптироваться в новых условиях, мало чем отличаясь от силовых предпринимателей [20].

Более того, с середины XX века становится актуальным вопрос о поддержании безопасности бизнеса, так как будучи вне закона не могут контролировать свою работу. Или как-то иначе смотреть на постеленные задачи.

О некоторой специфике грузинских «воров в законе» указывают отдельные публикации. Так, по информации одной популярной книги, в 1987 г. «вор в законе» Кучуури поручил «вору в законе» Теймуразу Абаидзе (оба – представители «кутаисского клана») совершить убийство Президента СССР М.С. Горбачёва, что было пресечено работниками КГБ СССР на стадии приготовления [10]. По логике вещей – отражение реального приготовления к данному покушению должно обязательно

найти отражение в архиве ЦК КССС., который вошёл в фонды РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Заместитель директора РГАСПИ М.С. Астахова сообщила одному из авторов про отсутствие каких-либо архивных документов о подготовке покушения «воров в законе» на М.С. Горбачева¹. Иными словами – сведения о названном «покушении» при проверке оказались просто слухами.

В июне 2009 г. в г. Москве выстрелом с дальнего расстояния был смертельно ранен лидер славянских «воров в законе» В. Иваньков. Многолетние оперативные и следственные мероприятия помогли выявить причастность к данному преступлению грузинских «воров в законе», над соучастниками убийства Иванькова состоялось несколько судебных процессов. Так, в апреле 2021 г. Савёловский суд г. Москвы приговорил к 14 годам лишения свободы за соучастие в данном преступлении Газзаева Каху. В декабре 2021 г. Московский городской суд приговорил Муртази Шаданию к 16 годам лишения свободы, а Джанашию Джамбула – к 15 годам лишения свободы, как соучастников убийства Иванькова. В сентябре 2023 г. еще один соучастник – Нузгар Папава – был заочно приговорен Московским городским судом к 16 годам лишения свободы (ст.ст. 222 ч. 3, 105 ч. 2 п.п. «ж», «з» УК РФ).

В Дидубайском пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии был торжественно погребен Джаба Константинович Иоселиани (1926–2003) В различных справочниках этот человек называется грузинским политическим и военным деятелем, криминальным авторитетом и «вором в законе» (кличка «Дюба»), членом Военного совета Грузии, заместителем главы Государственного совета Грузии, доктором филологических наук и профессором. Пожалуй, со всеми этими утверждениями можно согласиться, только нигде нет документальной информации о «коронации» Иоселиани на звание «вора», а сам он этот вопрос упорно обходил молчанием во время публичных выступлений и интервью [7, 16]. Иоселиани создал отряды военизированной организации «Мхедриони» (всадники), участвовавшие чуть ли не во всех вооружённых конфликтах в Грузии, в которой на протяжении нескольких месяцев 1993 г. был фактически единоличным руководителем, которому подчинялись тогда все государственные учреждения.

В своем оригинальном исследовании, опирающемся на уникальный эмпирический материал, Е.Ю. Захарова сообщает: «Вопрос о том, можно ли назвать Джабу Иоселиани вором, в Грузии является предметом дискуссий. Важно то, что он стал лидером той части улицы, которая была всё менее склонна принимать в расчет авторитет воров и жидущийся на нём уличный кодекс, поддерживал и стимулировал отчуждение улицы от воровского контроля...Джаба Иоселиани и участники

«Мхедриони» вступили в конфликт с представителями грузинского воровского мира, в результате которого многие из них уехали из страны или были убиты. «Мхедриони» санкционировали то, что по существующим на улице понятиям трактовалось, как «беспредел»...Пересмотр границ дозволенного и нормального на улице происходил в условиях гражданской и грузино-абхазских войн..., когда бандитизм, которым занимались «Мхедриони», стал для части молодых людей единственным способом выживания, для других – средством обогащения, создания материальной базы, на которой позже, уже в мирное время, строились состояния и бизнес» [6]. Это стало поводом для изменения социальных условий общественного развития и моделирования социальной безопасности на улице и в общественных местах. Это принципиально новые смыслы и контексты реализации социальной активности населения.

К середине 1991 г. численность «Мхедриони» составляла около 10 тысяч человек. Придя к Власти в Грузии Э. Шеварднадзе пытался придать «Мхедриони» легальный статус («внутренние силы»). «Мхедриони» участвовали в военных действиях в Абхазии, попутно занимались мародерством. В феврале 1994 г. «Мхедриони» были формально преобразованы в «Корпус спасателей», в 1995 г. организацию распустили [19]. В ходе приватизации Иоселиани, его основные соратники и бывшие члены «Мхедриони», благодаря близости к власти получили важные доли в грузинской экономике. Таким образом, Иоселиани полностью интегрировался в политическую и экономическую элиты грузинского общества [6]. Это является примером того, как социально-правовое пространство Грузии стало трансформироваться под влиянием воров в законе. Результатом этого стали новые правовые реалии, определяющие нормы социализации и адаптации для рядовых граждан и новые формы социального взаимодействия для тех, кто пытался стоять бизнес или входить во власть. Эти люди стали якорями и форваторами новых форм социальной коммуникации, где закон и право были тесно вплетены в воровскую культуру, что порождало совершенно новый социально-правовой и социокультурный пласт реальности 90-х – нулевых годов.

Согласно исследованиям Яна Келера, когда «Мхедриони» потеряли власть и влияние, то получили серьезную отдачу от преследования со стороны государства, как и со стороны воровской диаспоры. Право быть первым недо заслужить, но и удержать его не менее важно. Если этот процесс дает сбой, то бывшие поделщики, коллеги или конкуренты сделают все, чтобы устранить того, кому были вынуждены подчиняться. «Было известно множество случаев, когда членов «Мхедриони» убивали в тюрьмах специально внедрённые киллеры, которые были арестованы по ничтожным предложениям» [6].

В романе «Белые флаги» известный грузинский писатель Нодар Думбадзе, описывая тюрьму,

¹ Ответ М.С. Астаховой № 2156 от 11 марта 2024 г. Личный архив Р.Г. Ардашева.

создал образ «честного вора в законе» Лимоны Девдариани, «по справедливости» вершившего судьбу обитателей многолюдной камеры, защищавшего слабых. Этот роман имел большой резонанс в СССР в 70-е годы минувшего столетия, но мало кто знал, что прототипом Лимоны Девдариани был друг детства Нодара Думбадзе – Джаба Иоселиани. Е.Ю. Захарова сообщает, что «воры в законе» и «цеховики» часто вводили в долю известных актёров, режиссёров, художников, писателей, поэтов и т.д., поскольку знали, что они будут «крышей» для их нелегального бизнеса, ведь кто будет трогать «цех», которому покровительствует известный на всю страну актер или режиссёр? «Воздерживаясь от окончательных выводов о том, насколько в действительности пересекались идеологические ориентации этих двух ключевых для грузинского общества слоёв, можно с уверенностью говорить, что сами их представители могли не только оказаться на совместном застолье, но и «дружить семьями» [6].

В качестве примера можно привести факт, что посаженным отцом на свадьбе «вора в законе» Кучури был партократ Джумбер Патиашвили, который в 1985–1989 гг. являлся первым секретарём ЦК компартии Грузии [19].

Личные связи часто пересекались с формальными способами организации пространства социальных коммуникаций (в виде зачатков бизнеса). Говорить о преступном мире как о рассаднике зла не приходится, когда фактически представители воровского мира разрабатывали структуру управления и организации новых услуг (торговля), а позже и производства. Это стало их формой адаптации к новым реалиям и развития социально-экономической системы региона. На тот момент наиболее эффективной. Так как официальная власть не справлялась с вызовами современности, на ее место пришли те, кто обладал пониманием структуры и управления и хотел вписаться в новые социально-экономические будни общественного развития.

Мобильность и гибкость грузинского криминального мира в 90-е годы позволила им стать намного сильнее аналогичных групп в других регионах бывшего СССР и благодаря этому стать более легендарной формой организации преступного мира, которые в определенные исторические моменты по принимаемым решениям заменяли официальную власть. Последствия этих решений до сих пор определяют лицо Грузии как политического и экономического игрока на локальном и глобальном уровне.

По мнению Г. Глonti и Г. Лобжанидзе, в период становления независимой Грузии (в годы президентства З. Гамсахурдия и Э. Шеварднадзе) сложившиеся с участием «воров» кланы «стали настолько влиятельны, что фактически заменили государственные властные структуры и практически контролировали всю экономику республики» [3]. Т.М. Михайловская отмечает: «...Ни в одной другой союзной республике институт «воров в за-

коне» не имел столь всеобъемлющего значения и влияния, как в Грузии. Воровской вертикалью было пронизано всё – власть, полиция, бизнес. В 1990-х годах главного «вора в законе» в тбилисском аэропорту встречал лично министр внутренних дел и с кортежем отвозил домой» [8]. Этот факт является уникальным в истории социально-правовых отношений власти и преступного мира. С позиции социологии права – это пример замены слабой официально власти на сильную криминальную (неофициальную) власть, решения которой меняли жизнь страны и всех ее жителей.

Е.Ю. Захарова указывает, что социокультурным последствием успешной адаптации воров в законе стало то, что на повседневном уровне молодые люди мечтали стать ворами в законе (это стал один из желанных жизненных стилей или жизненных выборов молодежи 90-х), «блатная культура» максимально распространилась в массах и нашла много поклонников. Это была не субкультурная среда, а массовая обыденная практика повседневности улиц Грузии во всех городах и деревнях. «...Как среда особых дискурсов и практик, улица в Грузии действительно стала «кузницей кадров» для воровского мира – ведь каждый городской подросток, пусть даже опосредованно, с ним соприкасался и получал некоторые знания о его устройстве, а значит, уличная карьера добавлялась в набор его жизненных опций. Помимо компетенций, которые молодой человек приобретал, окончив советскую школу в Грузии, он имел полученные параллельно ей на улице знания и опыт, которые позволяли ему рассматривать карьеру в воровском мире, как одну из возможных перспектив» [6]. Это социокультурный сред в нормативную среду не соблюдения морально-этических норм следования общепринятым правилам, а порицание последних и следование нормам и правилам принятым в изначально узком кругу криминального мира, но в силу внешнеэкономических и политических трансформаций ставших нормой для всех, кто жил в это время в Грузии.

Г. Глonti и Г. Лобжанидзе сообщают: «...Власти Грузии адекватно оценивали опасность профессиональной преступности и уже с 1982 года начали предпринимать активные попытки по противодействию распространения влияния «воров в законе» в обществе. В частности, был издан Приказ МВД Грузии № 0152 от 31 августа 1982 года «О состоянии борьбы ОВД с лицами, придерживающимися воровских традиций, и мерах по её усилению» (по нашим данным это первое упоминание в официальных документах Грузии «воров в законе»). В соответствии с этим документом, только в г. Тбилиси было выявлено 56 лиц, придерживающихся воровских традиций и являющихся их лидерами...В документе также указывается, что существует опасная тенденция распространения «воровских традиций» среди учащих школ и профтехучилищ» [3]. Многие грузинские мальчики мечтали стать «ворами в законе», а девочки – их жёнами [8].

В ноябре 2003 г. в Грузии произошла «Революция роз» – президент страны Э. Шеварднадзе объявил о своей отставке. В январе 2004 г. новым президентом Грузии стал М. Саакашвили, а 28 марта 2004 г. на выборах в парламент победили «новые демократы», поддерживающие Саакашвили. Представители официальной власти усилили карательные меры против теневой экономики и тех, кто строил неформальные связи для разворачивания бизнеса в нелегальном ключе, кто был членом преступных групп и был вовлечен в коррупционные схемы с органами власти. Воровской мир Грузии того времени стал серьезно редеть из-за этого, так как только часть воров заключалась под стражу, большее количество было убито при задержании, за оказанное сопротивление.

Серьезным шагом стали реформы МВД, тюремной и образовательной систем, которые уже были апробированы в других странах. Например, в основе реформ был использован «Акт РИКО» (США, 1970), а также «Закон об организациях, связанных с рэкетом и коррупцией», и «Чрезвычайный декрет» (1992) итальянской антимafiaозной комиссии). Одним из консультантов нового правительства Грузии являлся известный борец с сицилийской мафией, мэром г. Палермо Леолука Орландо, который разрабатывал программу по развитию культуры законности для Грузии. Данный факт является примером социокультурных связей и межкультурного взаимодействия по социально-правовому регулированию общественных отношений, которые опираются на социокультурные условия организации повседневного пространства и социально-правового регулирования общественного развития.

Реформы среди представителей закона – полицейских носили образцово-показательный характер, начиная от повышения зарплаты (в 2–3 раза), заканчивая открытием полицейской академии, повышения аттестации и конкурсов на подтверждение права занимать свои должности. В результате этого, половина состава полиции была уволена (чуть больше 15 000 человек). «Воры в законе» отныне отбывали наказание в отдельной тюрьме № 7 г. Тбилиси, их право на посещения, переписку и телефонные звонки было существенно ограничено, в тюрьме установлены глушители мобильной связи. Тем самым в тюремных условиях была ликвидирована иерархия, позволяющая «законникам» доминировать над обычными заключенными и собирать дань с их родственников.

Президент Грузии М. Саакашвили стремился на разных уровнях показать и грузинам, и мировому сообществу, что новая власть отличается от старой. Поэтому, кадровый состав представителей власти был также существенно обновлен, в основном молодыми кадрами. В стране активно приватизировалось имущество, шла жесткая борьба с коррупцией, устанавливались всеобщие правила для всех. Возможность использования жестких мер была обусловлена тем, что молодые люди, пришедшие к власти, не были ни чьими.

И могли нести политическую волю в массы, благодаря ей меняя социальное пространство. Благодаря им начался реализовываться принцип «государство – для человека, а не человек – для государства» [8].

Михаил Саакашвили сократил всех, кто работал при Э. Шеварднадзе в правоохранительной системе. Министром внутренних дел был назначен Ван Мерабишвили, не имевший никакого отношения к полиции, как и большинство его заместителей и начальников департаментов. Фактически был создан новый аппарат МВД, сокращенный с 75 тыс. до 26 тыс. человек. По инициативе М. Саакашвили 24 июня 2004 г. Парламент Грузии принял закон «Об организованной преступности и рэжете», в котором впервые были официально признаны «вор в законе», «воровской мир», «разборка» и предусмотрена возможность ареста и осуждения не за совершение конкретного преступления, а лишь за членство в таком объединении. «Вору в законе», даже не совершившему преступления, грозит от 3 до 8 лет с конфискацией имущества, принадлежащего не только ему, но и членам его семьи, и лицам, имеющим к ним отношение, если они не доказали законность приобретения данного имущества. Всего в Грузии было арестовано 214 «воров в законе», а кто остался на свободе уехали за пределы республики, преимущественно в Россию. В 2006 году М. Саакашвили публично заявил: «В Грузии не осталось организованной преступности. Ни одного «вора в законе» на свободе у нас нет» [6]. В марте 2006 г. в тбилисской тюрьме для «воров» вспыхнул бунт, жестоко подавленный спецназом МВД, 11 «законников» при этом были убиты, после чего никаких попыток бунта в данном учреждении не наблюдалось.

Можно отметить, что энтузиазм, проявляемый новыми властями Грузии в области борьбы с воровским миром трактовался отдельными представителями оппозиции, как личный биографический реванш, а Саакашвили при этом представляли обиженным на криминалитет маменькиным сынком, у которого в свое время «отняли в школьном буфете деньги на булочку», его президентская команда описывалась недовольными лицами, как собрание потерпевших неудачу в уличном подростковом сообществе закомплексованных «маменькиных сынков» [8].

Следует согласиться с мнением Т.М. Михайловской по позитивному опыту Грузии: «Доведение до общества правильных моделей поведения, насаждение новых практик, неукоснительное их соблюдение самими реформаторами, применение жестких мер не для перераспределения материальных благ в свою пользу, а ради возможности продолжать реформы, которые облегчат жизнь всему народу – ключевые факторы успеха» [9]. Жесткие меры, предпринятые М. Саакашвили изменили преступную ситуацию в Грузии. С криминалом можно бороться используя жесткие, но действующие меры. Гуманность приводит к еще большему росту преступности, а репрессив-

ные меры – дают положительный результат в виде уменьшения уровня преступности и изменения морально-этического поля в социально-правовом контексте и выбора жизненных целей и сценариев молодыми людьми.

На сегодня эпоха «воров в законе» не закончилась, но существенно трансформировалась. Преступность в том виде, что была в 90-е годы не существует. И на наш взгляд это выступает показателем социально-правового регулирования общественных процессов и социальных взаимодействий.

Искоренить преступность невозможно. Но не дать ей первенства в регулировании жизни простых граждан и не давать ей полномочия представителей официальной власти – просто необходимо. Создавать ореол желанности и правильности для преступного мира и тех, кто в нем состоит является аморальным и социально дезинтегрирующим фактором общественного развития. Один из ярких примеров такого развития представляет собой Грузия 90-х годов XX века и способы изменения правового порядка в ней. Наряду с борьбой с преступностью в Италии, борьба с ворами в законе в Грузии стала общемировым примером социально-правового лоббирования интересов закона и права, а не силы и агрессии.

С позиции социологии права эта тема требует особого внимания и анализа. Это будет осуществлено авторами в будущем.

Литература

1. Арутюнов Л.С. О причинах формирования клановой преступности по признаку этнической идентичности в Северо-Кавказской ФО // Российский следователь. 2011. № 4. С. 23–25.
2. Божченко А.П., Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. Социально-биологическая характеристика личности воров в законе грузинской национальности // Судебная экспертиза. 2023. № 4 (76). С. 64–76.
3. Глonti Г., Лобжанидзе Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе). Тбилиси, 2004.
4. Данелия Г. Безбилетный пассажир. М. 2011. С. 126–128.
5. Жириновский В.В. Национально-государственное строительство России в свете проблем внутренней безопасности // Право и безопасность. 2003. № 1–2. С. 27.
6. Захарова Е.Ю. Мужские квартальные сообщества Тбилиси: структура и функционирование: Дисс...канд. историч. наук. Санкт-Петербург, 2017. С. 218–219.
7. Кузнецова С. Сколько раз приходило известие, что меня убили... // Литературная газета. 1995. 22 марта.
8. Михайловская Т.М. Реформа полиции в Грузии и в России. СПб., 2012. С. 3.
9. Новиков В. Ушёл учёный, вор и полководец // Коммерсантъ Власть. 2003. 10 марта.
10. Подлеских Г., Терешонок А. Воры в законе: бросок к власти. М. 1994.
11. Полюшкевич О.А. Нормы права в оценках общественности // Государство, гражданское общество и право: теоретико-прикладные вопросы соотношения и развития. материалы Международной научно-практической конференции. 2019. С. 84–89.
12. Полюшкевич О.А. Право и лидерство в меняющемся мире (развивая теорию М. Вебера) // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 31–33.
13. Разинкин В., Тарабрин А. Цветная масть. Элита преступного мира. М. 1997. – С. 191.
14. Рамазанов Т.Б. Проблемы преступности в Республике Дагестан: теория и практика: автореф. дис...канд. юрид. наук. Махачкала, 2001. С. 16.
15. Скуденков В.А. Деонтология в работе современных российских полицейских // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 49–52.
16. Тополянский В. Три судьбы Джабы Иоселиани // Наше наследие. 2017. 1 декабря.
17. Шакирьянов М.М. Преступные традиции среди осужденных в исправительных учреждениях и борьба с ними: Дис...канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 117.
18. Clarendon studies in criminology. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 42–43.
19. Kukhianidze A. Corruption and organized crime in Georgia before and after the Rose Revolution. Central Asian survey, 28, 2009. P. 215–234.
20. Slade G. Georgia and Thieves in- Law //Global Crime. 2007. Vol. 8. Is. 3.P. 275.
21. Slade G. Reorganizing crime: Mafia and anti-Mafia in post-Soviet Georgia. 1 st edition ed.
22. Slade G. The Georgian Mafia // Caucasus Analytical Digest. 2009.Vol. 9. P. 7.
23. Китаев Н.Н., Ардашев Р.Г. «Воры в законе»: вопросы социологии и права. Часть 1 // Социология. 2024. № 3. С. 5–15.

“THIEVES IN THE LAW”: ISSUES OF SOCIOLOGY AND LAW (PART 2)

Kitaev N.N., Ardashev R.G.

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Irkutsk National Research Technical University, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia| Irkutsk State University

The article reveals the peculiarities of the development of the social cohort of “thieves in law” as a social phenomenon. On the example of Georgian “thieves in law” the evolution of this phenomenon from the perspective of sociology of law is shown. The general dynamics of socio-criminal social development is also outlined. The article proves that the power and aggression of the criminal world can be suppressed by repressive methods of struggle, relying on the transparency and rigidity of the applied measures, which not only reduce the level of crime in the country, but also change the life attitudes

of citizens, forming more humane scenarios for the development of their future and the future of their children.

Keywords: thieves in law, sociology of law, crime, law, repressive methods.

References

1. Arutyunov L.S. On the reasons for the formation of clan crime based on ethnic identity in the North Caucasus Federal District // Russian investigator. 2011. No. 4. pp. 23–25.
2. Bozhchenko A.P., Ardashev R.G., Kitaev N.N. Socio-biological characteristics of the personality of thieves in law of Georgian nationality // Forensic examination. 2023. No. 4 (76). pp. 64–76.
3. Glonti G., Lobzhanidze G. Professional crime in Georgia (thieves in law). Tbilisi, 2004.
4. Danelia G. Stowaway passenger. M. 2011. pp. 126–128.
5. Zhirinovskiy V.V. Nation-state building in Russia in the light of internal security problems // Law and Security. 2003. No. 1–2. P. 27.
6. Zakharova E. Yu. Men's quarterly communities of Tbilisi: structure and functioning: Diss... candidate. historical Sci. St. Petersburg, 2017. pp. 218–219.
7. Kuznetsova S. How many times did the news come that I was killed... // Literary newspaper. 1995. March 22.
8. Mikhailovskaya T.M. Police reform in Georgia and Russia. St. Petersburg, 2012. P. 3.
9. Novikov V. The scientist, thief and commander left // Kommersant Power. 2003. March 10.
10. Podleskikh G., Tereshonok A. Thieves in law: a throw to power. M. 1994.
11. Polyushkevich O.A. Rules of law in public assessments // State, civil society and law: theoretical and applied issues of correlation and development. materials of the International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 84–89.
12. Polyushkevich O.A. Law and leadership in a changing world (developing the theory of M. Weber) // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. FSBEI HE "ISU"; under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. pp. 31–33.
13. Razinkin V., Tarabrin A. Colored suit. The elite of the criminal world. M. 1997. – P. 191.
14. Ramazanov T.B. Problems of crime in the Republic of Dagestan: theory and practice: abstract. dis...cand. legal Sci. Makhachkala, 2001. P. 16.
15. Skudenkova V.A. Deontology in the work of modern Russian police // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the I All-Russian Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 49–52.
16. Topolyansky V. Three destinies of Jaba loseliani // Our heritage. 2017. December 1.
17. Shakiryayev M.M. Criminal traditions among convicts in correctional institutions and the fight against them: Dis... cand. legal Sci. St. Petersburg, 2004. P. 117.
18. Clarendon studies in criminology. Oxford: Oxford University Press, 2013. pp. 42–43.
19. Kukhianidze A. Corruption and organized crime in Georgia before and after the Rose Revolution. Central Asian survey, 28, 2009. pp. 215–234.
20. Slade G. Georgia and Thieves in Law //Global Crime. 2007. Vol. 8. Is. 3. R. 275.
21. Slade G. Reorganizing crime: Mafia and anti-Mafia in post-Soviet Georgia. 1 st edition ed.
22. Slade G. The Georgian Mafia // Caucasus Analytical Digest. 2009. Vol. 9. R. 7.
23. Kitaev N.N., Ardashev R.G. "Thieves in law": issues of sociology and law. Part 1 // Sociology. 2024. No. 3. P. 5–15.

Влияние развития процессов виртуализации на распространение феномена «аномической депрессии» в системе социальных отношений

Плетнев Александр Владиславович,

доцент кафедры теории и технологии социальной работы Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы

Конанчук Светлана Витальевна,

к.ф.н., докторант Санкт-Петербургского государственного университета, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.

E-mail: moskov_sveta@mail.ru

В данной статье рассматриваются социальные и технологические перспективы процесса виртуализации. Теория виртуализации появилась уже около 30 лет назад, но до сих пор ее потенциал остается не раскрытым. В настоящее время развитие цифровых технологий позволяет сделать обоснованное предположение, что мы стоим на пороге цифровой революции, которая окажет на общество не меньшее влияние чем в конце XX оказало развитие Интернета. Все компоненты технологии Web 5.0 уже созданы и её реализация становится только делом времени. Описанная сверхновая цифровая революция неизбежно окажет сильное влияние на общество, приведет к изменению норм, ценностей и перестройке контуров социальной структуры. Резкое и кардинальное изменение всей совокупности нормативно-ценностных основ социальной жизни может быть интерпретировано через понятие «аномическая депрессия», означающее крайнюю степень социальной и личностной аномии.

Ключевые слова: аномия, виртуализация, сверхвиртуализация, поствиртуализация, аномическая депрессия, Web 5.0.

Введение и методология

Коммуникация в цифровой среде стала привычной частью жизни индивида в современном урбанизированном пространстве. При этом все большая часть повседневной жизни подвергается «оцифровке», все большая доля рутинных взаимодействий становится невозможна без интернета. Это обстоятельство неизбежно порождает вопрос о влиянии внедрения цифровых технологий на социальную интеракцию. Появившиеся в 90-е годы XX века теории виртуализации не получили должного внимания научного сообщества и в настоящее время сменяются теориями поствиртуализации. Идея поствиртуализации подразумевает ослабление общественного внимания к достижениям цифровых технологий и все больший интерес к феноменам реального, физического мира. Появление концепции поствиртуализации можно было бы считать свидетельством заката теорий виртуализации, однако новейшие тенденции в развитии компьютерных технологий позволяют предположить появление в ближайшем будущем революционных изменений технологических возможностей и цифровых устройств и качественной специфики социальной жизни.

Теоретическая актуальность представленного исследования заключается в противоречии между существованием множества постмодернистских концепций виртуализации с одной стороны и отсутствием целостной теории виртуализации общества, которая имела бы достаточный эвристический потенциал для возобновления исследований виртуализации общества с другой. Актуальность исследования с точки зрения практики заключается в противоречии между всё большим переводом социальных интеракций в цифровую сферу и отсутствием научно-обоснованных прогнозов развития цифровой коммуникации. Данное исследование выполнено на основе методологических ориентаций номинализма и интерпретативизма.

Теоретической основой исследования является институциональная теория аномии, представляющая методологические ориентации неинституционализма.

Степень разработанности проблемы

Проблема виртуализации в технической и социальной сферах впервые рассматривается в работах Жана Бодрийяра, который описал последовательное изменение образов культуры от отражения фактической реальности до появления образа как копии, несвязанной с оригиналом [1, с. 17]. Такие

копии, названные симулякрами, формируют принципиально новую виртуальную реальность. Условная копия (симулякр) по мысли Бодрийера существует самостоятельно и это обстоятельство способствует стиранию границы между реальным и не реальным (виртуальным) миром. Здесь необходимо отметить, что работы Бодрийера содержат две идеи, которые выражены в латентном виде. Во-первых, это идея дихотомии реального и виртуального. Во-вторых, это идея деградации социальных отношений, вызванная их симуляцией. При этом Бодрийер использует понятие «реальность» в сугубо физическом смысле. Однако объекты идеального мира не существуют в физическом мире, но считаются реально существующими на основе реальности своих последствий. В частности, в природе нельзя обнаружить живой организм, который соответствовал бы понятию «дед Мороз». Однако каждый знает деда мороза и данный образ устойчиво оказывает влияние на мышление и практики поведения индивидов. С точки зрения социальных наук дед мороз определенно существует.

Предложенная Бодрийером ложная дихотомия реального и виртуального заложила основу для развития теории виртуализации в рамках социологического постмодернизма.

Первые теории виртуализации трактовали этот процесс как компьютеризацию, замену реальных социальных объектов их виртуальными аналогами [2]. Другие теоретики шли противоположным путем и утверждали, что сутью виртуализации является проникновение виртуальных образов в реальное межличностное взаимодействие [4]. В рамках этого направления были проведены масштабные исследования фактического использования интернета британскими пользователями [16] и было обнаружено, что «новые интернет-технологии использовались не в тех целях, для которых были разработаны, не теми людьми и группами, которые, как ожидалось, должны были их применять, они использовались не теми способами, которые предполагались разработчиками, и распространялись не теми темпами, которые ожидали производители» [3, с. 137]. По убеждению Кастельса под влиянием интернета формируется информационное общество, сетевое общество и в итоге виртуальное общество. Виртуальность вызвана проникновением образов в реальное социальное взаимодействие.

Финский социолог Осси Олинахо, основываясь на феноменологической социологии, выдвинул концепцию виртуализации жизненного мира [13]. С этой точки зрения актер действует и интерпретирует свой жизненный опыт в смешанном реально-виртуальном пространстве. Канадский социолог Артур Крокер исследовал социальный феномен виртуализации с марксистских позиций [9]. Здесь Крокер констатирует появление новой формы капитализма, новых форм эксплуатации и нового эксплуататорского класса. Крокер указывает на то, что индивиды желают использовать виртуальное пространство как бесплатный ресурс,

но в итоге киберкапиталисты в качестве бесплатного ресурса используют рядовых пользователей.

Наибольший вклад в развитие теории виртуализации внёс российский социолог Дмитрий Владиславович Иванов [7], который предложил социоцентрическую концепцию виртуализации. С этой точки зрения понятие виртуализации является метафорой, которая описывает всё большую виртуальность реальной социальной жизни. Социальная жизнь становится всё более условной, эфемерной и символической.

Общим знаменателем рассмотренных постмодернистских концепций виртуализации является то, что они основываются на ложной бодрийеровской дихотомии реального и виртуального. Это обстоятельство, а также недооценка потенциала теории виртуализации мировым социологическим сообществом предопределила закат теории виртуализации с начала двухтысячных годов.

Сверхвиртуализация как новейший социальный и технологический тренд

В предыдущем десятилетии при анализе научного дискурса можно было наблюдать постепенное угасание интереса научного сообщества к миру виртуального. Однако новейшие тенденции развития информационных технологий позволяют уверенно утверждать, что в ближайшей перспективе нас ожидают революционные изменения в цифровой сфере. Отправной точкой для этих перемен станут исследования, посвященные возможности передавать непосредственные сообщения от человеческого мозга к компьютеру.

Начало исследованиям в данной сфере было положено в философских трудах американского футуролога Реймонда Курцвейла [10, с. 163–167]. Здесь он прогнозировал в ближайшем будущем появление возможностей создания технологий, позволяющих передавать приказы от нервной системы человека к цифровой сети. Практическая реализация данной технологии по мысли Курцвейла станет возможной благодаря использованию медицинских нейронороботов, разработанных Р. Фрейтасом [12]. Курцвейл предположил, что «революция робототехники (или «сильного искусственного интеллекта») предполагает информационное изучение человеческого мозга, что означает понимание человеческого интеллекта в информационных терминах и последующее объединение полученных открытий со все более мощными вычислительными платформами» [10, с. 87].

Идеи Курцвейла вдохновили научный коллектив из 14 стран на исследование возможностей создания «Интернета мыслей» [11], для практической реализации которого предполагалось использовать три типа медицинских нейророботов [12]. Внедренные в организм человека эти нейророботы «могли бы передавать по беспроводной связи до $\sim 6 \times 10^{16}$ бит в секунду синаптически обработанной и закодированной электронной информации» [11, с. 2]. По прогнозам учёных

медицинские нейророботы смогут перемещаться по кровеносным сосудам, распределяться между клетками мозга и связывать внешнее магнитное поле с внутренним нейронным магнитным полем. Данное техническое решение получило название «Нейронное кружево» и оно позволит прийти к «интеграции нейронных сетей мозга и компьютерных систем на микроуровне» [11, с. 13]. Возможность технической реализации данной технологии уже была экспериментально проверена [5] и полученные результаты подтверждают возможность её реализации на практике. В итоге полученные технологии позволят соединить человеческий мозг и цифровое облако. Очевидно, это принципиально новый, следующий шаг в развитии виртуализации как социального и технического феномена и он может быть обозначен как «сверхвиртуализация». Данная технология или данный этап развития интернета был обозначен нами как технология Web 5.0 Глобальное инфополе – возможность соединения электронной компьютерной сети с нейронной сетью человека.

Web 5.0 как фактор символического потребления

Технология Web 5.0 создаст принципиально новые возможности символического потребления и окажет определяющее влияние на качественную специфику общества в ближайшем будущем. В прошлом появление интернета, а далее развитие социальных сетей предоставили индивидам крайне широкие возможности для демонстрации успеха, достижений, самопрезентации. Данное явление неизбежно погружает в депрессию ряд индивидов, которые ощущают себя недостаточно преуспевшими по отношению к тем образцам потребления, которые они ежедневно видят на экране своих цифровых устройств. Этот фактор существенно усиливает аномию мертоновского типа, а различные институты общества не помогают индивиду адаптироваться к изменяющимся условиям. Другим ещё более важным фактором аномии в ближайшем будущем станет само изменение социальной жизни, вызванное появлением технологии Web 5.0. Даже простейшая реализация этой технологии, позволяющая управлять курсором на экране непосредственно – это нечто ранее невиданное и революционное. Возможность же передавать из мозга информацию в компьютерную сеть или получать информацию из компьютерной сети изменит повседневную жизнь кардинально. Радикальный рост аномии в условиях нового типа виртуализации гипотетически приобретёт не только количественные, но и качественные масштабы. Для описания аномии такого типа в социологической теории существует понятие «аномической депрессии», предложенное Волфгангом Джилеко. Согласно Джилеку аномическая депрессия – это «эмоциональный, психофизиологический и поведенческий синдром, развивающийся в реакции на отчуждение от исконной культуры» [8, с. 46]. Джилек исследовал аномию, вызванную вторже-

нием западной культуры в традиционную жизнь американских индейцев и других обособленных народов. В нашем случае аномическая депрессия может быть вызвана вторжением принципиально новых явлений в общемировую культуру. Последствиями аномической депрессии, как и традиционной аномии, является алкоголизм, подавленность личности, фрустрация, утрата веры в себя и окружающих и в целом рост уровня девиантного поведения. И хотя представленные прогнозы развития экономической депрессии носят пока исключительно гипотетический характер, они обоснованы существующими тенденциями и опираются на доказанные социологические закономерности.

Заключение и дискуссия

Рассмотренные в данной статье перспективы развития технологии Web 5.0 и её влияния на социальные процессы в настоящий момент представляются гипотетическими. При этом все необходимые элементы этой технологии уже разработаны и остается только воплотить её в жизнь. Внедрение технологии Web 5.0 в повседневную жизнь будет способствовать окончательному исчезновению границы между «реальным» и «виртуальным», когда наиболее важные практики потребления и профессиональной деятельности будут происходить в цифровой среде. Возможность непосредственно управлять цифровыми объектами (например, управлять курсором на экране при помощи цифровых команд) психологически будет способствовать тому, что виртуальная активность будет восприниматься более реальной, чем традиционная коммуникация в физическом пространстве.

Резкое и неожиданное изменение привычных практик рутинной социальной жизни несомненно приведёт к усилению аномии в обществе. Аномия как процесс является в некотором смысле вечной темой для социальных наук, поскольку осмысливается ещё с начала древнегреческой философии. При этом будущие изменения экономики и социальной жизни ставят перед нами такие вызовы, которые редко встречались в истории. Это обстоятельство свидетельствует о большой актуальности теории виртуализации и необходимости осмысления новейших трендов современности, а также их последствий.

Литература

1. Baudrillard J. Simulacra et. Simulation. – Éditions Galileo, 1981. – 164 p.
2. Buhl A. Die Virtuelle Gesellschaft. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 342 с.
3. Castells M. The Network Society. A Cross-Cultural Perspective. – Edward Elgar Publishing Ltd., 2004. – 488 p.
4. Castells M. The Theory of the Network Society (Key Contemporary Thinkers). – Polity, 2006. – 266 p.

5. Dai X., Hong G., Gao T., and Lieber C.M. Mesh nanoelectronics: seamless integration of electronics with tissues // *Accounts of Chemical Research*. 2018. № 51, 309–318 pp. doi: 10.1021/acs.accounts.7b00547
6. Freitas R. A., Jr., Bioscience L. *Nanomedicine, volume I: Basic capabilities*. – Landes Bioscience, 1999. – 509 p.
7. Ivanov D.V. The Global Roundtable on Critical Social Theory in the Age of Digital Alienation // *Sociology of Science and Technology*. 2021. Vol. 12, No. 3. Pp. 222–233.
8. Jilek W. G. A quest for identity: therapeutic effects of the Salish Indian guardian spirit ceremonial // *Journal of Operational Psychiatry*. 1977. Pp. 46–51.
9. Kroker A., Weinstein M. *Data trash. The theory of the virtual class*. – Montreal, 1994. – 180 p.
10. Kurzweil R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. – Viking, 2005. – 671 p.
11. Martins N.R.B, Angelica A, Chakravarthy K, Svidinenko Y, Boehm F.J, Opris I, Lebedev M.A, Swan M, Garan S.A, Rosenfeld J.V, Hogg T. and Freitas R.A Jr. Human Brain/Cloud Interface // *Frontiers in Neuroscience*. 2019. 13:112. doi: 10.3389/fnins.2019.00112
12. Martins N. R. B, Erlhagen W., and Freitas R.A. Jr. Non-destructive whole-brain monitoring using nanorobots: neural electrical data rate requirements. // *International Journal of Machine Consciousness*. 2012. Vol. 4, № 1. pp. 109–140. doi: 10.1142/S1793843012400069
13. Ollinaho O. Virtualization of the life-world // *Human Studies*. 2018. Vol. 41. Iss. 2. – p. 193–209.
14. Pletnev A. From Web 4.0 to Web 5.0: The Future of Virtualization in the Age of Ultramodernity // *Credo New*. 2020. No. 3. Iss., 103. P. 4.
15. Pletnev A. Future Marketing as Technology for Manipulating Symbolic Consumption // *Technology and Language*. 2021. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 8–15.
16. Steve W. Five rules of virtuality. In: Woolgar, Steve, (ed.) *Virtual Society? Technology, Cyberbole, Reality*. – Oxford: Oxford University Press, 2002. pp. 1–22.

THE INFLUENCE OF THE DEVELOPMENT OF VIRTUALIZATION PROCESSES ON THE SPREAD OF THE PHENOMENON OF “ANOMIC DEPRESSION” IN THE SYSTEM OF SOCIAL RELATIONS

Pletnev A.V., Konanchuk S.V.

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, St. Petersburg State University

This article examines the social and technological perspectives of the virtualization process. The theory of virtualization appeared about 30 years ago, but its potential still remains unrevealed. Currently, the development of digital technologies allows us to make an educated guess that we are on the verge of a digital revolution, which will have no less impact on society than the development of the Internet had at the end of the 20th century. All components of Web 5.0 technology have already been created and its implementation is only a matter of time. The described supernova digital revolution will inevitably have a strong impact on society, leading to changes in norms, values and restructuring of the contours of the social structure. A sharp and radical change in the entire set of normative and value foundations of social life can be interpreted through the concept of “anomic depression,” meaning an extreme degree of social and personal anomie.

Keywords: anomie, virtualization, supervirtualization, postvirtualization, anomic depression, Web 5.0.

References

1. Baudrillard J. *Simulacra et. Simulation*. – Editions Galileo, 1981. – 164 p.
2. Buhl A. *Die Virtuelle Gesellschaft*. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. – 342 p.
3. Castells M. *The Network Society. A Cross-Cultural Perspective*. – Edward Elgar Publishing Ltd., 2004. – 488 p.
4. Castells M. *The Theory of the Network Society (Key Contemporary Thinkers)*. – Polity, 2006. – 266 p.
5. Dai X., Hong G., Gao T., and Lieber C.M. Mesh nanoelectronics: seamless integration of electronics with tissues // *Accounts of Chemical Research*. 2018. No. 51, 309–318 pp. doi: 10.1021/acs.accounts.7b00547
6. Freitas R. A., Jr., Bioscience L. *Nanomedicine, volume I: Basic capabilities*. – Landes Bioscience, 1999. – 509 p.
7. Ivanov D.V. The Global Roundtable on Critical Social Theory in the Age of Digital Alienation // *Sociology of Science and Technology*. 2021. Vol. 12, No. 3. Pp. 222–233.
8. Jilek W. G. A quest for identity: therapeutic effects of the Salish Indian guardian spirit ceremonial // *Journal of Operational Psychiatry*. 1977. pp. 46–51.
9. Kroker A., Weinstein M. *Data trash. The theory of the virtual class*. – Montreal, 1994. – 180 p.
10. Kurzweil R. *The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology*. – Viking, 2005. – 671 p.
11. Martins N.R.B, Angelica A, Chakravarthy K, Svidinenko Y, Boehm F.J, Opris I, Lebedev M.A, Swan M, Garan S.A, Rosenfeld J.V, Hogg T. and Freitas R.A Jr. Human Brain/Cloud Interface // *Frontiers in Neuroscience*. 2019. 13:112. doi: 10.3389/fnins.2019.00112
12. Martins N. R. B., Erlhagen W., and Freitas R.A. Jr. Non-destructive whole-brain monitoring using nanorobots: neural electrical data rate requirements. // *International Journal of Machine Consciousness*. 2012. Vol. 4, no. 1. pp. 109–140. doi: 10.1142/S1793843012400069
13. Ollinaho O. Virtualization of the life-world // *Human Studies*. 2018. Vol. 41. Iss. 2. – p. 193–209.
14. Pletnev A. From Web 4.0 to Web 5.0: The Future of Virtualization in the Age of Ultramodernity // *Credo New*. 2020. No. 3. Iss., 103. P. 4.
15. Pletnev A. Future Marketing as Technology for Manipulating Symbolic Consumption // *Technology and Language*. 2021. Vol. 2. Iss. 3. Pp. 8–15.
16. Steve W. Five rules of virtuality. In: Woolgar, Steve, (ed.) *Virtual Society? Technology, Cyberbole, Reality*. – Oxford: Oxford University Press, 2002. pp. 1–22.

Цифровизация сферы образования в Китае

Пэй Ян,

аспирант кафедры современной социологии МГУ имени
М.В. Ломоносова

Применение искусственного интеллекта в сфере образования меняет традиционный режим обучения и становится одной из самых обсуждаемых тем в научном сообществе. Влияние искусственного интеллекта на человеческое общество многогранно. Освоение основных технологий искусственного интеллекта (ИИ) требует определенного уровня индивидуальных знаний и с трудом поддается широкому распространению. Это приведет к тому, что статус технологии среди факторов, которые необходимо учитывать в социальной структурной системе, будет стремительно повышаться и превосходить другие факторы, что в свою очередь может породить новый режим функционирования общества. В сфере образования применение и развитие интеллектуальных технологий будет играть определенную роль с точки зрения получения ресурсов, использования информации, управления преподаванием и моделей учебных занятий. Появление новых технологий – это возможности осуществления глобальных социальных реформ, которые могут спровоцировать новые вызовы. Контролируя применение ИИ и дополняя его зрелыми социальными, моральными, этическими и правовыми нормами в отношении интеллектуальных технологий, можно направить его на благо человечества в относительно безопасной и контролируемой среде. В данной статье рассматриваются и анализируются современная интеллектуальная аппаратная инфраструктура, разработка и применение программного обеспечения в сфере образования Китая, неравенство и проблемы образования в бедных районах и влияние дистанционного онлайн-обучения, начиная с момента развития искусственного интеллекта в стране. На основе возможностей дальнейшего применения ИИ в образовании предлагаются новые модели интеллектуального образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), проблемы образования, применение искусственного интеллекта, образование в КНР, неравенство, региональный ресурсный дисбаланс.

Введение

Социальное неравенство можно рассматривать как следствие различий в способностях и социальных позициях разных людей. Социальная несправедливость является порождением непростых, неоднородных, динамически изменяющихся социальных систем¹. Стремление изменить ситуацию ведет к социальной мобильности, которая наиболее выражена в высококонкурентных странах и регионах, к которым без сомнения относится и Китай.

Важным фактором, влияющим на формирование и определение социального статуса, является социализация, которая представляет собой процесс формирования личности в определенных социальных условиях и развитие человека на протяжении всей его жизни во взаимодействии с окружающей средой². Процесс изменения социальных сред, в которых оказываются индивиды, в основном соответствует процессу внутрисемейной социальной мобильности, в которой выделяются несколько ключевых периодов. Можно обозначить пять основных микросоциальных сред, которые тесно связаны с индивидом.

Первая среда – внутрисемейная. С самого рождения каждый индивид приобретает определенный социальный статус, который зависит от положения в обществе его семьи. До тех пор, пока индивид не получит какое-то образование, он будет жить в основном в двух социальных средах: в своей семье и в связанных с ней социальных отношениях. Социальные отношения, в которых находится родительская семья индивида, – это вторая значимая среда.

Третья социальная среда, которая начинает влиять на индивида, когда он вступает в стадию образования, – это школа и университет. Этот этап занимает довольно длительное время. Влияние семьи на индивида в этот период, как правило, ослабевает, в то время как влияние индивидуально-ориентированных социальных отношений на индивида усиливается.

После того как индивид начинает работать, он оказывается в четвертой социальной среде, профессиональной, которая в свою очередь становится центром его развития. Влияние на индивида

¹ Василенко Л.А., Миронова Н.И. Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. № 1 (75). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-nespravedlivost-metodologiya-sotsiologicheskogo-izmereniya-i-interpretatsii> (дата обращения: 04.04.2024).

² Коледа И.В. Социализация личности: особенности процесса // Высшее техническое образование. 2018. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-osobennosti-protsessa> (дата обращения: 12.04.2024).

на этом этапе становится все более сложным. Неоспоримо, что появление новой семейной среды, семьи, которую создает сам индивид, почти всегда является ключом к значительному и длительному воздействию на личность. Это пятая среда, которая начинает значительно влиять на индивида. А профессиональная среда связана уже не только с индивидом, но и становится важной экономической основой жизни новой семьи. Новая семейная среда, с одной стороны, активно конструируется индивидом, а с другой – сама способствует формированию его новой идентичности. На этих двух этапах социальное взаимодействие индивида постепенно начинает приближаться к профессиональному развитию и вновь созданной семье.

Воздействие этих пяти социальных сред на отдельного индивида носит почти поэтапный, переходный и сквозной характер, представляя собой некую совокупную силу воздействия на становление его личности. Можно проследить динамику влияния этих сред на индивида в разное время и построить модель, основанную на той роли, которую играют социальные среды, в которых живет индивид в разные возрастные периоды (рис. 1).

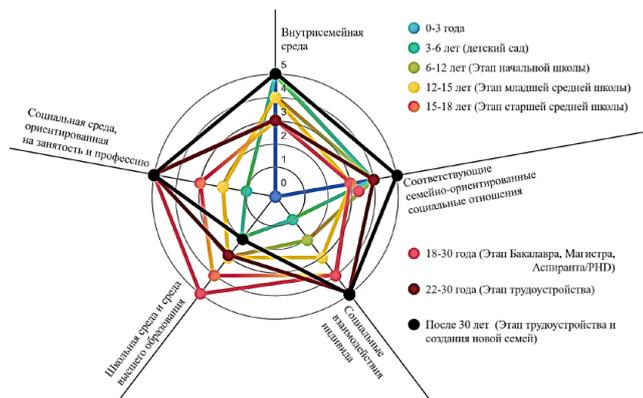

Рис. 1. Влияние пяти социальных сред на индивида

Примечание. Данная модель построена автором с учетом возрастных этапов в системе образования КНР, степень влияния пяти сред на индивида в разном возрасте определяется по шкале 1–5, где 5 – самая высокая степень влияния.

В модели, представленной на рисунке, легко заметить, что примерно до 30 лет наибольшее влияние на развитие индивида оказывают две социальные среды – образование и семья, которые являются наиболее значимыми для формирования ценностей, мировоззрения и взглядов на жизнь. Социальный статус семьи, уровень ее экономической и культурной грамотности, а также уровень образования индивида, доступ к образовательным ресурсам и возможностям являются одними из наиболее важных факторов, влияющих на образовательное неравенство.

Неравенство в сфере образования конструируется как субъективными, так и объективными факторами. К первым стоит отнести личные способности, прилагаемые усилия, субъективные различия в отношении учителей к ученикам с разными качествами в процессе обучения и т.п. В то же время

образовательное неравенство является результатом принадлежности к социальным группам с разными характеристиками. Поскольку субъективные факторы трудно поддаются количественной оценке, чрезвычайно важно создать относительно более справедливую образовательную среду, основанную на объективных факторах.

Если рассматривать проблему социального неравенства в образовании в макроперспективе, то необходимо учитывать такие факторы, как региональное экономическое развитие и государственная политика, которые в большей степени влияют на семейную и школьную среду. Одним из очевидных признаков дисбаланса в экономическом развитии регионов является неравномерное распределение различных видов ресурсов. Дисбаланс межрегиональных образовательных ресурсов оказывает существенное влияние на развитие индивидов и даже групп в том или ином регионе. И чем шире диапазон социальных групп, охваченных образованием, тем значительнее влияние неравномерного распределения образовательных ресурсов. Стремительное расширение круга образованных людей – это именно то, что происходит в странах по всему миру. В Китае, где вертикальная социальная мобильность индивидов имеет очевидные региональные и групповые особенности, этот эффект особенно очевиден.

Самым важным из неравенств в сфере образования в Китае, требующим срочного устранения или смягчения его воздействия, остается несбалансированное распределение образовательных ресурсов. Дисбаланс образовательных ресурсов в Китае очень сложен, а в силу практических ограничений зачастую трудно добиться эффективного распределения ресурсов. Для регионов с недостаточными образовательными ресурсами эта проблема также приводит к росту стоимости образования. Бедные районы экономически слабо развиты и не только сталкиваются с массовым оттоком молодой рабочей силы, но и вкладывают в образование гораздо меньше средств, чем районы с более высоким уровнем экономического развития.

С конца 1970-х гг. правительство КНР проводит политику реформ и открытости, в результате чего уровень жизни людей значительно повысился. Однако несмотря на быстрый рост экономики проблемы в региональном развитии Китая становятся все более очевидными. Несбалансированное региональное развитие отражается на сфере образования: существует значительный разрыв в образовательных ресурсах между развитыми и слабо развитыми регионами. В восточных и южных регионах образовательных ресурсов значительно больше, нежели в центральных и западных. Между разными городами, а также между городами и сельской местностью также существует очевидный разрыв в образовательных ресурсах. Неравенство между городскими и сельскими образовательными ресурсами в 2020 г. выросло почти на 60% по сравнению с 2011 г. несмотря на то, что

по ряду показателей неравенство в доступе к образованию сократилось.

С 1990-х гг. Китай постепенно корректирует стратегию регионального развития, чтобы способствовать скоординированному развитию экономик различных регионов¹. За последние 20 лет неравенство в сфере образования было эффективно сокращено. В 2020 г. чистый коэффициент охвата начальным образованием по всей стране достиг 99,96%². Однако некоторым детям из малообеспеченных семей приходится преждевременно отказываться от возможности получения образования из-за финансовых ограничений. Более того, в бедных районах Китая по-прежнему существуют проблемы с нехваткой учителей. С одной стороны, не получается регулярно направлять учителей в эти районы. С другой стороны, в этих районах отсутствует оборудование для дистанционного обучения и нет современной образовательной среды.

Развитие образования Китая в целом демонстрирует региональный дисбаланс, и причины его многогранны. Основными являются неразвитость информационных технологий, несовершенство транспортной инфраструктуры, необоснованная политика квотирования приема в вузы и старшие средние школы, неравномерное распределение образовательных ресурсов. Кроме того, экономическая политика КНР уже давно ориентирована на восточные и юго-восточные регионы, что способствовало непрерывному притоку большого количества ресурсов в эти районы, районы с более высоким уровнем экономического развития. Это касается и образовательных ресурсов. Поток ресурсов, вызванный политическими и экономическими предпочтениями, сформировал инерцию, которая влияет на развитие образования Китая в долгосрочной перспективе. Таким образом, хотя правительство КНР приняло множество мер, благоприятствующих экономическому и культурному развитию слаборазвитых регионов, тем не менее этот процесс все еще продвигается медленно.

В настоящее время главной проблемой образования в бедных районах Китая по-прежнему остается нехватка ресурсов. К основным причинам, приводящим к растущей проблеме, относятся коммерциализация современного образования, недостаточные инвестиции в образование, неразумные механизмы образования, чрезмерная социальная конкуренция и т.п. Помимо экономических и политических факторов необходимо учитывать культурные, связанные с культурным уровнем семьи.

Исходя из этого, можно выделить следующие проблемы образования в бедных районах: недостаточное финансирование образования КНР, сокращение числа школ и учащихся в деревнях, низ-

кий уровень образовательных ресурсов и среды, влияние экономического благосостояния и культурной грамотности.

Противоречие между экономическими доходами семей и расходами на образование в бедных районах становится все более очевидным. Результаты «Отчета о развитии образования в Китае»³ за 2018 г. показывают, что с 2010 по 2016 г. расходы на образование на душу населения городских жителей Китая увеличились на 13,5%. С 2006 по 2010 г. рост был всего 1,9%. Инвестиции в образование – это долгосрочные инвестиции, которые не могут принести быстрой и заметной отдачи за короткий срок. Рост значимости образования в Китае привел к росту стоимости обучения, и расходы на образование стали составлять большую долю в общих расходах домохозяйств в Китае. Согласно «Исследованию внутренних семейных инвестиций в образование детей за 2019 г.»⁴, 38,8% опрошенных семей заявили, что доля семейных расходов, используемых на образование детей, составляет 20–30% годового дохода семьи. Бедные семьи часто боятся рискованных вложений и долгосрочных инвестиций. Рост стоимости обучения детей еще больше увеличивает финансовую нагрузку на семьи в бедных районах. В экономически слаборазвитых регионах некоторые дети вынуждены отказываться от возможности дальнейшего образования после завершения девятилетнего базового образования.

Растущие темпы роста расходов на образование также являются важным проявлением механизма элитарной социальной конкуренции, который привел к ограничению инвестиций в семейное образование в бедных районах. Семьи с низким экономическим уровнем редко имеют бюджет, который может быть потрачен на образовательные и воспитательные учреждения, что косвенно ограничивает возможности индивидуального развития детей. Этот эффект проявляется медленно и действует долго, в результате этим семьям трудно обеспечить детям больше возможностей для получения образования. В 2021 г. правительство КНР ввело политику строгого контроля над репетиторскими учреждениями⁵ и стало осуществлять жесткое регулирование обязательного образования, чтобы решить проблему оттока ресурсов государственного образования в негосударственные образовательные учреждения. Однако очевидно, что в ближайшее время эта проблема не будет решена.

Низкий уровень культурной грамотности семьи оказывает глубокое и устойчивое негативное влияние на образование детей из бедных семей.

³ 杨东平主编；杨旻，黄胜利副主编。中国教育发展报告。2018[M]。北京：社会科学文献出版社。04.2018。ISBN: 978-7-5201-2333-4

⁴ 2019国内家庭子女教育投入调查。由前程无忧“51job”发布。报道载于人民日报中文网。27.05.2019。– URL: https://caijing.chinadaily.com.cn/chanye/2019-05/27/content_37474444.htm

⁵ 中华人民共和国教育部。关于大力推进幼儿园与小学科学衔接的指导意见。03.31.2021。– URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A06/s3327/202104/t20210408_525137.html

¹ 付晓东。70年来我国区域政策演变历程与未来趋势。人民论坛网。24.06.2019。– URL: <http://www.rmlt.com.cn/2019/0624/550289.shtml>

² 中华人民共和国教育部：中国教育概况——2020年全国教育事业发展情况。15.11.2021。– URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/s5990/202111/t20211115_579974.html

Эту проблему можно рассматривать, с одной стороны, как проявление системы семейных представлений, а с другой – как проявление уровня культурной грамотности родителей. Наследование семейных представлений – уникальный культурный феномен в истории Китая. Взгляды родителей во многом влияют на формирование взглядов их детей на образование. Одной из основных причин, влияющих на процесс обучения детей, является неблагоприятная культурная атмосфера и устаревшая концепция семейного воспитания в бедных семьях. Формирование семейных представлений напрямую связано с уровнем культурной грамотности родителей. Согласно данным Общего социального исследования Китая (CGSS¹), опубликованным в 2021 г., в настоящее время существует положительная связь между высшим академическим уровнем образования родителей и уровнем образования их детей. В бедных районах доля жителей, получающих высшее образование, как правило, невелика, и семьи не придают большого значения образованию своих детей. Некоторые родители предпочитают как можно быстрее трудоустроить своих детей, а не давать им более длительное образование. Даже в некоторых семьях, придающих большое значение образованию, из-за недостаточно высокого уровня культурной грамотности родителей отсутствует рациональное планирование инвестиций в образование своих детей.

Дистанционное обучение начало широко входить в повседневную жизнь людей с появлением платформ для онлайн-курсов². Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) дает возможность создания симулированной реальности для дистанционного обучения. Использование новых образовательных технологий изменит прежние методы обучения, позволив снизить затраты на развертывание образовательных ресурсов и оптимизировать среду онлайн-обучения, а также качество преподавания. Неравенство жизненных шансов, вызванное неравномерным распределением образовательных ресурсов между регионами, вероятно, будет сведено к минимальному уровню благодаря использованию цифровых технологий.

¹ Общее социальное исследование Китая (CGSS) началось в 2003 г. и является первым национальным, всеобъемлющим и непрерывным академическим исследовательским проектом в Китае. CGSS систематически и всесторонне собирает данные на различных уровнях общества, сообществ, семей и отдельных людей, обобщает тенденции социальных изменений, исследует вопросы, имеющие важное научное и практическое значение, способствует открытию и обмену отечественными научными исследованиями, а также предоставляет данные для международного сравнительного анализа. Research.data – междисциплинарная платформа сбора экономических и социальных данных. В настоящее время данные CGSS стали наиболее важным источником данных для изучения китайского общества и широко используются в научных исследованиях, обучении и принятии государственных решений (см.: URL: <http://cgss.ruc.edu.cn/>).

² Дворяшина М.М., Артёмова Е.В. Удовлетворенность онлайн-обучением: теоретические подходы и эмпирические измерения // Управленец. 2019. Т. 10. № 6. С. 42–53. DOI: 10.2914/12218-5003-2019-10-6-4.

Цифровизация образования требует меньшего числа квалифицированных преподавателей, но она требует большего количества необходимого интеллектуального и цифрового оборудования. Появление дистанционного образования предоставляет эффективный вариант решения проблемы неравенства в сфере образования. Однако в настоящее время применение и развитие ИИ в образовании находятся на начальной стадии развития. Социология может изучить технологические условия, социальные основы, планы развития и перспективы применения, необходимые для содействия интеграции ИИ в образование.

В последние годы ИИ быстро развивался, открывая новые возможности для реформы в сфере образования Китая:

- появляются аппаратные средства и оборудование, связанные с умным образованием, которые постоянно обновляются;
- во многих университетах открыты специальности, связанные с искусственным интеллектом;
- коммерческие компании также увеличили инвестиции в исследования и разработки интеллектуального программного обеспечения.

Однако по-прежнему существуют недостатки как в инфраструктуре, так и в научных исследованиях и разработке программного обеспечения. Широкомасштабное применение дистанционного образования как первого шага реформирования моделей образования должно ослабить дисбаланс в региональном распределении образовательных ресурсов Китая. Разработка модели интеллектуального образования является одной из новых целей реформы образования современного Китая.

Китайское правительство стремится к развитию цифрового образования как в плане технологических исследований и разработок, так и в плане количества цифровых устройств, поэтому «оцифровка» образования идет очень быстрыми темпами. Однако инструментальная природа оборудования и технологий порождает необходимость решения очень сложной и очевидной проблемы в процессе цифровизации образования: содержание и методы обучения, образовательные процедуры, учебные заведения и даже подготовка учителей в области цифровой грамотности должны быть улучшены как можно скорее, чтобы в конечном итоге сформировать разумно функционирующую и постоянно обновляемую систему цифрового образования. Процесс разработки интеллектуального программного обеспечения и цифровых устройств имеет решающее значение для цифровизации образования и является ее основой, но цель цифровизации образования никогда не остановится на уровне технологического развития.

Вспышка эпидемии COVID-19 в 2019 г. стала ключевым моментом дальнейшей быстрой интеграции моделей дистанционного регулярного обучения и экзаменов, удаленной онлайн-работы в повседневную жизнь. В 2020 г. число пользователей онлайн-дистанционного образования в Китае до-

стигло 340 миллионов человек, что на 110 миллионов больше, чем в 2019 г.¹ Всего за несколько лет онлайн-дистанционное обучение быстро развилось. Появилось большое количество программного обеспечения и платформ дистанционного обучения и работы (Tencent Conference, ZOOM, DingTalk, Enterprise WeChat, MOOC–Massive Open Online Courses, G-net onemeeting, Surfing Cloud Meeting, Baidu jiaoyu, Feishu и др.).

В настоящее время, основной целевой группой рынка интеллектуального аппаратного и программного обеспечения по-прежнему являются учащиеся начальных и средних школ. Согласно результатам отчета «Синей книги развития интеллектуального образования 2022 года»², среди корпоративных продуктов, предоставивших данные, в общей сложности было 1055 продуктов, связанных с интеллектуальным обучением. Программные приложения составили 22,65% (239), платформы – 19,43% (205), а остальные продукты составили учебные ресурсы и инструменты, интеллектуальные решения для обучения, аппаратные устройства. Разработка программного и аппаратного обеспечения интеллектуального образования основана на суперпозиции различных современных технологий, таких как облачные вычисления, большие данные, искусственный интеллект, технология интернета, многоэкранное взаимодействие, 5G, блокчейн, биометрия и т.д., и представляет собой интегрированную систему интеллектуального обучения и исследований, интеллектуального соединения и управления³.

Судя по обучающим продуктам, выпускаемым некоторыми компаниями и собранным в «Синюю книгу по развитию интеллектуального образования 2022 года»⁴, программное обеспечение и обучающие платформы в основном разрабатываются в трехмерной модели (управление, преподавание и обучение). Помимо вышеупомянутых технологий при разработке приложений и программных продуктов также используются интеллектуальная речь, понимание естественного языка и т.д. В то же время цифровая база используется для сбора академической информации, тестовых вопросов, учебных ресурсов, преподавания и исследований, картирование научных знаний для вос-

приятия. А вспомогательная технология основана на восприятии (распознавание речи, лица, изображений и текста, анализ движений и диагностика речи) и познании (семантический поиск, машинный перевод, профилирование пользователей, интеллектуальные рекомендации, интеллектуальный анализ данных).

Благодаря технологии обработки цифровых ресурсов, образовательной графике, технологии интеллектуальной оценки и технологии адаптивного обучения в качестве основных поддерживающих технологий, множество функций образуют экосистему приложений, которая снижает нагрузку и повышает эффективность, создавая всестороннюю трехмерную среду мягкого обучения. Использование таких программных продуктов может улучшить качество преподавания по всем сценариям на нескольких уровнях, тем самым способствуя всестороннему и разнонаправленному развитию учащихся, сокращая неравенство в сфере образования, а также направляя изменения в методах управления образованием.

В последние годы исследования и разработки интеллектуального образовательного прикладного программного обеспечения достигли революционного прогресса. В 2023 г. на InfoComm в Пекине компания Tencent Conference продемонстрировала легкое гибридное решение для обучения⁵ – новую гибридную цифровую аудиторию «все в одном»⁶. Каждое обновление и улучшение программной платформы означает прогресс в образовательных технологиях. В будущем есть возможность применять виртуальные изображения и сцены, голосовой интеллектуальный поиск информации, трехмерное моделирование реальной жизни и другие технологии в ежедневном обучении, и создавать интеллектуальные платформы, такие как интеллектуальная визуальная аудитория и виртуальные образовательные мозги и т.п., действительно осознавая серьезные изменения модели образования.

В настоящее время основным способом обучения в различных странах мира наряду с традиционным является дистанционное онлайн-обучение. В 2019–2020 гг. в Китае быстро развивались режим

¹ 金家仪等. 2022年中国智能教育硬件行业研究报告. [R]. 头豹研究院. 07.2022. – URL: <https://www.leadleo.com/report/details?id=63171468ad61fd65bf217c6f>

² 讯飞教育技术研究院、认知智能全国重点实验室智能教育研究中心发布. 刘邦奇 (报告人). 2022智能教育发展蓝皮书——智能技术助力教学减负增效. [R]. 第十三届数字校园建设与创新发展高峰论坛 (东南大学). 05.2023. – URL: <https://edu.iflytek.com/about-us/news/company-news/139>

³ 腾讯研究院、腾讯智慧教育发展研究中心、艾瑞咨询&INTER联合研究出品. 2021中国教育智能硬件趋势洞察报告. [R]. 大数据+AI双轮驱动新时代教育创新高峰论坛 (中国教育装备行业协会). 04.2021. – URL: https://wenku.baidu.com/view/d0a9af82f7335a8102d276a20029bd64793e623b.html?ind=1&fr=wenchuang&_wks_1719312353722&bdQuery=2021

⁴ 讯飞教育技术研究院、认知智能全国重点实验室智能教育研究中心发布, 刘邦奇 (报告人). 2022智能教育发展蓝皮书——智能技术助力教学减负增效. [R]. 第十三届数字校园建设与创新发展高峰论坛 (东南大学). 05.2023. – URL: <https://edu.iflytek.com/about-us/news/company-news/139>

⁵ Новая гибридная цифровая аудитория была улучшена с точки зрения управления классом (внедрение расписания, управление порядком в классе, ответы на домашние задания, проверка качества, оценка преподавания и т.п.), содержания курса (запись курса, интеллектуальное создание резюме курса, анализ данных и т.п.) и качества преподавания (интеллектуальная запись звука, удаленное изображение в реальном времени, видеосоединение и т.п.). Что касается аппаратного подключения, то в новой модели используется многотерминальное соединение. Уменьшена сложность использования устройства. В то же время эта модель может также удовлетворить потребности работы кампуса с разных точек зрения и на разных уровнях. По сравнению с итерацией аппаратных устройств обновление программного обеспечения происходит быстрее, стоимость обновления низкая, а воспроизводимость чрезвычайно высока, только нужно вовремя загрузить и установить на устройство последнюю версию.

⁶ 腾讯会议. AI 深度融合, 混合式教学也能“小而精, 轻量化”. 20.07.2023. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/j80E1f_1C7N-4M8j8i_8Gig

и программа онлайн-образования, а также управление им и его контроль. Однако существует большой разрыв между качеством онлайн-обучения в развитых и слаборазвитых регионах Китая. В городах и поселках с развитой инфраструктурой и более высоким экономическим уровнем онлайн-обучение проходит без проблем, в то время как в более бедных районах оно не на высоте.

Китай уже давно различными способами осуществляет поддержку образовательной практики в бедных районах. Одна из распространенных моделей поддержки – направление университетскими студентами на каникулы для оказания образовательной помощи в районах, где преподавательские ресурсы относительно ограничены. Однако цель такого рода практики не совсем ориентирована на предоставление учебных ресурсов и помощи, а в большей степени на получение студентами практического опыта. И на практику поддержки дистанционного обучения в определенной степени влияют семейные условия учащихся, условия обучения и другие многомерные, субъективные и объективные факторы. Обеспечить хорошее качество преподавания достаточно сложно. В период пандемии коронавируса деятельность краткосрочных программ поддержки преподавания в большинстве университетов и колледжей в целом находилась в состоянии заморозки, приостановки. В настоящее время основными дилеммами онлайн-преподавания в бедных районах являются следующие.

Во-первых, неразвитость инфраструктуры. Школы не в состоянии обеспечить каждого ученика и учителя компьютером, многие из этих компьютеров устарели и не могут быть использованы для современного дистанционного обучения. Низкое качество подключения к интернету, а в некоторых домохозяйствах его полное отсутствие.

Во-вторых, отсутствие благоприятных условий для онлайн-обучения. В бедных районах учащиеся часто не имеют мест для самостоятельного обучения из-за ограниченной жилой площади их семей.

В-третьих, низкая цифровая грамотность учащихся. Дети пользуются общесемейными устройствами, такими как мобильные телефоны, компьютеры. Число учащихся с личными смарт-устройствами мало, отсутствуют возможности для долгосрочного дистанционного обучения.

Таким образом, хотя некоторые колледжи и университеты пытались создать каналы дистанционного обучения, чтобы справиться с вышеупомянутыми проблемами, на практике они столкнулись с такими проблемами, как недостаточное количество интеллектуальных мобильных устройств, сложности в управлении дистанционным обучением, нестабильное качество сетевого подключения, а также противоречивыми условиями посещения занятий учащимися. Модель онлайн-обучения нуждается в улучшении, но также открывает новый путь для будущих реформ образования в Китае. Использование программного обеспечения и платформ онлайн-обучения снижа-

ет влияние региональных различий в образовательных ресурсах и различия во времени и количестве получения информации в разных регионах. Однако качественные образовательные ресурсы часто концентрируются и продолжают концентрироваться в крупных городах.

Постепенно формирующаяся модель дистанционного онлайн-обучения закладывает основу для реализации интеллектуального образования в будущем. При условии наличия достаточного количества и качества аппаратного оборудования, проблема дисбаланса региональных образовательных ресурсов может быть в значительной степени преодолена. Развитие интеллектуального образования с китайской спецификой является одной из основных тенденций. Однако в настоящее время технологии ИИ в Китае находятся на начальной стадии, а обеспеченность оборудованием, необходимым для интеллектуального образования, является недостаточной. Реализовать концепцию интеллектуального образования в короткие сроки достаточно сложно. В настоящее время для того чтобы применение технологий ИИ в образовании достигло желаемого состояния, необходимо соблюдение двух условий – достаточного качества и количества аппаратного оборудования, а также достаточного количества и качества специалистов в области интеллектуальных технологий.

При достаточных инвестициях в образование существенно снижается зависимость между качеством и эффективностью образования, а также уровнем доходов семей учащихся. В идеале при поддержке государственного финансирования местных школ в части оборудования и другой необходимой инфраструктуры, а также при наличии необходимых специалистов, широкое применение системы обучения с помощью использования аватаров и метапредметная система обучения будут иметь очень большое социальное значение: это в большей степени ослабит неравенство в доступе к информации между регионами и позволит учащимся из бедных районов получить доступ к высококачественному преподавательскому составу и учебным ресурсам, тем самым решив давнюю дилемму несбалансированного регионального распределения образовательных ресурсов в Китае и большого разрыва между городами и деревнями.

Литература

1. Василенко Л.А., Миронова Н.И. Социальная несправедливость: методология социологического измерения и интерпретации // Государственная служба. 2012. № 1 (75). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-nespravedlivost-metodologiya-sotsiologicheskogo-izmereniya-i-interpretatsii>
2. Дворяшина М.М., Артёмова Е.В. Удовлетворенность онлайн-обучением: теоретические подходы и эмпирические измерения // Управ-

ленец. 2019. Т. 10. № 6. С. 42–53. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-6-4.

3. Коледа И.В. Социализация личности: особенности процесса // Высшее техническое образование. 2018. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-osobennosti-protsessa>
4. Общее социальное исследование Китая (CGSS). URL: <http://cgss.ruc.edu.cn/>
5. 付晓东. 70年来我国区域政策演变历程与未来趋势. 人民论坛网 [Fu Xiaodong. The evolution and future trends of my country's regional policies in recent years]. 15.07.2019. – URL: <http://www.rmlt.com.cn/2019/0624/550289.shtml> (in Chinese).
6. 中华人民共和国教育部: 中国教育概况——2020年全国教育事业发展情况 [Ministry of Education of the People's Republic of China: Overview of China's Education – Development of National Education in 2020]. 15.11.2021. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/s5990/202111/t20211115_579974.html (in Chinese).
7. 中华人民共和国教育部官方网站/文献/教育统计数据 [Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China/Documents/Education statistics]. – URL: <http://www.moe.gov.cn> (in Chinese).
8. 中华人民共和国教育部官方网站/文献/教育统计数据/2021年教育统计数据/全国基本情况/高等教育学校资产情况 [Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China/Documents/Education Statistics/2021 Education Statistics/National Basic Situation/Assets of Higher Education Institutions]. 29.12.2022. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/moe_560/2021/quanguo/202301/t20230103_1037936.html. 17.06.2023 (in Chinese).
9. 粟裕. 世界数字教育大会亮相哪些新科技? 记者直击四大亮点. 中华人民共和国教育部官方网站/封面新闻 [Su Yu. What new technologies were unveiled at the World Digital Education Conference? Reporters report on the four highlights. Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China/Cover News]. 13.02.2023. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/2023/2023_zt01/mtbd/202302/t20230213_1044390.html. 20.06.2023 (in Chinese).
10. 冯琪. 3D实验模拟仓、智能互联黑板等黑科技现身数字化教育装备展. 中华人民共和国教育部官方网站/首页/新闻 [Feng Qi. 3D experimental simulation warehouse, intelligent interconnected blackboard and other high-tech appeared in the digital education equipment exhibition. Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China/Homepage/News]. 13.02.2023. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/2023/2023_zt01/mtbd/202302/t20230214_1044640.html. 21.06.2023 (in Chinese).
11. 金家仪等. 2022年中国智能教育硬件行业研究报告 [Jin Jiayi et al. China Smart Education Hardware Industry Research Report]. [R]. 头豹研究院. 07.2022. – URL: <https://www.leadleo.com/report/details?id=63171468ad61fd65bf217c6f> (in Chinese).
12. 讯飞教育技术研究院、认知智能全国重点实验室智能教育研究中心发布. 刘邦奇 (报告人). 2022智能教育发展蓝皮书——智能技术助力教学减负增效 [iFlytek Education Technology Research Institute and the National Key Laboratory of Cognitive Intelligence Intelligent Education Research Center released. Liu Bangqi (speaker). 2022 Intelligent Education Development Blue Book – Intelligent technology helps reduce teaching burden and increase efficiency]. [R]. 第十三届数字校园建设与创新发展高峰论坛 (东南大学). 05.2023. – URL: <https://edu.iflytek.com/about-us/news/company-news/139> (in Chinese).
13. 腾讯研究院、腾讯智慧教育发展研究中心、艾瑞咨询&INTER联合研究出品. 2021中国教育智能硬件趋势洞察报告 [Jointly produced by Tencent Research Institute, Tencent Smart Education Development Research Center, iResearch Consulting & INTER. 2021 China Education Smart Hardware Trend Insight Report]. [R]. 大数据+AI双轮驱动新时代教育创新高高峰论坛 (中国教育装备行业协会). 04.2021. – URL: https://wenku.baidu.com/view/d0a9af82f7335a8102d276a20029bd64793e623b.html?ind=1&fr=wenchuang&wkts_1719312353722&bdQuery=2021 (in Chinese).
14. 腾讯会议. AI深度融合, 混合式教学也能“小而精, 轻量化” [Tencent Meeting. AI is deeply integrated, and hybrid teaching can also be “small, precise, and lightweight”]. 20.07.2023. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/j80E1f_1C7N4M8j8i_8Gig
15. 中国教育改革和发展纲要. 1993 (in Chinese).
16. 中国国家统计局官方网站 [China National Bureau of Statistics official website]. – URL: <http://www.stats.gov.cn/> (in Chinese).
17. 中华人民共和国教育部. 2021年小学教育专任教师分专业技术职务、分年龄结构情 [Ministry of Education of the People's Republic of China. Primary Education Full-time Teachers by Professional and Technical Position and Age Structure]. Number of Full-time Teachers in Primary Schools by Professional Rank and Age. 28.12.2022 (in Chinese).
18. 21世纪教育研究院. 杨东平. 杨旻. 黄胜利. 中国教育发展报告(2018). 社会科学文献出版社 [Century Education Research Institute. Yang Dongping, Yang Min, Huang Shengli. China Education Development Report (2018). Social Sciences Academic Press]. 04.2018 (in Chinese).
19. 2019国内家庭子女教育投入调查. 由前程无忧“51job”发布 [2019 Domestic Family Children's Education Investment Survey. Published by 51job]. 2019 (in Chinese).
20. 中华人民共和国教育部. 关于大力推进幼儿园与小学科学衔接的指导意见 [Ministry of Education of the People's Republic of China. Guiding Opinions on Vigorously Promoting the Scientific Connection between Kindergartens and Primary Schools]. 2021 (in Chinese).

Pei Yang

Lomonosov Moscow State University

The use of artificial intelligence in education is changing the traditional mode of education and is becoming one of the most discussed topics in the scientific community. The impact of artificial intelligence on human society is multifaceted. Mastering core artificial intelligence (AI) technologies requires a certain level of individual knowledge and is difficult to implement widely. This will lead to the fact that the status of technology among the factors that must be taken into account in the social structural system will rapidly increase and surpass other factors, which in turn can give rise to a new mode of functioning of society. In the field of education, the application and development of smart technologies will play a role in terms of resource acquisition, information use, teaching management and learning models. The emergence of new technologies is an opportunity to implement global social reforms that can provoke new challenges. By controlling the use of AI and complementing it with mature social, moral, ethical and legal standards for intelligent technologies, it can be directed to benefit humanity in a relatively safe and controlled environment. This article reviews and analyzes modern intelligent hardware infrastructure, software development and application in China's education sector, inequality and problems of education in poor areas, and the impact of online distance learning since the development of artificial intelligence in the country. Based on the possibilities for further application of AI in education, new models of intelligent education are proposed.

Keywords: artificial intelligence (AI), problems of education, application of artificial intelligence, education in China, inequality, regional resource imbalance.

References

- Vasilenko L.A., Mironova N.I. Social injustice: methodology of sociological measurement and interpretation // Public Service. 2012. No. 1 (75). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-nespravedlivost-metodologiya-sotsiologicheskogo-izmereniya-i-interpretatsii>
- Dvoryashina M.M., Artyomova E.V. Satisfaction with online learning: theoretical approaches and empirical measurements // Manager. 2019. Vol. 10. No. 6. pp. 42–53. DOI: 10.29141/2218-5003-2019-10-6-4.
- Koleda I.V. Socialization of personality: features of the process // Higher technical education. 2018. No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-lichnosti-osobennosti-protssessa>
- China General Social Survey (CGSS). – URL: <http://cgss.ruc.edu.cn/>
- 付晓东. 70年来我国区域政策演变历程与未来趋势. 人民论坛网 [Fu Xiaodong. The evolution and future trends of my country's regional policies in recent years]. 15.07.2019. – URL: <http://www.rmlt.com.cn/2019/0624/550289.shtml> (in Chinese).
- 中华人民共和国教育部: 中国教育概况——2020年全国教育事业发展情况 [Ministry of Education of the People's Republic of China: Overview of China's Education – Development of National Education in 2020]. 15.11.2021. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/s5990/202111/t20211115_579974.html (in Chinese).
- 中华人民共和国教育部官方网站/文献/教育统计数据 [Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China/Documents/Education statistics]. – URL: <http://www.moe.gov.cn> (in Chinese).
- 中华人民共和国教育部官方网站/文献/教育统计数据/2021年教育统计数据/全国基本情况/高等教育学校资产情况 [Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China/Documents/Education Statistics/2021 Education Statistics/National Basic Situation/Assets of Higher Education Institutions]. 29.12.2022. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/moe_560/2021/quanguo/202301/t20230103_1037936.html. 17.06.2023 (in Chinese).
- 粟裕. 世界数字教育大会亮相哪些新科技? 记者直击四大亮点. 中华人民共和国教育部官方网站/封面新闻 [Su Yu. What new technologies were unveiled at the World Digital Education Conference? Reporters report on the four highlights. Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China/Cover News]. 13.02.2023. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/2023/2023_zt01/mtbd/202302/t20230213_1044390.html. 20.06.2023 (in Chinese).
- 冯琪. 3D实验模拟仓、智能互联黑板等黑科技现身数字化教育装备展. 中华人民共和国教育部官方网站/首页/新闻 [Feng Qi. 3D experimental simulation warehouse, intelligent interconnected blackboard and other high-tech appeared in the digital education equipment exhibition. Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China/Homepage/News]. 13.02.2023. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_zt/moe_357/2023/2023_zt01/mtbd/202302/t20230214_1044640.html. 21.06.2023 (in Chinese).
- 金家仪等. 2022年中国智能教育硬件行业研究报告 [Jin Jiayi et al. China Smart Education Hardware Industry Research Report]. [R]. 头豹研究院. 07.2022. – URL: <https://www.leadleo.com/report/details?id=63171468ad61fd65b217c6f> (in Chinese).
- 讯飞教育技术研究院、认知智能国家重点实验室智能教育研究中心发布. 刘邦奇 (报告人). 2022智能教育发展蓝皮书——智能技术助力教学减负增效 [iFlytek Education Technology Research Institute and the National Key Laboratory of Cognitive Intelligence Intelligent Education Research Center released. Liu Bangqi (speaker). 2022 Intelligent Education Development Blue Book – Intelligent technology helps reduce teaching burden and increase efficiency]. [R]. 第十三届数字校园建设与创新发展高峰论坛 (东南大学). 05.2023. – URL: <https://edu.iflytek.com/about-us/news/company-news/139> (in Chinese).
- 腾讯研究院、腾讯智慧教育发展研究中心、艾瑞咨询&INTER联合研究出品. 2021中国教育智能硬件趋势洞察报告 [Jointly produced by Tencent Research Institute, Tencent Smart Education Development Research Center, iResearch Consulting & INTER. 2021 China Education Smart Hardware Trend Insight Report]. [R]. 大数据+AI双轮驱动新时代教育创新高峰论坛 (中国教育装备行业协会). 04.2021. – URL: https://wenku.baidu.com/view/d0a9af82f7335a8102d276a20029bd64793e623b.html?ind=1&fr=wenchuang&_wks_=_1719312353722&bdQuery=2021 (in Chinese).
- 腾讯会议. AI 深度融合, 混合式教学也能“小而精, 轻量化” [Tencent Meeting. AI is deeply integrated, and hybrid teaching can also be “small, precise, and light-weight”]. 20.07.2023. – URL: https://mp.weixin.qq.com/s/j80E1f_1C7N4M8j8i_8Gig
- 中国教育改革和发展纲要. 1993 (in Chinese).
- 中国国家统计局官方网站 [China National Bureau of Statistics official website]. – URL: <http://www.stats.gov.cn/> (in Chinese).
- 中华人民共和国教育部. 2021年小学教育专任教师分专业技术职务、分年龄结构情 [Ministry of Education of the People's Republic of China. Primary Education Full-time Teachers by Professional and Technical Position and Age Structure]. Number of Full-time Teachers in Primary Schools by Professional Rank and Age. 28.12.2022 (in Chinese).
- 21世纪教育研究院. 杨东平. 杨旻. 黄胜利. 中国教育发展报告 (2018). 社会科学文献出版社 [Century Education Research Institute. Yang Dongping, Yang Min, Huang Shengli. China Education Development Report (2018). Social Sciences Academic Press]. 04.2018 (in Chinese).
- 2019国内家庭子女教育投入调查. 由前程无忧“51job”发布 [2019 Domestic Family Children's Education Investment Survey. Published by 51job]. 2019 (in Chinese).
- 中华人民共和国教育部. 关于大力推进幼儿园与小学科学衔接的指导意见 [Ministry of Education of the People's Republic of China. Guiding Opinions on Vigorously Promoting the Scientific Connection between Kindergartens and Primary Schools]. 2021 (in Chinese).

Научно-образовательные центры как инновационный институциональный фактор трансформации социально-профессиональной структуры российского общества

Галлямова Диана Айратовна,

аспирант Уфимского государственного нефтяного
технического университета
E-mail: gallyamova.dia98@mail.ru

Недельченко Ольга Игоревна,

к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков Уфимского
государственного нефтяного технического университета
E-mail: olama80@yandex.ru

Повышение инновационного потенциала и стратегическое прогрессирование экономики страны обусловлены содействием уникального климата в среде научно-образовательных учреждений. Синергия между разнообразными секторами деятельности, активизирующаяся на региональном уровне, способствует преобладающему внедрению инноваций, стимулируя в свою очередь экономическое процветание и осуществление амбициозных национальных проектов. В основе концепции подобных центров лежит поощрение непрекращающихся исследований и развития, что становится решающим фактором для профессионального развития и социальных усовершенствований. Эта модель задействует построение в условиях учебных центров экосистемы, благоприятствующей социальной и профессиональной основе сообщества, укрепляя её тем самым.

Ключевые слова: социально-инновационные процессы, тенденции развития образования, научно-образовательные центры (НОЦ), передовые инженерные школы, трансформация социальной и профессиональной структуры.

Индустриальный прогресс в России стимулирует процесс формирования и развития центров научно-образовательного профиля. Одним из ключевых факторов, обеспечивающих проекцию инноваций в производственный комплекс, является сотрудничество между научными институтами и учебными заведениями. Это взаимодействие предоставляет, с одной стороны, возможность применения комплекса разработок и технологий, с другой – существенно стимулирует развитие промышленности и производства.

Анализируя текущие стратегии национальной политики, уделяемые развитию инновационных экосистем, следует отметить, что инициативы направлены на систематизацию и внедрение коммерческого потенциала знаний, предоставляемых существующим комплексом научных и вузовских центров исследований и разработок, происходящие трансформации в социально-профессиональном слое. Этот процесс обычно происходит в рамках государственной поддержки, национального инвестирования в подобного рода проекты, при этом особое внимание уделяется обеспечению сотрудничества научного сообщества с реальными представителями индустрии. Например, в рамках национального проекта «Наука» в России с 2019 года создаются научно-образовательные центры мирового уровня, обозначенные как «поддерживаемые субъектами Российской Федерации объединения без образования юридического лица федеральных государственных образовательных организаций высшего образования и(или) научных организаций с предприятиями, действующими в конкретном секторе экономики в соответствии с программой деятельности центра» [2]. Научно-образовательные центры позиционируются как платформы для перекрестного взаимодействия всех уровней образовательного процесса, научных исследований и деловой инициативы, необходимые для продвижения технологических инноваций в нуждающиеся отрасли производства и внедрения в проблемные нишевые процессы.

Научные и образовательные учреждения в мировой практике преимущественно действуют в виде внутренних исследовательской деятельности (вуза), обретая свой облик за счет принципа excellence, что в данном контексте обозначает стремление к лидерству [6]. Ориентация иностранных институтов заметно склоняется в сторону финансово затратных научных проектов, а эффективность их

труда опирается на притяжение экспертов, которые пользуются большим спросом, и максимальную концентрацию доступных ресурсных возможностей в одной географической точке. Такой маневр отражает себя в рамках университетской модели нового типа, именуемой как университет 3.0, включающий в себя триединство образования, научного поиска и трансформации знаний в товар. В числе пионеров этой модели стоят профессор из Дельфтского университета технологических наук И. Виссем, авторитетный за своё трудное собрание знаний «Университет третьего поколения», и Бертон Р. Кларк из США, который выделил характерные черты так называемого «предпринимательского университета» [7].

В стремлении к индустриальному прогрессу Россия акцентирует внимание на формировании центров научно-образовательного профиля. Одним из ключевых факторов, обеспечивающих трансферт инноваций в производственный комплекс, является сотрудничество между научными институтами и учебными заведениями. Это содействие открывает двери для применения разработок на переднем крае технологической мысли, заметно стимулируя промышленную сферу внедрением передовых исследовательских достижений [1]. Именно такие организации, включающие национальные исследовательские университеты, опорные университеты, среди которых можно выделить, например, Уфимский государственный нефтяной технический университет, а также учреждения, входящие в Проект «5–100», и которые фигурируют в международных рейтингах, обеспечивают актуальные востребованные исследования и разработки, необходимые для инновационных процессов. Подобные организации выступают стержнем экосистемы, в которой синтезируется высочайший уровень теоретических знаний и практической созидательной деятельности, чем и обусловлено достойное представительство на как национальной, так и мировой арене.

Анализ научных работ И.В. Купцовой и Н.Е. Лактаевой выявляет, что концептуальной основой Научно-образовательных центров (НОЦ МУ) является разработка уникального экологического пространства. Данная среда предназначена для непрерывного развития инновационных процессов и исследовательской деятельности. Подобное пространство культивирует и углубляет интеграцию научных поисков, образовательной работы и производственного сектора, формируя непрерывный инновационный цикл. Этот цикл охватывает все этапы от фундаментального изучения и поисковой работы до прикладных исследований и создания продукции с высоким уровнем технологичности, обеспечивая подготовку специалистов, требующихся для технологически продвинутых отраслей экономики.

В Республике Башкортостан в 2019 году был создан Евразийский НОЦ, имеющий стратегическое значение для региона. Центр ориентируется на решение главных задач, таких, как рост инве-

стиций, технологическую модернизацию экономики, интеграцию науки, образования и бизнеса. Решение этих задач должно привести к росту человеческого капитала в регионе, гармонизации экономических и гуманитарных связей в евразийских интеграционных проектах, активной участницей которых является Российская Федерация. Главная цель Евразийского НОЦ – объединить науку, образование и бизнес для создания высокотехнологичных продуктов через разные типы и формы партнерства.

Миссия Евразийского научно-образовательного центра Республики Башкортостан – стремление к закреплению Республики Башкортостан как ключевого центра академического, научно-технологического и предпринимательского превосходства Российской Федерации на евразийском пространстве.

Шесть высших учебных заведений Башкортостана, вместе с тремя институтами научных исследований и двадцатью производственными предприятиями объединили свои усилия с целью формирования и развития Евразийского научно-образовательного центра. Его деятельность ориентирована на реализацию десяти приоритетных технологических инициатив, в рамках которых разрабатываются актуальные востребованные направления, такие как создание новой среды обитания для человека, развитие теоретических и практических аспектов цифровой и экологически ориентированной химии, инновации в сфере энергетики. Также они касаются прорывных достижений в биомедицине и генетике, а также внедрения инженерных инноваций и авангардных производственных технологий.

Рассмотрим результаты реализации программы деятельности Евразийского НОЦ мирового уровня за 2023 год [5].

1. Была проведена огромная совместная работа участников Евразийского НОЦ: управленческой команды региона, «УК НОЦ РБ», университетов, научных организаций и индустриальных партнеров сложилась в 4740 листов бумаги.
2. С каждым годом научно-образовательный потенциал Башкортостана растет. И это подтверждают цифры: по итогам 2023 года выдано 590 патентов на изобретения и промышленные образцы, которые были разработаны в соответствии с направлениями НОЦ – и это на 50 патентов больше, чем было выдано в 2022 году.
3. Важная единица научного процесса – научная публикация: благодаря междисциплинарной работе и международному сотрудничеству ученые Евразийского НОЦ выпустили на 381 научных статей больше, чем в 2022 году (2376 статей).
4. В рамках ЦПК Евразийского НОЦ квалификацию повысили 2732 ученых и научно-педагогических работников. Такие результаты привели и к увеличению более чем в 3 раза количества новых высокотехнологичных рабочих мест – 4484.

За последние годы в республике существенно выросло и финансирование науки: поддержку ученые получают не только из регионального бюджета, но и внебюджетных источников. Евразийский НОЦ не останавливается на достигнутых результатах и активно продолжает развивать программу деятельности в 2024 году, в том числе в рамках запущенного межвузовского кампуса НОЦ.

Ещё одним инновационным решением в области образования стало создание Передовых инженерных школ – это образовательные структуры, которые формируются на базе ведущих вузов России и работают в тесном сотрудничестве с промышленными партнерами, научными центрами и международными организациями. Реализация инициативы по формированию передовых инженерных школ признана приоритетной для социально-экономического прогресса РФ в горизонте до третьего десятилетия XXI века. Основная задача этой стратегической инициативы состоит в насыщении высокотехнологичных экспортных отраслей экономики России высококлассными специалистами. Это даст стране возможность укрепить свою технологическую автономию и способствовать возникновению новаторских типов продукции, рождаемой совместными усилиями с промышленными предприятиями, отличающимися высокой эффективностью [3]. Тридцать ведущих вузов были выбраны для реализации данной инициативы. Студенты получают не только фундаментальные знания по своей специальности, но и практические навыки работы с современным оборудованием, программным обеспечением и материалами.

Проект «Передовые инженерные школы» разработан Минобрнауки России на основе стратегических инициатив, утвержденных Правительством РФ, и направлен на подготовку квалифицированных инженерных кадров для высокотехнологичных отраслей экономики. ПИШ «Моторы будущего» реализует нетривиальные научные разработки такие, как создание гибридных силовых установок, систем БПЛА и электромобилей. А также реализация самых смелых научно-инженерных идей на практике – создание азротакси. За 2023 год в ПИШ: сделано 7 новых продуктов; выпущено 112 изделий; создано и зарегистрировано 63 патента [4].

Передовая инженерная школа «Моторы Будущего» на базе Уфимского университета науки и технологий объединяет науку, образование и производство. Совсем недавно в ПИШ открылся студенческий инженерный центр «Гараж», где ребята могут создавать новые работающие приборы из имеющихся устройств и деталей. Пространство постоянно пополняется механизмами, которые запрашивают студенты или поставляют производственные отделы ПИШ. «Гараж» работает в университете с утра до вечера. Здесь студенты программируют микроконтроллеры, создают электрические машины и 3D-модели. Недавно в центре прошла проектная неделя для первокурс-

ников, во время которой ребята, разделившись на команды, создавали беспроводное зарядное устройство для электросамокатов, глушитель сотовой связи, прототип электродвигателя и другие устройства. Во время работы проектной недели студенты сформировали запрос на новые знания и самостоятельно их осваивали.

Таким образом, в современном мире ключ к экономическому росту и решению стратегических социальных дилемм лежит в сфере развития человеческого потенциала. Научно-образовательные центры и Передовые инженерные школы являются ключевыми в этом процессе, поскольку они не только занимаются формированием навыков и знаний на международном уровне, но и способствуют синергии, которая непосредственно влияет на рост и прогресс регионов и страны в целом.

Литература

1. Дорожкин Ю.Н., Козлова Ю.Б., Костылева Е.Г. Основы теории коммуникации. Уфа, 2003.
2. Указ Президента РФ от 07 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (дата обращения: 23.04.2024).
3. Федеральный проект Передовые инженерные школы [Электронный ресурс]. – URL: <https://engineers2030.ru/?ysclid=lvc713azl7488676388> (дата обращения: 23.04.24).
4. Официальный сайт Передовой инженерной школы «Моторы Будущего» [Электронный ресурс]. – URL: <https://pish.uust.ru/#team> (дата обращения: 23.04.24).
5. Официальный сайт Евразийского НОЦ мирового уровня [Электронный ресурс]. – URL: <https://nocrb.ru/noc#about> (дата обращения: 23.04.24).
6. Borlaug S.B. Moral hazard and adverse selection in research funding: centers of excellence in Norway and Sweden // Science and Public Policy. 2016. Vol. 43, No 3. P. 352–362. DOI: 10.1093/scipol/scv048
7. Wissema J. Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition. Northampton, MA: Edward Elgar, 2009.

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CENTERS AS AN INNOVATIVE INSTITUTIONAL FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF THE SOCIAL AND PROFESSIONAL STRUCTURE OF RUSSIAN SOCIETY

Gallyamova D.A., Nedelchenko O.I.
Ufa State Petroleum Technical University

The increase in innovation potential and the strategic progression of the country's economy are due to the promotion of a unique climate among scientific and educational institutions. The synergy between diverse sectors of activity, intensified at the regional level, contributes to the prevailing adoption of innovations, in turn stimulating economic prosperity and the implementation of ambitious national projects. The concept of such centers is to encourage continuous research and development, which becomes a decisive factor

for professional development and social improvement. This model involves the construction of an ecosystem in the conditions of educational centers that is conducive to the social and professional basis of the community, thereby strengthening it.

Keywords: social and innovative processes, trends in the development of education, scientific and educational centers (REC), advanced engineering schools, transformation of the social and professional structure.

References

1. Dorozhkin Yu.N., Kozlova Yu.B., Kostyleva E.G. Fundamentals of communication theory. Ufa, 2003.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated May 7, 2018 No. 204 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024." [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/> (access date: 04/23/2024).
3. Federal project Advanced engineering schools [Electronic resource]. – URL: <https://engineers2030.ru/?ysclid=lvc713azl7488676388> (access date: 04/23/24).
4. Official website of the Advanced Engineering School "Motors of the Future" [Electronic resource]. – URL: <https://pish.uust.ru/#team> (access date: 04/23/24).
5. Official website of the world-class Eurasian REC [Electronic resource]. – URL: <https://nocrb.ru/noc#about> (access date: 04/23/24).
6. Borlaug S.B. Moral hazard and adverse selection in research funding: centers of excellence in Norway and Sweden // Science and Public Policy. 2016. Vol. 43, No. 3. P. 352–362. DOI: 10.1093/scipol/scv048
7. Wissema J. Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition. Northampton, MA: Edward Elgar, 2009.

Заварзина Юлия Владимировна,

к.э.н., доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: borisovaylia@bk.ru

В статье приводятся результаты изучения особенностей развития инвестиционной политики, их влияния на социальное развитие, региональное моделирование и человеческий капитал. На основе проведенного экспертного интервью выделены сильные и слабые стороны социального измерения региональной инвестиционной политики, выделены возможности и риски стратегического развития. Это определяет последующие действия и этапы по развитию инвестиционной политики региона.

Ключевые слова: экономическая социология, инвестиционная политика, социальное измерение, региональное развитие, человеческий капитал.

Обеспечение экономического развития на уровне страны и отдельного региона невозможно без формирования и разработки результативной государственной инвестиционной политики. Она предполагает деятельность государства по созданию благоприятных условий для осуществления инвестиций в экономику и улучшение предпринимательской активности через обеспечение успешной реализации инвестиционных проектов.

В современных условиях происходят экономические преобразования на фоне геополитической нестабильности, направленные на обеспечение модернизации и повышение эффективности функционирования российской экономики. Данные направления обуславливают необходимость разработки и реализации такой инвестиционной государственной политики, которая будет учитывать особенности регионального развития, отечественный опыт эффективных инструментов содействия привлечению инвестиций, а также национальные стратегические цели.

Государственная инвестиционная политика направлена на создание благоприятных экономических условий, приток и повышение объема инвестиций в экономику – реализации направлений, которые в настоящее время приобретает особое значение в условиях нестабильного состояния экономики, усиления инфляции и необходимости стимулирования отечественного предпринимательства. Реализация государственной инвестиционной политики направлена на обеспечение условий для успешной реализации инвестиционных проектов как инструмента социально-экономического развития территории. Такие проекты могут сопровождаться с учетом их длительности различными сложностями, поэтому задача государства в данном случае заключается в создании таких привлекательных условий, которые могли бы способствовать достижению целей инвестиционного проекта, поскольку привлечение инвестиций в экономику способствует социально-экономическому развитию.

Одним из ключевых направлений деятельности государства по созданию благоприятных экономических условий жизнедеятельности общества является формирование и реализация инвестиционной политики с учетом особенностей и ресурсного потенциала страны или региона.

В первую очередь, необходимо рассмотреть сущность инвестиций и инвестиционной политики государства. Инвестиции стоит рассматривать как долгосрочные вложения капитала в различные сферы экономики, инфраструктуру, социальные проекты и иные направления как внутри страны,

так и за ее пределами для получения доходов или иных эффектов в будущем [12].

В указанном определении автор подчеркивает, что инвестиции имеют долгосрочный характер и предполагают вложения средств в различные проекты. При этом в этом определении указано, что инвестиции всегда направлены на получение каких-либо эффектов полезного характера, например прибыли, удовлетворение потребностей населения и др. Кроме того, данный автор подчеркивает долгосрочный характер инвестиций, который связан не только с длительностью процесса, но и наличием временного интервала реализации инвестиционного проекта.

Можно рассматривать инвестиции в широком и узком смысле. В первом случае – как вложение капитала и денежных средств в какие-либо объекты или их совокупность, а во втором – как долгосрочные вложения капитала частных лиц или государства в различные отрасли экономики с целью получения прибыли [6]. В целом, данное определение соответствует предыдущему, поскольку предполагает направление капитала для создания или улучшения объектов в рамках инвестиционного процесса. При этом недостаточно полным является рассмотрение инвестиций с точки зрения получения только экономической выгоды. Например, строительство учреждений здравоохранения в рамках государственной инвестиционной политики направлено не на получение доходов, а удовлетворение потребностей населения, т.е. получение социальных эффектов.

Инвестиции – это вложений собственного или привлеченного капитала инвестором для достижения собственных целей, как правило, долгосрочных и не связанных с текущим потреблением [5]. В этом определении автор обращает внимание на то, что инвестиции направлены не на текущее потребление (использование капитала для удовлетворения каких-либо потребностей), а имеют долгосрочный характер, целевая направленность которого определяется инвестором.

Государственная инвестиционная политика представляет собой комплекс мероприятий по содействию привлечения частных финансовых ресурсов, их стимулированию бюджетно-налоговыми методами, защиты интересов инвесторов, развитию различных инвестиционных механизмов [13]. Исходя из такого подхода, в общем случае указанная политика предполагает содействие объемам инвестирования в экономику со стороны частного сектора. При этом автор указывает, что в данном случае государство использованию бюджетные и налоговые методы, поэтому стимулирование инвестиций может осуществляться не только за счет льгот и преференций, но и в результате прямого участия государства в инвестиционной деятельности.

Инвестиционная политика государства представляет собой комплекс целенаправленных мероприятий по формированию благоприятных условий для всех хозяйствующих субъектов для по-

вышения инвестиционной активности и привлекательности, экономического развития, улучшения эффективности производства и реализации задач социального развития. Суть инвестиционной политики государства заключается в создании условий, привлекательных для инвесторов с точки зрения осуществления инвестиций в экономику страны и (или) региона. В свою очередь, эта деятельность осуществляется государством в рамках реализации его экономической политики, направленной на стимулирование предпринимательской деятельности, которое способствует решению соответствующих социальных задач.

Данная политика также включает в себя обеспечение защиты прав и законных интересов всех участников инвестиционной деятельности, а также создание эффективных механизмов управления государственным имуществом и обеспечение условий для удовлетворения социально значимых потребностей населения [2]. Являясь частью экономических мер государства, также должна включать в себя меры по стимулированию обновления материально-технической базы государственных учреждений, а также созданию социально значимых объектов, в рамках эффективного использования бюджетных средств. На практике это реализуется за счет, например, привлечения частных инвестиций для строительства учреждений здравоохранения.

Она также включает в себя государственное регулирование инвестиционной деятельности в целом. В данном случае предполагает использование различных правовых механизмов для развития приоритетных отраслей экономики с одновременным обеспечением контрольной деятельности, например, за счет установления барьеров чрезмерного иностранного участия в национальной экономике.

В целом, инвестиционная составляющая региона может конструировать негативными потоками информации в СМИ (Р.Г. Ардашев [1,2]) и официально обозначенными стратегиями развития регионов (П.А. Баев [3,4]), потенциалом развития социального доверия (О.А. Полюшкевич [8–10]) и развития социального партнерства с другими институтами общества (П.А. Трескин [14, 15]), а также человеческим капиталом региона [11–13], которые отражаются в инвестиционной политике регионов (Ю.В. Борисова, Е.С. Беляева, Т.В. Гладкова [5], Ю.В. Заварзина [6, 7]).

В литературе выделяются четыре отличительных характеристики инвестиционной политики государства (рис. 1).

Первая характеристика указанной политики – экономическая направленность, предполагающая, что эта политика направлена на создание благоприятных условий для привлечения инвестиций в экономику, как правило, за счет бюджетно-налоговых и административных мер, например, путем предоставления льгот, снижения административных барьеров, прямого участия государства или созданных им институтов в отдельных инвестиционных процессах и др.

Рис. 1. Основные характеристики государственной инвестиционной политики

Вторая характеристика данной политики заключается в том, что государство через стимулирование инвестиционной деятельности и повышение активности в этой сфере способствует решению социальных задач. В целом, эта характеристика прямо вытекает из первой, поскольку повышение объемов вложения капитала в экономику способствует росту уровня занятости, сумм налоговых отчислений, финансированию социально значимых отраслей и иные благоприятные эффекты для общества. Кроме того, обеспечение привлекательности инвестиций за счет государственного стимулирования может способствовать созданию или улучшению объектов, имеющих социальное значение,

например, учреждений здравоохранения, образования, социального обслуживания и т.д.

Третья характеристика – регулятивный характер. Несмотря на то, что государственная инвестиционная политика имеет по своей сути экономический характер, она предполагает не только стимулирование инвестиций, но и обеспечение защиты национальных интересов с точки зрения иностранного участия в экономике страны. Наряду с этим, она призвана обеспечивать правовые механизмы защиты интересов всех участников инвестиционного проекта.

И четвертая характеристика рассматриваемой политики заключается в том, что она направлена на наиболее эффективное использование бюджетных финансовых ресурсов и управления государственным имуществом. В данном случае такая эффективность предполагает достижение наилучших результатов при оптимальном уровне затрат на содержание этого имущества. При этом государство использует бюджетные финансовые ресурсы в рамках решения социальных задач, и поэтому его инвестиционная политика предполагает наиболее эффективное использование таких ресурсов.

В литературе отмечают различные типы инвестиционной политики государства, среди которых можно выделить ряд основных (рис. 2).

Рис. 2. Основные типы государственной инвестиционной политики

Традиционно в зависимости от сроков разработки и реализации различают краткосрочную и долгосрочную инвестиционную политику государства. Первая из них предполагает приня-

тие оперативных мер на текущий (плановый) год, особенно, при наличии непредвиденных обстоятельств и факторов, которые могли это оказать влияние на экономику. Примером таких факто-

ров в современных условиях выступают, например, пандемия коронавируса в 2020–2022 гг. и геополитические изменения в 2022 г. В свою очередь, долгосрочная инвестиционная политика государства является частью стратегии социально-экономического развития в рамках долгосрочного планирования.

В зависимости от характера правовой базы можно выделить формализованную и неформализованную инвестиционную политику. Исходя из названий, первая из них предполагает формирование обширной правовой базы, которая содержит в себе, главным образом, правовые механизмы защиты интересов всех участников инвестиционного процесса, регулирование цен, доходов, амортизационной политики и иных аспектов, связанных со стимулированием инвестиционной активности. Формализация в данном случае, в свою очередь, предполагает активное участие государства в экономике, а, следовательно, и в инвестиционных процессах.

Неформализованная политика предполагает большую свободу экономических субъектов в осуществлении инвестиционных процессов и деятельности в целом в связи с незначительным вмешательством государства. При таком типе политики оно обеспечивает, главным образом, защиты прав и интересов участников инвестиционного процесса с точки зрения их правовой защиты. При реализации такой политики подавляющее большинство капиталовложений носят частный характер.

Современная инвестиционная политика различных стран содержит в себе элементы как формализованного, так и неформализованного типа. С одной стороны, государства обеспечивают формирование обширной правовой базы, принимают активное участие в экономике, особенно, в приоритетных отраслях, при одновременном обеспечении свободы действий участников инвестиционного процесса. Это вызвано развитием рыночных механизмов, при которых участие государство в инвестиционной деятельности ограничивается.

По форме управления выделяют либеральную и централизованную инвестиционную политику. Либеральный подход, исходя из своего наименования, предполагает свободу экономических субъектов при осуществлении инвестиций при использовании государством преимущественно экономических методов управления. Такие методы означают, что государство использует преимущественно меры стимулирующего характера для привлечения инвестиций в экономику. Государство в данном случае обеспечивает установление базовых, общих правил взаимоотношений участников инвестиционного процесса при обеспечении свободы экономической системы. При таком подходе активное участие в инвестиционной деятельности принимают государственные и частные финансовые институты, основные из которых – кредитные организации.

Централизованная инвестиционная политика государства заключается в использовании преи-

мущественно административных методов управления при наличии жесткого регулирования инвестиционной деятельности. Такой подход предполагает издание государством предписаний и указаний для участников инвестиционного процесса, формирование государственных заказов, издание норм и стандартов, в соответствии с которыми осуществляется реализация инвестиционных процессов. В современных условиях такой подход в полной мере не применяется в развитых и развивающихся странах. При этом административные методы используются государствами преимущественно в рамках регулятивных целей.

Подытоживая, можно заключить, что инвестиционная политика государства представляет собой совокупность мероприятий по нормативно-правовому регулированию, стимулированию инвестиционной деятельности, а также обеспечению эффективности использования бюджетных финансовых ресурсов и управления государственным имуществом. Ключевое направление современной государственной инвестиционной политики заключается в создании благоприятных условий для привлечения инвестиций в различные отрасли экономики, особенно, имеющие приоритетное значение для экономического роста. Различают различные типы инвестиционной политики в зависимости от сроков ее реализации, характера правовой базы и форме управления. При этом для большинства стран в современных условиях характерна реализация краткосрочной и долгосрочной инвестиционной политики преимущественно формализованного и либерального характеристика с элементами централизации и свободы перемещения капитала. Поэтому важная роль в реализации данной политики отводится нормативно-правовому регулированию.

Объем инвестиций на душу населения в регионе увеличился в 2023 г. на 30,4 тыс. руб./чел. (рис. 3). План Агентства инвестиционного развития Иркутской области по данному показателю в 2022 г. был не довыполнен на 2,2%, а в 2023 г. – на 1,3%. На 2024 г. спрогнозировано снижение данного показателя до уровня 2021 г., что является достаточно оптимистической оценкой с учетом экономического восстановления после кризиса, который с большой долей вероятности приведет к снижению прироста объема инвестиций.

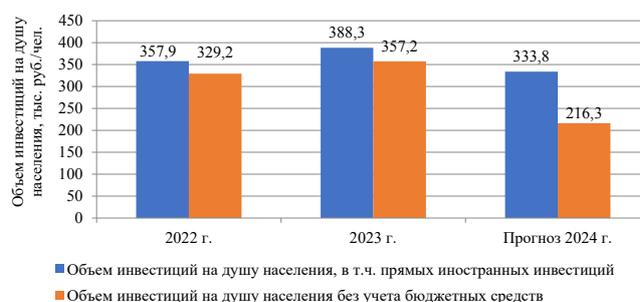

Рис. 3. Динамика объема инвестиций на душу населения в Иркутской области

Указанный объем инвестиций на душу населения, но без учета бюджетных средств, также уве-

личился, но в меньшей мере, на 28 тыс. руб./чел., что указывает на существенное влияние бюджетных инвестиций в Иркутской области на улучшение инвестиционной деятельности. При этом основной вклад в повышение инвестиционной активности в регионе вносит коммерческий сектор, поскольку объем инвестиций на одного жителя региона без учета бюджетных средств составил незначительно меньше, чем с учетом их величины (в 2023 г. 361,9 тыс. руб./чел. против 33,8 тыс. руб./чел. в 2022 г.).

Несмотря на увеличение объема инвестиций в Иркутской области, число созданных рабочих мест сократилось в 2023 г. по сравнению с 2022 г. на 1,4 тыс. чел. Данное снижение было вызвано тем, что в 2023 г. инвестиции были направлены на улучшение производственной базы местных компаний, совершенствование технологии, модернизацию и т.п. в большей мере, чем в 2022 г. Следует отметить снижение удельного веса исполненных инвестиционных соглашений в их общем числе на 6% за 2022–2023 гг., а число этих соглашений сократилось на 4 ед.

Лидерами инвестиционного климата в стране выступили 5 субъектов: г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Ямало-Ненецкий автономный округ, из которых многолетний выступает г. Москва. Среди инвестиционной привлекательности высокая занимает наибольшую долю, которая сократилась с 60,2% в 2022 г. до 58,7% в 2023 г., как показано на рис. 4. Для данных регионов характерно наличие высокого инвестиционного потенциала при минимальном, по сравнению с другими регионами, уровне соответствующего инвестиционного риска.

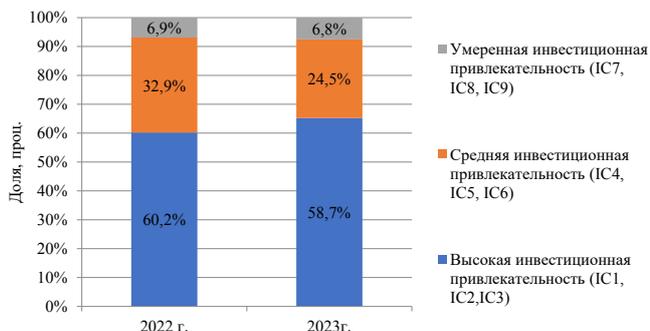

Рис. 4. Распределение инвестиций в основной капитал по категориям регионов

Наличие высокого потенциала, но при умеренном риске также характерно для соседнего с Иркутской областью региона – Красноярского края. Средний потенциал и минимальный риск инвестиций пришелся на такие регионы, как Республика Татарстан, Белгородская, Нижегородская Самарская, Свердловская области. Инвестиционный климат Иркутской области оценен «РАЭК-Аналитика» как средний потенциал при умеренном риске (IC4).

Инвестиционный риск Иркутской области оценен «РАЭК-Аналитика» в размере 0,2823 (56 место из 85 субъектов РФ), что соответствует сред-

нему значению риска, согласно методологии аналитического агентства. Его большая величина приходится на Ивановскую область 0,2844 и Республику Марий Эл – 0,2845.

Инвестиционный потенциал Иркутской области оценен «РАЭК-Аналитика» в размере 1,3653 (19 место из всех 85 субъектов РФ), в существенно большей мере, чем соответствующий инвестиционный риск. По указанному в таблице 5 показателю Иркутская область уступает Ямало-Ненецкому автономному округу, но опережает Воронежскую область и Республику Саха (Якутия). В рассматриваемом регионе среди факторов формирования инвестиционного потенциала следует отметить положительные оценки по таким критериям, как производственный, финансовый и природно-ресурсный ранги составляющих. При этом в области инвестиционного риска негативной является оценка Иркутской области по таким составляющим, как экологический, криминальный, управленческий и социальный ранги.

В Иркутской области реализация инвестиционной политики как инструмент социально-экономического развития региона направлена на использование различных мер поддержки инвестиционных проектов и предпринимательства в приоритетных отраслях и видах экономической деятельности.

Особенности организации и результаты анализа проведенного экспертного исследования

Для анализа существующей ситуации воздействия инвестиционной политики на социальное измерение регионального развития мы провели экспертный опрос, в котором приняли участие 16 чел., выступающих в роли экспертов на основании того, что они сами являются инвесторами региональных компаний, представителями общественности активно вовлеченными в социальные процессы региона, политиками, журналистами и преподавателями высшей школы, касающимися в своих профессиональных ориентирах на инвестиционную политику региона. Интервью проводилось в zoom длилось 1,5–2 часа.

Эксперты смогли выделять ряд сильных сторон. Практически каждый говорил о формальных условиях, таких как реализация ведомственной программы «Повышение инвестиционной привлекательности Иркутской области» на 2019–2024 годы» и Закон Иркутской области от 01.06.2023 № 76-ОЗ «Об инвестиционной политике в Иркутской области» (50%) или же указывали на потенциал широкого спектра научно-исследовательских институтов в Иркутской области (50%). Еще одним формальным показателем стал значительный рост инвестиций в основной капитал в Иркутской области (40%). На территории Иркутской области реализуются различные инвестиционные проекты по данным Министерства экономического развития Иркутской области. Но необходимо их расширять и увеличивать. Также отдельно указывалась развитая инфраструктура поддержки инвестици-

онной и предпринимательской деятельности Иркутской области (35%). Наличие региональных конкурентных преимуществ для привлечения инвестиций в Иркутской области (низкая стоимость электроэнергии, налоговые льготы, научная и инновационная инфраструктура и др. – 30%). Активная государственная поддержка инвестиций в регионе со стороны государства за счет целого комплекса мер (налоговые льготы, для субъектов малого бизнеса, финансовые и нефинансовые меры поддержки и др. – 25%). К перспективным направлениям можно отнести создание территорий опережающего развития и особых экономических зон, создающих благоприятные условия для инвестиций в приоритетных отраслях экономики (44%). Инвестиции на душу населения в Иркутской области значительно превышают аналогичный показатель по России.

Слабые стороны инвестиционной политики также выделены экспертами. Прежде всего это недостатки подпрограммы «Повышение инвестиционной привлекательности Иркутской области» на 2019–2024 гг. (отсутствие точной цели, мероприятий, ограниченное число целевых показателей и др.) – 38%. Не достижение целевых показателей объема инвестиций на душу населения, в т.ч. прямых иностранных инвестиций (20%). Большинство мер поддержки инвестиций носят преимущественно финансовый характер (льготные кредиты, налоги, субсидии и др.). Не хватает социально ориентированных форм поддержки – 44%. Снижение объема привлеченных инвестиций в рамках проектов государственно-частного партнерства, реализуемых на территории Иркутской области (15%). Недостаточный уровень инвестиционного климата в Иркутской области по сравнению с другими субъектами РФ (лидерами рейтинга) – 40%. Несмотря на увеличение объема инвестиций в Иркутской области, число созданных рабочих мест сократилось (29%). Удаленность региона от центров экономического развития в России негативно влияет на обеспечение эффективности инвестиционной политики (12%). Недостаточный уровень предпринимательской активности для повышения инвестиционной привлекательности региона (10%).

При этом, эксперты выделили ряд возможностей. Упрощение процедур организации и ведения предпринимательской деятельности в регионе (18%). Устранение недостатков программы «Повышение инвестиционной привлекательности Иркутской области» (12%). Улучшение информационно-аналитической работы органов власти Иркутской области, Министерства экономического развития (15%). Развитие инвестиционной инфраструктуры в регионе Министерством экономического развития (13%). Увеличение целевых моделей ведения предпринимательской деятельности в регионе (10%). Совершенствование административных процедур в рамках реализации Национальной предпринимательской инициативы в Иркутской области (8%). Расширение доступа субъектов ма-

лого бизнеса к закупкам монополий и компаний с государственным участием (5%). Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики (8%). Совершенствование правового регулирования градостроительной деятельности и улучшение предпринимательского климата в сфере строительства (6%). Повышение доступности энергетической инфраструктуры (5%).

Угрозами развития инвестиционной привлекательности региона выступают достаточно четко обозначенные экспертами проблемы. Дефицит бюджетных средств для предоставления финансовых мер стимулирования инвестиционной активности в регионе (26%). Увеличение конкурентного отставания в борьбе за привлечение инвестиционных ресурсов с ведущими регионами страны (21%). Ограничение доступа продукции Иркутской области на внешние рынки (18%). Изменение федерального законодательства, ухудшающего инвестиционные условия в регионах (15%). Увеличение инфляции и снижение покупательской способности населения может привести к ухудшению предпринимательской среды и инвестиционной активности (13%). Ухудшение несбалансированности структуры инвестиций по видам экономической деятельности (10%). Дефицит финансовых ресурсов частного сектора для повышения инвестиционной активности региона (7%).

Таким образом, в результате анализа проблем реализации государственной инвестиционной политики Иркутской области были выявлены основные слабые стороны, к которым можно отнести: недостатки подпрограммы «Повышение инвестиционной привлекательности Иркутской области» на 2019–2024 гг. (отсутствие точной цели, мероприятий, ограниченное число целевых показателей и др.); не достижение целевых показателей объема инвестиций на душу населения, в т.ч. прямых иностранных инвестиций; большинство мер поддержки инвестиций носят преимущественно финансовый характер (льготные кредиты, налоги, субсидии и др.); снижение объема привлеченных инвестиций в рамках проектов государственно-частного партнерства, реализуемых на территории Иркутской области; недостаточный уровень инвестиционного климата в Иркутской области по сравнению с другими субъектами РФ (лидерами рейтинга); несмотря на увеличение объема инвестиций в Иркутской области, число созданных рабочих мест сократилось; удаленность региона от центров экономического развития в России негативно влияет на обеспечение эффективности инвестиционной политики; недостаточный уровень предпринимательской активности для повышения инвестиционной привлекательности региона.

Инвестиционная политика государства представляет собой совокупность мероприятий по нормативно-правовому регулированию, стимулированию инвестиционной деятельности, а также обеспечению эффективности использования бюджетных финансовых ресурсов и управления государственным имуществом. Ключевое направ-

ление современной государственной инвестиционной политики заключается в создании благоприятных условий для привлечения инвестиций в различные отрасли экономики, особенно, имеющие приоритетное значение для экономического роста. Различают различные типы инвестиционной политики в зависимости от сроков ее реализации, характера правовой базы и форме управления. При этом для большинства стран в современных условиях характерна реализация краткосрочной и долгосрочной инвестиционной политики преимущественно формализованного и либерального характера с элементами централизации и свободы перемещения капитала. Поэтому важная роль в реализации данной политики отводится нормативно-правовому регулированию.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Влияние СМИ на формирование общественного мнения о преступности // Социология. 2023. № 5. С. 90–97.
2. Ардашев Р.Г. Идеология страха: анализ криминальных сообщений в СМИ и сети интернет за 2019–2022 гг. // Социология. 2023. № 6. С. 86–93.
3. Баев П.А. Национальные интересы креативного развития регионов России // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Ю. Фальковской. Иркутск, 2023. С. 30–34.
4. Баев П.А. Религиозный туризм как стратегия креативного развития регионов // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы IV международной научно-практической конференции. Иркутск, 2022. С. 41–49.
5. Борисова Ю.В., Беляева Е.С., Гладкова Т.В. Проблемы и направления совершенствования инвестиционного климата Иркутской области // Культура и взрыв: социальные смыслы в трансформирующемся обществе. Материалы VIII Всероссийской научной интернет-конференции. 2016. С. 140–145.
6. Заварзина Ю.В. Проблемы реализации инвестиционной политики в Иркутской области // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 548–555.
7. Заварзина Ю.В. Территориальное развитие: основные направления инвестиционной привлекательности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 446–453.
8. Полюшкевич О.А. Потенциал адаптации жителей региона к модернизационным процессам в стране // Стратегические направления устойчивого развития Байкальского региона. материалы международной научно-практической конференции в 3-ех частях. Иркутск, 2010. С. 77–80.
9. Полюшкевич О.А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 126–129.
10. Полюшкевич О.А. Угрозы и риски утраты социального доверия в современном обществе // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2023. № 14. С. 101–106.
11. Пружинин А.Н. Воспроизводство человеческого капитала бизнес-структур в городской среде // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города. Сборник научных трудов. Научный редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 185–188.
12. Пружинин А.Н. Социальное моделирование развития человеческого капитала в виртуальном обществе // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 126–130.
13. Пружинин А.Н. Человеческий капитал до и после пандемии // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России. Всероссийская научная конференция с международным участием: сборник материалов. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 2020. С. 120–122.
14. Трескин П.А. Некоммерческие организации как ресурсы социального развития регионов // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 147–151.
15. Трескин П.А. Социальное партнерство в работе некоммерческих организаций Байкальского региона // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 184–187.

SOCIAL DIMENSION OF REGIONAL INVESTMENT POLICY

Zavarzina Y.V.
Irkutsk State University

The article presents the results of studying the features of investment policy development, their influence on social development, regional modeling and human capital. On the basis of the conducted expert interview strengths and weaknesses of the social dimension of regional investment policy are highlighted, opportunities and risks of strategic development are emphasized. This determines the subsequent actions and stages for the development of the regional investment policy.

Keywords: economic sociology, investment policy, social dimension, regional development, human capital.

References

1. Ardashev R.G. The influence of the media on the formation of public opinion about crime // *Sociology*. 2023. No. 5. pp. 90–97.
2. Ardashev R.G. Ideology of fear: analysis of criminal reports in the media and the Internet for 2019–2022. // *Sociology*. 2023. No. 6. pp. 86–93.
3. Baev P.A. National interests of creative development of Russian regions // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of T. Yu. Falkovskaya. Irkutsk, 2023. pp. 30–34.
4. Baev P.A. Religious tourism as a strategy for the creative development of regions // *Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region*. Materials of the IV international scientific and practical conference. Irkutsk, 2022. pp. 41–49.
5. Borisova Yu.V., Belyaeva E.S., Gladkova T.V. Problems and directions for improving the investment climate in the Irkutsk region // *Culture and explosion: social meanings in a transforming society*. Materials of the VIII All-Russian Scientific Internet Conference. 2016. pp. 140–145.
6. Zavarzina Yu.V. Problems of implementing investment policy in the Irkutsk region // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 548–555.
7. Zavarzina Yu.V. Territorial development: main directions of investment attractiveness // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the IX International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 446–453.
8. Polyushkevich O.A. The potential for adaptation of residents of the region to modernization processes in the country // *Strategic directions for sustainable development of the Baikal region*. Materials of the international scientific and practical conference in 3 parts. Irkutsk, 2010. pp. 77–80.
9. Polyushkevich O.A. Social trust as the basis of prosocial practices: expert analysis // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023. pp. 126–129.
10. Polyushkevich O.A. Threats and risks of loss of social trust in modern society // *The problem of the relationship between the natural and the social in society and man*. 2023. No. 14. pp. 101–106.
11. Pruzhinin A.N. Reproduction of human capital of business structures in the urban environment // *Civilization shifts in the development of a modern city*. Collection of scientific papers. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2021. pp. 185–188.
12. Pruzhinin A.N. Social modeling of human capital development in a virtual society // *In search of social truth*. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. 2020. pp. 126–130.
13. Pruzhinin A.N. Human capital before and after the pandemic // *The influence of the quality of life on the formation of the value structure of the Russian population*. All-Russian scientific conference with international participation: collection of materials. Moscow State University named after. M.V. Lomonosov. Moscow, 2020. pp. 120–122.
14. Treskin P.A. Non-profit organizations as resources for the social development of regions // *In search of social truth*. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. pp. 147–151.
15. Treskin P.A. Social partnership in the work of non-profit organizations in the Baikal region // *Social security and social protection of the population in modern conditions*. Materials of the international scientific and practical conference. Executive editor A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 184–187.

Политика патриотизма: особенности работы молодежных политических организаций (на примере Иркутской области)

Иванов Роман Викторович,

к.и.н., доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: iromanviktorovich@bk.ru

В статье проводится анализ реализации политики патриотизма через работу молодежных политических организаций. Обозначается их роль и значимость в процессе формирования институтов гражданского общества современной России. Систематизируется сфера их социально-политической активности. Приводятся результаты опроса участников молодежных политических организаций Иркутской области, где обозначаются мотивы участия, преимущества и недостатки, возможности и риски реализации инициатив и проектов молодежных политических организаций региона.

Ключевые слова: патриотизм, политика патриотизма, молодежные организации, политические организации, социальная активность.

Молодежные политические организации становятся важным ресурсом для трансляции идеологии государства и регулирования общественных настроений среди молодежи. Без развития данного социального института не формируется перспектива развития социального активизма и политического активизма среди молодежи.

Новые условия жизни влияют и на качество жизни молодежи, и на их активность (Р.Г. Ардашев [1–3]), по-новому формируется гражданская и национальная идентичность (П.А. Баев [4–6], П.А. Трескин [21–23]), поднимаются вопросы патриотизма в молодежной среде (Р.В. Иванов [10–12]), социальной безопасности и доверия (О.А. Полюшкевич [15–18]), и общего воздействия на политическую активность молодежи и организацию молодежных политических организаций (А.Р. Бочкарев [7], Ж.К. Бутакова [8], В.А. Должников [9], В.Н. Крикунов [13], А.Е. Малашко [14], А.В. Селезнева и В.Е. Зиненко [19], А.А. Соловей [20] и др.).

Молодежные организации играют в жизни общества, помогают направить энергию молодых людей в нужное русло. Они помогают развивать навыки и способности молодежи в различных сферах, начиная от спорта и заканчивая гражданской активностью. Молодежные организации могут быть религиозными, неправительственными, военно-патриотическими и политическими [10].

Молодежные общественные организации можно разделить на 4 группы.

1. Аполитичные

В данной организации человек выступает равнодушно, даже безразлично по отношению к политике. В такую группу могут входить спортивные, творческие объединения, кружки по интересам.

Например, к таким организациям относятся следующие.

А. Ассоциация студенческих спортивных клубов России, АССК – всероссийская организация, активно развивающая спорт среди студенческой молодежи. Ассоциация России объединяет спортивные клубы студентов на всей территории РФ, направляя их деятельность на популяризацию здорового образа жизни среди молодежи. В настоящее время в состав ассоциации входят клубы из 346 вузов России и 71 региона.

Б. РООСПМ «Студенческая община» – это независимая неполитическая молодежная общественная организация. Её миссия – построение здорового спортивного общества в России и раскрытие организационного, творческого и лидерского потенциала молодых людей. Союз имеет 81 региональное отделение, объединяет в своих ря-

дах 70 тысяч членов и проводит более 500 мероприятий.

В. Всероссийский Межнациональный Союз Молодёжи (ВМСМ) – общественное движение, распространённое по всей России, целью которого является содействие созданию и координации клубов и ассоциаций в высших учебных заведениях, направленных на развитие межнационального сотрудничества и стимулирование студенческого самоуправления на международной основе. Оно также организует фестивали, как способ собрать людей из разных этнических групп, вновь соприкоснуться со спортивными и общественными проектами, а также осуществляет чтения и встречи с представителями национальных общин в рамках этнологических факультативов [18].

2. Идеологические.

Эти молодёжные организации не упоминают о каком-либо отношении к политике. К таким организациям относят поисковые, гражданские объединения.

А. Молодежная общероссийская общественная организация «Российские Студенческие Отряды» (РСО) – это самая масштабная молодёжная организация в стране, которая предоставляет временную работу для более чем 150 тысяч молодых людей из разных регионов Российской Федерации. Кроме того, она также активно занимается патриотическим и гражданским воспитанием, а также развитием творческого и спортивного потенциала молодёжи.

Б. Российский союз молодёжи является массовой организацией, которая имеет колоссальное влияние во всех сферах жизни: промышленности и экономике, образовании и науке, культуре и искусстве, спорте, организации досуга.

В. Российская ассоциация студентов по развитию науки и образования («РАСНО») – общероссийская общественная организация, учреждённая в 2013 году, имеет 46 региональных отделений. Направления деятельности: создание новых образовательных технологий для совершенствования учебного процесса и внедрение их в процесс обучения и научной работы; развитие научной и инновационной деятельности; повышение качества образования; контроль за соблюдением социальных стандартов, поддержка в защите прав и интересов обучающихся [19].

3. Политические.

Такие организации появляются при разнообразных политических союзах и функционируют в рамках определенных идеологических концепций.

Молодежные организации становятся объектом особого интереса для конкретных политических партий, поскольку позволяют им воспитывать своих сторонников и будущих членов.

А. «Мы» – российское общественное движение. Основано в Москве в 2005 г. Основатели – Р.А. Доброхотов, И.Ю. Драндин. На официальном сайте движения сказано, что целью движения является «развитие правового государства и гражданского общества в России.

Б. Молодежное крыло партии «Демократический Выбор» – это неравнодушная молодёжь, занимающая активную жизненную и гражданскую позицию. Их политика направлена на поддержание европейского пути развития России: свободу, демократию, рыночную экономику, законность [21].

4. Политико-просветительские.

Описывая данные организации, следует отметить, что целью их создания является подготовка представителей политической элиты страны. Такие организации включают в себя как работу добровольными помощниками депутатов. Несмотря на это, они различаются по степени автономности. В частности, можно выделить три типа объединений в зависимости от их создания и управления.

Первый тип объединений создаётся на инициативу детей и молодёжи и преимущественно ими управляется. Они предоставляют возможность молодым людям развивать свои лидерские качества, приобретать опыт в политической деятельности и вносить свой вклад в формирование будущих лидеров страны.

Второй тип объединений создаётся на инициативу взрослых с участием детей и молодёжи. В таких организации взрослые люди участвуют в формировании программ и оказывают помощь в руководстве. Это позволяет организациям более эффективно реализовывать свои цели, отражать интересы молодых людей и добиться более широкого влияния на политическую сферу.

Третий тип объединений создаётся по инициативе государства или общественных структур, которые участвуют в руководстве. Такие организации могут иметь существенное влияние на политику, поскольку они обладают ресурсами и поддержкой со стороны государства или общества. Они способствуют формированию политической элиты и взаимодействию со сферами власти [16].

Таким образом, данные организации созданы для подготовки представителей политической элиты страны и различаются по степени автономности. Первые управляются молодёжью, вторые создаются взрослыми с участием молодёжи, а третьи формируются при участии государства или общественных структур.

А. Молодёжный парламент города Москвы – московское молодёжное движение, позволяющее молодым людям реализовать свой интеллектуальный и креативный потенциал через участие в общественной деятельности и законотворческом процессе.

Б. Молодое звено партии ветеранов России – это молодёжное движение, которое работает с момента регистрации политической партии.

Цели движения: содействовать развитию демократии и равных прав и свобод в России; выражать позицию и настроение молодёжи до общественности и органов государственной власти; стимулировать молодёжь на участие и развитие в общественной жизни страны, повысить их социальную активность и ответственность за будущее России и ее морально-нравственный облик.

Росстат указывает следующую численность молодежи, являющихся участниками молодежных организаций (рис. 1).

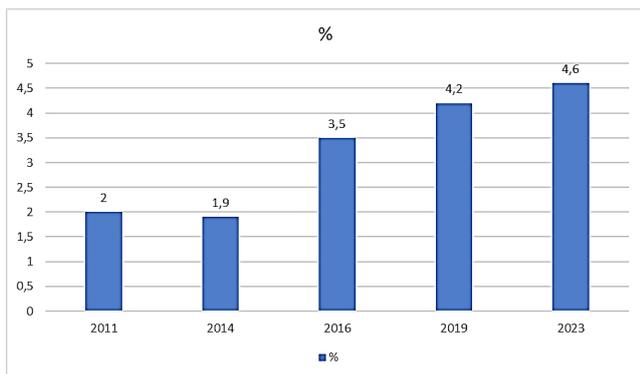

Рис. 1. Численность представителей молодежи, являющихся участниками молодежных организаций

В 2023 году участниками молодежных организаций являлись 4,6% лиц в возрасте 16–34 лет (рис. 2).

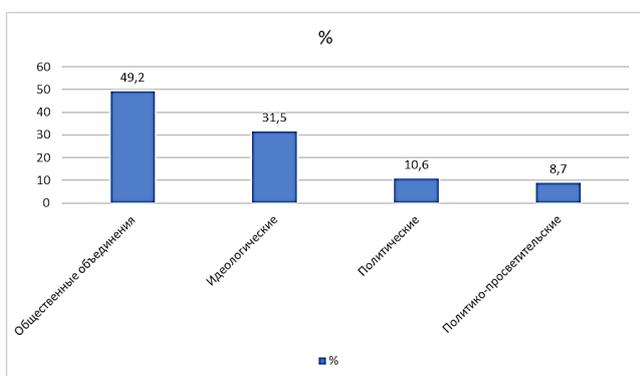

Рис. 2. Статистика наиболее предпочтительных молодежных организаций по группам, 2023 г.

В 2011 году участниками общественных объединений стали 2% молодежи в возрасте 16–29 лет, в 2014 г. – 1,9%, в 2016 г. – 3,5%, в 2019 г. – 4,2%, в 2023–4,6%. Наиболее популярными среди молодежи являются профсоюзные организации (49,2% молодежи среди тех, кто является участником общественных объединений), идеологические (31,5%), политические (10,6%), политико-просветительские (8,7%). То есть – видна положительная динамика активности молодежи.

Основными функциями общественных молодежных объединений, являются:

- защита и представление интересов молодых людей, как в общественных, так и в государственных органах;
- в соответствии с действующим законодательством, участвует в выборах в федеральные государственные органы власти, органы власти субъектов РФ, местного самоуправления;
- поддержка инициатив, направленных на всестороннее развитие молодого поколения – как духовно, так и физически и интеллектуально;
- молодежные организации активно помогают разработке различных целевых программ как на федеральном уровне, так и на других уровнях;

- поддерживают сотрудничество с международными организациями и участвуют в международных программах.

Молодежные организации выступают важным институтом гражданского общества, обеспечивая участие, вовлекая в социальную активность и воспитывая общественную ответственность среди молодого поколения. Они являются инициаторами, организаторами и исполнителями многих социальных проектов и программ, затрагивающих основные сферы жизни молодежи.

Опыт субъектов Российской Федерации по поддержке молодежных организаций

Исследование накопленного опыта государственной поддержки молодежных инициатив в региональном измерении является актуальным по ряду объективных причин.

Во-первых, в современных условиях укрепилась модель демократического суверенного государства, что делает необходимым изучение эффективности государственной поддержки молодежи, тем самым придавая больший вес данной теме.

Во-вторых, позиции гражданского общества значительно укрепилась, а молодежь, являющаяся важным компонентом этого общества, играет существенную роль в его формировании.

В-третьих, возникло новое поколение, которое отличается большой инициативностью и готовностью к активному участию в социальном и политическом развитии общества. Исследование взаимодействия государства и молодежи, как важного фактора гражданского общества, открывает перспективы использования этого партнерства в качестве стратегического ресурса для политической стабилизации и модернизации современной России.

Заинтересованная молодежь Саратовской области активно формирует группы вокруг исполнительной власти в муниципалитетах, которые обычно называются советами. Одним из ответов на эту инициативу молодежи стало постановление губернатора Саратовской области от 11 ноября 2005 года № 265 «О создании Молодежного совета Саратовской области». Знаменательно, что состав совета представлял все категории молодежи, включая детские общественные организации. На уровне муниципальных образований были также созданы молодежные советы при главах муниципальных районов области. Важность такого опыта очевидна, поскольку в отличие от государственных институтов советы объединили не только молодежь, учащуюся и работающую. Фактически молодежные советы могут быть рассмотрены как структура гражданского общества, которая формирует инициативы молодых людей и обеспечивает их реализацию при поддержке государственных органов [9].

Развитие предпринимательства среди молодежи является неотъемлемой частью экономической

системы Астраханской области. Построение инновационной экономики невозможно без создания сообщества молодых, инициативных предпринимателей. Реализация государственной программы «Экономическое развитие Астраханской области» включает в себя следующие задачи:

- проведение информационной кампании, направленной на привлечение молодежи к предпринимательской деятельности;
- обучение физических лиц в возрасте до 35 лет по программам, нацеленным на приобретение навыков бизнеса и создание малых и средних предприятий;
- сопровождение начинающих молодых предпринимателей и мониторинг эффективности мероприятий, направленных на участие молодежи в предпринимательской деятельности.

Одной из федеральных программ, предназначенных для развития молодежного предпринимательства, является программа «Ты – предприниматель» Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь). Программа предоставляет доступные финансовые средства молодым людям в виде кредитов для открытия собственного бизнеса. Кроме финансовой поддержки, молодым предпринимателям предлагается помощь наставников, консультирование по составлению бизнес-планов и обучение различным аспектам ведения бизнеса. Это позволяет молодым бизнесменам быстрее начать свою деятельность и избежать распространенных ошибок на старте. За время реализации программы с 2009 года более полумиллиона человек получили обучение, 16 000 молодых предпринимателей открыли свое дело, было создано более 3 500 новых предприятий и 8 000 рабочих мест.

На данный момент программа «Ты – предприниматель» успешно внедрена в 60 регионах Российской Федерации, и Астраханская область не стала исключением. Агентство по делам молодежи Астраханской области активно реализует данную программу с 2012 года. За это время число людей, ознакомившихся с программой, достигло отметки в 20 600 человек, из которых 3 196 прошли обучение, а 406 молодых предпринимателей открыли свои собственные дела.

Основные направления программы «Ты – предприниматель» на территории Астраханской области включают: консультирование по вопросам создания и ведения бизнеса, налогообложения, а также предоставление юридических и бухгалтерских услуг. Одним из важных аспектов программы является поддержка предпринимателей в получении государственного финансирования различных уровней. Это включает формирование пакета необходимых документов и сопровождение при получении грантов на создание бизнеса в области сельского хозяйства от Министерства сельского хозяйства до 3,5 миллионов рублей, возможность получения единовременной помощи на бытовое обустройство для начинающих фермеров до 250 тысяч рублей, а также возможность получения субсидии от органов государственного управ-

ления «Центр занятости населения г. Астрахани» до 65 тысяч рублей.

Участие в конкурсах предпринимательства и форумах различного уровня, таких как молодежный образовательный форум «СелиАс», федеральный образовательный форум «Территория смыслов», итоговый федеральный конгресс молодых предпринимателей «Молодой предприниматель России» и многие другие, также является важной частью программы.

Кроме того, с 2014 года Торговое и предпринимательское управление Администрации муниципального образования «Город Астрахань» реализует проект под названием «Школа молодого предпринимателя» с целью популяризации предпринимательской деятельности среди молодежи. В рамках этого проекта молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет имеют возможность принять участие и освоить необходимые навыки для становления успешными предпринимателями [13].

Опыт республики Татарстан представлен в виде Капитана грантов и РОО «Академия творческой молодежи Республики Татарстан» расскажем о возможностях в социальной сфере, бизнесе, творчестве для молодежи в России.

«Капитан Грантов» – это уникальная информационная платформа, предназначенная для автоматического сбора и систематизации актуальных данных о грантах и конкурсах, доступных во всех регионах России. Созданная с целью облегчить поиск информации о конкурсах и грантах для некоммерческих организаций, социальных предпринимателей и молодежи, эта система предоставляет возможность получить всю необходимую информацию в режиме «одного окна».

Все «лицензированные локальные» (региональные, федеральные) конкурсы и гранты, которые организаторы регулярно размещают на платформе АИС Росмолодежь.

Поддержка от профильных министерств и ведомств в городах и регионах – это несомненно важный фактор для успешной реализации различных проектов и инициатив. Однако, не во всех местах такая поддержка доступна, и даже если она существует, информация о ней не всегда доходит до нужных людей.

В Татарстане проводится Всероссийский конкурс волонтерских проектов «Добровольцы России» для молодежи, физических лиц и НКО в сфере добровольчества. Возможность получить грантовые средства на реализацию проекта, но схема участия не так проста: для участия необходимо было пройти серию региональных отборов, а после – финальная всероссийская защита.

Еще одним событием является проведение конкурсного набора на участие во всероссийском ежегодном форуме «Россия – страна возможностей». Участие в данном форуме дает возможность для молодежи изучить тенденции молодежной и проектной сфер в России, найти интересные контакты, послушать известных спикеров.

Для официальных участников форума прошел Всероссийский конкурс молодежных проектов. Максимальная сумма грантовой поддержки на реализацию уникального проекта составит до 2,5 млн рублей.

Конкурс проходил по следующим номинациям:

- «Добровольчество»;
- «Инициативы творческой молодежи»;
- «Молодежные медиа»;
- «Патриотическое воспитание»;
- «Профилактика негативных проявлений в молодежной среде и межнациональное взаимодействие»;
- «Укрепление семейных ценностей»;
- «Спорт, ЗОЖ, туризм»;
- «Развитие социальных лифтов»;
- «Студенческие инициативы».

В Татарстане ежегодно проходит Всероссийский конкурс молодежных авторских проектов и проектов в сфере образования, направленных на социально-экономическое развитие российских территорий «Моя страна – моя Россия». Деньги в данном конкурсе не вручают, но помогают в масштабировании проекта, оказывают информационную поддержку.

Также ежегодно проходит Конкурс студенческих волонтерских проектов «Люди, меняющие мир» от компании Сибур. К участию приглашают студентов старше 18 лет из 21 ВУЗов 13 городов России: Благовещенск, Владивосток, Воронеж, Дзержинск, Казань, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижний Новгород, Пермь, Томск, Тюмень и Уфа.

В 2020 году был проведен Всероссийский конкурс социальных проектов «Инносоциум». Участие принимали студенческие коллективы. Номинации: женское лидерство; развитие территорий; культура – региональные инициативы.

Ежегодно проводится Всероссийский конкурс «Молодой предприниматель России». Для физических лиц 18–30 лет с уже работающим бизнесом в РФ. Конкурс по следующим номинациям:

- Интернет-предпринимательство;
- Сельскохозяйственное предпринимательство;
- Франчайзинг;
- Социальное предпринимательство;
- Производство;
- Инновационное предпринимательство;
- Торговля;
- Сфера услуг.

Ежегодный международный молодежный конкурс «идеи, преобразующие города». Конкурс направлен на выявление, сопровождение и поддержку талантливых молодых граждан, принимающих активное участие в планировании и создании проектов благоустройства городской среды в муниципальных образованиях Российской Федерации. Все участники награждаются сертификатами участника, все победители награждаются дипломами и грамотами.

Общий грантовый пул проектов составляет 500 000 руб.

Размер бюджета подаваемого проекта может составлять от 8 000 рублей до 150 000 рублей. Собственный вклад заявителя и/или привлеченные средства/ресурсы из других источников на реализацию проекта должен составлять не менее 20% от общей суммы бюджета [18].

Все перечисленные проекты, форумы и конкурсы – это лишь малая часть тех молодежных мероприятий, которые проводятся в Татарстане, если точнее – их 47.

В 2023 году молодежь Татарстана стала активным участником всех федеральных и республиканских грантовых конкурсов. Всего молодые люди получили на реализацию своих проектов за прошедшие девять месяцев порядка 120 млн рублей. В среднем, в год принимают участие около 600 представителей молодежи.

Таким образом, подводя итоги первой главы, отметим, что наличие молодежных объединений на территории Российской Федерации действует достаточно много. Все они направлены на реализацию различных молодых инициатив, активное вовлечение молодежи в жизнь целой страны.

Поделиться своим опытом, а также получить грантовую поддержку можно приняв участие в различных конкурсах и форумах. Наиболее активно поддерживает молодые организации Республика Татарстан, на территории которой ежегодно проходят различные конкурсы и форумы.

Анализ деятельности молодежных общественных организаций в политической сфере Иркутской области

В Иркутской области действует не так много молодежных общественных организаций именно в политической сфере. На наш взгляд, основными являются следующие.

1. Молодая Гвардия Единой России.
2. Роспоколение – это сообщество талантливой и инициативной молодежи, участников системы молодежного парламентаризма Иркутска и Иркутской области (Иркутское МО).
3. Организация ОД «РОССИЯ МОЛОДАЯ» (Иркутское МО).
4. Молодежное движение «МЫ» (Иркутское МО, Черемховское МО).
5. Иркутское «Молодежное ЯБЛОКО» (Иркутское МО).

Данные партии к политическим молодежным организациям, действующим на территории Иркутской области. Представители Молодой Гвардии Единой России, Молодежной организации ЛДПР и Молодежного движения «МЫ» входят в состав Молодежного парламента Иркутской области. Также, представители МГЕР являются депутатами в муниципалитетах области.

Молодежные общественные организации в политической сфере Иркутской области выполняют важную роль в формировании гражданского общества и политической культуры молодежи. Одна-

ко, для повышения эффективности и влияния этих организаций необходимо учитывать их статус, цели, финансовые ресурсы и результативность деятельности. Только путем комплексного и всестороннего анализа можно разработать рекомендации и предложения по усовершенствованию работы молодежных общественных организаций в политической сфере Иркутской области.

Мы провели опрос среди участников молодежных политических организаций, на предмет их мотивации и патриотических устремлений, реализуемых в работе данных организаций, а также оценке эффективности работы молодежных политических организаций. В исследовании приняло участие 640 человек в возрасте от 18 до 35 лет, 55% женщин и 45% мужчин.

Первое, на что указывали респонденты, это то, что в Иркутской области функционирует областной Реестр молодежных общественных объединений. Организации, которые будут включены в реестр детских и молодежных общественных объединений, получают право претендовать на получение субсидий (25%).

Областной реестр молодежных общественных объединений является важным механизмом поддержки и развития молодежи в Иркутской области. Включение в этот реестр представляет собой отличную возможность для организаций получить не только статус официального признания, но и дополнительные финансовые ресурсы для реализации прогрессивных проектов. Такая поддержка способствует развитию молодежной активности, обеспечивает широкий доступ к разнообразным возможностям для саморазвития и социальной адаптации молодежи, способствует созданию благоприятной среды для формирования активной и ответственной гражданской позиции молодых людей в Иркутской области.

Субсидии, предоставляемые организациям из реестра, играют важную роль в развитии молодежного общественного движения в Иркутской области. Они способствуют укреплению социального партнерства между государственными и негосударственными структурами, а также содействуют созданию условий для самореализации молодых людей и раскрытия их потенциала.

Организации смогут направить их на возмещение затрат, которые они несут при осуществлении деятельности, а также на оплату ЖКХ и транспортных услуг и аренду.

Значимой чертой молодые люди указывали на проведение в Иркутске Форума молодых политиков (23%). Его участниками стали более 100 молодых людей – представители общественных и некоммерческих организаций, молодежных парламентских структур Иркутской области и крыльев политических партий, а также студенты, лидеры общественного мнения в молодежной среде, гражданские активисты, депутаты муниципального уровня.

Форум проходит при поддержке Правительства Иркутской области. В его рамках молодежь ре-

гиона встретилась с действующими политиками, представителями органов власти, практикующими политтехнологами, специалистами в области медиа, известными людьми Иркутской области.

Форум молодых политиков ставит перед собой амбициозную цель – сформировать компетентное сообщество молодых активистов для конструктивного и эффективного взаимодействия с органами власти. Среди молодежи региона много мыслящих и креативных ребят.

Работа в рамках форума ведется по четырем тематическим трекам, отражающим основные аспекты современной политики: «Социальные лифты. Карьера для молодежи», «Молодежный парламентаризм», «Молодежные крылья политических партий», «Медиа, политические технологии и личный бренд».

Прерогативой участия в данных организациях выступает возможность вступления в Молодежный парламент при Законодательном Собрании Иркутской области от молодежных общественных организаций в политической сфере. Это отметили 20% опрошенных.

Молодежный парламент, действующий в законодательном собрании Иркутской области, является консультативно-совещательным органом, основывающим свою деятельность на принципах общественности. Парламент формируется на всю длительность полномочий законодательного собрания Иркутской области и нацелен на достижение следующих главных целей: создание эффективных механизмов вовлечения молодежи в процесс принятия законов Иркутской области и других нормативно-правовых актов, принимаемых законодательным собранием, с тем, чтобы реализовать государственную политику в Иркутской области, а также ознакомление молодежи с парламентской деятельностью; формирование правовой и политической культуры среди молодежи. Молодежный парламент текущего созыва был создан в феврале 2024 года по следующему принципу: 42 депутата отбираются через открытый конкурс (кто представляет проект или законопроект, инновационные идеи, которые кандидат намерен реализовать в случае успешного прохождения конкурса и избирательного процесса, а также дебаты среди всех участников отборочного конкурса), и еще трое назначаются Председателем законодательного Собрания ИО.

Не менее важна возможность стать членом молодежного политической организации с 14 лет. Возможность поучаствовать в разработке предложений для нормативно-правовых актов Иркутской области для 17% опрошенных.

Возможность воплощения в жизнь идей, повлиять на жизнь общества уже с 14 лет. Вступая в молодежные политические партии Иркутской области, есть возможность принимать активное участие в разработке предложений для нормативно-правовых актов, которые затрагивают жизнь региона. Идеи и мнения будут важны и услышаны.

Респонденты говорили о том, что молодежные организации реализуют в настоящее время социально значимые грантовые проекты на своих территориях, принимают активное участие в различных молодежных акциях и мероприятиях на региональном и муниципальном уровнях – 15%.

В региональном конкурсе «Росмолодежь» 21 проект из Приангарья получил грантовую поддержку федерального центра на сумму, близкую к 11 миллион рублей.

Признание и поддержку «Росмолодежи» также получили идеи организации патриотических, политических, экологических, образовательных, спортивных, межкультурных и развлекательных мероприятий для подрастающего поколения.

Согласно данным федерального ведомства, общее количество заявок составило 9116 из всех регионов России, в том числе 222 проекта из Иркутской области. В результате, поддержку получили 607 инициатив, включая 21 проект из Иркутской области. Все эти проекты должны быть реализованы в период с 01 декабря 2023 года по 20 ноября 2024 года.

При этом, опрошенные участники молодежных политических организаций выделили и слабые стороны деятельности данных организаций.

Отсутствие нормативно-правового акта, регулирующего деятельность молодежных организаций в политической сфере Иркутской области – 22%.

В том числе, отсутствуют нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность молодежных общественных организаций в политической сфере Иркутской области. В настоящее время в Иркутской области отсутствуют правовые механизмы, которые бы точно определяли статус молодежных организаций и их деятельности. Это приводит к неопределенности правового положения молодежных организаций, осуществляющих деятельность в области политики, общественно-патриотического воспитания, добровольчества и других сферах [46].

Дефицит бюджета мероприятий по разделу «молодежная политика» в Иркутской области столкнулось с серьезной проблемой – дефицит бюджета – 20%.

В течение последних лет, уровень финансирования проектов, направленных на поддержку и развитие молодежи, стремительно сокращается, что оказывает отрицательное влияние на их реализацию и эффективность.

Без достаточного финансирования, реализации перспективных проектов и программ в области молодежной политики становится невозможной.

Наблюдаются очевидные негативные последствия недостатка бюджетного финансирования, такие как снижение качества предоставляемых образовательных услуг, отсутствие эффективной системы поддержки молодых предпринимателей, недостаток возможностей для самореализации и творческого развития молодежи.

Слабая осведомленность молодежи Иркутской области о наличии молодежных политических организаций, что препятствует развитию данных организаций и достижению поставленных целей в социально-экономическом развитии региона – 33%.

Молодежные организации играют важную роль в развитии молодежи, позволяют ей проявить свой творческий потенциал, развить навыки лидерства, научиться работать в команде. Они предоставляют молодым людям возможность реализовать свои идеи и проекты, а также получить поддержку и содействие со стороны опытных специалистов.

В Иркутской области существует проблема недостаточного информирования молодежи о наличии молодежных общественных объединений и организаций, а также об их задачах и целях. Из-за слабой осведомленности о наличии таких организаций, большинство молодежи Иркутской области не может представить себе масштабы возможностей и перспектив, которые открываются перед ними. В результате, регион упускает шанс развить потенциал своей молодежи, не получая от нее необходимой помощи и вклада в социально-экономическое развитие.

Социальное безразличие и низкий уровень общественной активности молодых людей. Многие исследователи подчеркивают, что деятельность молодежных объединений играет огромную роль в развитии молодых людей – 15%.

Данную проблему можно отнести к наиболее серьезным. При отсутствии со стороны молодежи активной гражданской позиции, становится невозможным достижение поставленных целей на государственном уровне.

Вероятно, данная проблема связана с отсутствием понимания у молодежи важности участия в каких-либо молодежных организациях, считая, что это пустая трата времени.

В том числе, необходимо отметить, что современная молодежь, действительно, сильно загружена – работа, спорт, увлечения, поэтому в жизни для молодежных движений, времени, попросту, может и не остаться.

Взаимодействие между политическими молодежными организациями и органами государственной власти в регионе оказывается недостаточно эффективным – 10%.

В Иркутской области, практически, отсутствует взаимодействие между органами государственной власти и политическими молодежными организациями, что крайне негативным образом сказывается на деятельности последних.

Молодежные организации способны разрабатывать и предлагать новые идеи, которые могут быть воплощены в жизнь. Но очень часто такие идеи не находят поддержки со стороны органов власти, игнорируются. Как результат – молодое поколение остается неуслышанным, идеи невостремленными, в результате чего, у молодых людей пропадает желание что-либо делать дальше.

Участники молодежных политических организаций видят ряд возможностей для развития молодежной активности через деятельность данных организаций.

Возможность увеличения финансирования мероприятий по разделу «Молодежная политика» до уровня не менее 1% расходной части бюджета Иркутской области – 20%.

Увеличение финансирования мероприятий по разделу «Молодежная политика» в Иркутской области до уровня не менее 1% от расходной части бюджета представляется важной мерой для дальнейшего развития и поддержки молодежной среды. Это позволит более эффективно реализовывать программы и проекты, ориентированные на улучшение условий и перспектив развития молодежи. В конечном итоге, такое увеличение финансирования принесет пользу как самой молодежи, так и региону в целом, способствуя его развитию и процветанию.

В рамках международного молодежного форума «Байкал» необходимо организовать работу постоянно действующей площадки «Молодежные сообщества муниципалитетов» – 24%.

Основной целью площадки «Молодежные сообщества муниципалитетов» является сотрудничество представителей молодежных организаций со всего региона, будет способствовать обмену идеями и опытом.

В рамках площадки «Молодежные сообщества муниципалитетов» становится возможным проведение семинаров, конференций, круглых столов, на которых могут быть представлены успешные и интересные проекты.

Информирование молодежи Иркутской области о различных молодежных политических организациях посредством средств массовой информации: социальные сети, телевидение. Проведение встреч с представителями политических движений в виде лекций и семинаров в ВУЗах – 30%.

Повышение уровня информированности граждан является одной из основных мер, которые необходимо предпринять для усовершенствования проблем слабо развитых молодежных политических организаций.

Необходимо запустить рекламные агитационные кампании в социальных сетях, что позволит привлечь представителей молодежи с активной гражданской позицией.

Проведение встреч с представителями политических движений в виде лекций и семинаров в ВУЗах позволит заинтересовать молодежь на живом примере.

Разработать критерии эффективности работы органов местного самоуправления по работе с молодежью в соответствии с современными задачами и учитывать качественные и количественные показатели в общей оценке их деятельности – 16%.

Первым критерием эффективности работы органов местного самоуправления с молодежью является соответствие современным задачам. Это

означает, что органы местного самоуправления должны активно включаться в решение проблем, которые стоят перед молодежью сегодня. Это могут быть проблемы образования, доступа к труду, социальной защиты и развития личности. Органы местного самоуправления должны иметь понимание этих проблем и предлагать конкретные меры для их решения.

Вторым критерием эффективности работы органов местного самоуправления с молодежью является учет качественных и количественных показателей. Качественные показатели включают в себя, например, уровень удовлетворенности молодежи работой органов местного самоуправления, их готовностью решать их проблемы, а также качество предоставляемых услуг. Количественные показатели включают в себя, например, количество предложенных и реализованных проектов, количество мероприятий, охватывающих молодежь, и уровень участия молодежи в процессе принятия решений.

Общая оценка эффективности работы органов местного самоуправления с молодежью должна учитывать как качественные, так и количественные показатели. Важно понимать, что только объединение этих двух видов показателей позволит получить полную картину о деятельности органов местного самоуправления и их вкладе в поддержку и развитие молодежи.

Таким образом, разработка критериев эффективности работы органов местного самоуправления по работе с молодежью является необходимым шагом для определения их роли в решении современных задач и достижении положительных результатов. Эти критерии должны учитывать качественные и количественные показатели, а их общая оценка позволит определить эффективность работы органов местного самоуправления в данном направлении.

Организовать «Школу молодежного актива», привлекая ее участников к разработке и реализации совместных социально-значимых проектов, направленных на развитие клубного движения, добровольчества и благотворительности – 10%.

Создание «Школы молодежного актива» будет способствовать развитию молодежных инициатив и социально-значимых для региона проектов. В том числе, целью данной школы является развитие добровольчества и благотворительности.

При участии в данной школе ее участники могут найти себе единомышленников, могут реализовать свой потенциал в более крупных масштабах.

При всех возможностях, молодые люди отмечали и угрозы работы молодежных политических организаций.

Отсутствие интереса у молодежи к политической жизни общества – 30%. Отсутствие интереса у молодежи к политической жизни общества заключается в отсутствии понимания смысла от принятия участия в мероприятиях, связанных с политической жизнью общества. Они не видят даль-

нейших перспектив для себя, при участии в данных организациях, считают это пустой тратой времени.

Отток молодежи из малых городов Приангарья и Иркутской области в целом – 25%. Современная молодежь достаточно просто относится к переездам в другие регионы, с более мягким климатом. Они не боятся что-то менять в своей жизни, не стремятся заводить семьи и обзаводиться собственным жильем. При высоких показателях оттока молодежи из малых городов Приангарья и Иркутской области в целом, появляется проблема реализации мер поддержки развития политических молодежных организаций.

Высокий уровень загруженности молодежи (учеба, тренировки, соревнования, хобби) может не оставить свободного времени на участие в политической жизни молодого поколения – 20%.

Современная молодежь стремится успевать всегда и везде: обучение в учебных заведениях среднего и высшего образования, курсы повышения квалификации, спорт, хобби, встречи с друзьями и родными. В результате чего, не остается свободного времени и все политические интересы уходят на задний план.

Отсутствие четкого понимания у молодежи о деятельности различных политических партий региона – 15%. Отсутствие четкого понимания у молодежи о деятельности различных политических партий региона является серьезной проблемой. Молодым людям часто не хватает информации о целях и задачах, которые преследуют партии, какие у них принципы и ценности. В результате чего, молодые люди не понимают, какой партии бы они отдали свое предпочтение.

Отсутствие поддержки со стороны родителей, внушение молодому поколению, что молодежные политические организации – это пустая трата времени – 10%. Большинство родителей не поддерживают увлечения политики, считая, что все силы необходимо направить на учебу и получение диплома об образовании. Понятие политики для граждан старшего поколения является каким-то недостижимым и сложным.

Выводы

Сегодня молодежь играет важную роль в политической жизни общества. По всему миру молодежные организации активно вступают в политические дебаты, выступают с инициативами и вносят значительный вклад в формирование общественного мнения. Несмотря на разнообразие таких организаций и их направленность, существует ряд общих черт, которые делают их весьма значимыми в политическом процессе.

Прежде всего, молодежные политические организации обладают значительным влиянием на курс политической деятельности. Члены этих организаций, чаще всего, единомышленники и разделяют общие цели и идеи. Их собранная активность и единение увеличивает их вес в полити-

ческом обществе и позволяет представлять интересы молодежи на политической арене. Кроме того, эти организации, как правило, ориентированы на молодежь, и, следовательно, более компетентны в вопросах, касающихся молодежной политики.

Вторым важным моментом становится вовлечение молодежи в политический процесс. Молодежные организации способствуют активной гражданской позиции и формированию политического сознания среди молодежи. Они проводят мероприятия, дебаты и обсуждения, вовлекают молодежь в дискуссии, изучение и поиск решений политических проблем. Тем самым они не только обеспечивают возможность для молодежи высказать свое мнение, но и помогают развивать их критическое мышление и аналитические навыки.

Также молодежные организации создают пространство для взаимодействия молодых людей, способствуя их социальной интеграции и формированию сети контактов. Члены таких организаций учатся работать в команде, общаться, договариваться и находить компромиссы. Это позволяет создать активную политическую среду и обеспечить устойчивую основу для последующего развития молодежи.

Молодежные организации в политической сфере играют важную роль в общественной жизни, способствуя активному участию молодежи в политическом процессе, защите ее прав и интересов, развитию гражданских навыков и подготовке будущих политических лидеров. Они являются ценным и неотъемлемым элементом молодежной политической культуры и способствуют формированию зрелого и ответственного гражданского общества.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Виртуализация в новых смысловых ориентациях россиян // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 130–134.
2. Ардашев Р.Г. Изменение сознания в эпоху постпандемического общества // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений. материалы VI международной научно-практической интернет-конференции: в 2 ч. Вологодский научный центр Российской академии наук. Вологда, 2021. С. 76–79.
3. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
4. Баев П.А. Гражданская и национальная идентичность россиян // Социология. 2023. № 4. С. 69–76.
5. Баев П.А. Национальные основы российской государственности в условиях многополярного мира // Этнопсихологические и кросс-

- культурные проблемы и ресурсы становления многополярного мира (восточный и западный подходы). Материалы Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова. Иркутск, 2023. С. 39–43.
6. Баев П.А. Чем гордится и чего стыдится российская молодежь // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 129–132.
 7. Бочкаев А.Р. Деятельность молодежных политических организаций // Власть. 2023. № 2. С. 50–52.
 8. Бутакова Ж.К. Государственная молодежная политика в субъектах Российской Федерации (на примере Оренбургской области) // Молодой ученый. 2022. № 38 (433). С. 195–197.
 9. Должиков В.А. Оценка эффективности государственного управления молодежной политикой // Энигма. 2021. № 29–41. С. 160–163.
 10. Иванов Р.В. Мобилизационная солидарность во время пандемии // Социология. 2021. № 4. С. 92–105.
 11. Иванов Р.В. Основы и основания трансформации современного патриотизма // Социология. 2023. № 3. С. 17–27.
 12. Иванов Р.В. Региональная молодежная политика: экспертный анализ // Социология. 2021. № 1. С. 93–102.
 13. Крикунов А.Н. Молодежные некоммерческие организации: роль в развитии кадрового резерва // Власть. 2023. № 2. С. 45–47.
 14. Малашко А.Е. Молодёжные организации в России: историко-сравнительный анализ // Молодой ученый. 2020. № 31 (321). С. 109–112.
 15. Полюшкевич О.А. Социальная безопасность и социальная напряженность // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 28–31.
 16. Полюшкевич О.А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 126–129.
 17. Полюшкевич О.А. Социальные риски мировоззренческой безопасности // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 467–471.
 18. Полюшкевич О.А. Формальность доверия и солидарности в нестабильном мире // Социология. 2024. № 2. С. 121–127.
 19. Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития // Российский социально-гуманитарный журнал. 2020. № 1. С. 194–196.
 20. Соловей А.А. Молодежная политика в современной России, основные направления и проблемы реализации // Молодой ученый. 2022. № 16 (411). С. 298–300.
 21. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданской ответственности, патриотизма и морально-нравственных ценностей // Социология. 2024. № 3. С. 52–59.
 22. Трескин П.А. Роль молодежных общественных организаций в формировании гражданского общества // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 177–180.
 23. Трескин П.А. Развитие человеческих ресурсов студенческих общественных организаций // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 362–365.

POLITICS OF PATRIOTISM: PECULIARITIES OF YOUTH POLITICAL ORGANIZATIONS (ON THE EXAMPLE OF THE IRKUTSK REGION)

Ivanov R.V.
Irkutsk State University

The article analyzes the implementation of patriotism policy through the work of youth political organizations. Their role and significance in the process of formation of civil society institutions of modern Russia is outlined. The sphere of their socio-political activity is systematized. The results of the survey of participants of youth political organizations of the Irkutsk region are given, where the motives of participation, advantages and disadvantages, opportunities and risks of implementation of initiatives and projects of youth political organizations of the region are outlined.

Keywords: patriotism, patriotism policy, youth organizations, political organizations, social activity.

References

1. Ardashev R.G. Virtualization in new life-meaning orientations of Russians // Global and regional influences in the system of modern societies. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. pp. 130–134.
2. Ardashev R.G. Changing consciousness in the era of post-pandemic society // Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions. materials of the VI international scientific and practical Internet conference: at 2 o'clock. Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Vologda, 2021. pp. 76–79.
3. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. pp. 152–156.
4. Baev P.A. Civil and national identity of Russians // Sociology. 2023. No. 4. pp. 69–76.
5. Baev P.A. National foundations of Russian statehood in a multipolar world // Ethnopsychological and cross-cultural prob-

- lems and resources for the formation of a multipolar world (Eastern and Western approaches). Materials of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University, Buryat State University named after. D. Banzarova. Irkutsk, 2023. pp. 39–43.
6. Baev P.A. What are Russian youth proud of and ashamed of? // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 129–132.
 7. Bochkaev A.R. Activities of youth political organizations // Power. 2023. No. 2. P. 50–52.
 8. Butakova Zh.K. State youth policy in the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the Orenburg region) // Young scientist. 2022. No. 38 (433). pp. 195–197.
 9. Dolzhikov V.A. Assessing the effectiveness of state management of youth policy // Enigma. 2021. No. 29–41. pp. 160–163.
 10. Ivanov R.V. Mobilization solidarity during a pandemic // Sociology. 2021. No. 4. pp. 92–105.
 11. Ivanov R.V. Fundamentals and foundations of the transformation of modern patriotism // Sociology. 2023. No. 3. pp. 17–27.
 12. Ivanov R.V. Regional youth policy: expert analysis // Sociology. 2021. No. 1. pp. 93–102.
 13. Krikunov A.N. Youth non-profit organizations: role in the development of personnel reserve // Power. 2023. No. 2. P. 45–47.
 14. Malashko A.E. Youth organizations in Russia: historical and comparative analysis // Young scientist. 2020. No. 31 (321). pp. 109–112.
 15. Polyushkevich O.A. Social security and social tension // Social institutions in the legal dimension: theory and practice. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 28–31.
 16. Polyushkevich O.A. Social trust as the basis of prosocial practices: expert analysis // Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023. pp. 126–129.
 17. Polyushkevich O.A. Social risks of ideological security // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 467–471.
 18. Polyushkevich O.A. Formality of trust and solidarity in an unstable world // Sociology. 2024. No. 2. pp. 121–127.
 19. Selezneva A.V., Zinenko V.E. Political activity of Russian youth: modern development trends // Russian Social and Humanitarian Journal. 2020. No. 1. pp. 194–196.
 20. Solovey A.A. Youth policy in modern Russia, main directions and problems of implementation // Young scientist. 2022. No. 16 (411). pp. 298–300.
 21. Treskin P.A. The role of youth public organizations in the formation of citizenship, patriotism and moral values // Sociology. 2024. No. 3. P. 52–59.
 22. Treskin P.A. The role of youth public organizations in the formation of civil society // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 177–180.
 23. Treskin P.A. Development of human resources of student public organizations // Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 362–365.

Маслодудова Наталья Владимировна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: maslodudova77@mail.ru

В статье проводится анализ формирования социального капитала молодежи. Анализируются особенности социального капитала молодежи Красноярского края. В результате количественного исследования выделяются три типа развития социального капитала (высокий, средний и низкий), которые зависят от уровня образования, личных стремлений саморазвития, качества здоровья, материального достатка и субъективного восприятия качества жизни. Выявляется положительная динамика развития социального капитала молодежи Красноярского края с 2019 по 2024 годы.

Ключевые слова: социальный капитал, региональная молодежь, уровни социального капитала, индикаторы социального капитала, региональные особенности социального капитала.

Изучение социального капитала в современном обществе достаточно актуально. В литературе встречается множество трактовок социального капитала (от уровня образования и эрудиции до реальных доходов и возможностей построения карьеры; от оценки уровня жизни до уровня развития институтов гражданского общества; от уровня здоровья и качества здравоохранения до уровня культуры и развития культурных практик и сообществ в региональном пространстве). Это все свидетельствует о многогранности и многоуровневости данного понятия и формах его моделирования в зависимости от целей и задач исследования или выбранной методологии.

Одним из основных переменных социального капитала выступают социальные связи. В молодости социальные связи наиболее мобильны, гибки и быстро устанавливаются. Время завершения школы, учеба в вузах, начало работы становится периодом становления наиболее разнообразных социальных связей, которые в последующем становятся основой социального капитала.

На социальный капитал молодежи влияет:

- жизненные траектории и приоритеты;
- образовательный потенциал;
- социальные и личные притязания;
- социальные условия и возможности реализации целей, амбиций и мечтаний молодых людей;
- профессиональная реализация;
- круг социальных связей;
- социальная и просоциальная активность;
- потенциал здоровья и т.д.

Выделенные выше сферы социального капитала молодежи построены на изучении социального капитала, предложенные еще П. Бурдье и связанные с возможностью использования потенциальных и реальных ресурсов, которые появляются у человека благодаря погружению в определенную социальную среду, в определенное социальное сообщество. Социальный капитал позволяет экономить время получаемых результатов; повышает значимость социальных и личных результатов профессиональной и общественной деятельности; делает значимыми и заметными отдельных индивидов или сообщества в публичном пространстве определенной территории. Дж. Коулман [19] внес большой вклад в понимание социального капитала как ресурса, который помогает достигать обозначенных целей актерам социального взаимодействия. Он ввел понимание значимости социальной среды для реализации возможностей социального капитала. Этот момент в современной социально-экономической ситуации играет важ-

ную роль, поэтому нами также учитывается в построении логики исследования. Более того, значимость развития социального капитала важна не только для самого актора, но и общества и благодаря социальному капиталу достигаются общественные блага.

На сегодняшний день сложилось несколько уровней понимания социального капитала: мезо, макро и микроуровни. Каждый из этих уровней отвечает за свой пласт регулирования отношений в процессе формирования социального капитала индивида, сообщества или общества в целом.

На макроуровне происходит формирование социального капитала через призму социальных норм и ожиданий, осуществляется неформальный социальный контроль за индивидами и сообществами через соблюдение норм и правил (нормы впитываются и принимаются в процессе адаптации и социализации в течение жизни).

На микроуровне социальный капитал становится следствием социального взаимодействия, возникающих социальных сообществ, их внутренних и внешних связей. Социальный капитал микроуровня контролируется малыми группами (семья, коллектив, соседи) и требует от всех участников соблюдения неформальных правил.

На мезоуровне социальный капитал формируется как индивидуальная стратегия человека, его личный способ построения жизненного пути, формирования приоритетных целей и задач, жизненного выбора и духовных, социальных и материальных ориентиров.

Социальный капитал участников социального взаимодействия строится на социальном доверии (М. Блок и Н.А. Головин [8], О.А. Полюшкевич [21–23]). Это позволяет сформулировать нам следующее определение социального капитала – это баланс личных и социальных интересов, который реализуется на личном, групповом и общественном уровне в результате социального взаимодействия участников сообществ. Т.А. Гужавина [10, 11] дает схожее определение социального капитала как результата синергетического слияния доверия и социальной ответственности, а также личной заинтересованности всех участников взаимодействия в определенном результате. Л.В. Стрельникова [30] проводит сравнительный анализ зарубежных концепций социального капитала, Н.Н. Ясников [32] анализирует ресурсы молодежи по формированию социального капитала, а в исследованиях В.А. Скуденкова [28, 29] прослеживается связь социального капитала и притязаний молодежи. В работе Н.В. Андреевской фиксируется внимание молодежи на удовлетворенности молодежи и формах ее развития [1].

В основе социального капитала находятся человеческие отношения, сформированные в определенном поле (семейном, общественном, профессиональном и проч.). Чем больше условий, рамок, норм конструирует социальный капитал, тем более значимым и емким он становится. Не всякое взаимодействие индивидов формиру-

ет социальный капитал, а именно такое, которое воспроизводит социальные рамки, позволяет выйти за границы ранее определенных норм, сформировать новую реальность и механизм воспроизводства. Так как социальный капитал – это условие социального и личного развития, он опирается на предыдущий опыт, который в процессе новой социальной интеракции порождает принципиально новые практики и механизмы коммуникации, ресурсы и стратегии социального развития и моделирования общественного воспроизводства.

В молодости социальный капитал формируется наиболее активно в силу максимальной открытости и активному социальному взаимодействию построенному на доверии с другими молодыми людьми, социальными проектами, общественными организациями, возможностями проявления социальной активности и реализации креативных идей и бизнес проектов. Молодые люди проявляют креативность, нестандартность мышления, могут показать непривычный фокус внимания, что приводит к новым переосмыслениям и социальным открытиям, способным иначе моделировать общественное воспроизводство и социальное взаимодействие. Это время отсутствия опыта и ограничений, наложенных средой и привычными контактами. Поэтому, позволяет быть нетипичным, обращать внимание на себя среди сверстников (и завязывать дружеские и приятельские связи), также как и среди более старшего поколения (помогая им отойти от инертных схем восприятия реальности и помогая быть более современными и востребованными в данный момент времени (вне зависимости от сферы и формы деятельности)). Это создает максимально благоприятные условия для формирования и развития социального капитала.

Можно выделить уровни эволюции социального капитала среди молодых людей.

1. Знакомства и связи. Это основа формирования социальных контактов. Неважно кого знаешь ты, важно – кто знает тебя. На этом уровне формируется общее поле социальных взаимодействий, которое со временем будет усиливаться из-за повышения статуса, власти, влияния в разных сферах общественной жизни всех участников вместе и каждого по отдельности. Общие интересы и ценности подталкивают людей к социальному взаимодействию и определяют его тип и характер.

2. Доверие и взаимопонимание. Доверие выступает основой социального контакта, когда один, доверяя, может не проверять что-либо, полностью положиться на другого и получить ожидаемый результат. Чем больше круг тех, кому доверяет человек – тем более он уверен в своем будущем и чувствует себя уверенно и безопасно. Доверие и взаимопонимание становятся основой поддержки и взаимопомощи.

3. Работа в команде. Этот фактор позволяет находить единомышленников для реализации профессиональных или общественных, креатив-

ных или прагматичных задач. Это показатель эффективности на уровне большем, чем может охватить один человек. Также это выступает формой оценки социально-психологической гибкости, что приводит к совместным проектам и сотрудничеству.

4. Личная харизма, которая опирается на влияние и авторитет, власть и лидерство, а также репутацию и уважение в отдельном сообществе определяет то, каким образом выстраивается социальное взаимодействие, способное конструировать личный социальный капитал.

5. Перспектива развития. Социальный капитал не развивается если нет ориентиров или векторов общего (для сообщества) и личного (для конкретного человека) развития. Понимание перспектив строится на социальной коммуникации и общественном воспроизводстве личных интересов, амбиций и возможностей их реализации в условиях меняющейся реальности.

Виртуализация общества способствует изменению структуры социального капитала, так как он начинает строиться и функционировать по новым условиям и принципам (Р.Г. Ардашев [2, 3], О.А. Чебунина [31]), становится более гибким и мобильным, менее формализованным и т.д. Более того, изменение особенностей получения образования, мотивации обучения (И.А. Журавлева [12–16], Р.В. Иванов [17, 18]), также как и трудовых ценностей (П.А. Баев [4–7], А.Н. Пружинин [24–27]) изменившихся под влиянием виртуализации меняют условия развития социального капитала. Этот механизм необходим и естественен, так как он отвечает, с одной стороны, за воспроизводство опыта и передачу знаний (от старших к младшим, от специалистов к новичкам) и одновременно за обновление этого опыта как на профессиональном, так и на личном уровне социальных коммуникаций (обновление происходит через индивидуальный опыт, адаптируемый в конкретное сообщество, где этот опыт распространяется (становится массовым) и затем изменяет социальные установки и ориентиры уже значительно больших сообществ молодежи).

Это своего рода диалог социального взаимодействия регулирования норм и механизмов социального капитала, раскрывающихся в работах коллег. Современные ученые уже обозначили некоторые проблемы формирования социального капитала. Их изыскания помогают понять комплексность и взаимосвязанность существующих проблем и противоречий социального развития социального капитала в современном обществе. Но при этом они не указывают на региональные особенности формирования социального капитала.

Особенности исследования

Целью работы стало изучение особенностей формирования социального капитала молодежи Красноярского края.

Исследование проводилось в 2019 ($n = 1500$) и 2024 году ($n = 1500$). Исследования проводились по одинаковым индикаторам социального капитала, что позволило выявить региональные особенности и их динамику за пять лет. Методом исследования было анкетирование. Квотами выборки было: городское или сельское население, пол, возраст, уровень образования и дохода.

Результаты обрабатывались в программе SPSS. Нами использовался индексный метод (основанный на индикаторной модели, включающей 30 показателей). Эта модель позволила сформировать индекс социального капитала участников исследования. На основе этого были выделены группы респондентов с разным уровнем социального капитала.

Высокий уровень развития социального капитала – активная позиция: это высокий уровень социальных связей и сформированных социальных сетей; высокий уровень образования, наличие хобби, которые формируют дополнительные социальные круги взаимодействия; доход на члена семьи достаточный; уровень и качество жизни субъективно оценивается как высокое.

Средний уровень социального капитала – умеренная позиция: количество социальных связей высокое, есть образование, но человек еще дополнительно обучается, имеются хобби, и он стремится к саморазвитию, доход не достаточный, но выше среднего, есть дополнительные потребности в повышении качества жизни и досуга.

Низкий уровень социального капитала – пассивная позиция: небольшое количество социальных связей, нет желания узнавать что-то новое, доходом не доволен, но и изменять ситуацию не стремится, качеством жизни и досугом не доволен, но не готов что-либо делать для изменения данной ситуации.

Обсуждение результатов исследования

На рисунке 1 видна динамика развития социального капитала Красноярского края. Количество молодых людей с низким уровнем социального капитала сократилось на 12%, с высоким увеличилось на 6%, количество молодежи со средним уровнем также возросло на 6%. Это говорит о потенциале изменения ресурсности социального капитала в крае.

В ходе исследования мы выявили, что чем выше уровень социального капитала у молодежи, тем выше уровень дохода ($n \leq 0,05$), более разностороннее образование (высшее, повышение квалификации или дополнительные образования ($n \leq 0,005$), занимаются спортом ($n \leq 0,001$) и просоциальными практиками ($n \leq 0,05$) в различных формах (от волонтерства и личной инициативы до постоянного членства в общественной организации или социальном движении).

Ожидаемо, социальный капитал молодежи городов выше социального капитала молодежи сел в три раза.

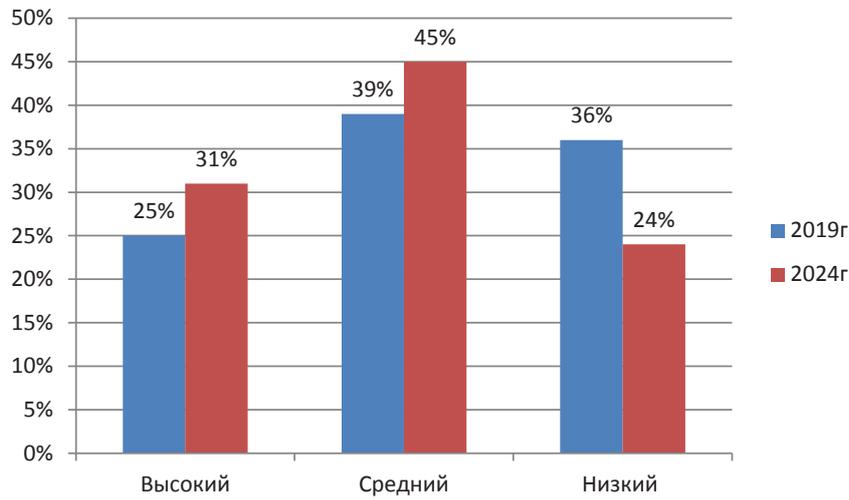

Рис. 1. Сравнение уровня развития социального капитала в Красноярском крае в 2019 и 2024 гг.

Социальное самочувствие молодежи среднего и высокого уровня развития социального капитала выше в два раза, качество жизни в три раза, чем у молодежи с низким уровнем социального капитала. Те молодые люди, у кого средний и высокий

уровень развития социального капитала в три раза более положительны, бодры и оптимистичны, чем те, у кого низкий уровень социального капитала. На рисунке 2 показано изменение эмоционального состояния молодежи за пять лет.

Рис. 2. Эмоциональное состояние молодежи в Красноярском крае в 2019 и 2024 гг.

В процессе анализа результатов исследования, мы смогли выявить особенности развития социального капитала молодежи Красноярского края (рис. 3):

1) мобильность и гибкость (30% в 2019 и 37% в 2024 г);

2) формирование социальных сообществ (27% в 2019 и 33% в 2024 г);

3) социальные коммуникации и взаимодействия (43% в 2019 и 30% в 2024 г).

Рис. 3. Особенности развития социального капитала молодежи Красноярского края в 2019 и 2024 гг.

Выделенные особенности помогают формироваться сообществам молодых людей, вырабатывать правила и нормы поведения, определять новые смыслы солидарности и идентичности, конструировать новое поле социальных взаимодействий, что формирует условия для новых жизненных стилей и жизненных сценариев, где социальный капитал становится инструментом формирования новой реальности и одновременно ее целью. Социальный капитал становится таким же изменчивым и текучим (З. Бауман),

как и сама реальность, новые связи формируют взаимодействия на принципиально новом уровне и создают предпосылки для новых сообществ (начиная от новых профессий, заканчивая новым досугом).

Готовность консолидироваться как основа формирования сообществ и ресурс конструирования социального капитала в 2024 г на порядок выше, чем в 2019, притом, что количество неопределившихся и тех, кто не готов объединяться – сократилось (рис. 4).

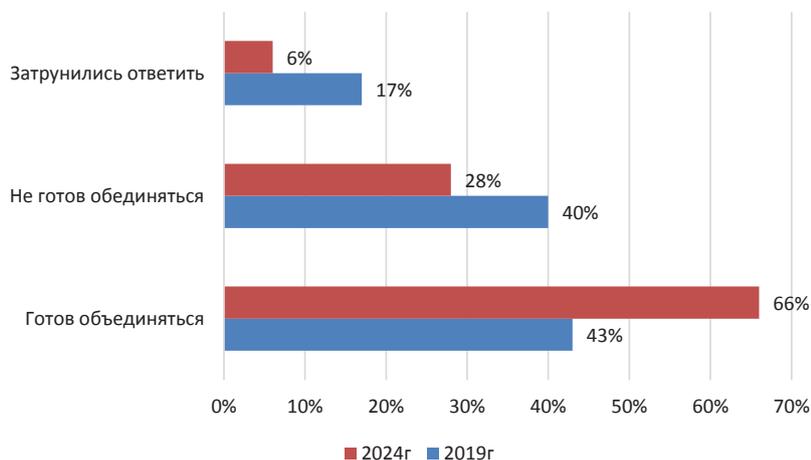

Рис. 4. Готовность консолидироваться в новые сообщества для реализации целей в 2019 и 2024 гг.

Как обозначено выше, материальные возможности, уровень образования и здоровья выше у тех, кто обладает более высоким социальным капиталом. По нашему мнению, эти факторы укреп-

ляют социальный капитал молодежи, делая его основой их личного, социального, профессионального и любого другого развития (рис. 5).

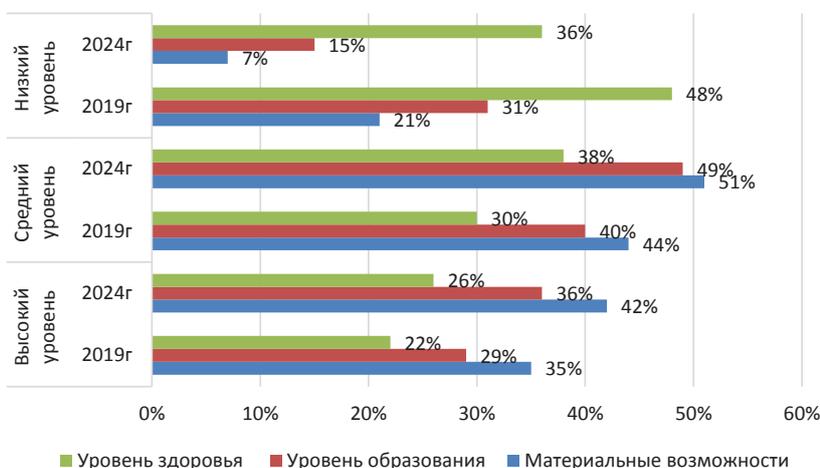

Рис. 5. Взаимосвязь материальных возможностей, уровня образования и здоровья и социального капитала молодежи в 2019 и 2024 гг.

Рисунок 5 показывает, что совместная деятельность создает новые материальные возможности, подталкивает к повышению образования и укрепляет здоровье (через практики ЗОЖ), что в целом влияет на качество жизни и субъективную оценку уровня удовлетворенности своей жизнью и в конечном счете социального капитала молодого человека.

Также данные показывают положительный рост социальных индикаторов социального капитала молодежи Красноярского края. Это становится основой социального моделирования обще-

ственных процессов и выводит потенциал развития региона на новый уровень, так как социальный капитал молодежи – это основа стабильного будущего всего края.

Итак, молодые люди в Красноярском крае открытые и мобильные, готовые к консолидации и взаимодействию, готовы учиться, проявлять социальную активность и реализовывать не только личные, но и общественные проекты. Свой социальный капитал они воспринимают в большей части как ресурс и потенциал развития (особенно те, у кого наблюдается высокий и средний уровень

развития социального капитала). Общие перемены в крае приводят к формированию нового социального пространства, где реализация молодых людей идет на новом уровне и новых условиях.

Учет макро-, микро- и мезоуровней социального капитала в региональном развитии позволяет системно планировать государственную политику по формированию и развитию социального капитала молодежи. Реализуемые программы и проекты помогают укреплять социальные связи, личные перспективы и общие условия развития для молодого поколения. Без инструментального понимания представителями различных институтов гражданского общества, единых по смыслам, но различным по содержанию уровней развития социального капитала невозможно конструировать социальный капитал молодежи и будущих поколений в целом.

Полагаем, стоит усилить работу различных институтов гражданского общества (власть, бизнес, НКО, СМИ и т.д.) для целенаправленного формирования высокого социального капитала молодых людей Красноярского края. Качество этого процесса определит устойчивое развитие и перспективы моделирования ресурсов социального воспроизводства жителей региона в целом.

Литература

1. Андрееenkova Н.В. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов / Н.В. Андрееenkova // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 5 (99). С. 189–215.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность городского сознания / Р.Г. Ардашев // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Минск, 2024. С. 33–36.
3. Ардашев Р.Г., Маслодудова Н.В. Социокультурные основания обеспечения социальной безопасности правоохранительными органами Российской Федерации / Р.Г. Ардашев, Н.В. Маслодудова // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. Сборник материалов XXIX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 361–363.
4. Баев П.А. Экономическое благополучие мировоззренческих установок молодежи / П.А. Баев // Социология. 2024. № 2. С. 57–64.
5. Баев П.А. Экспертная оценка трудовой мотивации молодежи в цифровом мире / П.А. Баев // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 241–244.
6. Баев П.А., Зимина Е.В. Труд в ценностной палитре современной России / П.А. Баев, Е.В. Зимина // Социология. 2024. № 4. С. 83–89.

7. Баев П.А., Копалкина Е.Г. Трудовые ориентиры молодежи: виртуальные условия / П.А. Баев, Е.Г. Копалкина // Социология. 2024. № 5. С. 31–38.
8. Блок М. Социальный капитал: к обобщению понятия / М. Блок, Н.А. Головин // Вестник СПбГУ. 2015. Сер. 12. Вып. 4. С. 99–111.
9. Воробьева И.Н. Динамика формирования социального капитала молодежи (на материалах исследований в Вологодской области в 2016–2019 гг.) / И.Н. Воробьева, Н.Н. Ясников // Siberian Socium. 2020. Том 4. № 4 (14). С. 80–91. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-80-91
10. Гужавина Т.А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса / Т.А. Гужавина // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3
11. Гужавина Т.А. Социальный капитал молодежи: опыт социологического анализа / Т.А. Гужавина // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2187> (дата обращения: 06.09.2020).
12. Журавлева И.А. Изменение условий и форм образования / И.А. Журавлева // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 78–82.
13. Журавлева И.А. Образовательные траектории современной российской молодежи / И.А. Журавлева // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 286–290.
14. Журавлева И.А. Образовательные траектории студенческой молодежи в структуре жизненного мира / И.А. Журавлева // Развитие экспертных институтов в XXI веке: теория и практика. Сборник научных трудов Третьей международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024. С. 371–374.
15. Журавлева И.А. Социальная безопасность в виртуальных образовательных стратегиях молодежи / И.А. Журавлева // Социальная безопасность и социальная защита населения в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А.М. Бадонов. Улан-Удэ, 2023. С. 83–86.
16. Журавлева И.А. Экспертный анализ социального моделирования виртуального обучения / И.А. Журавлева // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 254–259.
17. Иванов Р.В. Виртуализация современного уровня патриотизма в обществе / Р.В. Ива-

- нов // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы V Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич. Иркутск, 2023. С. 65–68.
18. Иванов Р.В. Виртуальная социализация молодежи: социально-философский анализ / Р.В. Иванов // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы IV Международной научной конференции. Иркутск, 2022. С. 36–41.
 19. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121–139.
 20. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России / В.Т. Лисовский. – СПб.: СПбГУП, 2000. – 512 с.
 21. Полюшкевич О.А. Доверие в меняющемся мире // Социология. 2021. № 2. С. 87–92.
 22. Полюшкевич О.А. Развитие человеческого капитала высшей школы: региональное измерение просоциальной патриотической активности // Наука и высшее образование в XXI веке: пространство возможностей и векторы развития. Сборник научных трудов Международная научно-практическая конференция. Иркутск, 2023. С. 135–138.
 23. Полюшкевич О.А. Социальное доверие как основа просоциальных практик: экспертный анализ // Экспертные институты в XXI веке: цивилизационные и цифровые концепции меняющегося мира. Сборник научных трудов Второй международной научно-практической конференции. Науч. редактор Т.И. Грабельных. Иркутск, 2023. С. 126–129.
 24. Пружинин А.Н. Моделирование развития человеческого капитала в современном бизнесе / А.Н. Пружинин // Социология. 2022. № 2. С. 59–68.
 25. Пружинин А.Н. Региональная специфика развития человеческого капитала (на примере Иркутской области) / А.Н. Пружинин // Социология. 2021. № 3. С. 114–125.
 26. Пружинин А.Н. Управление институтами гражданского общества через призму человеческого капитала / А.Н. Пружинин // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 137–141.
 27. Пружинин А.Н. Человеческий капитал в рамках социальной экологии крупных предприятий / А.Н. Пружинин // Философия здоровья: интегральный подход. Межвуз. сборник научных трудов. Иркутск, 2021. С. 88–92.
 28. Скуденков В.А. Мифы о социальном и экономическом капитале в процессах формирования гражданского общества / В.А. Скуденков // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы, и перспективы. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Иркутский государственный университет. 2017. С. 94–100.
 29. Скуденков В.А. Социальный капитал различных поколений / В.А. Скуденков // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2016. С. 168–179.
 30. Стрельникова Л.В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов / Л.В. Стрельникова // Общественные науки и современность. 2004. № 2. С. 33–41.
 31. Чебунина О.А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи / О.А. Чебунина // Гуманитарий Юга России. 2019. Том 8. № 1. С. 229–241.
 32. Ясников Н.Н. Факторы формирования социального капитала молодежи / Н.Н. Ясников // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). С. 1–9.

SOCIAL CAPITAL OF REGIONAL YOUTH

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the formation of social capital of youth. The peculiarities of social capital of youth of Krasnoyarsk Krai are analyzed. As a result of quantitative research three types of social capital development (high, medium and low) are distinguished, which depend on the level of education, personal aspirations of self-development, health quality, material wealth and subjective perception of the quality of life. The positive dynamics of the development of social capital of the youth of Krasnoyarsk Krai from 2019 to 2024 is revealed.

Keywords: social capital, regional youth, levels of social capital, indicators of social capital, regional features of social capital.

References

1. Andreenkova N.V. Comparative analysis of life satisfaction and its determining factors / N.V. Andreenkova // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2010. No. 5 (99). pp. 189–215.
2. Ardashev R.G. Irrationality of urban consciousness / R.G. Ardashev // Modern urbanism: social well-being and digital transformation of the city. Collection of materials from the international scientific and practical conference. Minsk, 2024. pp. 33–36.
3. Ardashev R.G., Maslodudova N.V. Sociocultural grounds for ensuring social security by law enforcement agencies of the Russian Federation / R.G. Ardashev, N.V. Maslodudova // Activities of law enforcement agencies in modern conditions. Collection of materials of the XXIX International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 361–363.
4. Baev P.A. Economic well-being of youth worldviews / P.A. Baev // Sociology. 2024. No. 2. P. 57–64.
5. Baev P.A. Expert assessment of youth work motivation in the digital world / P.A. Baev // Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice. Collection of scientific papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 241–244.
6. Baev P.A., Zimina E.V. Labor in the value palette of modern Russia / P.A. Baev, E.V. Zimina // Sociology. 2024. No. 4. pp. 83–89.
7. Baev P.A., Kopalkina E.G. Labor guidelines for youth: virtual conditions / P.A. Baev, E.G. Kopalkina // Sociology. 2024. No. 5. pp. 31–38.
8. Blok M. Social capital: towards a generalization of the concept / M. Blok, N.A. Golovin // Bulletin of St. Petersburg State University. 2015. Ser. 12. Issue. 4. pp. 99–111.

9. Vorobyova I.N. Dynamics of the formation of social capital of youth (based on research materials in the Vologda region in 2016–2019) / I.N. Vorobyova, N.N. Yasnikov // *Siberian Socium*. 2020. Volume 4. No. 4 (14). pp. 80–91. DOI: 10.21684/2587-8484-2020-4-4-80-91
10. Guzhavina T.A. Intangible resources of population adaptation in crisis conditions / T.A. Guzhavina // *Problems of territory development*. 2018. No. 3 (95). pp. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3
11. Guzhavina T.A. Social capital of youth: experience of sociological analysis / T.A. Guzhavina // *Social space*. 2017. No. 1 (8). – URL: <http://socialarea-journal.ru/article/2187> (date of access: 09/06/2020).
12. Zhuravleva I.A. Changing conditions and forms of education / I.A. Zhuravleva // *Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development*. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 78–82.
13. Zhuravleva I.A. Educational trajectories of modern Russian youth / I.A. Zhuravleva // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, prospects*. Materials of the X International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 286–290.
14. Zhuravleva I.A. Educational trajectories of student youth in the structure of the life world / I.A. Zhuravleva // *Development of expert institutions in the 21st century: theory and practice*. Collection of scientific papers of the Third International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2024. pp. 371–374.
15. Zhuravleva I.A. Social security in virtual educational strategies for youth / I.A. Zhuravleva // *Social security and social protection of the population in modern conditions*. Materials of the international scientific and practical conference. Executive editor A.M. Badonov. Ulan-Ude, 2023. pp. 83–86.
16. Zhuravleva I.A. Expert analysis of social modeling of virtual learning / I.A. Zhuravleva // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023. pp. 254–259.
17. Ivanov R.V. Virtualization of the modern level of patriotism in society / R.V. Ivanov // *Social reality of virtual space*. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich. Irkutsk, 2023. pp. 65–68.
18. Ivanov R.V. Virtual socialization of youth: socio-philosophical analysis / R.V. Ivanov // *Social reality of virtual space*. Materials of the IV International Scientific Conference. Irkutsk, 2022. pp. 36–41.
19. Coleman J. Social and human capital / J. Coleman // *Social Sciences and Modernity*. 2001. No. 3. P. 121–139.
20. Lisovsky V.T. Spiritual world and value orientations of the youth of Russia / V.T. Lisovsky. – St. Petersburg: SPbGUP, 2000. – 512 p.
21. Polyushkevich O.A. Trust in a changing world // *Sociology*. 2021. No. 2. pp. 87–92.
22. Polyushkevich O.A. Development of human capital in higher education: regional dimension of pro-social patriotic activity // *Science and higher education in the 21st century: space of opportunities and vectors of development*. Collection of scientific papers International scientific and practical conference. Irkutsk, 2023. pp. 135–138.
23. Polyushkevich O.A. Social trust as the basis of prosocial practices: expert analysis // *Expert institutions in the 21st century: civilizational and digital concepts of a changing world*. Collection of scientific papers of the Second International Scientific and Practical Conference. Scientific editor T.I. Rake. Irkutsk, 2023. pp. 126–129.
24. Pruzhinin A.N. Modeling the development of human capital in modern business / A.N. Pruzhinin // *Sociology*. 2022. No. 2. P. 59–68.
25. Pruzhinin A.N. Regional specifics of human capital development (on the example of the Irkutsk region) / A.N. Pruzhinin // *Sociology*. 2021. No. 3. pp. 114–125.
26. Pruzhinin A.N. Management of civil society institutions through the prism of human capital / A.N. Pruzhinin // *In search of social truth*. materials of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2021. pp. 137–141.
27. Pruzhinin A.N. Human capital within the framework of the social ecology of large enterprises / A.N. Pruzhinin // *Philosophy of health: an integral approach*. Interuniversity. collection of scientific papers. Irkutsk, 2021. pp. 88–92.
28. Skudencov V.A. Myths about social and economic capital in the processes of formation of civil society / V.A. Skudencov // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems, and prospects*. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk State University. 2017. pp. 94–100.
29. Skudencov V.A. Social capital of different generations / V.A. Skudencov // *Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects*. materials of the II All-Russian scientific and practical conference. 2016. pp. 168–179.
30. Strelnikova L.V. Social capital: typology of foreign approaches / L.V. Strelnikova // *Social sciences and modernity*. 2004. No. 2. P. 33–41.
31. Chebunina O.A. Virtual social capital in the process of Internet socialization of youth / O.A. Chebunina // *Humanitarian of the South of Russia*. 2019. Vol. 8. No. 1. pp. 229–241.
32. Yasnikov N.N. Factors in the formation of social capital of youth / N.N. Yasnikov // *Social space*. 2019. No. 5 (22). pp. 1–9.

Установки на бездетность в сознании студенческой молодежи под влиянием идеологии «чайлдфри» (региональный аспект)

Переселкова Зинаида Юрьевна,

к.и.н., доцент кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет (ОГУ)

E-mail: anizz@yandex.ru

Статья посвящена изучению проблемы добровольной бездетности и распространенности установок на нее в среде студенческой молодежи (на примере Оренбургской области) под влиянием идеологии чайлдфри. Проанализированы работы отечественных исследователей по изучаемой проблеме, описаны характерные черты свойственные современным российским чайлдфри. Представлены результаты социологического исследования среди студенческой молодежи, проведенного методом группового интервью. Показаны основные причины осознания себя чайлдфри молодежью. Проведенные фокус-группы в студенческой среде способствовали выделению ценностных ориентаций молодежи в отношении семьи и брака, а также позволили определить отношение к добровольной бездетности и степень готовности к выполнению родительских функций. Результаты исследования показали низкую вовлеченность студентов в движение чайлдфри, при высокой толерантности к людям, сознательно выбравшим жизнь без детей.

Ключевые слова: чайлдфри, добровольная бездетность, семья, семейные ценности, студенческая молодежь.

Трансформация современного института семьи, обусловленная переосмыслением супружеских ролей под влиянием культуры постмодерна, оказывает непосредственное влияние на обновление семейных сценариев, в которых потребность в детях может либо откладываться на более неопределенный срок, либо совсем исключаться. Ценности современной молодежи носят гедонистический характер, ориентированы на удовлетворение собственных потребностей через развитие личностного потенциала и противоречат традиционным семейным ценностям, в основе которых лежит забота, самоотдача необходимых для рождения и воспитания детей. Бездетность сегодня оценивается как осознанный личностный выбор человека, ориентированного на «жизнь для себя» и получает толерантное отношение в общественном мнении. По результатам общероссийского опроса, проводимого ВЦИОМ в декабре 2021 года только 6% россиян готовы осуждать супругов, которые могут, но не хотят иметь детей, и этот показатель снизился на 12 пунктов за 7 лет (в 2014–18% осуждали бездетных супругов) [1].

Чайлдфри («свободные от детей») представляет собой популярное социальное движение, возникшее в западных странах с 1980-х гг. и пропагандирующее осознанную, добровольную бездетность, выбираемую людьми репродуктивного возраста. Его суть состоит не в медицинском характере (бездетность вследствие бесплодия), но в социально-психологическом, когда «я могу иметь детей, но не хочу». Отдельные приверженцы этой идеологии прибегают к хирургическому вмешательству, чтобы закрепить бездетность на биологическом уровне.

Оформление чайлдфри в сообщества единомышленников происходит с 1990-х годов на Западе, благодаря развитию интернет-пространства. Так, учитель начальной школы из Калифорнии Лесли Лафэйетт создала одну из первых популярных групп «чайлдфри» The Childfree Network, в которой добровольно отказавшиеся от рождений делились своим опытом и открыто высказывались о своих взглядах. В России начало истории чайлдфри условно можно с 2004 года, с создания виртуального сообщества в LiveJournal. Со временем в социальных сетях возникают многочисленные группы, такие как «Чайлдфри», «Подслушано чайлдфри», «Чайлдфри по-русски» «Чайлдфри Знакомство», набирающие с каждым годом все большее число участников.

Можно отметить рост в России числа добровольно бездетных. По данным полученным в ре-

зультате лонгитюдного исследования «Человек, семья, общество», проводимого Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС количество таковых в возрасте от 18 до 44 лет, выросло с 5% (2015) до 22% в 2020 году [2]. Набирает популярность тренд на стерилизацию. Число операций по стерилизации (хирургической необратимой контрацепции) женщин в России по итогам 2022 года достигло максимума с 2006 года – 15 тыс. вмешательств, или 44,6 стерилизации на 100 тыс. женщин в возрасте от 15 до 49 лет. Это следует из опубликованного в конце декабря статистического сборника «Здравоохранение в России – 2023».

Исследование добровольного отказа от рождаемости начинается с 1980-х гг. в западной литературе [3, 4, 5]. В 1980 году выходит работа «Бездетные по собственному выбору» Дж.Э. Виверс, в которой автор представляет социологический анализ явления добровольной бездетности, связывая его распространение с контрацептивной революцией. Дж. Мур рассмотрела три этапа формирования чайлдфри идентичности в виртуальном пространстве, от упоминания явления, через обсуждение и формирование взаимодействий между сторонниками данной идеологии.

В российской научной среде принято исследовать движение чайлдфри как угрозу стабильности семейным отношениям и демографического будущего страны. Распространенность сегодня разнообразия моделей семейного поведения, в том числе и репродуктивного, связывают с трансформацией самого института семьи и традиционных семейных ценностей вследствие развития постиндустриального общества [6, 7, 8, 9]. Авторы указывают, что свойственные постиндустриальному обществу индивидуализация и стремление к самореализации, децентрализация личности и плюрализм на фоне борьбы за права женщин и свободы сексуального поведения приводят к дестабилизации семьи и росту свободных, внебрачных отношений и сознательной бездетности.

Ряд исследований позволили сформировать социальный портрет российских чайлдфри. Чаще всего проповедуют осознанный отказ от рождения детей женщины в возрасте 20–35 лет, проживающие в крупных городах (самая большая распространенность чайлдфри зафиксирована в Москве), с высшим образованием и стабильными доходами, ориентированные на жизнь в комфорте, в свое удовольствие, имеющие постоянного партнера и испытывающие неприязнь к детям [10, 11, 12]. Основная часть взаимодействий внутри движения чайлдфри концентрируется в социальных сетях, где количество участников таких сообществ имеет тенденцию к росту [13].

Психологи проводили исследования современных российских чайлдфри с целью выявления сопряженности типа личности и мотивов осознанной бездетности. Куцубей А.Т., Пономарева И.В. установили, что носителям идеологии чайлдфри свойственна личностная беспомощность, кото-

рая проявляется через избегание неудач и ответственности, нерешительность, склонность к самозащите, депрессивность и может опосредовать осознанную бездетность [14, с. 98]. Зачастую чайлдфри мотивируя отказ от рождений указывают на нестабильность социально-экономической обстановки в стране, на неуверенность в завтрашнем дне. В целом ряд исследователей указывает на инфантилизм современной молодежи, когда молодые люди или отказываются или не способны к взрослению. Свидетельство этому выступает все большая распространенность явления NEET-молодежи, и схожие с ней специфические субкультурные течения, такие как Хикикомори (хикки), Танпини и т.д. Для таких людей ребенок представляет собой огромную ответственность, с которой они боятся не справиться.

Зависимость ценностных ориентаций и готовности к добровольной бездетности, идентификации себя с чайлдфри выявлена в ряде региональных исследований [15, 16, 17, 18]. Так, в результате социологических опросов о ценностных ориентациях современной молодежи в российских регионах установлено, что «респонденты, которые придерживаются ценностей, связанных с личной свободой и материальным благополучием, более чем в 2 раза реже остальных выражают готовность заводить детей и чаще других опрошенных заявляют о готовности поддерживать идеи чайлдфри» [15, с. 194]. Чайлдфри ставят на первые позиции в иерархии личностных ценностей самореализацию, материальный успех, свободу, и на более низких позициях у них располагаются семья, духовность, патриотизм. Также результаты региональных исследований демонстрируют высокий уровень принятия и толерантности к чайлдфри в молодежной среде, когда добровольная бездетность оценивается как частное дело, личный выбор свободного человека.

Представления о чайлдфри как о демографической угрозе России за счет добровольного отказа от рождаемости, обуславливают необходимость проведения социологических исследований на предмет распространенности и вовлеченности современной молодежи в данную идеологию, в том числе на уровне отдельных регионов.

В 2023 году среди студентов Оренбургского государственного университета проводился групповой опрос (фокус-группа) с целью оценки уровня распространенности установок на бездетность под влиянием идеологии чайлдфри в среде современной студенческой молодежи. Использовалась серийная (гнездовая) выборка, где в качестве объектов исследования выступили шесть студенческих групп 2–4 курса обучения, разных направлений подготовки бакалавриата. Общее количество участвующих в исследовании респондентов составило 107 человек в возрасте от 19 до 22 лет. Среди респондентов 46% ни с кем на момент интервью не встречались, 23% состояли в незарегистрированном браке (сожительство), 31% состояли в отношениях на момент интервью с юношей/

девушкой. Все опрошенные респонденты были бездетными. В опросе участвовало 57% девушек и 43% юношей.

Тема исследования вызвала живое и заинтересованное обсуждение среди студенческой молодежи. Большинство респондентов охотно высказывали свою точку зрения, ссылались на примеры из своего жизненного опыта, а также опыта знакомых и родственников. Это показывает актуальность затронутых в исследовании вопросов для молодежи.

Вопросы для беседы были разбиты на ряд тематических блоков. Первый блок вопросов был направлен на выявление наличия представлений респондентов о таком социальном феномене как чайлдфри и их отношения к нему. Все опрошенные оказались знакомы с термином чайлдфри, респонденты давали определение, что «*Чайлдфри это человек, который может, но не хочет заводить детей*», т.е. бездетный по собственному выбору, с которым одногруппники соглашались. Причины осознания себя чайлдфри можно сгруппировать по тому, как часто они назывались во всех обследуемых студенческих группах:

- 1) стремление к саморазвитию (а дети этому мешают, так как требуют внимания, времени и средств);
- 2) неудачный пример, увиденный в своей семье, или в среде своих знакомых (назывались жесткое обращение с детьми, неблагодарность детей по отношению к родителям, выросшие дети с серьезными девиантными отклонениями, неблагополучные многодетные семьи, вынужденный уход за младшими братьями/сестрами в родительской семье);
- 3) просто не любят детей;
- 4) страх родов, боязнь ухудшения здоровья, испортить фигуру и утратить привлекательность для мужчины т.д.;
- 5) распространение идей феминизма, желание женщин иметь независимость от мужчин;
- 6) страх столкнуться с финансовыми трудностями;
- 7) стремление избежать ответственности.

Феномен чайлдфри, по мнению большинства респондентов, наиболее распространён в странах Запада, нежели в России. Связывают это с тем, что в России государство поддерживает деторождение из-за демографического кризиса, ведется активная пропаганда приоритета рождения детей, действуют меры финансовой поддержки. Также семья с детьми в сознании россиян продолжает являться нормативом в силу сохраняющегося влияния традиций. В тоже время распространённость феномена чайлдфри в западных странах респонденты объясняли большей свободой человека, а также наличием официально разрешенных однополых отношений.

Установки на бездетность, по мнению респондентов, больше распространены среди женщин, так как на них лежит основная ответственность за воспроизводство и воспитание ребенка, жен-

щины более осознают всю ответственность этого процесса, а также последствия для своего организма. «*Очень многие женщины боятся за своё здоровье, за последствия после родов, за своё эмоциональное состояние, что является одной из причин отказа от деторождения*» – данные предположения часто высказывались девушками. Одна из респондентов рассказала свой личный пример, как в 10 лет они с подругой посмотрели программу про роды и для них это оказалось психологической травмой, которая в последствие привела к нежеланию иметь детей. Среди мужчин нежелание иметь детей менее распространено, по оценке респондентов, в силу меньшей ответственности последних за воспитание ребенка, так как они считают своей главной функцией финансовую стабильность в семье: «*До сих пор у нас мать в жизни ребенка является главным человеком, а отец лишь в ней присутствует*», «*мужчины почти не касаются воспитания детей: и сад, и школа, и социализация – это не их заботы*», «*Мужчинам важно продолжить род и оставить наследника, поэтому они за рождение детей*». Таким образом, респонденты косвенно подтвердили сохраняющиеся в российских семьях гендерное разделение ролей, когда женщина – это мать, занимающаяся воспитанием и социализацией детей, а мужчина отвечает за финансовое благополучие, а также указали на то, что женщины в большей степени склонны к осознанной бездетности.

Во всех обследуемых студенческих группах звучало мнение, что у современных женщин появилось больше прав и свобод и теперь в первую очередь они хотят реализоваться в карьере, а не в материнстве: «*Женщины сегодня имеют больше возможностей для самореализации, а новая установка современного общества «сделай себя сам» не совместима с детьми*». Также сами девушки достаточно часто озвучивали свои опасения по поводу устойчивости современных семейно-брачных отношений, уверенности в своем брачном партнере: «*Сейчас родишь ребенка, а муж найдет себе другую, помоложе и покрасившее, и буду я его одна растить*», «*Мне нужно сначала обеспечить себе финансовую стабильность, на современных мужчин нет никакой надежды*».

Второй блок вопросов был направлен на изучение представлений респондентов о чайлдфри-союзах и отношении к ним. В ходе интервью студентам был предложен конкретный пример. В городе Белгород живёт условная Ирина Петровна. Ей 40 лет, она замужем, обеспеченная женщина, у них с мужем есть свой общий бизнес, который приносит им хороший доход. Но детей у них нет и не планируются. Ольга очень любит свою собаку (она покупает ей дорогие вещи, заботится о ней, делает различные прически, обеспечивает ей надлежащий уход) и говорит о том, что не собирается делить свою любовь к собаке с детьми. Более того, она говорит о том, что ненавидит детей, не может рядом с ними находиться длительное время, они ее раздражают. Модератор спрашивал респон-

дентов об отношении к данной жизненной позиции. Ни один из участников фокус-групп не осудил Ирину Петровну из примера, все сошлись во мнении о том, что она вольна жить как захочет «...если Ирину и ее мужа все устраивает, то мы не вправе ее осуждать, ведь не для каждого счастье заключается в детях». Часть респондентов обратили внимание на то, что, Ирина, возможно, сублимирует некоторую потребность в материнстве на собаке, а также отметили, что не просто не любовь, а именно «ненависть» к детям в сорокалетнем возрасте является инфантильной позицией, и может свидетельствовать о каких-либо не решённых личностных психологических проблемах, связанных с деторождением.

Респондентам был задан вопрос «Если в паре один партнер хочет детей, а другой нет, как им поступить?». Ответы оказались практически единодушны и категоричны, что такой паре лучше расстаться, чем продолжать эти отношения. Среди аргументов чаще всего указывали, что идти на уступки не получится, так как один из партнеров будет страдать как эмоционально, так и физически (если это касается женщины). Звучало мнение «...даже если один из партнеров и пойдет навстречу, то большая вероятность, что с рождением ребенка в семье начнутся ссоры и разногласия и впоследствии союз распадется». Однако далее, в ходе диалога часть респондентов пришла к мысли, что иногда это вопрос времени и зрелости партнеров, им стоит продолжить отношения, так как со временем у одного из партнеров на биологическом уровне изменится его отношение к рождению детей. Далее было предложено представить ситуацию, в которой супруг/супруга участника интервью, будучи уже в браке, заявляет о своем нежелании иметь ребенка и приверженности к движению чайлдфри. Большая часть респондентов указывали на то, что планы партнера на детей следует узнать до вступления в брак. Был задан дополнительный вопрос «Можно ли переубедить человека, выбравшего чайлдфри, изменить свою позицию?». Респонденты считают, что изменить позицию человека по вопросу деторождения никто не может, только он сам к этому должен прийти в процессе возникновения и осознания такой потребности.

С целью выявления взглядов респондентов на семейный статус последователей идеологии чайлдфри был задан вопрос «Считается ли пара, состоящая из двух представителей чайлдфри, семейной парой, семьей?». Мнение респондентов здесь разошлись. Часть опрошенных утверждали, что «Семья – это союз мужчины и женщины, а дети лишь дополнение», «можно считать чайлдфри-союз семьей, так как они выполняют все те же функции, кроме репродуктивной», также сторонники этой точки зрения ссылались на российское законодательство, в котором семья в РФ это союз мужчины и женщины, а обязательность детей не оговаривается. Другая позиция исходила из утверждений о том, что «Семья без детей,

это всего лишь диада, союз не являющийся семьей и ребенок необходим», «Союз мужчины и женщины можно считать семьей и без детей, но это будет неполноценная семья, так как дети являются логичным продолжением, или «вторым этапом» семьи». Один из респондентов выразил мысль о том, что все-таки нет единого определения понятия «семья» поскольку для каждого оно своё и предложил собственное определение: «Для меня семья это глобальное проявление любви к одному человеку на начальном этапе, впоследствии, когда любви становится больше, семья увеличивается и любовь проявляется в детях, в их воспитании и заботе о них. Дети являются проекцией любви двух партнеров в мир». Было так же высказано мнение, о том, что семья в широком смысле – это не только твой партнер и ваши дети, а также родители супругов и ближайшие родственники. Из ответов респондентов видно, что единого образа семьи в их представлениях не существуют, большая часть респондентов допустила возможность именовать и считать полноценной семьей супругов без детей.

Третий блок вопросов был направлен на выявление отношения молодежи к детям, многодетным семьям и распространенности установок на бездетность в студенческой среде. Оценивая насколько в России сегодня распространена многодетность, большинство студентов указывали на широкое распространение, но, к сожалению, среди представителей низшего класса. Среди основных причин рождения в семье троих и более детей чаще всего фигурировали мнения о стремлении получить материальную помощь от государства (выплаты, льготы, жилье), недостаточном сексуальном воспитании, злоупотреблении алкоголем: «В очень редких случаях, когда пара счастлива и целенаправленно хочет иметь много детей, в основном рожают чтобы не работать и жить на пособия от государства».

Таким образом, в сознании молодежи сегодня стойко закрепился образ многодетной семьи как семьи бедной, безответственной к будущему своих детей и занимающей иждивенческие позиции.

На вопрос есть ли среди участников чайлдфри, открыто себя убежденным сторонником этой идеологии назвала только одна девушка, в качестве мотивов обозначив стремление жить для себя и неприязнь к детям. Еще трое девушек указали, что на данный момент их также можно причислить к чайлдфри, потому что они не планируют иметь детей, но не исключают, что с возрастом у них может возникнуть такая потребность. Большинство же опрошенных убежденно высказались, что хотят в будущем создать семью и родить детей, называя самым подходящим для этого возраст 26–30 лет. Озвученное желаемое количество детей составило один–два ребенка, о стремлении к рождению трех детей высказались четыре человека, четырех детей не планирует никто. В качестве мотивов студенты называли ценность семьи и детей для себя: «Я бы хотела, чтобы у меня бы-

ла семья, основанная на любви и взаимопонимании», «Хочу встретить любимого человека и прожить с ним всю жизнь, вырастить достойных детей», «Для меня главное в семье поддержка друг друга во всем», «Я готова родить и троих детей от любимого мужчины».

В качестве завершающего беседу был задан вопрос о перспективах развития чайлдфри в России. По поводу влияния феномена чайлдфри на институт семьи в целом один из участников высказался, что «В нашей стране, как и в США, произойдет разделение на приверженцев традиционной семьи и идей чайлдфри, однако феномен не окажет значительного влияния на институт семьи, и последователей чайлдфри будет меньше, чем приверженцев традиционных ценностей». Большинству участников фокус-групп чайлдфри видится лишь определенным этапом развития общества, молодежным течением. Часто звучали предположения о том, что с возрастом убежденные чайлдфри поменяют свою позицию, психологически созреют на выполнение родительских функций. Таким образом, серьезную угрозу демографии страны со стороны чайлдфри респонденты не видят, поскольку убеждены в малочисленности истинных представителей этого движения и сокращении его популярности со временем среди россиян.

Проведенные фокус-группы в студенческой среде способствовали выделению ценностных ориентаций молодежи в отношении семьи и брака, а также позволили определить отношение к добровольной бездетности и степень готовности к выполнению родительских функций. Одним из серьезных барьеров к рождению ребенка среди девушек выступает страх, связанный с родами (болезненность, угроза утраты здоровья и т.д.). Для преодоления этого барьера необходимо проведение широкой информационно-просветительской кампании, различных консультаций в образовательных учреждениях, социальной рекламы о радости материнства, о положительном влиянии материнства на здоровье женщины. Опасения среди студенческой молодежи о резком ухудшении материального положения после рождения ребенка вызваны зачастую незнанием реализуемых государством мер материальной поддержки молодых семей, семей с детьми.

Результаты исследования показывают низкую вовлеченность студентов в движение чайлдфри, при высокой толерантности к людям, сознательно выбравшим жизнь без детей. В большей степени среди современных студентов распространены тенденции к малодетности и откладыванию начала деторождения на возраст 26–30 лет, обусловленные рациональными, экономическими мотивами, такими как «пусть будет меньше детей, но мы их сможем больше обеспечить», «заведу детей, как только буду получать стабильные доходы, обрету финансовую независимость». В ценностных ориентациях студенчества преобладают традиционные, такие как семья, любовь, забота, поддержка.

Таким образом, результаты социологических опросов показывают приверженность идеологии чайлдфри именно на уровне ценностных ориентаций, а не вследствие социальных проблем. Видится, что снижению распространенности ориентаций молодежи на добровольную бездетность будет способствовать **государственная политика по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, транслируемая через институты образования и воспитания**. Важно, чтобы в общественном сознании образ успешности современного россиянина коррелировал с наличием у него крепкой семьи и детей.

Литература

1. Семья и дети: установки и реалии // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-deti-ustanovki-i-realii> (дата обращения: 09.06.2024).
2. Доля бездетных россиян, которые не хотят обзаводиться детьми, достигла 22%. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/243761147> (дата обращения: 13.06.2024).
3. Veivers J.E. Childless by choice. Toronto: Butterworth, 1980. 220 pp.
4. Chancey L. Voluntary childlessness in marriage and family textbooks, 1950–2000. Journal of Family History, 2009, 34(2). P. 206–223.
5. Moore J. (2015) Discursive Struggles of Tradition and Nontradition in the Retrospective Accounts of Married Couples Who Cohabited Before Engagement. Journal of Family Communication, 2015, (15). P. 95–112.
6. Большунова Т.В. Феномен Чайлдфри: макро-социологический анализ // Вестник университета. 2018. № 1(4). С. 145–149.
7. Гараева Э.И. основополагающие причины и мотивы добровольной бездетности в современном обществе // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 9. С. 1–6.
8. Рогова А.М., Давыдов С.А. Социальные факторы распространения чайлдфри в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2023. № 1(9). С. 76–81.
9. Парцвания В.Р., Хупения Н.Р. Трансформация ценностей на пути к постиндустриальному обществу // Российский гуманитарный журнал. 2018. № 7(4). С. 273–283.
10. Белинская Д.В. Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4. № 13. С. 12–19.
11. ПолUTOва М. А., Жанбаз О.О. Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» с позиций постмодернизма // Вестник Забайкальского государственного университета. 2015. № 01 (116). С. 89–98.
12. Новоселова Е.Н. Новые тенденции репродуктивного поведения городского населения России (на примеры Москвы) // Демографические процессы на постсоветском пространстве: 6

Уральский демографический форум / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: Ин-т экономики Урал. отд. РАН, 2015. – С. 313–317.

13. Вильданова С. М., Граничная А.А., Мингалиева А. Р, Салыхиева Л.М. Тенденции распространения ценностей чайлдфри в России и их влияние на кризис института семьи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 192–205.
14. Куцубей А. Т., Пономарёва И.В. Психологические особенности и мотивы отказа от рождения детей представителей чайлдфри // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. Том 5 (71). № 3. С. 94–104.
15. Левченко В. В., Баяндина Я.О. Отношение к феномену чайлдфри современной молодежи: региональный аспект // Вестник университета. 2022. № 12. С. 188–196.
16. Кислое А. Г., Шапко И.В. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену чайлдфри // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 362–373.
17. Гокова О.В. Анализ феномена childfree и формирование традиционных семейных ценностей у современной студенческой молодежи в регионе (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2024. Т. 22. № 1. С. 90–98.
18. Гафизова Н. Б., Цалко Е.О. Восприятие бездетности современной молодежью: (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 120–132.

ATTITUDES TOWARDS CHILDLESSNESS IN THE MINDS OF STUDENTS UNDER THE INFLUENCE OF THE IDEOLOGY OF “CHILDFREE” (REGIONAL ASPECT)

Pereselkova Z.Yu.

Orenburg State University

The article is devoted to the study of the problem of voluntary childlessness and the prevalence of attitudes towards it among students (using the example of the Orenburg region) influenced by Childfree's ideology. The work of domestic researchers on the studied problem is analyzed, the characteristic features characteristic of modern Russian childfree are described. The results of a sociological study among students conducted by the method of a group interview are presented. The main reasons for childfree youth's self-awareness are shown. The focus groups conducted among students helped to highlight the value orientations of young people in relation to family and marriage, and also made it possible to determine the attitude towards voluntary childlessness and the degree of readiness to perform parental functions. The results of the study showed a low involvement of students in the childfree movement, with a high tolerance for people who consciously chose a life without children.

Keywords: childfree, voluntary childlessness, family, family values, student youth.

References

1. Family and children: attitudes and realities // VTsIOM. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-i-deti-ustanovki-i-realii> (date of access: 06/09/2024).
2. The share of childless Russians who do not want to have children has reached 22%. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/243761147> (access date: 06/13/2024).
3. Veevers J.E. Childless by choice. Toronto: Butterworth, 1980. 220 rub.
4. Chancey L. Voluntary childlessness in marriage and family textbooks, 1950–2000. Journal of Family History, 2009, 34(2). P. 206–223.
5. Moore J. (2015) Discursive Struggles of Tradition and Nontradition in the Retrospective Accounts of Married Couples Who Cohabited Before Engagement. Journal of Family Communication, 2015, (15). P. 95–112.
6. Bolshunova T.V. The Childfree phenomenon: macrosociological analysis // University Bulletin. 2018. No. 1(4). pp. 145–149.
7. Garayeva E.I. Fundamental reasons and motives for voluntary childlessness in modern society // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2018. No. 9. pp. 1–6.
8. Rogova A.M., Davydov S.A. Social factors of the spread of childfree in Russia // Telescope: journal of sociological and marketing research. 2023. No. 1(9). pp. 76–81.
9. Partsvania V.R., Khupenia N.R. Transformation of values on the way to a post-industrial society // Russian Humanitarian Journal. 2018. No. 7(4). pp. 273–283.
10. Belinskaya D.V. Social portrait of childfree // Bulletin of Tambov University. Series: Social Sciences. 2018. T. 4. No. 13. pp. 12–19.
11. Polutova M. A., Zhanbaz O.O. Value and motivational attitudes of the “Childfree” community from the perspective of postmodernism // Bulletin of the Transbaikalian State University. 2015. No. 01 (116). pp. 89–98.
12. Novoselova E.N. New trends in the reproductive behavior of the urban population of Russia (examples of Moscow) // Demographic processes in the post-Soviet space: 6 Ural Demographic Forum / rep. ed. A.I. Tatarkin, A.I. Kuzmin. – Ekaterinburg: Institute of Economics Ural. dept. RAS, 2015. – pp. 313–317.
13. Vildanova S. M., Granichnaya A.A., Mingaliev A. R, Salyakhiyeva L.M. Tendencies in the spread of childfree values in Russia and their influence on the crisis of the family institution // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2017. No. 3. pp. 192–205.
14. Kutsubei A. T., Ponomareva I.V. Psychological characteristics and motives for refusing to give birth to children of childfree representatives // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2019. Volume 5 (71). No. 3. pp. 94–104.
15. Levchenko V.V., Bayandina Ya.O. Attitude to the childfree phenomenon of modern youth: regional aspect // University Bulletin. 2022. No. 12. pp. 188–196.
16. Kisloe A. G., Shapko I.V. Attitude of student youth of the Sverdlovsk region to the childfree phenomenon // Scientific dialogue. 2016. No. 2 (50). pp. 362–373.
17. Gokova O.V. Analysis of the childfree phenomenon and the formation of traditional family values among modern student youth in the region (using the example of the Omsk region) // Bulletin of Omsk University. Series “Economics”. 2024. T. 22. No. 1. pp. 90–98.
18. Gafizova N. B., Tsalko E.O. Perception of childlessness by modern youth: (regional aspect) // Woman in Russian society. 2023. No. 2. pp. 120–132.

Высшее образование в авиакосмической отрасли: социологическое исследование

Перкова Екатерина Петровна,

старший преподаватель кафедры «Социология, психология и социальный менеджмент» Московского авиационного института (национального исследовательского университета)
E-mail: perkovaep@yandex.ru

Почестнев Александр Анатольевич,

к.с.н. доцент кафедры «Социология, психология и социальный менеджмент» Московского авиационного института (национального исследовательского университета)
E-mail: apochestnev@yandex.ru

Целью настоящей статьи является выявление ключевых разрывов между ожиданиями студентов университета авиакосмической отрасли, и теми возможностями, которые предоставляет вуз. Исследование проведено методом социологического онлайн-опроса среди студентов очного обучения Московского авиационного института (N = 631). В результате опроса было выявлено, что для студентов ведущего авиакосмического вуза характерны высокие требования к результатам обучения, которые во многих случаях не удовлетворены. Наиболее важные разрывы между ожиданиями и фактическими результатами обучения касаются развития компетенций, необходимых для разработки и реализации сложных технических проектов в реальной жизни: опыта разработки и внедрения проектов по заказу промышленности, навыков решения реальных производственных задач, умения организовать производство и адаптировать новые технологические решения к условиям конкретного предприятия, а также управленческих и предпринимательских компетенций. Преодоление выявленных разрывов между ожиданиями и фактическими возможностями, предоставляемыми вузом, является необходимым условием для повышения глобальной конкурентоспособности российского высшего образования в авиакосмической и других высокотехнологических отраслях.

Ключевые слова: высшее образование, авиакосмическая отрасль, качество образования, результаты обучения, компетенции выпускников.

Введение

Развитие высокотехнологических отраслей невозможно без сквозной системы профессионального образования, включающей в себя привлечение и развитие талантов на всех ступенях подготовки: школы, ссуза, вуза, профессионального развития на рабочем месте и др. Ключевую роль в кадровом обеспечении играет высшее образование, предоставляющее глубокие и систематизированные знания и навыки решения сложных профессиональных проблем. При этом для современного высшего образования характерен растущий уровень конкуренции: межорганизационной, межотраслевой, международной [1; 2], образовательные организации вступают в активную борьбу за ресурсы, в том числе и за студентов с разносторонними способностями.

Российская авиакосмическая промышленность остается одной из немногих высокотехнологических отраслей, сохраняющих свою конкурентоспособность на мировом рынке, и сохранение этих позиций требует интенсивных усилий по развитию научно-образовательной системы. Однако на мировом образовательном рынке даже ведущие российские технологические вузы, включая авиакосмические, занимают достаточно скромные позиции, отражая общие проблемы развития современной системы высшего образования [3; 4]. Например, ведущий отраслевой вуз, Московский авиационный институт (МАИ) в мировом рейтинге Times Higher Education находится лишь во второй тысяче списка (URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings>). В последнее десятилетие в России был реализован целый ряд амбициозных проектов, направленных на развитие научно-образовательного потенциала и укрепление международных позиций российских университетов, в особенности проект «5–100», – эффективность и результативность которого стали предметом активных дискуссий [5–7]. Вузы, не охваченные этой программой, тем не менее также стоят перед необходимостью повышать свою конкурентоспособность и обеспечивать приток талантливых абитуриентов и их подготовку в соответствии с требованиями рынка современных высокотехнологических отраслей.

Аэрокосмическая промышленность остается на переднем крае технологического развития современного общества, а успехи частной космонавтики открывают принципиально новые возможности для освоения космоса в ближайшем будущем. Сталкиваясь с необходимостью решения крайне сложных, комплексных и уникальных научно-

технических, инженерных и организационно-управленческих задач, авиакосмическая отрасль формирует запрос на подготовку высококвалифицированных специалистов, способных разрабатывать и обеспечивать эксплуатацию существующих и инновационных систем. Это становится причиной растущего интереса к изучению особенностей подготовки, качества обучения и его управлению, специализирующихся на авиакосмических программах и специальностях [8–11].

Одной из важных составляющих качественно образовательного процесса является тип поступающего абитуриента. Он делает выбор на основе репутационных параметров вуза, которые создаются, в том числе, исходя из мнения выпускников. Данное мнение формируется как соотношения реальной подготовки ожиданиям. Однако в настоящее время сравнительно мало известно о том, какие требования и ожидания будущие работники авиакосмической отрасли (абитуриенты) предъявляют к университету. Настоящая статья позволяет отчасти восполнить этот пробел.

Методология исследования

В статье представлены результаты эмпирического социологического исследования, проведенного среди студентов МАИ. Объектом исследования являлась подготовка специалистов в авиационно-космическом вузе. Предметом исследования – изучение возможностей системы обучения реализовать ожидания студентов относительно качества их подготовки. Целью исследования стало определение разрывов между требованиями работодателей, ожиданиями студентов университета авиакосмической отрасли, и теми возможностями, которые предоставляет вуз.

Для оценки системы обучения мы рассматривали два блока параметров. В первый входили целевые показатели, отраженные в компетентностной модели выпускника (требования работодателей). Они исследовались на предмет соответствия ожиданиям студентов и степени их сформированности по результатам обучения. Во втором блоке изучался принцип организации управления обучением, в основе которого была положена идея внедрения

индивидуальных траекторий обучения и возможности участия студентов в управлении образовательной программой (планировании и организации обучения). Степень реализации данного принципа оценивалась, исходя из желаний и возможностей студентов управлять такими параметрами системы как: дисциплины и их содержание, последовательность изучения, расписание занятий, доступность дисциплин для многократного изучения, методы обучения, способы контроля знаний, преподаватели.

Инструментарий исследования также включал в себя перечень открытых вопросов связанных с определением списка дополнительных компетенций, дисциплин и тем, которые студенты хотели включить в систему обучения.

Исследование проведено методом социологического онлайн-опроса среди студентов Московского авиационного института. Ссылка на электронную форму была распространена среди студентов очной формы обучения всех факультетов (институтов) по университетским каналам электронных коммуникаций. Опрашивались студенты бакалавриата, магистратуры и специалитета, всех курсов, обучающиеся на бюджетной, платной и целевой основе. Сбор данных осуществлялся в декабре 2020 года, общий размер выборки составил 631 чел. Выборка репрезентативна при доверительно вероятности 95% предельная ошибка выборки составляет $\pm 3,82\%$.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования позволили оценить обучение в ведущем российском вузе авиакосмического профиля с точки зрения структуры ожиданий студентов и соответствия практики обучения этим ожиданиям. Респондентам было предложено оценить опыт своего обучения по 19 различным параметрам. Оценки, полученные от студентов разных направлений подготовки, курсов, форм обучения значимо не отличались друг от друга, что дает возможность их интеграции и предоставления общей усредненной оценки по всему вузу (табл. 1). Исключением являлись компетенции связанные с управлением деятельностью.

Таблица 1. Ожидания относительно обучения в вузе, % от числа опрошенных

Ожидаемые результаты обучения	Варианты ответа				Всего
	не ожидал и не получил	не ожидал, но получил	ожидал и получил	ожидал, но не получил	
Глубокие фундаментальные теоретические знания	7,3	12,0	54,7	26,0	100
Отличные профессиональные базовые знания по специальности (навыки расчета типовых профессиональных задач)	6,0	5,9	50,7	37,4	100
Навыки конструирования и изобретательства (создание и моделирование прототипов)	28,5	9,2	28,8	33,4	100
Навык и опыт решения реальных производственных задач	20,1	6,5	29,3	44,1	100

Ожидаемые результаты обучения	Варианты ответа				Всего
	не ожидал и не получил	не ожидал, но получил	ожидал и получил	ожидал, но не получил	
Навыки научно-исследовательской и экспериментальной работы (в том числе аналитика и моделирование)	19,0	12,0	42,3	26,6	100
Навыки самостоятельной работы с информацией (поиск, анализ, обработка)	3,6	15,4	70,7	10,3	100
Навыки работы с современным программным обеспечением или навыки программирования	13,8	8,9	39,0	38,4	100
Навыки владения иностранным языком и способность к коммуникациям с представителями других стран	26,9	10,9	34,5	27,6	100
Умение работать в профессиональной группе (коллективе), способность организовать его работу	17,6	12,7	52,5	17,3	100
Умение организовать производство (технологический процесс) и адаптировать новые технологические решения к условиям предприятия	41,2	7,4	23,1	28,2	100
Комплексное представление об организационно-экономическом контексте функционирования авиационно-космической отрасли, способность продавать результаты инженерного труда (навыки предпринимательства)	43,1	8,4	25,0	23,5	100
Опыт разработки и внедрения проектов по заказам промышленности или других организаций	42,5	7,0	18,7	31,9	100
Умение участвовать в обсуждении и дискуссиях по различным вопросам, презентовать результаты своей работы, простым языком излагать алгоритм решения своей технической задачи	16,5	10,5	52,8	20,4	100
Умение грамотно подготавливать заявки на инженерные проекты, техническую документацию, отчеты и научные статьи	33,4	11,7	29,2	25,7	100
Навыки нестандартного мышления	22,7	15,2	39,6	22,5	100
Навыки комбинаторного и аналитического мышления	17,1	9,5	53,2	20,1	100
Мультидисциплинарное системное видение	30,3	10,8	36,0	23,0	100
Интерес к самостоятельному обучению и развитию	10,9	14,1	50,7	24,2	100
Умение распределять ресурсы и время, навыки самоорганизации	15,2	11,7	52,3	20,8	100
В среднем	21,9	10,5	40,7	26,4	100

Характеризуя ожидания студентов в целом, следует отметить, что они являются высокими. За единственным исключением, большинство студентов относят все предложенные результаты обучения к числу своих ожиданий. То есть, студенты ждут от университета формирования широкого перечня компетенций, которые позволят им стать профессионалами мирового уровня в одной из наиболее высокотехнологичных отраслей мировой экономики. В этой связи представляет интерес те результаты обучения, которые оказались сравнительно менее востребованными. К их числу относятся, прежде всего, навыки, связанные не с умением решать технические и профессиональные задачи, а с умением выстраивать сложные управленческие системы, необходимые для реализации комплексных технических проектов. Показательно, что в наименьшей степени (48,5%)

студенты ждут от университета развития управленческих навыков (в том числе и предпринимательских), – несмотря на то, что именно их дефицит регулярно называется в качестве одной из проблем российских технологических университетов [12; 13]. Отсутствие соответствующих ожиданий и выраженного запроса со стороны студентов следует рассматривать как дополнительный фактор, снижения конкурентоспособности российских университетов.

Вместе с тем более детальный анализ показал, что студенты существенно различаются по своим запросам на развитие управленческих компетенций (табл. 2). В частности, на структуру соответствующих ожиданий влияет основа обучения, которая оказалась статистически значимым фактором отношения к получению данных навыков (критерий $\chi^2 = 29,3$, ст. св. = 6, $p < 0,01$).

Таблица 2. Ожидания в отношении управленческих компетенций, % от числа опрошенных

	Основа обучения		
	на бюджетной основе	на платной основе	по целевому набору от предприятий
Ожидали развития управленческих компетенций	54,23%	38,17%	60,32%
Не ожидали развития управленческих компетенций	45,77%	61,83%	39,68%
Всего	100%	100%	100%
Получили развитие управленческих компетенции	68,65%	51,91%	82,54%
Не получили развитие управленческих компетенций	31,35%	48,09%	17,46%
Итого	100%	100%	100%

Более конкретно, студенты, обучающиеся на целевой основе, в большей степени имеют запрос на умение организовать бизнес в аэрокосмической отрасли, нежели студенты – «бюджетники», а студенты – «платники» интересуются данной компетенцией намного меньше, нежели студенты – «бюджетники» и «целевики». Однако студенты – «целевики» получили данную подготовку в большей степени. Таким образом, не оправдались ожидания у студентов бюджетной основы.

Анализируя степень соответствия фактических результатов обучения ожиданиям студентов, можно заключить, что в целом она носит умеренный характер. К числу ожиданий, которые в наибольшей степени оказались удовлетворены, относятся, прежде всего, развитие навыков самостоятельной работы с информацией (70%). Экономика постиндустриального общества – это прежде всего работа с информацией и знаниями, и в условиях высокой насыщенности информационной среды умение находить, классифицировать и обрабатывать релевантную информацию становится универсальной компетенцией высококвалифицированного специалиста. Кроме того, бизнес ситуация во всем мире становится турбулентной, возникает необходимость быстро осваивать новые технологии для поддержания позиции конкурентоспособности продукции, что требует от персонала развитости данной компетенции. Эта задача в специализированном технологическом университете, как можно видеть, решается успешно. К числу других результатов, относительно успешно решаемых в вузе, относятся базовые образовательные компетенции (овладение фундаментальными знаниями и профессиональными навыками – 54,6%), навыки командной и самостоятельной работы (52,4%), презентационные и аналитические навыки (53,3%).

Для идентификации проблем и «узких мест» в деятельности вуза особое значение имеет выявление не оправдавшихся ожиданий студентов. Наиболее высокий разрыв в ожиданиях (отношение числа тех, чьи ожидания не оправдались, к общему числу имеющих такие ожидания) оказался в случае задач, связанных с развитием способности к разработке и реализации сложных производственных проектов в реальной жизни. К их числу относятся: опыт разработки и внедрения проектов по заказу промышленности (63,0%), навыки решения реальных производственных задач (у 60,1% имеющих соответствующие ожидания они не оправдались), умение организовать производство и адаптировать новые технологические решения к условиям конкретного предприятия (55,0%). Эти цифры являются прямым показателем недостаточной развитости связей высшего технологического образования и высокотехнологической промышленности, и показателем неуверенности студентов в своей готовности к решению сложных производственных задач в реальной жизни. К числу других важных «разрывов» между ожиданиями и реальностью относится развитие навыков конструирования и изобретательства (53,7%) – которые являются необходимым условием для инновационных возможностей и потенциала высокотехнологических предприятий. Наконец, существенными являются разрывы в таких областях как компетенции в области программного обеспечения, предпринимательские компетенции, умение готовить техническую документацию, заявки и отчеты, навыки нестандартного мышления, а также владение иностранным языком.

Характеризуя структуру образовательных разрывов, следует отметить, что все они отражают реальные потребности рынка, которые определяют спрос на квалифицированную рабочую силу и способность выполнять уникальные профессиональные задачи в высокотехнологических отраслях. Хорошо известно, что инновационная деятельность не сводится к решению типовых технологических задач или даже разработке новых продуктов и решений. Это сложная деятельность, требующая комплексных навыков и компетенций, в том числе в области управления проектами, организации производства, маркетинга и коммуникаций [14; 15]. Важно, что студенты в своем большинстве это понимают, и даже ведущие технологические вузы сталкиваются с серьезными проблемами при удовлетворении этих потребностей. Особенно обратим внимание на разрывы в областях, связанных с организационно-управленческими и предпринимательскими компетенциями. Проблема недостаточной сформированности запроса на них со стороны студентов лишь усугубляется неспособностью университета в полной мере удовлетворить его. На данный момент коллаборация вуза и предприятий авиационно-космической отрасли имеет свои ограничения. Молодых специалистов часто не допускают до новых разработок и взаимодействий с заказчиками. Поэтому организации

не могут обеспечить условия для развития управленческих и предпринимательских компетенций. Одним из выходов из сложившейся ситуации является использование концепции «предпринимательского университета» [12,13], которая предполагает создание отдельных департаментов (предпринимательских единиц), работающих над заказами реальных клиентов. В МАИ такие департаменты существуют и есть возможность более активно привлекать студентов к их работе.

Проблемы освоения ряда компетенций кроются часто в организации образовательного процесса,

к примеру сроки и методы обучения не позволяют развить их в нужной степени [5]. В современной концепции образования решением данного вопроса видится в формировании индивидуальных траектории обучения и участия студентов в управлении образовательным процессом.

В рамках опроса респондентам было предложено оценить потребность участия в планировании и организации своего обучения, а также соответствие им фактических возможностей. Распределение ответов показано в таблице 3.

Таблица 3. Оценка студентами потребности и возможности участия в планировании и организации учебного процесса, % от общего числа респондентов

Форма участия / возможность	Варианты ответа			
	возможность есть и она нужна	возможность есть, но она не нужна	возможности нет и она не нужна	возможности нет, но она нужна
Выбирать дисциплины для изучения	23,0	4,6	9,5	62,9
Предложить дисциплины или темы, которых нет в плане	14,9	7,8	23,5	53,9
Выбирать последовательность изучения дисциплин по семестрам	11,4	4,8	33,9	49,9
Сменить преподавателя	27,6	14,9	14,6	42,9
Корректировать Ваше расписание занятий (продолжительность и время) и интенсивность изучения дисциплин (количество пар в неделю)	23,0	4,1	20,8	52,1
Выбирать (изменять) методы обучения	15,5	6,3	21,2	56,9
Самостоятельно ставить учебные задачи и придумывать способы их решения	30,0	8,2	31,1	30,7
Выбирать способы контроля знаний	17,3	5,1	31,9	45,8
Неоднократно пересдать дисциплины	56,3	9,5	12,2	22,0
Прослушать дисциплины заново	30,4	7,9	16,5	45,2
В среднем	24,9	7,3	21,5	46,2

Как видно из полученных данных, среди студентов существует явно выраженный запрос на повышение собственной роли в управлении образовательным процессом. Средняя востребованность всех видов участия составляет более 71%. Наиболее высокий запрос существует относительно возможности самостоятельно выбирать дисциплины для изучения – то, что является основой моделей высшего образования, действующих в западных вузах и что до сих пор с трудом реализуется в российских университетах. Имеющиеся данные показывают, что студенты не удовлетворены тем, как эта возможность реализована на практике: 73% тех, кто говорит о такой потребности, не могут ее реализовать в вузе. К числу других важнейших разрывов между возможностями и потребностями относятся: право выбора последовательности изучения дисциплин (81,4%), выбор методов обучения (78,6%), возможность самостоятельно предлагать темы и дисциплины, отсутствующие в учебном плане (78,3%). Единственной относительно доступной формой участия в управлении

своим образовательным процессом является возможность пересдачи дисциплин.

Дополнительный статистический анализ показал, что на оценку своих потребностей и возможностей, предоставляемых вузом не влияет пол, уровень образовательной программы студента. Некоторое значение имеет курс обучения (табл. 4).

Студенты младших курсов имеют менее выраженные запросы на возможности смены преподавателя (67% против 77,1%), но имеют больше возможностей предложить темы (26,3% против 16,4%), выбрать методы обучения (25,4% против 16,1%) и прослушать дисциплины заново (44,2% против 26%). Среди тех, кто нуждается в управлении своим образовательным процессом, студенты младших курсов обладают меньшими возможностями, нежели студенты старших курсов. Сметить темы могут 50,2% младших студентов и 61,1% старших студентов; сменить преподавателя 38,3% младших и 50,5% старших; выбрать методы могут 52,3% младших студентов и 64,2% старших студентов; прослушать дисциплины заново могут 39,8% младших и 54,5% старших студентов.

Таблица 4. Соотношение потребностей и возможностей участия студентов разных курсов в организации учебного процесса

Форма участия / возможность		Предложить дисциплины или темы, которых нет в плане	Сменить преподавателя	Выбирать (изменять) методы обучения	Прослушать дисциплины заново
Младшие курсы	Возможность есть и она нужна	17,8	29,6	18,1	36,1
	Возможность есть, но она не нужна	8,5	15,0	7,3	8,1
	Возможности нет и она не нужна	22,9	17,2	22,3	16,0
	Возможности нет, но она нужна	50,9	38,3	52,3	39,8
Старшие курсы	Возможность есть и она нужна	9,9	26,6	12,0	19,3
	Возможность есть, но она не нужна	6,5	13,6	4,1	6,7
	Возможности нет и она не нужна	22,5	9,2	19,7	19,5
	Возможности нет, но она нужна	61,1	50,5	64,2	54,5
Нужна возможность для младших курсов		68,7	67,9	70,4	75,9
Нужна возможность для старших курсов		71	77,1	76,2	73,8
Есть возможность у младших курсов		26,3	44,6	25,4	44,2
Есть возможность у старших курсов		16,4	40,2	16,1	26

Можно предположить, что после периода начальной адаптации студенты начинают лучше понимать свои образовательные потребности и ограничения своей программы. Однако подчеркнем, что, несмотря на эти различия, общий запрос на повышение своей роли в управлении процессом обучения, и в особенности в выстраивании индивидуальной образовательной траектории, выражен максимально отчетливо. Руководство ведущих технологических вузов вряд ли может игнорировать этот запрос, если хочет сохранить свою конкурентоспособность в глобальном образовательном пространстве.

Конкретизируя свои запросы, касающиеся содержания образовательных программ, около трети студентов (34,2%) указали на нехватку тех или иных дисциплин. При этом, ответы на открытый вопрос образовали широкий перечень востребованных дисциплин, как профильных, так и универсально-технических (прежде всего в сфере ИТ) и социально-гуманитарных. Наличие высокого разнообразия потребностей является дополнительным аргументом в пользу повышения индивидуализации образовательных траекторий, в том числе за счет расширения перечня небольших модулей (майноров), предлагаемых студентам на выбор. Явно выраженной является потребность в повышении своей международной конкурентоспособности: почти две трети студентов (62,1%) заявили о востребованности преподавания отдельных профильных дисциплин на английском языке.

С точки зрения модели образовательного процесса, опрошенные студенты предпочли бы смесь классической (поточной) и модульной систем: первый вариант оказался востребованным для общенаучных и фундаментальных дисциплин (68,9%), а второй – для более специальных профильных предметов (60,7%). Для большинства видов учебных занятий предпочтительной остается очный формат (74,3%); использование дистанционных средств рассматривается скорее как дополнение. Однако применительно к лекционным занятиям достаточно большая доля студентов (49%) заявила о предпочтительности асинхронного онлайн-обучения, тогда как чуть более трети (36%) заинтересована в сохранении классической очной лекции.

Суммируя основные результаты проведенного исследования, следует сделать вывод, что в организации образовательного процесса есть ряд противоречий. Высшее образование в одной из наиболее конкурентоспособных отраслей российской промышленности, авиакосмической, далеко не в полной мере соответствует ожиданиям и потребностям студентов (МАИ обеспечивает примерно 70% подготовки специалистов в данной сфере). При этом нельзя сказать, что ожидания и запросы студентов являются завышенными, нерациональными или не соответствующими требованиям рынка труда. Напротив, эти ожидания в ряде случаев скорее являются заниженными – как в случае развития навыков предпринимательства и ре-

шения сложных организационно-управленческих задач, необходимых в высокотехнологической промышленности. Повышение качества и конкурентоспособности профильного авиакосмического образования невозможно без целенаправленной работы по устранению критических разрывов между потребностями студентов и теми возможностями, которые в настоящее время предоставляет вуз. Однако существует проблема институционального характера, когда вуз вынужден создавать систему обучения в соответствии с едиными требованиями, предъявляемые министерством (требования регуляторов) и поэтому его деятельность в области оптимизации образовательного процесса ограничена.

Заключение

Российская высокотехнологическая промышленность с точки зрения человеческого потенциала практически полностью зависит от внутренних ресурсов. Это означает, что система профильного технического образования является критически важным условием конкурентоспособности российских предприятий в сфере высоких технологий. Результаты социологического исследования, проведенного в одном из ведущих вузов авиакосмической отрасли, позволяют сделать несколько выводов, важных для развития ее человеческого потенциала и глобальной конкурентоспособности.

Во-первых, существует целый ряд серьезных разрывов между теми образовательными возможностями, которые предоставляет вуз, и структурой ожиданий и потребностей студентов. Наиболее важными из них являются компетенции, связанные с разработкой и реализацией сложных инновационных технологических проектов в реальных условиях. Поскольку это те компетенции, от которых напрямую зависят инновационные возможности высокотехнологических предприятий, преодоление этого разрыва отвечает интересам не только студентов, но и бизнеса. Не менее важной проблемой является и развитие навыков управления и предпринимательства, ценность которых понимают преимущественно студенты, обучающиеся по целевым программам и на бюджетной основе, и которые недостаточно формируются в вузе.

Во-вторых, условия подготовки студентов не позволяют реализовать ожидания студентов, и решение данного вопроса кроется в развитии ориентационной работы на этапе поступления, и проектирования индивидуальных образовательных траекторий.

В-третьих, студенты демонстрируют ярко выраженный запрос на участие в управлении образовательным процессом. Это также необходимо учитывать при разработке образовательных программ и организации образовательного процесса.

Проведенное исследование, безусловно, имеет ряд ограничений, прежде всего, связанных с тем, что оно охватывает студентов одного вуза. Дальнейшие исследования необходимы, чтобы понять,

насколько велики разрывы между ожиданиями и реальностью в других технологических вузах, насколько успешно действующие программы развития, такие как «5–100» или обсуждаемая программа «Приоритет-2030» способствуют преодолению этих разрывов, и какие организационно-управленческие решения и практики способствуют этому. Тем не менее, настоящее исследование демонстрирует сохраняющиеся системные проблемы в технологическом высшем образовании, которые негативно сказываются на глобальной конкурентоспособности авиакосмической и других высокотехнологических отраслей российской экономики.

Литература

1. Musselin C. New forms of competition in higher education // *Socio-Economic Review*. 2018. Vol. 16. Issue 3. P. 657–683. DOI: <https://doi.org/10.1093/ser/mwy033>
2. *Competition in Higher Education Branding and Marketing: National and Global Perspectives* / Ed. by A. Papadimitriou. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – 253 p.
3. Ендовицкий Д.А., Коротких В.В., Воронова М.В. Конкурентоспособность российских университетов в глобальной системе высшего образования: количественный анализ // *Высшее образование в России*. 2020. Т. 20. № 2. С. 9–26. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-2-9-26>
4. Budzinskaya O. Competitiveness of Russian education in the world educational environment // *Astra Salvenis – Revista de Istorie si Cultura*. 2018. Issue 11. P. 565–576. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.102>
5. Ключарев Г.А., Неверов А.В. Проект «5–100»: некоторые промежуточные итоги // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1. С. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116>
6. Rodnyansky D., Abramov R. Analysis of the comparative efficiency of Russian universities from 5–100 Program // *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EPSBS*. – Krasnoyarsk: European Proceedings, 2020. – P. 865–871.
7. Oleksiyenko A.V. World-class universities and the Soviet legacies of administration: integrity dilemmas in Russian higher education // *Higher Education Quarterly*. In Press. DOI: <https://doi.org/10.1111/hequ.12306>
8. Zaludin Z., Derasol K. Concept paper: Kaizen principles in aerospace education // *The International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2019. Vol. 9. No. 2. P. 910–918. DOI: <https://doi.org/10.6007/IJARBS/V9-I2/5639>
9. Xueai Y. Discussion of the training strategy for aerospace professionals in the new era // *Higher Education of Social Science*. 2020. Vol. 19. No. 1. P. 46–49. DOI: <https://doi.org/10.3968/11821>

10. Просочкин А.С. Кадровый потенциал ракетно-космической отрасли // Аккредитация в образовании. 2018. № 75. С. 34–35.
11. Bernelli-Zazzera F., Bauer P., Revel P. The value of peer-evaluation for the improvement of quality of the aerospace higher education across Europe // *Aerotechnica Missili & Spazio*. 2017. Vol. 96. P. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF03404744>
12. Минин М.Г. Полицинская Е.В., Лизунков В.Г. Готовность студентов технического вуза к предпринимательской деятельности // *Высшее образование в России*. 2019. № 10. С. 83–95. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-83-95>
13. Чепуренко А.Ю. Как и зачем обучать студентов предпринимательству: полемические заметки // *Вопросы образования*. 2017. № 3. С. 250–276. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-250-276>
14. Matthews C.H., Brueggemann R.F. *Innovation and Entrepreneurship: A Competency Framework*. – New York; London: Routledge, 2015. – 347 p.
15. Lang D., Handley M., Jablokow K. The competencies of innovation leaders // *Innovation Leadership* / Ed. by D.G. Gliddon, W.J. Rothwell. – London: Routledge, 2018. – P. 14–27.

HIGHER EDUCATION IN THE AEROSPACE INDUSTRY: A SOCIOLOGICAL RESEARCH

Perkova E.P., Pochestnev A.A.
Moscow Aviation Institute

The purpose of this article is to identify the key gaps between the expectations of aerospace university students and the opportunities offered by the university. The study was conducted by the method of online sociological survey among full-time students of the Moscow Aviation Institute (N = 631). The survey revealed that students of the leading aerospace higher education institution are characterized by high requirements for learning outcomes, which in many cases are not satisfied. The most important gaps between expectations and actual learning outcomes concern the development of competencies necessary for the development and implementation of complex technical projects in real life: experience in developing and implementing projects ordered by industry, skills in solving real production problems, the ability to organize production and adapt new technological solutions to the conditions of a particular enterprise, as well as managerial and entrepreneurial competencies. Overcoming the identified gaps between expectations and actual opportunities provided by the university is a necessary condition for increasing the global competitiveness of Russian higher education in aerospace and other high-tech industries.

Keywords: higher education, aerospace industry, quality of education, learning outcomes, competencies of graduates.

References

1. Musselin S. New forms of competition in higher education // *Socio-Economic Review*. 2018. Vol. 16. Issue 3. P. 657–683. DOI: <https://doi.org/10.1093/ser/mwy033>
2. *Competition in Higher Education Branding and Marketing: National and Global Perspectives* / Ed. by A. Papadimitriou. – Cham: Palgrave Macmillan, 2018. – 253 p.
3. Endovitsky D.A., Korotkikh V.V., Voronova M.V. Competitiveness of Russian universities in the global system of higher education: quantitative analysis // *Higher education in Russia*. 2020. T. 20. No. 2. P. 9–26. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-2-9-26>
4. Budzinskaya O. Competitiveness of Russian education in the world educational environment // *Astra Salvenis – Revista de Istorie si Cultura*. 2018. Issue 11. P. 565–576. DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.102>
5. Klyucharev G.A., Neverov A.V. Project “5–100”: some intermediate results // *Bulletin of RUDN University. Series: Sociology*. 2018. T. 18. No. 1. P. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2018-18-1-100-116>
6. Rodnyansky D., Abramov R. Analysis of the comparative effectiveness of Russian universities from 5–100 Program // *European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EPSBS*. – Krasnoyarsk: European Proceedings, 2020. – P. 865–871.
7. Oleksiyenko A.V. World-class universities and the Soviet legacies of administration: integrity dilemmas in Russian higher education // *Higher Education Quarterly*. In Press. DOI: <https://doi.org/10.1111/hequ.12306>
8. Zaludin Z., Derasol K. Concept paper: Kaizen principles in aerospace education // *The International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2019. Vol. 9.No. 2. P. 910–918. DOI: <https://doi.org/10.6007/IJARBS/V9-I2/5639>
9. Xueai Y. Discussion of the training strategy for aerospace professionals in the new era // *Higher Education of Social Science*. 2020. Vol. 19.No. 1. P. 46–49. DOI: <https://doi.org/10.3968/11821>
10. Prosochkin A.S. Personnel potential of the rocket and space industry // *Accreditation in education*. 2018. No. 75. pp. 34–35.
11. Bernelli-Zazzera F., Bauer P., Revel P. The value of peer-evaluation for the improvement of quality of the aerospace higher education across Europe // *Aerotechnica Missili & Spazio*. 2017. Vol. 96. P. 104–109. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF03404744>
12. Minin M.G. Politsinskaya E.V., Lizunkov V.G. Readiness of technical university students for entrepreneurial activity // *Higher education in Russia*. 2019. No. 10. pp. 83–95. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-10-83-95>
13. Chepureno A. Yu. How and why to teach students entrepreneurship: polemical notes // *Issues of education*. 2017. No. 3. pp. 250–276. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-250-276>
14. Matthews C.H., Brueggemann R.F. *Innovation and Entrepreneurship: A Competency Framework*. – New York; London: Routledge, 2015. – 347 p.
15. Lang D., Handley M., Jablokow K. The competencies of innovation leaders // *Innovation Leadership* / Ed. by D.G. Gliddon, W.J. Rothwell. – London: Routledge, 2018. – P. 14–27.

Стоянов Александр Сергеевич,

к.с.н., доцент кафедры рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России
E-mail: stoianoff@mail.ru

Попова Ирина Львовна,

к.п.н., доцент, зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью Академии гражданской защиты МЧС России
E-mail: i.popova@agz.50.mchs.gov.ru

В данной статье рассматривается и анализируется проблема влияния социальных факторов на формирование военных династий. На основе исследования, которое выполнялось с помощью анкетирования, сделаны выводы о том, что военные династии – это опора вооружённых сил, хранящих лучшие традиции предшествующих поколений. Оказывают положительное влияние на продолжение военных династий такие социальные факторы (Δ ср.) как: «Интернет-новости» (+17,2%), «СМИ» (+14,2%), «патриотическое воспитание в учебных заведениях» (+9,5%). Оказывают отрицательное влияние «Военные фильмы» (-15,57%), что, видимо, вызвано качеством современных отечественных фильмов. Также способствуют продолжению военных династий следующие социальные факторы (Δ ср.): «Долг перед Родиной» (+41,9%), «Исполнение функции защитника» (+16,7%), «Героическое проявление профессии» (+14,3%). Отмечается также высокая заинтересованность респондентов к различным профессиональным династиям. Авторы выражают глубокую признательность Иштугановой Наталье за помощь в сборе и первичной обработке материала.

Ключевые слова: вооружённые силы, общественное мнение, профессиональные династии, социальные факторы, формирование военных династий.

Актуальность

Актуальность темы исследования обусловлена важностью для государства формирования и поддержки военных династий. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти объявлена одним из основных стратегических национальных приоритетов¹. К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России².

Династии, обеспечивая преемственность поколений, всегда были социальными конструкциями, поддерживаемыми государством и нацеленными на создание элитарных социальных слоёв через передачу профессиональных знаний по наследству. Современные военные династии по-прежнему обеспечивают профессиональную идентичность и передачу знаний от родителей к детям, как осознанное посвящение себя делу защиты Отечества. Такие династии – опора вооружённых сил, хранящих лучшие традиции предшествующих поколений.

Для многих поколений в России военная служба является неизменной традицией [16], а важность этой профессии определяется необходимостью защиты Родины во все времена [15].

С другой стороны, деструктивность различных социальных факторов и сложившегося в последние три десятилетия со времён распада СССР негативного общественного мнения по поводу военной службы наложило свой отпечаток на молодое поколение [14, 17], нарушая вышеуказанную преемственность поколений, как в военных династиях, так и в отношении к ним молодёжи.

Возникает в связи с вышеизложенным актуальная проблема поиска особенностей объективного влияния социальных факторов на формирование военных династий.

Объект исследования – формирование военных династий.

¹ Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Предмет исследования – влияние социальных факторов на формирование военных династий.

Цель исследования – анализ влияния социальных факторов на формирование военных династий.

Обзор литературы

Важную роль в деле формирования, накопления и поддержания воинских традиций играют военные династии. Распространённость военных династий определяется социальной значимостью (как совокупности социальных факторов) профессии защитника Родины [13], что связано с процессом профессионального самоопределения молодёжи.

Профессиональное самоопределение предполагает нахождение личностного смысла в профессиональном труде, ответственности за выбор будущей профессии, самостоятельное выстраивание профессиональной траектории [10]. Вопрос профессионального самоопределения является первостепенным, ибо от того, насколько правильно выбрана будущая специальность, будет зависеть вся последующая жизнь [4]. Династии были социальными конструкциями, нацеленными на создание элитарных профессий и профессиональных слоёв. В дальнейшем профессиональные династии в различных сферах формировались самими профессионалами через ожидания родителей и передачу профессиональных знаний по наследству. Современные династии по-прежнему составляют профессиональную идентичность и обеспечивают передачу знаний от родителей к детям [23].

Профессиональные династии представляет собой социальную группу людей, характеризующуюся отношениями, в которой несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере. Исследователи выделяют несколько групп причин в большей или меньшей степени побуждающих молодых людей к продолжению профессиональных династий. Первая группа причин – пример успешного родителя, уважение к нему. Вторая группа причин – желание продолжить профессию «генетической памяти». Третья группа причин – большой накопленный в семье ресурс знаний – интеллектуальный и властный капитал, простота в прохождении дальнейшего пути. Социально-экономические условия как внешние вызовы не оказывают сильного влияния, в отличие от внутренних причин (мотивация и семейные ценности) [20].

Вместе с тем возникает вопрос: продолжение профессиональной династии – это осознанный выбор семейного пути, преемственность или инерция в силу отсутствия других перспектив [11]? Профессиональная преемственность в семье, в большей степени зависит от условий и характера деятельности родителей. Мы считаем, что династия определяет семейные профессиональные стратегии, обусловленные как ситуацией в стране, так и семейной практикой. То есть задачами профессиональной династии являются воспитание, под-

готовка молодого поколения, на основе межпоколенных связей. Преимущества династийности выражается в существовании межпоколенческого семейного ресурса, что обеспечивает условия для эффективной адаптации и карьерной реализации молодого поколения; в передаче профессиональных ценностей [6].

Семейные традиции, ценности и ориентиры в военной династийности оказывают большое влияние на становление и формирование профессиональной культуры. Под профессиональной культурой военнослужащего понимается уровень творческого овладения обучающимися военно-профессиональной деятельностью на основе освоенных знаний, умений и навыков, а также формирования и развития профессиональных и важных качеств личности, ценностных ориентаций и первичной компетентности в решении типовых военно-профессиональных задач [8]. Другими словами, в вопросе военно-профессиональной ориентации большую роль играет происхождение абитуриентов из семей военнослужащих (династийность) и их культурное воспитание. Так в исламе традиционные добродетели «верующего, наиболее способного к исламской защите и управлению сообществом верующих», представлены именно в «военных династиях» [19]. Также должно присутствовать накопление (память) и сохранение традиций военных профессий наряду с традициями государства и поддержания его авторитета, несмотря на различную религиозную подоплёку. Память о героях, которая бережно хранится и передаётся из поколения в поколение как дань глубокого уважения к тем, кто с честью выполнял свой воинский долг поможет сформировать у военнослужащих любовь к Родине и, конечно же, любовь к своей профессии. Таким образом, именно военные династии хранят в себе лучшие образцы героизма и традиции предшествующих поколений.

Также преемственность поколений играет положительную роль в династийности, помогая добиваться наилучших результатов в профессии. Наблюдая за работой родителей, младшие члены семьи перенимают их опыт, тем самым, они смогут применить полученные знания в своей будущей профессии. Но бывает и так, что старшие поколения негативно относятся к продолжению профессиональной династии. Так более половины населения России (56% в 2018 г. и 59% в 2010 г.) не хотели бы, чтобы их дети выбрали ту же профессию, что и у них. Положительное отношение к продолжению профессиональной династии в семье разделяет 20% и 23% россиян соответственно. Кроме того, родители 48% респондентов в большинстве случаев также не хотели, чтобы у их детей формировалась профессиональная преемственность в семье. А вот треть опрошенных (32%) указала на обратное. Также можно зафиксировать, что чем выше уровень образования, тем более выражено желание родителей в профессиональной преемственности своих детей [22].

Поддержка родителей очень важна для детей именно в выборе будущей профессии. Однако данный вопрос часто вызывает конфликты в семье, где взрослые настаивают на продолжении своей династии, а ребёнок хочет идти другой стезёй. Мы считаем, что это связано с недостаточным престижем родительской профессии. С другой стороны, из-за недостатка опыта и большой ответственности в профессиональном самоопределении, а также информационного пресыщения различными медиаресурсами, которые формируют общественное мнение касательно различных профессий [18] и ежедневную повестку в СМИ, молодые люди не готовы к продолжению династий.

Формирование профессиональной династии происходит по принципу «долг путь через наставление, краток путь через пример» [3]. Другими словами, благодаря передаче опыта из поколения в поколение, любви к Отечеству через приобщение к истокам и традициям семьи, будут продолжаться и военные династии. Именно семья формирует и транслирует те ценности, которые усиливают чувство ответственности и гордости за тех людей, которые посвятили свою жизнь служению Родине. На примере их храбрости и героизма многие планируют пойти на военную службу – достойную профессию во все времена. По мнению одного из опрошенных, «в нашей семье с младенчества знают цену понятиям «воинский долг», «офицерская честь» ... я горжусь своими предками и с уверенностью могу сказать, что продолжу военную династию [5]. Таким образом, молодое поколение нуждается в примерах доблестного служения Отечеству, которое издавна демонстрировали их предки [2]. Эти примеры через СМИ и медиа формируют общественное мнение касательно как военных профессий, так и династий вообще.

Будущие военные в период профессионального самоопределения более ориентированы на общественное мнение по отношению к избираемой ими будущей профессии, а также на потребности в ней общества. В одном из исследований только каждый седьмой участник опроса при выборе будущей профессии планировал перспективу своего профессионального развития с позиции продолжения семейной профессиональной династии [1]. Таким образом, зафиксирована негативная тенденция снижения желаний детей являться продолжателями семейной профессиональной преемственности. Мы считаем, что данная тенденция обусловлена недостаточным престижем военной профессии, что требует корректировки общественного мнения и других социальных факторов: размера дохода, почёта и уважения, профессиональных перспектив и т.д.

С другой стороны, главным стимулом военной службы студенты военных кафедр считают духовную составляющую профессии военнослужащего – патриотизм, верность Родине и воинским идеалам, преданность службе [7]. Т.е. патриотическое воспитание играет огромную роль в выборе военной профессии, да и в жизни человека вообще. Это побуждает к добросовестному исполнению

обязанностей военной службы, даёт военнослужащим ответственность и дисциплину, а также чувство гордости за причастность к защите Родины, что характеризуется совершенно другим отношением к военной службе. Поэтому необходимо прививать любовь к своему делу, родному краю и т.д.

Патриотизм проявляется в готовности человека встать на защиту своей Родины, в его деятельности и поступках: любовь к родной природе, к родному языку, уважение к старшим, забота о сохранении различных архитектурных памятников, стремление принести пользу своей стране, благодаря своим умениям и знаниям [12]. Для этого необходимо вводить патриотическое воспитание с ранних лет, вспоминая о нем не только перед Днём Победы, что требует серьёзной постановки воспитательной работы в школах [9]. Таким образом, формирование патриотического воспитания зависит и от учебных процессов в школе, от подготовки учителей и, конечно же, от их личных качеств, формирование которых достаточно длительный процесс, требующий огромных образовательных ресурсов.

Семейные династии военных способны в силу своей сформированности решить эту проблему в гораздо меньшие сроки. На основе этого возникает необходимость в эффективной профессиональной подготовке военных на основе традиций и ценностной преемственности поколений в военных династиях. Эффективность профессиональной подготовки во многом определяется отношением к избранной профессии и вытекает из представлений о её ценностной, личной и общественной значимости [21], что напрямую связано с общественным мнением по отношению к военной службе. Это способствует формированию готовности к профессиональной деятельности, мобильности, конкурентоспособности и творчеству в выбранной военной специальности. На основе этого молодой человек находит себя в военной профессии, от удовлетворённости которой зависит будущее продолжение профессиональных династий.

Таким образом, военные династии имеют большое значение не только в жизни молодых людей, но и в повышении стабильности государства и социальной системы через трансляцию ценностей поколений и их преемственности, что проявляется в осознанном необходимости служения делу защиты Родины. С другой стороны, вышеуказанное нивелируется в общественном сознании негативными тенденциями влияния различных социальных факторов в течение последних десятилетий, и, как следствие, падением престижа военной профессии. Исходя из этого, влияние социальных факторов на формирование военных династий является важной проблемой, которую мы попытаемся вскрыть в нашем исследовании.

Материалы и методы

Данные получены методом анкетирования, с помощью которого проведён анализ влияния социальных

факторов на формирование военных династий. Расчётная выборка обучающихся (n = 421) случайная гнездовая при 95% доверительном интервале (ДИ) и 4,43% доверительной вероятности (ДВ). Были опрошены по несколько групп каждого курса обучающихся гражданских и военных направлений, отобранных в случайном порядке.

Количество опрошенных обучающихся Академии Гражданской Защиты МЧС России составило 421 человек, с ограничениями, характерными для военных ВУЗов, что оправдано в подобных исследованиях. Анкета состояла из 21 вопроса. Анкетирование проводилось с января по май 2023 года с помощью рассылки электронных анкет, при ответах сохранялся принцип анонимности.

В опросе приняли участие респонденты (женщины 49,4% и мужчины 50,6%) разных возрастных категорий. Наибольшая доля опрошенных пришлась на возраст 19–25 лет – 61,3%, когда респонденты уже обладают сформированными устойчивыми ценностями. До 18 лет – 21,9%, больше 30 лет – 9,5%, от 26 до 30 лет – 7,4%. Подавляющая часть участвующих в опросе – студенты ВУЗа (52,5%), слушатели (14,7%), курсанты (14,0%) и кадеты (18,8%).

Следует так же отметить, что большая часть респондентов находится в статусе холост (не замужем) – 83,6% и не имеют детей (88,1%). Большинство респондентов являются уроженцами Московской области (21,1%) и Москвы (26,1%), а также других городов России (52,8%). Большая часть опрошенных считают, что их уровень дохода на каждого члена семьи (включая все поступления) составляет 20–30 тыс. руб. (36,3%); свыше 50 тыс. руб. (25,2%); 30–50 тыс. руб. (19,5%) и 15–20 тыс. руб. (15,4%).

Результаты проведённого анкетирования приведены ниже.

Результаты исследования

Как часто в Вашем учебном заведении проводятся мероприятия связанные с патриотическим воспитанием?
421 ответ

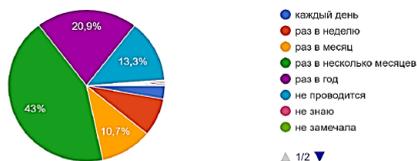

Рис. 1. Как часто в Вашем учебном заведении проводятся мероприятия, связанные с патриотическим воспитанием?

На вопрос «Как часто в Вашем учебном заведении проводятся мероприятия, связанные с патриотическим воспитанием?» (рис. 1) большинство респондентов отметило, что данные мероприятия проводятся раз в несколько месяцев (43%); раз в год (20,9%); раз в месяц (10,7%) и раз в неделю (5,5%). Часть респондентов указала, что данные мероприятия в учебном заведении не проводятся (13,3%).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что в учебных заведениях необходимы дополнительные мероприятия по патриотическому воспитанию, так как они направлены на создание условий для становления и развития патриотических черт и формирование готовности к активной гражданской позиции, направленной в том числе и на защиту Родины, что напрямую связано с функциями военных династий.

Отвечая на вопрос «Как Вы понимаете смысл понятия «военная династия»?», опрошенные ответили следующим образом (рис. 2).

Как Вы понимаете смысл понятия «военная династия»?
421 ответ

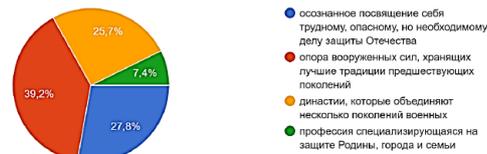

Рис. 2. Как Вы понимаете смысл понятия «военная династия»?

Рассматривая субъективное понимание респондентами понятия «военная династия», можно сделать вывод, что для большинства это, прежде всего, «опора вооружённых сил, хранящих лучшие традиции предшествующих поколений» (39,2%). Популярными ответами также являются «осознанное посвящение себя трудному, опасному, но необходимому делу для защиты Отечества» (27,8%); «династии, которые объединяют несколько поколений военных» (25,7%). Самым непопулярным ответом оказалась «профессия, специализирующаяся на защите Родины, города и семьи» (7,4%). Мы считаем, что «опора вооружённых сил, хранящих лучшие традиции предшествующих поколений» является обобщённым понятием и включает в себя все варианты, указанные в вопросе, поэтому является наиболее популярным ответом, отражающим именно социально-ценностные характеристики рассматриваемого феномена, что получило подтверждение далее.

На вопрос «Как Вы считаете, какова роль формирования военных династий в государстве?» (табл. 1) респонденты ответили следующим образом.

Таблица 1. Как Вы считаете, какова роль военных династий в государстве? (укажите несколько вариантов ответа)

Вариант ответа	Доля респондентов
Сохранение и приумножение традиций Вооружённых сил РФ	76,7%
Формирование любви к своей Родине	57,0%
Вклад в дело защиты Отечества	37,1%
Формирование отваги	13,1%
Затрудняюсь ответить	5,5%

Роль военных династий в государстве для большинства выражается в «сохранении и при-

умножении традиций Вооружённых сил РФ» (76,7%), и является вполне ожидаемым результатом, т.к. основное предназначение Вооружённых сил РФ – это обеспечение суверенитета и вооружённая защита государственных интересов, защита целостности и неприкосновенности российской территории.

57% респондентов считает, что основной ролью военных династий является «формирование любви к своей Родине». Это воспитывает уважение к традициям, гордость за своих героев, защищавших свою страну, за свой язык и культуру.

«Вклад в дело защиты Отечества» (37,1%) также является одной из лидирующих позиций, поскольку служба Родине направлена на защиту интересов нашей страны. И, конечно же, незаменимой ролью формирования военных династий является «формирование отваги» (13,1%).

Немаловажную роль в формировании общественного мнения, как одного из важных социальных факторов касательно военных династий играют СМИ. Так, отвечая на вопрос «Как часто в СМИ Вы встречаете сюжеты о различных профессиональных династиях, где дети пошли по стопам родителей?», опрошенные ответили следующим образом (рис. 3).

Как часто в СМИ Вы встречаете сюжеты о различных профессиональных династиях, где дети пошли по стопам родителей?
421 ответ

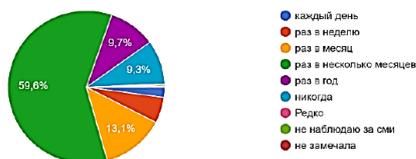

Рис. 3. Как часто в СМИ Вы встречаете сюжеты о различных профессиональных династиях, где дети пошли по стопам родителей?

Большинство респондентов (59,6%) встречают сюжеты о различных профессиональных династиях *раз в несколько месяцев*. В меньшей степени такие сюжеты встречаются раз в месяц (13,1%), раз в год (9,7%) и не встречаются вовсе (9,3%).

Исходя из этого, можно сделать вывод, что большинство респондентов (81%) замечают данные сюжеты и положительно реагируют на них, так

Таблица 3. Оцените по 5-ти бальной шкале, факторы, оказывающие влияние на общественное мнение касательно военных династий (где 1 – минимальное, 5 – максимальное, Δ ср. – отклонение от среднего значения, %)

Факторы	% / баллы					Δ ср., %
	1	2	3	4	5	
Военные фильмы	13,5%	48,5%	19,0%	7,8%	11,2%	-15,57%
	0,135	0,97	0,57	0,312	0,56	2,547
Патриотические фильмы	3,8%	17,8%	61,8%	10,5%	10,2%	5,3%
	0,038	0,356	1,854	0,42	0,51	3,178
Социальные сети	10,2%	40,4%	20,6%	17,8%	10,9%	-7,7%
	0,102	0,808	0,618	0,712	0,545	2,785

как в профессиональных династиях присутствует собственная культура, которая отражается в семейной преемственности ценностей.

Отвечая на вопрос «Как Вы думаете, что привлекательного для представителей последующих поколений в продолжение военных династий?», были получены ответы (табл. 2).

Таблица 2. Как Вы думаете, что привлекательного для представителей последующих поколений в продолжение военных династий? (несколько вариантов ответов)

Вариант ответа	Доля респондентов
Интерес к военной профессии	46,3%
Развитие физических качеств (подтянутость, выносливость, быстрота)	42,3%
Хорошая заработная плата	42,0%
Государственные гарантии	40,6%
Возможность командовать и управлять людьми	34,4%
Уважение со стороны гражданского населения	30,4%
Социальные льготы и гарантии	15,9%
Возможность быстро сделать карьеру	10,5%

Многие респонденты считают, что «интерес к военной профессии» (46,3%) привлекает представителей последующих поколений в продолжение военных династий, потому что продолжатель будет проявлять традиции в познавательной активности в целях изучения особенностей профессии и поиска себя в ней. «Развитие физических качеств» таких как, подтянутость, выносливость, быстрота на втором месте у опрошенных – 42,3%. Также привлекательны «хорошая заработная плата» (42%) и «государственные гарантии» (40,6%). Малую часть респондентов привлекают «социальные льготы и гарантии» (15,9%) и «возможность быстро сделать карьеру» (10,5%), что говорит о том, что военные династии основаны именно на ценностных ориентациях их продолжателей.

Отвечая на вопрос «Оцените факторы, оказывающие влияние на общественное мнение касательно военных династий по шкале от 1 до 5 (где 5 – самая высокая значимость)», (табл. 3) были получены следующие ответы.

Факторы	% / баллы					Δ ср., %
Интернет-новости	5,2%	9,3%	28,0%	41,6%	15,9%	+17,2%
	0,052	0,186	0,84	1,664	0,795	3,537
Патриотическое воспитание в учебных заведениях	3,3%	12,1%	50,6%	18,5%	15,4%	+9,5%
	0,033	0,242	1,518	0,74	0,77	3,303
СМИ	7,8%	12,4%	30,6%	25,9%	23,3%	+14,2%
	0,078	0,248	0,918	1,036	1,165	3,445
Художественные произведения	7,4%	24,9%	38,7%	16,6%	12,4%	0,0%
	0,074	0,498	1,161	0,664	0,62	3,017
Музыкальные произведения	6,6%	23,7%	39,4%	20,4%	9,7%	0,2%
	0,066	0,474	1,182	0,816	0,485	3,023
Мнение родственников	10,2%	16,4%	37,8%	25,7%	10,0%	2,5%
	0,102	0,328	1,134	1,028	0,5	3,092
Мнение друзей	14,0%	37,0%	30,9%	12,6%	5,5%	-14,3%
	0,14	0,74	0,927	0,504	0,275	2,586
Другое	16,1%	22,3%	44,9%	11,4%	5,2%	-11,5%
	0,161	0,446	1,347	0,456	0,26	2,67

Исходя из анализа ответов респондентов, можно выделить максимальное влияние на общественное мнение касательно военных династий таких социальных факторов как: «Интернет-новости» (+17,2%); «СМИ» (+14,2%); «Патриотическое воспитание в учебных заведениях» (+9,5%). «Интернет-новости» и «СМИ» дают огромную возможность людям получать самые актуальные новости, благодаря, которым формируется общественное мнение (ОМ) о «военных династиях». При текущей политической ситуации, фактор «патриотическое воспитание в учебных заведениях» является необходимым и важным при формировании ОМ о «военных династиях».

По результатам опроса можно выделить социальные факторы, которые в минимальной степени оказывают влияние на ОМ: «Военные фильмы» (-15,57%), «Мнение друзей» (-14,3%) и «Другие» факторы (-11,5%). Вызвало удивление то, что, по мнению респондентов «военные фильмы» практически не оказывают влияния на общественное мнение касательно военных династий. Это

связанно с тем, что в наше время данные фильмы воспринимаются, как некий художественный образ, далёкий от исторической реальности. Голливудские постановки качественно сделаны и зрелищны, но не отражают реальной истории, современные российские фильмы и фильмы времён СССР историчны, но серьёзно проигрывают в зрелищности (отсюда и перекося в сознании даже российской молодёжи по базовым итогам окончания ВОВ). «Мнение друзей» и «другие» факторы, по мнению респондентов, не оказывают влияния на общественное мнение касательно военных династий в силу их неопределённости и несформированности.

Социальные сети (-7,7%) также минимально влияют на общественное мнение, что возможно связано с аспектом самокоммуникации в них, но едва заметного влияния на массовом уровне касательно феномена «военных династий».

Отвечая на вопрос «Оцените факторы, способствующие продолжению военных династий», были получены следующие ответы (табл. 4).

Таблица 4. Оцените по 5-бальной шкале, факторы, способствующие продолжению военных династий? (где 1 – минимальное, 5 – максимальное, Δ ср. – отклонение от среднего значения, %)

Факторы	Факторы, %/баллы					Δ ср., %
	1	2	3	4	5	
Вес параметра						Итого, баллы
Социальный капитал	8,6%	46,0%	22,0%	13,5%	9,7%	-13,13%
	0,086	0,92	0,66	0,54	0,485	2,691
Романтика профессии	9,5%	20,1%	56,0%	10,5%	3,8%	-10,0%
	0,095	0,402	1,68	0,42	0,19	2,787
Воплощение мечты родителей	41,8%	22,8%	15,9%	10,9%	8,5%	-28,6%
	0,418	0,456	0,477	0,436	0,425	2,212
Осознанный долг перед Родиной	3,0%	7,4%	43,5%	37,8%	28,0%	41,9%
	0,03	0,148	1,305	1,512	1,4	4,395

Факторы	Факторы, %/баллы					Δ ср., %
Героическое проявление профессии	3,0%	8,8%	43,5%	21,0%	23,8%	14,3%
	0,03	0,176	1,305	0,84	1,19	3,541
Исполнение функции защитника	3,8%	14,7%	25,9%	27,3%	28,3%	16,7%
	0,038	0,294	0,777	1,092	1,415	3,616
Материальное благополучие	4,7%	19,0%	40,4%	19,0%	16,9%	4,7%
	0,047	0,38	1,212	0,76	0,845	3,244
Высокий социальный статус	4,0%	20,4%	30,9%	28,0%	16,6%	7,3%
	0,04	0,408	0,927	1,12	0,83	3,325
Желание избежать безработицы	32,8%	25,4%	24,7%	10,0%	7,1%	-24,7%
	0,328	0,508	0,741	0,4	0,355	2,332
Другое	11,0%	21,0%	48,7%	12,6%	6,8%	-8,5%
	0,11	0,42	1,461	0,504	0,34	2,835

По результатам анализа ответов респондентов можно выделить следующие основные социальные факторы, способствующие продолжению военных династий: «Осознанный долг перед Родиной» (+41,9%), «Исполнение функции защитника» (+16,7%), «Героическое проявление профессии» (+14,3%).

«Долг перед Родиной» является наиболее значимым положительным фактором, вследствие социально значимой ценности «службы», как имплементированного идеологического базиса социального взаимодействия, уходящего корнями в тысячелетнюю историю России, который направлен на готовность к защите не только своих близких, но и жителей своей страны. «Исполнение функции защитника» также связано с долгом и обязанностью гражданина РФ. Также респонденты выбрали фактор «Героическое проявление профессии», как следствие вышеупомянутых «долга» и «функций защитника», что проявляет себя не только в военной сфере деятельности: «Медаль за бой, медаль за труд – из одного металла льют!».

В наименьшей степени способствуют продолжению военных династий следующие факторы: «воплощение мечты родителей» (-28,6%), «желание избежать безработицы» (-24,7%) и «социальный капитал» (-13,13%). Это связано с тем, что в продолжении военных династий особую роль играет собственное (не родительское) осознание «долга перед Родиной», который мало связан с материальными факторами (безработица, так как существует много альтернативных способов заработка) и социальным капиталом.

Отвечая на вопрос «Сколько у Вас знакомых, которые могут подтвердить, что они пошли по стопам родителей?», ответы респондентов распределились следующим образом (рис. 4).

Так, большинство опрошенных (67,2%) имеют знакомых, которые могут подтвердить, что они пошли по стопам родителей – по одному знакомому (24,5%), по двое знакомых (16,6%), по трое и более знакомых (26,1%). Такой ответ связан с тем, что в наше время в достаточной степени

распространено формирование различных профессиональных династий в военных вузах.

Сколько у Вас знакомых, которые могут подтвердить, что они пошли по стопам родителей?
421 ответ

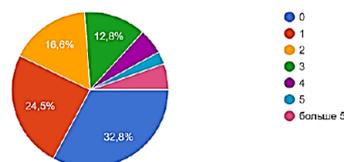

Рис. 4. Сколько у Вас знакомых, которые могут подтвердить, что они пошли по стопам родителей?

В то же время (32,8%) отметили отсутствие таких знакомых. Тем самым необходимо в большей степени уделять внимание воспитанию традиций, которые направлены на формирование и развитие личности, обладающей качествами гражданина, готового как продолжать семейные профессиональные традиции, так и осознанно служить Родине – военные династии.

Отвечая на вопрос «Что для Вас значит продолжение профессиональной династии?», ответы распределились (рис. 5) следующим образом.

Что для Вас значит продолжение профессиональной династии?
421 ответ

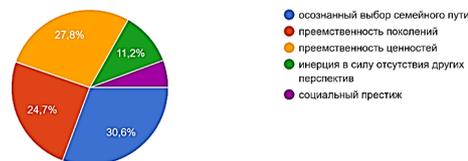

Рис. 5. Что для Вас значит продолжение профессиональной династии?

Безусловно, рассматривая понимание респондентами продолжения профессиональной династии, можно сделать вывод, что для большинства – это, прежде всего «осознанный выбор семейного пути» (30,6%), «преемственность поколений» (27,8%) и «преемственность ценностей»

(24,7%), и в малой степени «инерция в силу отсутствия других перспектив» (11,2%) и «социальный престиж» (5,7%). Это подтверждает полученные данные, отражённые в табл. 7.

Отвечая на вопрос «Как часто Вы просматриваете патриотические фильмы, где рассказывают про военные династии?» (рис. 6), были получены следующие ответы.

Как часто Вы просматриваете патриотические фильмы где рассказывают про военные династии?
421 ответ

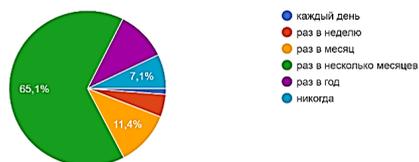

Рис. 6. Как часто Вы просматриваете патриотические фильмы, где рассказывают про военные династии?

Большинство респондентов (65,1%) просматривают патриотические фильмы раз в несколько месяцев. Другие также обращают внимание на патриотические фильмы раз в месяц (11,4%) и раз в год (10,5%). И лишь 7,1% – никогда. Из данных (см. рис. 6) можно сделать вывод, что большинство (76,5%) опрошенных интересуются военными династиями, деятельность которых направлена на защиту Родины, культуры, традиций и своего родного языка – всё, что вмещает в себя понятие «патриотизм».

Отвечая на вопрос «Как Вы отмечаете День защитника Отечества в своей семье?», респонденты ответили следующим образом (рис. 7).

Как Вы отмечаете День защитника Отечества в своей семье?
421 ответ

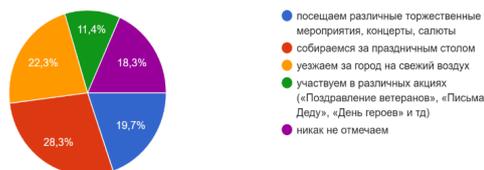

Рис. 7. Как Вы отмечаете День защитника Отечества в своей семье?

Исходя из анализа распределения можно увидеть, что большинство респондентов (59,4%) чтят защитников своей Родины, а также проявляют любовь к своим традициям и старшему поколению, т.к. для них это семейный праздник и они «собираются за праздничным столом» (28,3%), «посещают различные торжественные мероприятия, концерты, салюты» (19,7%), а также 11,4% «участвуют в различных акциях (поздравления ветеранов, письма деду, день героев и т.д.)». Часть опрошенных «уезжает за город на свежий воздух» (22,3%), некоторые «никак не отмечают» данный праздник (18,3%).

Отвечая на вопрос «Как Вы считаете какие военные династии в большей степени известны в об-

ществе? (табл. 5), были получены следующие ответы.

Таблица 5. Как Вы считаете какие военные династии в большей степени известны в обществе? (несколько вариантов ответа)

Вариант ответа	Процент
Спасатели	48,0%
Танкисты	47,0%
Разведчики	43,2%
Сапёры	34,2%
Пограничники	31,8%
Лётчики	29,9%
Ракетчики	26,8%
Десантники	13,8%

Существует огромное количество военных династий в наше время. Одними из самых известных являются династии спасателей (48%), танкистов (47%), разведчиков (43,2%). Благодаря этим примерам существенно повышается профессиональная мотивация для многих людей, побуждая их на дальнейшее развитие и приумножение семейных профессиональных традиций МЧС России.

Обсуждение и заключение

В ходе проведённого исследования было выявлено, что понятие «военная династия» – это, прежде всего «опора вооружённых сил, хранящих лучшие традиции предшествующих поколений» (39,2%). А продолжение профессиональных династий – это, прежде всего «осознанный выбор семейного пути» (30,6%) и «преемственность поколений» (27,8%).

Роль формирования военных династий в государстве для большинства респондентов выражается в «сохранение и приумножение традиций Вооружённых сил РФ» (76,7%), что вносит вклад в обеспечение военной безопасности и защиту государственных интересов.

Важно отметить, что оказывают положительное влияние на ОМ касательно военных династий такие социальные факторы (Δ ср.) как: «Интернет-новости» (+17,2%), «СМИ» (+14,2%), «патриотическое воспитание в учебных заведениях» (+9,5%). Исходя из этого можно сделать вывод, что общественное мнение необходимо корректировать в лучшую сторону в рассматриваемой области. В минимальной степени оказывают влияние на ОМ: «Военные фильмы» (–15,57%), что, видимо, вызвано качеством современных отечественных фильмов.

В то же время в нашей стране присутствуют военные династии, которые в большей степени известны в обществе, такие как: спасатели (48%), танкисты (47%) и разведчики (43,2%). Благодаря данным примерам военных династий молодые люди могут изменить своё мнение в положительную сторону, что способствует поступлению на военную службу. Этому также поспособствует увели-

чение количества мероприятий, связанных с патриотическим воспитанием, которые проводятся в учебных заведениях по мнению респондентов раз в несколько месяцев (43%) и различные сюжеты в СМИ о профессиональных династиях, которые встречаются им раз в несколько месяцев (59,6%).

Также способствуют продолжению военных династий следующие социальные факторы (Δ ср.): «Долг перед Родиной» (+41,9%), «Исполнение функции защитника (+16,7%), «Героическое проявление профессии (+14,3%). Это связано с проявлением чувства патриотизма или результатами его проявления. Следует отметить, что 46,3% респондентов выделяют «интерес к военной профессии», как фактор продолжения военных династий в наше время.

Таким образом, социальные факторы, в том числе ОМ, оказывают влияние на формирование военных династий. На наш взгляд, в целях повышения уровня социальной значимости военных династий среди населения, необходимо:

- уделять больше внимания патриотическому воспитанию, как пример просмотр военных и патриотических фильмов;
- увеличить количество проведения практических мероприятий в целях повышения уровня патриотизма среди подрастающего поколения;
- предусматривать дополнительную мотивацию для военнослужащих, например, социальные льготы и выплаты, нематериальная поддержка семей военнослужащих и т.п.;
- в большей степени использовать различные социальные медиа для пропаганды и популяризации военных династий, как например СМИ, интернет-новости, социальные сети.

Литература

1. Бакланов П.А. Выбор профессии: личностно-смысловой и символический контексты (социологический анализ) / П.А. Бакланов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2014. – Т. 11. – № 4. – С. 96–102.
2. Великая Н.Н. Военные династии в Чечне (конец XVIII–начало XX века) // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2015. – № 113. – С. 491–495.
3. Глазкова Т.В. Участие семьи в специализированной культуре // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 115–120.
4. Григорьева Е.А. Осознанность и ожидания при выборе ВУЗа и профессии / Е.А. Григорьева, А.С. Стоянов // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2020. – № 2(32). – С. 256–267.
5. Ермолаев Н., Креджан Г.Н. Военная династия // Педагогический поиск. – 2020. – № 5. – С. 45–46.
6. Иванова Е.Ю. Профессиональные династии: тенденции и формы поддержки / Е.Ю. Ива-

нова, П.С. Юрьев // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 15–16 марта 2018 года / Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральское отделение Российского общества социологов. – Екатеринбург: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Гуманитарный университет», 2018. – С. 498–503.

7. Карлова Е.Н. Особенности социального статуса студентов военных центров / Е.Н. Карлова // Социологические исследования. – 2012. – № 7(339). – С. 135–142.
8. Кисин К.А. Профессиональная культура как цель современного военного образования / К.А. Кисин // Развитие военной педагогики в XXI веке: Материалы III Межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25 марта 2016 года / Военная Академия Связи. – Санкт-Петербург: ООО «Издательство ВВМ», 2016. – С. 50–53.
9. Красильников М.Г. Школа и патриотизм / М.Г. Красильников, У.В. Афонасьева, В.В. Колпашникова // Формирование традиций патриотизма: материалы научно-практической конференции, Барнаул, 17–18 апреля 2015 года. – Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. – С. 40–44.
10. Мальчукова Н. Н., Куликова С.В. Формирование профессионального самоопределения в ракурсе профессиональных династий // Агропродовольственная политика России. – 2017. – № 12. – С. 174–178.
11. Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? / О.Ю. Посухова // Власть. – 2013. – № 12. – С. 100–103.
12. Савина Н.С. Влияние знаков отличия на формирование чувства патриотизма молодежи / Н.С. Савина, А.С. Стоянов // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2021. – № 1(35). – С. 260–268.
13. Стоянов А.С. Анализ влияния социальных факторов на поведение курсантов академии гражданской защиты МЧС России / А.С. Стоянов, А.В. Бокатюк // Траектории формирования аналитических компетенций по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление: сборник трудов секции № 16 XXXII Международной научно-практической конференции, Химки, 01 марта 2022 года. – Химки: Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, 2022. – С. 95–104.

14. Стоянов А.С. Влияние альтернативных новостных каналов на отношение молодёжи к мобилизации / А.С. Стоянов // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2023. – № 3(45). – С. 199–218.
15. Стоянов А.С. Гастрономические ожидания курсантов академии гражданской защиты МЧС России / А.С. Стоянов, Е.А. Пеканова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2021. – № 2(71). – С. 134–147. – DOI 10.26105/SSPU.2021.71.2.012.
16. Стоянов А.С. Социальные ожидания как фактор профессиональной недооценки женщин на службе в силовых структурах / А.С. Стоянов // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2023. – № 1(26). – С. 85–101. – DOI 10.24412/2541–9056–2023–126–85–101.
17. Стоянов А.С. Факторы негативного отношения к службе в армии (на примере призывников г.о. Химки) / А.С. Стоянов, В.Н. Филькова // Социология. – 2020. – № 2. – С. 173–180.
18. Чернова Р.С. Восприятие населением женщины-спасателя / Р.С. Чернова, А.С. Стоянов // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2020. – № 2(32). – С. 165–170.
19. Epalza Ferrer M. Problemas y reflexiones sobre el califato en al-Andalus // Anuario de Historia del derecho Español. – 1983. – С. 569–582.
20. Ermolaeva Yu.V. Problems of Professional Dynasty in the Conditions of Modernization Changes in the Post-Soviet Space (Based on Materials of Biographical Interviews) / Yu.V. Ermolaeva // Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia: collected papers European Sociological Association 14th Conference “Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging”, Manchester, 20–24 August 2019. – Manchester: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2019. – P. 144–158.
21. Olentsova J.A. Professional self-determination of student’s secondary vocational education / J.A. Olentsova // Professional Identity of Youth in Innovative Region: Problems and Prospect, 21 October 2019, 2019. – P. 227–228.
22. Posukhova O., Klimenko L. Professional dynasties in the public consciousness of Russians // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2019. – Т. 72. – С. 03041.
23. Professional Dynasties as a Social Mechanism for the Reproduction of Professional Identities / V.A. Mansurov, A.V. Semenova, E. Yu. Ivanova, O.V. Yurchenko // Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia: collected papers European Sociological Association 14th Conference “Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging”, Manchester, 20–24 August 2019. – Manchester: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2019. – P. 133–143.

SOCIAL FACTORS IN THE FORMATION OF MILITARY DYNASTIES

Stoyanov A.S., Popova I.L.

Academy of Civil Defense of the Ministry of Emergency Situations of Russia

This article examines and analyzes the problem of the influence of social factors on the formation of military dynasties. Based on the research, which was carried out using a questionnaire, it was concluded that military dynasties are the support of the armed forces, preserving the best traditions of previous generations. Such social factors (Δ av.) have a positive impact on the continuation of military dynasties: “Internet news” (+17,2%), “mass media” (+14,2%), “patriotic education in educational institutions” (+9,5%). “War films” have a negative impact (–15,57%), which is apparently caused by the quality of modern domestic films. The following social factors (Δ av.) also contribute to the continuation of military dynasties: “Duty to the Motherland” (+41,9%), “Fulfilling the function of a protector (+16,7%), “Heroic manifestation of the profession (+14,3%). There is also a high interest of respondents in various professional dynasties. The authors express deep gratitude to Natalya Ishtuganova for her assistance in collecting and initially processing the material.

Keywords: armed forces, public opinion, professional dynasties, social factors, formation of military dynasties.

References

1. Baklanov P.A. Choice of profession: personal-semantic and symbolic contexts (sociological analysis) / P.A. Baklanov // Bulletin of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosova. – 2014. – Т. 11. – No. 4. – P. 96–102.
2. Velikaya N.N. Military dynasties in Chechnya (late 18th – early 20th centuries) // Scientific and methodological electronic journal Concept. – 2015. – No. T13. – pp. 491–495.
3. Glazkova T.V. Family participation in specialized culture // Advances in modern science. – 2017. – Т. 6. – No. 2. – pp. 115–120.
4. Grigorieva E.A. Awareness and expectations when choosing a university and profession / E.A. Grigorieva, A.S. Stoyanov // State Reg: state regulation of public relations. – 2020. – No. 2(32). – pp. 256–267.
5. Ermolaev N., Kredzhyan G.N. Military dynasty // Pedagogical search. – 2020. – No. 5. – pp. 45–46.
6. Ivanova E. Yu. Professional dynasties: trends and forms of support / E. Yu. Ivanova, P.S. Yuryev // XXI Ural sociological readings. Social space and time of the region: problems of sustainable development: materials of the International Scientific and Practical Conference, Ekaterinburg, March 15–16, 2018 / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of Public Administration and entrepreneurship, Ural branch of the Russian Society of Sociologists. – Ekaterinburg: Autonomous non-profit organization of higher education “Humanitarian University”, 2018. – P. 498–503.
7. Karlova E.N. Features of the social status of students of military centers / E.N. Karlova // Sociological studies. – 2012. – No. 7(339). – pp. 135–142.
8. Kisin K.A. Professional culture as the goal of modern military education / K.A. Kisin // Development of military pedagogy in the 21st century: Materials of the III Interuniversity Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, March 25, 2016 / Military Academy of Communications. – St. Petersburg: VVM Publishing House LLC, 2016. – P. 50–53.
9. Krasilnikov M.G. School and patriotism / M.G. Krasilnikov, U.V. Afonasyeva, V.V. Kolpashnikova // Formation of traditions of patriotism: materials of a scientific and practical conference, Barnaul, April 17–18, 2015. – Barnaul: Altai State Pedagogical Academy, 2015. – P. 40–44.
10. Malchukova N. N., Kulikova S.V. Formation of professional self-determination from the perspective of professional dynasties // Agricultural Policy of Russia. – 2017. – No. 12. – pp. 174–178.
11. Posukhova O. Yu. Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity? / O. Yu. Posukhova // Power. – 2013. – No. 12. – P. 100–103.
12. Savina N.S. The influence of insignia on the formation of a sense of patriotism among young people / N.S. Savina, A.S. Stoy-

- anov // State Reg: state regulation of public relations. – 2021. – No. 1(35). – pp. 260–268.
13. Stoyanov A.S. Analysis of the influence of social factors on the behavior of cadets of the Civil Defense Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia / A.S. Stoyanov, A.V. Bokatyuk // Trajectories of the formation of analytical competencies in the areas of training “Public and municipal management: collection of works of section No. 16 XXXII International Scientific and Practical Conference, Khimki, March 01, 2022. – Khimki: Academy of Civil Defense of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief, 2022. – P. 95–104.
 14. Stoyanov A.S. The influence of alternative news channels on the attitude of young people to mobilization / A.S. Stoyanov // Gos-Reg: state regulation of public relations. – 2023. – No. 3(45). – pp. 199–218.
 15. Stoyanov A.S. Gastronomic expectations of cadets of the Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia / A.S. Stoyanov, E.A. Pekanova // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. – 2021. – No. 2(71). – pp. 134–147. – DOI 10.26105/SSPU.2021.71.2.012.
 16. Stoyanov A.S. Social expectations as a factor of professional underestimation of women in the service of law enforcement agencies / A.S. Stoyanov // Humanitarian Studies of Central Russia. – 2023. – No. 1(26). – P. 85–101. – DOI 10.24412/2541-9056-2023-126-85-101.
 17. Stoyanov A.S. Factors of negative attitude towards military service (on the example of conscripts of the city of Khimki) / A.S. Stoyanov, V.N. Filkova // Sociology. – 2020. – No. 2. – P. 173–180.
 18. Chernova R.S. Population’s perception of a woman rescuer / R.S. Chernova, A.S. Stoyanov // State Reg: state regulation of public relations. – 2020. – No. 2(32). – pp. 165–170.
 19. Epalza Ferrer M. Problemas y reflexiones sobre el califato en al-Andalus // Anuario de Historia del derecho Español. – 1983. – P. 569–582.
 20. Ermolaeva Yu.V. Problems of Professional Dynasty in the Conditions of Modernization Changes in the Post-Soviet Space (Based on Materials of Biographical Interviews) / Yu.V. Ermolaeva // Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia: collected papers European Sociological Association 14th Conference “Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging”, Manchester, 20–24 August 2019. – Manchester: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2019. – P. 144–158.
 21. Olentsova J.A. Professional self-determination of students’ secondary vocational education / J.A. Olentsova // Professional Identity of Youth in Innovative Region: Problems and Prospect, October 21, 2019, 2019. – P. 227–228.
 22. Posukhova O., Klimenko L. Professional dynasties in the public consciousness of Russians // SHS Web of Conferences. – EDP Sciences, 2019. – T. 72. – P. 03041.
 23. Professional Dynasties as a Social Mechanism for the Reproduction of Professional Identities / V.A. Mansurov, A.V. Semenova, E. Yu. Ivanova, O.V. Yurchenko // Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belonging. View from Russia: collected papers European Sociological Association 14th Conference “Europe and Beyond: Boundaries, Barriers and Belongin”, Manchester, 20–24 August 2019. – Manchester: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2019. – P. 133–143.

Трансформация профессиональной деятельности преподавателя социально-гуманитарных дисциплин в инженерном вузе в условиях цифровизации общества

Субочева Оксана Николаевна,

д.с.н., профессор, кафедра «Социология и культурология»,
Московский государственный технический университет имени
Н.Э. Баумана
E-mail: subochevaon@mail.ru,

Рождественская Мария Игнатьевна,

студент, Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана
E-mail: mashenkarozhdestvo@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению проблем, возникающих в процессе трансформации деятельности преподавателя социально-гуманитарных дисциплин под влиянием цифровых технологий в инженерном вузе. Подчеркивается необходимость усиления интеграции технического и социально-гуманитарного знания в образовании инженера. Представлена идеальная модель преподавательской деятельности в условиях цифровизации в инженерном вузе с использованием факторного анализа. На основе результатов анализа интервью преподавателей социально-гуманитарных дисциплин раскрывается отношение к цифровым технологиям, выделяются социальные типы (технофоб, технонейтрал, технофил) а также выявляются барьеры, препятствующие осуществлению данной идеальной модели в преподавательской практике.

Ключевые слова: идеальная модель преподавательской деятельности в условиях цифровизации, социально-гуманитарные дисциплины, инженерное образование, образовательные цифровые технологии, отношение к цифровым технологиям в учебном процессе, барьеры цифровизации преподавательской деятельности.

Значение инженерной деятельности для современного российского общества возрастает с каждым годом. Практическое использование научных знаний, полученных в вузе в практической деятельности, оказывает положительное влияние на темпы развития производства, экономики и общественной жизни в целом [12]. Ключевая роль этом процессе принадлежит преподавателям инженерных вузов, от уровня компетентности которых зависит повышение качества инженерного образования в подготовке квалифицированных специалистов. Однако для полноценного развития инженерных кадров необходимо преподавание на высшем уровне не только технических дисциплин, но и высокий уровень подготовки в социально-гуманитарной сфере. Именно междисциплинарность играет сегодня ключевую роль в развитии будущих специалистов в технических областях производства, ведь в современном мире существенно повышается социальная ответственность инженера за свои технические изобретения [1, 9].

Современное общество формирует социальный заказ системе технического и инженерного образования на возвращение специалиста новой формации, способного не только адаптироваться к быстроменяющимся цивилизационным условиям, но и активно влиять на них, обеспечивая сохранение качества жизненной среды. Это специалист, обладающий широким набором компетенций, гуманистически ориентированным мировоззрением, экологическим сознанием и глобальным мышлением, профессиональная деятельность которого не вредит социальной системе, а способствует её поступательному развитию с появлением новых технологий. Его подготовка требует от вуза активизации ценностной ориентации профессиональных дисциплин, усиления гуманитарной составляющей содержания инженерного образования в результате интеграции технических и социально-гуманитарных знаний [3]. Преподаватели социально-гуманитарных дисциплин способны усилить мотивацию студентов к изучению своих предметов, раскрывая их необходимость для будущей профессиональной деятельности.

Однако с появлением цифровых технологий преподавательская деятельность не может не трансформироваться под современные запросы образовательной среды. Глобальный процесс цифровизации всех сфер жизни общества с каждым годом идёт всё активнее. Особенный тренд на цифровое взаимодействие наметился с приходом пандемии

«Covid-19», когда, в силу карантинных мер безопасности, преподавательская деятельность во всех российских вузах перешла в дистанционный цифровой формат [4]. Когда карантинные ограничения ликвидировали, преподаватели и студенты вернулись в аудитории, однако тренд на цифровизацию образования не остановился. Поэтому, чтобы оставаться компетентным специалистом в своей профессиональной области, преподаватель должен адаптироваться к новой цифровой реальности, иначе его профессиональный статус потеряет своё значение в современном мире.

Обращаясь к интерпретации основных понятий, можно отметить, что в научных работах профессиональная деятельность, в целом, предстаёт как комплексное явление, занимающее особое место среди различных видов социальной активности человека. Определение профессиональной деятельности преподавателя можно вывести, исходя из общего понятия, сформулированного Д. Марковичем [7]. Таким образом, под профессиональной деятельностью преподавателя мы подразумеваем специализированную и институционализированную деятельность, в которую входит совокупность составляющих профессиональной деятельности преподавателя, выделенных в более или менее однородную целостность, выполняемую преподавателем относительно длительное время на основе соответствующего образования и знаний и обеспечивающую доход для поддержания существования человека.

Профессиональная деятельность преподавателя может подвергаться трансформации, связанной с процессом цифровизации общества. Однако, каким образом объект (цифровые технологии) может являться движущей силой трансформации общественной жизни? На этот вопрос отвечает акторно-сетевая теория, возникшая в 70-е годы XX века в период бурного развития технологий и различных отраслей естественных наук. Основоположником акторно-сетевой теории является французский социолог Бруно Латур. Он отводил главенствующую роль научным знаниям и технологиям в процессе развития социальных отношений. Исследуя лабораторные опыты Луи Пастера, Б. Латур приходит к выводу о том, что объект является таким же полноправным членом социальных отношений, как и субъект, человек [5]. Или же, правильнее сказать, что «классическая дихотомия объект – субъект нивелируется сама собой» [10]. Действующие акторы (люди и объекты) связываются Б. Латуром в единую социотехническую сеть, все элементы которой способны участвовать в коллективном действии, создавая и трансформируя социальные отношения [10]. Под коллективным действием Латур понимает «не действие, выполняемое гомогенными социальными силами, а, наоборот, действие, в котором соединяются и связываются воедино различные типы сил, и именно потому, что они различны» [6]. Данную концепцию можно применить к процессам трансформации, связанным с цифровизацией общества, так как

движущей силой (акторами) изменения социальной жизни выступают скорее не люди, а цифровые технологии способные трансформировать всю социальную систему. Таким образом, процесс цифровизации общества можно представить как процесс расширения социотехнических сетей благодаря внедрению в эти сети цифровых технологий, способных «вынудить» остальных участников социальных отношений (людей) адаптироваться под новую социальную реальность.

Следует учесть, что использование преподавателями цифровых технологий зависит от их отношения к новым технологиям в целом. Растущие темпы изменений в области информационно-коммуникативных технологий делают актуальным для современного человека вопрос понимания цифрового мира и формирования отношения к возможностям и рискам Интернета и других цифровых технологий [8]. В научном дискурсе в разрезе отношения индивида к технологиям чаще всего говорится о двух понятиях: «технофобы» и «технофилы». Марк Дж. Броснан определяет технофобию как совокупность трёх характеристик:

- 1) внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии;
- 2) страх или тревога, связанная с использованием технологии;
- 3) враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии [13].

Технофилию (технократию) же определяют как «отведение научно-техническому прогрессу в целом и технико-технологическому знанию в частности не просто лидирующих, но определяющих позиций в развитии цивилизации» [11]. Если преподаватель является технофобом, то он может испытывать сложности с адаптацией к новой цифровой реальности, так как необходимость использования новых цифровых технологий в рамках своей профессиональной деятельности вынуждает его идти против своих убеждений и взглядов. Преподаватели-технофилы, напротив, чувствуют себя комфортно в окружении технологических новшеств. Они интересуются всем, что связано с новыми технологиями, и готовы разбираться в принципах их работы, чтобы успешно применять в своей преподавательской деятельности.

Таким образом, преподавательская деятельность сегодня, по нашему мнению, является коллективным действием человеческих акторов (преподавателей) и цифровых акторов (цифровые гаджеты и программы). Успешность же взаимодействия преподавателей с цифровыми агентами зависит от их отношения к ним. Преподаватели-технофилы позитивно относятся к технологиям (в том числе цифровым), что может способствовать более активному взаимодействию с ними, а преподаватели-технофобы относятся негативно и даже опасаются их развития, что мешает им успешно взаимодействовать с цифровыми технологиями. Разработанная концептуальная модель исследования представлена ниже на рис. 1.

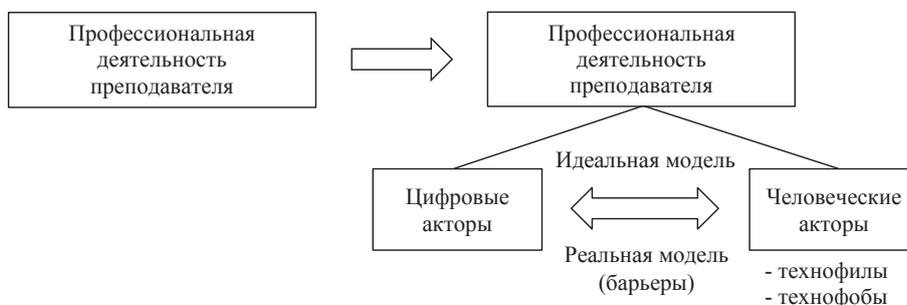

Рис. 1. Концептуальная модель исследования

Чтобы преподавательская деятельность была наиболее эффективной, необходимо проанализировать, как именно она трансформируется с внедрением в неё цифровых агентов. Изучив несколько подходов к определению компонентов профессиональной деятельности преподавателя вуза, мы выявили собственную струк-

туру её составляющих. Среди них мы выделили психолого-педагогическую составляющую, научно-исследовательскую составляющую и методологическую составляющую. Каждая составляющая представляет собой группу задач, которые преподаватель выполняет в рамках своей работы (табл. 1).

Таблица 1. Структурная операционализация профессиональной деятельности преподавателей социально-гуманитарных дисциплин инженерного вуза

Психолого-педагогическая составляющая	использование педагогических навыков
	отношение к студентам
	понимание психологических особенностей студенчества
Научно-исследовательская составляющая	отношение к научно-исследовательской деятельности
	формат научно-исследовательской деятельности
	руководство научно-исследовательской деятельностью студентов
Методическая составляющая	методика проведения занятий (лекций и семинаров)
	использование креативных методов
	методы оценивания работ студентов
	методы контроля и самоконтроля преподавательской деятельности

Также необходимо определить факторы, которые влияют на профессиональную деятельность преподавателя социально-гуманитарных дисциплин. Среди таких факторов мы выделили три группы: личностные факторы, факторы, обусловленные спецификой преподавания социально-гуманитарных дисциплин, факторы, обусловленные положением социально-гуманитарных дисциплин в инженерном вузе, а также факторы, обусловленные отношением преподавателей к цифровым технологиям. Под цифровыми технологиями мы подразумеваем совокупность цифровой техники (смартфонов, ноутбуков, персональных компьютеров, презентационного оборудования и пр.) и цифровых технологий (методы поиска, сбора, обработки, хранения, передачи и представления данных в электронном виде) [2]. Преподаватель сегодня вынужден учиться работать с цифровыми технологиями и новыми вызовами цифровой среды, чтобы оставаться востребованным профессионалом на рынке труда. Факторную операционализацию мы также представили в табличном виде (табл. 2).

В качестве эмпирической базы для нашего исследования используется метод структурированного интервью с преподавателями одной из ка-

федр ведущего инженерного вуза. На основе структурной и факторной операционализации был разработан гайд интервью, состоящий из введения, заключения и следующих шести блоков.

БЛОК 1. Личностные факторы.

БЛОК 2. Специфика преподавания социально-гуманитарных дисциплин в инженерном вузе.

БЛОК 3. Психолого-педагогическая составляющая.

БЛОК 5. Методическая составляющая.

БЛОК 6. Использование цифровых технологий в преподавательской деятельности.

В интервью участвовали 12 преподавателей одной из кафедр социально-гуманитарного факультета университета в возрасте от 26 до 76 лет, среди которых 10 женщин и 2 мужчин, так как на данной кафедре значительную часть коллектива составляют именно женщины. Большинство преподавателей (9 человек) являются штатными сотрудниками и лишь 3 – совместители, так как именно штатные преподаватели являются наиболее типичными представителями исследуемой социальной группы. Выборочная совокупность была составлена таким образом, чтобы достичь возрастного разнообразия среди респондентов (по 4 респондента в каждой возрастной группе):

- 1) молодые преподаватели (25–40 лет);
- 2) преподаватели среднего возраста (41–60 лет);

- 3) преподаватели старшего возраста (61–76 лет).

Таблица 2. Факторная операционализация профессиональной деятельности преподавателей социально-гуманитарных дисциплин инженерного вуза

Личностные факторы	основные характеристики (возраст, пол, опыт работы)
	отношение к работе
	коммуникативные навыки и работа в команде
	личный ориентир
Специфика социально-гуманитарных дисциплин	качество преподавания социально-гуманитарных дисциплин
	престиж преподавателя социально-гуманитарных дисциплин
Положение социально-гуманитарных дисциплин в инженерном вузе	отношение студентов инженерных специальностей к социально-гуманитарным дисциплинам
	значение социально-гуманитарных дисциплин для студентов инженерных специальностей
Отношение к цифровизации	отношение к цифровым технологиям (технофобы, технофилы)
	использование цифровых технологий
	перспективы использования цифровых технологий в образовании

Преподаватели старшего возраста имеют опыт работы в условиях отсутствия цифровых технологий, преподаватели среднего возраста начали работать, когда цифровые технологии начали активно внедряться в преподавательскую деятельность, а молодые преподаватели начали работать, когда цифровые технологии уже всесторонне использовались в преподавательской деятельности. Благодаря такой выборке мы будем иметь возможность сравнить мнение респондентов по теме исследования в зависимости от их опыта работы в профессии преподавателя.

Проанализированные в рамках нашего исследования качественные интервью позволяют выделить несколько типов преподавателей социально-гуманитарных дисциплин инженерного вуза касательно отношения к современным цифровым технологиям. Преподаватели-технофилы видят в цифровых технологиях значительные преимущества: «Отношусь я к ним (цифровым технологиям) хорошо, общество они развивают, они, опять-таки, повышают мобильность, взаимодействие людей в обществе... Ну, информация у нас всегда под рукой, мы знаем, что происходит, где происходит, можем выстроить своё поведение согласно вот той информации, которая поступает» [женщина, 40 лет, стаж 15 лет]. Такие преподаватели стремятся использовать новые цифровые технологии в своей работе, такие, например, как искусственный интеллект: «Я сразу могу сказать, я активно использую “ChatGPT” в работе со своими студентами, потому что, я считаю, что они эту технологию должны освоить» [женщина, 62 года, стаж 20 лет].

Также по результатам анализа можно выделить преподавателей-технофобов. Они более негативно относятся к развитию цифровых технологий: «Человек уподобляется машине. Он теряет очень значимые для себя какие-то качества. Вот эти самые все технологии, они человека, по сути дела, унифицируют» [женщина, 59 лет, стаж 37 лет]. Однако, даже такие преподаватели используют цифровые технологии хотя бы в минимальном коли-

честве: «Почту электронную использую, чат, это когда нужно быстро информацию отправить студентам... Ну, Интернет ещё использую, а так всё, в принципе» [женщина, 29 лет, стаж 1 год]. Также такие респонденты более негативно относятся к дистанционному образованию, чем технофилы: «Когда сидишь перед экраном, и там одни чёрные квадратики с именами, то у тебя ощущение, как будто ты сидишь на кладбище, где вот эти могилки и имена» [женщина, 68 лет, стаж 45 лет]. Эти респонденты стремятся избежать использования цифровых технологий в своей практике, что может помешать им качественно и актуально преподнести материал студентам.

Однако следует выделить ещё один тип преподавателей. Так как они скорее нейтрально относятся к цифровым технологиям, мы их обозначим как «технонейтралы». Такие преподаватели считают, что цифровые технологии сами по себе не способствуют развитию или деградации общества, их влияние зависит от использования этих технологий людьми: «Технологии, на мой взгляд, они хороши для каких-то задач. Одновременно они могут вызывать определённые неприятные эффекты. Зависит от того, ради каких целей в обществе их используют» [женщина, 45 лет, стаж 20 лет]. Они воспринимают цифровые технологии скорее как инструмент и могут ими пользоваться по мере необходимости.

Также в рамках нашего исследования мы изучали специфику преподавания социально-гуманитарных дисциплин в инженерном вузе. Преподаватели отмечают, что инженерам необходимо изучать социально-гуманитарное знание, чтобы оставаться востребованными специалистами. Однако существует и другое мнение: «Я считаю, что наши дисциплины: социология, культурология для инженерных специальностей это должны быть дисциплины факультативные, по выбору» [мужчина, 33 года, стаж 11 лет]. По поводу изменения значения социально-гуманитарных дисциплин в условиях цифровизации мнения также раздели-

лись, одни преподаватели считают, что важность их предметов повысилась: «Сегодня все коммуникативные, социальные навыки, как некие драйвера, помогают любому человеку адаптироваться в окружающем его мире, который меняется, который, как уже сейчас говорят, тревожный, нелинейный, хрупкий и прочее, и прочее. И вот этот вот момент он повышает значимость вообще социально гуманитарного знания» [женщина, 62 года, стаж 20 лет], однако другие считают, что ничего не изменилось: «Цифровизация, с моей точки зрения, на это никак не повлияла, потому что, собственно, знания-то о человеке, они остались, они не изменились» [женщина, 59 лет, стаж 37 лет].

Говоря об изменении профессиональной деятельности преподавателя, респонденты отмечают, что изменилась сама система коммуникации между преподавателем и студентом. От иерархичного взаимодействия она переходит в сторону «плоской коммуникации»:

«Цифровые технологии создают вот эту плоскую структуру взаимодействия, более равноправную, чем до-цифровые технологии» [женщина, 45 лет, стаж 20 лет]. Можно предположить, что причиной такой коммуникации становится изменение роли педагога высшей школы в образовательном процессе, преподаватель становится не просто транслятором знаний, а скорее навигатором, который скорее помогает ориентироваться студенту в информационном потоке. Данная характеристика преподавателя является элементом идеальной модели преподавателя, которую описывали респонденты, также среди таких характеристик можно выделить следующие (табл. 3). Следует отметить, что преподаватели также называли и другие черты, однако в таблице мы отметили те пункты, которые встречались чаще всего в интервью с респондентами.

Таблица 3. Идеальная модель преподавателя социально-гуманитарных дисциплин инженерного вуза в условиях цифровизации

Характеристика	Цитата
Роль навигатора	«Здесь задача преподавателя – научить ориентироваться в этом информационном мире. То есть он становится таким наставником, навигатором» [женщина, 44 года, стаж 20 лет]
Любовь к преподаваемой дисциплине	«Во-первых, он должен быть заинтересован, он должен любить свою работу» [женщина, 59 лет, стаж 37 лет]
Владение цифровыми технологиями	«Преподаватель должен разбираться в программном обеспечении, это однозначно» [женщина, 40 лет, стаж 15 лет]
Умение вовлекать студентов в научно-исследовательскую деятельность	«Вообще, наукой можно и нужно “заражать”. Увлечённость наукой – это вирус, такой положительный вирус» [женщина, 76 лет, стаж 50 лет]
Постоянное саморазвитие	«Преподаватель должен не терять навык новизны, то есть актуальной повестки» [женщина, 26 лет, стаж < 1 года]
Креативность	«Поскольку преподавательская профессия – профессия творческая, она элемент креативности, естественно, предполагает» [женщина, 59 лет, стаж 37 лет]
Коммуникабельность	«Доброжелательность обязательно должна быть, коммуникабельность с коллегами и со студентами» [женщина, 68 лет, стаж 45 лет]
Использование мульти-режима работы с информацией	«Цифровизация даёт возможность мульти-режимов работы с информацией. То есть не только аудиальный канал задействовать, а использовать все возможности» [женщина, 62 года, стаж 20 лет]

Современный педагог высшей школы, по мнению преподавателей, должен быть не просто специалистом, отвечающим за передачу знаний молодому поколению, а быть разносторонней личностью, стремящейся использовать все возможные методы взаимодействия с цифровыми технологиями, чтобы преподнести свой материал интересно и актуально, работая со студентами сообща ради общей цели. Однако респонденты отмечают, что существуют определённые барьеры, которые мешают преподавателям соответствовать данной идеальной модели. Среди них наиболее часто преподаватели упоминали следующие (табл. 4).

В заключение можно сказать, что трансформация профессиональной деятельности преподавателя социально-гуманитарных дисциплин инженерного вуза происходит не столь стремительно, как ожидалось. На основе проведённого анализа были выделены несколько основных типов

преподавателей: «технофобы», «технофилы», а также «технонейтралы». Данные типы позволяют оценить, насколько деятельность преподавателей подвергается трансформации и насколько в ней участвуют цифровые агенты (цифровые технологии). Однако трансформации преподавательской деятельности препятствуют некоторые барьеры, мешающие преподавателям соответствовать идеальной модели или ориентиру, который они для себя поставили. Среди основных характеристик такой идеальной модели преподавателя можно выделить любовь к преподаваемой дисциплине, владение цифровыми технологиями, креативность, постоянное саморазвитие и другие. А барьерами, мешающими её реализовать на практике, является отсутствие времени, небольшая зарплата, недостаточное владение цифровыми технологиями, а также отсутствие необходимой инфраструктуры для их использования,

консерватизм некоторых преподавателей, и пр. Таким образом, данная проблематика остаётся актуальной для изучения, а полученные в ре-

зультате качественного исследования результаты открывают возможность для их количественного подтверждения в будущем.

Таблица 4. Барьеры, мешающие преподавателям соответствовать описанному идеалу

Барьер	Цитата
Отсутствие времени	«Не хватает времени, очень большая нагрузка» [женщина, 68 лет, стаж 45 лет]
Небольшая зарплата	«Когда не ценится эта профессия обществом, а зарплата это первый признак престижности профессии, то мы сюда и не найдём талантливых, инициативных, интересных» [женщина, 62 года, стаж 20 лет]
Возраст	«То есть далеко не все преподаватели, особенно те, кто из другой эпохи, эффективно будут работать с этим делом (цифровыми технологиями)» [мужчина, 64 года, стаж 20 лет]
Консерватизм	«Главный камень на пути становления идеальным преподавателем это, конечно, страх, мы боимся, боимся меняться» [мужчина, 33 года, стаж 11 лет]
Недостаточный уровень владения цифровыми технологиями	«Я сейчас ощущаю нехватку навыков работы с информационными технологиями» [женщина, 44 года, стаж 20 лет]
Переполненность студенческих групп	«Говорить о качественном преподавании, когда у меня есть 3 минуты на студента, это смешно» [мужчина, 33 года, стаж 11 лет]
Жёсткий контроль	«Ни один внешний контроль не способен обеспечить эффективность в условиях неопределённости, поэтому внешний контроль сегодня больше вреден, чем полезен» [женщина, 62 года, стаж 20 лет]
Отсутствие необходимой инфраструктуры	«Вот мне недостаточно, что в аудитории нет доступа в Интернет» [женщина, 26 лет, стаж < 1 года]

Литература

- Багдасарьян Н. Г., Петрунева Р.М., Васильева В.Д. От компетентностной модели специалиста-инженера к STEM-образованию, или... Вперёд в прошлое? // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31. – № 5. – С. 67–83.
- Быкова М.С. Цифровые технологии в обеспечении достойной жизни человека / М.С. Быкова. – Текст: непосредственный // Молодой учёный. – 2022. – № 24 (419). – С. 42–46.
- Игнатов С. Б., Игнатова В.А. К вопросу о гуманитарных технологиях в инженерном образовании // Гуманитаризация инженерного образования: методологические основы и практика: материалы международной научно-методической конференции. – Тюмень: ТИУ, 2018. – С. 182–186.
- Ищенко А.В. Изменение роли и компетенций преподавателя в цифровом университете: дис. канд. экон. наук: 38.04.02. – Тюмень, 2021. – 124 с.
- Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / Б. Латур // Логос. – 2002. – № 5–6 (35). – С. 1–32.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; НИУ ВШЭ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 382 с.
- Маркович, Д. Социология труда: пер. с сербско-хорв. / Д. Маркович; общ. ред. и послесл. Н.И. Дряхлова, Б.В. Князева. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.
- Нестик Т. А., Солдатова Г.У. Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобии и технофилы // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. – 2016. – № 1. – С. 54–61.
- Оплетина Н.В., Трипольский В.Б. От специализации к конвергенции знания: инженерные кадры на рынке труда цифровой экономики // Гуманитарный вестник. – 2020. – № 1. – С. 1–9.
- Сивоконь А.С. Акторно-сетевой подход: истоки и перспективы в социально-философском дискурсе // Учён. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. № 1.
- Твердынин Н.М. Технократизм и технофобия: соперничество на протяжении всей истории цивилизации // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2019. № 3.
- Шамшина И.Г. Современные тенденции российского высшего инженерного образования // Sciences of Europe. 2020. № 54–3 (54).
- Brosnan M.J. Technophobia: The Psychological Impact of Information Technology. – London: Routledge, 1998. – 232 p.

TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF A TEACHER OF SOCIAL AND HUMANITIES DISCIPLINES AT AN ENGINEERING UNIVERSITY IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION OF SOCIETY

Subocheva O.N., Rozhdestvenskaya M.I.
Bauman Moscow State Technical University

The article is devoted to the consideration of problems arising in the process of transformation of the activities of a teacher of social and humanitarian disciplines under the influence of digital technologies at an engineering university. The need to strengthen the integration of technical and social-humanitarian knowledge in the education of

an engineer is emphasized. An ideal model of teaching activity in the context of digitalization at an engineering university is presented using factor analysis. Based on the results of the analysis of interviews with teachers of social and humanitarian disciplines, the attitude towards digital technologies is revealed, social types are identified (technophobe, technoneutral, technophile) and barriers are identified that impede the implementation of this ideal model in teaching practice.

Keywords: ideal model of teaching activity in the context of digitalization, social and humanitarian disciplines, engineering education, educational digital technologies, attitude to digital technologies in the educational process, barriers to digitalization of teaching activity.

References

1. Bagdasaryan N. G., Petrunova R.M., Vasilyeva V.D. From the competency model of a specialist engineer to STEM education, or... Forward to the past? // Higher education in Russia. – 2022. – T. 31. – No. 5. – P. 67–83.
2. Bykova M.S. Digital technologies in ensuring a decent human life / M.S. Bykova. – Text: immediate // Young scientist. – 2022. – No. 24 (419). – pp. 42–46.
3. Ignatov S. B., Ignatova V.A. On the issue of humanitarian technologies in engineering education // Humanitarianization of engineering education: methodological foundations and practice: materials of the international scientific and methodological conference. – Tyumen: TIU, 2018. – pp. 182–186.
4. Ishchenko A.V. Changing the role and competencies of a teacher at a digital university: dis. Ph.D. econ. Sciences: 04/38/02. – Tyumen, 2021. – 124 p.
5. Latour B. Give me a laboratory, and I will change the world / B. Latour // Logos. – 2002. – No. 5–6 (35). – P. 1–32.
6. Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network theory / trans. from English I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko; National Research University Higher School of Economics. – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2014. – 382 p.
7. Markovich, D. Sociology of labor: trans. from Serbo-Croatian / D. Markovich; total ed. and after. N.I. Dryakhlova, B.V. Knyazeva. – M.: Progress, 1988. – 632 p.
8. Nestik T. A., Soldatova G.U. Attitude to the Internet among Internet users: technophobes and technophiles // Vestnik MGOU. Series: Psychological Sciences. – 2016. – No. 1. – P. 54–61.
9. Opletina N.V., Tripolsky V.B. From specialization to knowledge convergence: engineering personnel in the labor market of the digital economy // Humanitarian Bulletin. – 2020. – No. 1. – P. 1–9.
10. Sivokon A.S. Actor-network approach: origins and prospects in social and philosophical discourse // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Humanitarian. Sciences. 2015. No. 1.
11. Tverdynin N.M. Technocratism and technophobia: rivalry throughout the history of civilization // Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Philosophy. 2019. No. 3.
12. Shamshina I.G. Modern trends in Russian higher engineering education // Sciences of Europe. 2020. No. 54–3 (54).
13. Brosnan M.J. Technophobia: The Psychological Impact of Information Technology. – London: Routledge, 1998. – 232 p.

Социологические подходы к исследованию цифровой политики и роль государства в формировании цифровых процессов в обществе

Сушко Валентина Афанасьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

В данной статье рассматриваются современные подходы к изучению цифровой политики государства, а также роль цифровых платформ в предоставлении цифровых услуг населению. Важность изучения данной тематики обусловлена не только ростом значимости цифровых технологий в современном мире, но и необходимостью эффективного управления этим процессом с целью обеспечения равного доступа к цифровым услугам для всех граждан. Понимание роли государства в формировании и предоставлении цифровых услуг, а также оценка эффективности принимаемых мер по повышению их доступности являются важными аспектами для разработки эффективных стратегий развития цифровой экономики и обеспечения социальной справедливости.

Ключевые слова: цифровая политика государства, цифровые платформы, цифровая экономика, цифровые услуги для населения.

Цифровизация представляет собой многофакторный и всеобъемлющий процесс интеграции цифровых решений в жизнь общества посредством цифровой трансформации, которая осуществляется в том числе при поддержке государства. Данный процесс делится на различные этапы и затрагивает все сферы жизнедеятельности человека. Цифровая политика государства имеет прямое влияние на благополучие и заключается в многоаспектном подходе к её реализации.

Начало технологического развития (предвестника цифровизации) в мире началось в 1947 году, тогда был разработан первый транзистор, который решал проблемы усиления, коммутации, генерирования и преобразования электрических сигналов, что открывало возможности для создания и осмысления технологий, позволяющих интегрировать в цифровую среду практически все процессы, протекающие внутри общества, однако данная перспектива находилась под занавесом и учёным только предстояло изучить траекторию развития взаимодействия государства с гражданами.

Стоит отметить вклад Вэнивару Буша, который, занимая должность Председателя Национального исследовательского комитета по вопросам обороны США в 1940 году, курировал научное сообщество, состоящее из приблизительно 6000 научных специалистов страны. В 1945 году Вэнивар написал научную работу, в которой предвосхитил полезность вычислительных устройств для человека. Ученый предсказал развитие фотокамер, снимки которых нет необходимости проявлять, печатных машин, конвертирующих человеческую речь в текст. Помимо всего прочего, ученый позволил себе предположить создание электронно-вычислительной машины (далее ЭВМ), и что интересно, подробно написал, каким образом устройство должно функционировать. Машину Вэнивар Буш назвал «MEMEX», и данный аппарат является предвестником ЭВМ, которая была создана в Советском союзе в 1955 году [1]. Устройство, которое описано Вэниваром и то, что произвели на Московском заводе счетно-аналитических машин научным коллективом под руководством Рамеева Башира Искандеровича, обладали одними и теми же принципами работы, оба устройства могли анализировать данные, преобразовывать двоичный, входящий код в читаемый человеком текст, и в обратную сторону.

Перечисляя, что сделано и что будет сделано, Вэнивар Буш (уже советник по науке президента Рузвельта) не отрекался и от социальной аналитики происходящего. В написанной им работе от-

четливо видно, как он предостерегает научное общество от проблемы, сопутствующей технологическому развитию. Автор писал о том, что растущее с невероятной скоростью количество знаний и изобретений приведет, в конечном счете, человечество к тому, что наука раздробится на множество специализированных отраслей, что сделает коммуникацию между научными кругами трудно осуществимым занятием.

Важно сказать о другом труде, который описывает цифровую трансформацию. Мануэль Кастельс публикует работу, в которой размышляет о конце промышленной революции и переходе к информационно-коммуникационным технологиям, призванным изменить общество во всех планах «Информационная эпоха: экономика общества и культура». В работе автор размышляет о технологической революции, которая призвана поменять материальные свойства общества. Кастельс предполагал, что национальные экономики станут глобально взаимозависимыми и капитализм подвергнется глубокой реструктуризации, что станет предлогом для изменения общества, экономики и культуры во всем мире [2].

Также автор обозначил грядущие проблемы, которые являлись побочным эффектом технологического развития. Речь шла о росте индивидуализации, диверсификации трудовых отношений и усилению глобальной экономической конкуренции, за которыми следуют увеличение неравномерности развития и появление новых форм организации труда, что является вызовом для экономик государств [2].

Информационно-компьютерные технологии (ИКТ) действительно принесли определенное количество проблем в глобальную экономику, однако и много полезных опций стали доступными для стран, способствующих цифровому развитию внутри себя. В своей работе Мануэль Кастельс больше склонялся к тому, что технологическое развитие – необратимый процесс, который должен гармонично развиваться в условиях синергетического сплочения усилий и ресурсов общества и государства, подводящий мир к новому этапу.

Что касается настоящего времени, то цифровизация стала одним из ключевых трендов, оказывающим влияние на различные аспекты жизни общества. Цифровые технологии проникают в быт, профессиональную деятельность и досуг, играя важную роль в общении, образовании и социализации. Это явление, ставшее характерным для XXI века, продолжает активно развиваться и оказывать воздействие не только на технические и экономические аспекты, но и на сознание, и социальную динамику общества [3]. Наиболее обсуждаемой сферой применения цифровых технологий является экономика, включая производство, обмен и потребление товаров и услуг. Понятие «цифровая экономика» становится всё более конкретным с развитием электронных платежных систем, интернет-торговли и онлайн-банкинга.

Политика также начинает активно адаптироваться влиянию цифровизации. Цифровые тех-

нологии используются в политических процессах, коммуникации и управлении государством. Это приводит к увеличению исследований в области влияния цифровых технологий на политическую жизнь [4].

Различают два основных «дискурса» цифровизации в политике: цифровизацию политики, касающуюся распространения цифровых технологий в политические отношения, и политику цифровизации, связанную с применением цифровых методов и технологий в управлении политическими процессами.

Цифровое измерение политики представляет собой новый, только начинающий формироваться объект исследования. Он представляет собой широкое и еще не вполне определенное пространство дискуссии, ограниченное с одной стороны развивающимся дискурсом цифровизации экономики и ее влиянием на другие области (экономический редукционизм), а с другой стороны – предсказанием будущего применения технологий (социально-политический футуризм) [5].

Однако следует отметить, что цифровизация политики не является новым явлением. Ментальное перенесение цифровых технологий на практику взаимодействия между властью, обществом и индивидом началось с момента начала компьютеризации и развития сетей. Обсуждение электронной и сетевой демократии началось задолго до широкого распространения гаджетов и мобильных приложений.

Понятие «цифровизация» было введено в употребление в 1995 году Николасом Негропonte, исследователем из Массачусетского технологического института. В его книге «Being Digital» Негропonte сравнивает атомы и биты как элементы материального и цифрового миров, утверждая, что все, что сделано из атомов, может быть воссоздано из битов [6].

Цифровизация способствует непрерывным изменениям в участниках, процессах, результатах и окружающей среде инновационной деятельности и ставит перед лицом вызовы базовых предположений анализа границ управления инновациями, институциональных функций и связанных социальных последствий. Это стало новым способом открытия теоретического пространства в области управления инновациями [7].

В настоящее время цифровые платформы, системы и модели становятся важным носителем для развертывания независимых исследовательских и разработческих ресурсов крупных развитых стран, а цифровая инновация также играет важную роль в трансформации производственных отраслей многих стран. В этом контексте основное внимание уделялось политическому строительству цифровой инновации, такому как координация в промышленности, институциональное обеспечение и экологическое строительство.

Помимо ключевых моментов, все еще отсутствует специальное и системное исследование политических вопросов, способствующих устойчи-

вому преобразованию цифровой инновации. Поэтому представляется важным проводить исследование политической основы для устойчивого преобразования цифровой инновации с трех сторон: требования политики для устойчивого преобразования цифровой инновации, ориентация политики и политические измерения, способствующие устойчивому преобразованию цифровой инновации при помощи обзора литературы.

Цифровая инновация означает изменение или создание продуктов и инновационных процессов, обусловленных новыми сочетаниями цифровых и физических компонентов, обеспеченных цифровыми технологиями. Некоторые типичные случаи и связанные исследования в ключевых областях показали, что цифровизация инновации является революционным изменением процесса исследований и разработок [8]. Цифровые технологии могут использовать многопредметное исследование и весь процесс на основе построения платформ исследований и разработок, виртуальных возможностей проверки и моделей обратной связи данных. Поток данных может сократить цикл исследований и разработок, снизить затраты и удвоить рыночную стоимость. Эти исследования указывают на направление для продвижения обновления политики цифровой инновации [9].

Совместная платформа исследований и разработок может способствовать внутреннему и внешнему взаимодействию субъектов исследований и разработок, является совместным носителем механизма гибкого развития, что способствует важной роли цифровых технологий в трансформации отношений между организациями и инновациями, обеспечивая открытость, доступность и создание цифровых инноваций, подчеркивая важность конструкции и развития инфраструктуры цифровой инновации [10].

Расширение понятия цифровизации на различные области экономики и общества началось в рамках концепции четвертой промышленной революции. Несмотря на новизну технологических изменений, истоки цифровизации можно проследить от предыдущих попыток создания идеального общества [11]. Построение системы политики цифровой инновации берет на себя ключевую роль в цифровой трансформации строительства глобального цифрового экономического носителя, интеграции приложений и режима управления. В последние годы базовая парадигма цифровой инновации стала все более ясной, и при условии постепенного совершенствования соответствующей аппаратной базы политическая система стала нуждаться в ускорении системного строительства (рис. 1) [12].

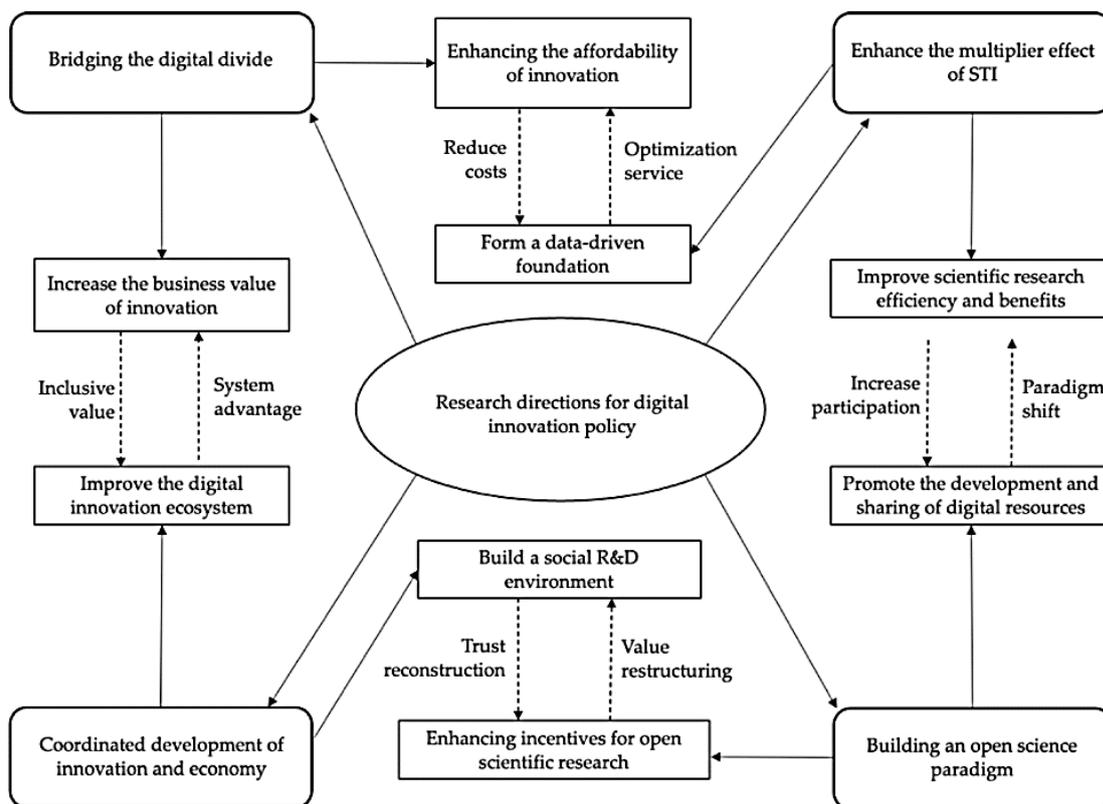

Рис. 1. Направления исследований цифровой инновационной политики

Преодоление цифрового разделения и повышение доступности, коммерческой ценности и энтузиазма социального участия в инновационных цифровых научно-технических услугах

С одной стороны, учитывая особенности инновационной деятельности в системном строительстве, ин-

тенсивности ресурсов и взаимосвязи воздействия, необходимо сокращать разрыв между деятельностью, ориентированной на человека, и машинно-ориентированной деятельностью, и улучшать систему управления интеллектуальной собственностью для продуктов и услуг цифровой инновации, увели-

чивать финансовую поддержку для высокопроизводительных компьютеров, навыков и доступа к данным, снижать стоимость и порог использования данных большинством участников, способствовать процветанию и развитию региональной цифровой инновационной деятельности [13, 14].

С другой стороны, сталкиваясь с новыми требованиями искусственного интеллекта, больших данных и облачных вычислений для инновационной деятельности и трансформации, и развития традиционных отраслей, нужно контролировать социальные риски, которые могут быть вызваны цифровой инновацией, устранять потенциальные пространственно-временные барьеры принятия инновационных решений и ограничение демократического принятия решений, улучшать инклюзивную ценность ограниченных ресурсов НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) и поддерживать эффективное соединение и гибкое функционирование многоуровневых бизнес-процессов. На основе этого необходимо дальнейшее усиление системной поддержки инноваций и цифровизации для операций предприятий, администрации, социальной культуры и других работ, и обеспечить разнообразные цифровые услуги для правительства, предприятий и общества [15].

Усиление роли исследований и разработок в цифровых сценариях НТИ (наука, технологии и инновации)

С одной стороны, сосредотачиваясь на системном процессе инноваций, основанных на данных, от аспектов концептуализации продуктов, сбора данных, извлечения данных, их хранения и поиска, распространения, демонстрации и обратной связи рынка и т.д., необходимо обеспечить взаимосвязь между инновационным анализом данных и интуитивным принятием решений, особенно для ключевых базовых технологий [16].

С другой стороны, совместно с технологическими инновациями, такими как промышленная трансформация, улучшение уровня жизни, эко-дружественность и построение емкости современного управления, уточнить стратегию инноваций для инструментов прогнозирования, поддерживаемых искусственным интеллектом. В соответствии с этим необходимо полагаться на поддержку политики для формирования высокопроизводительной многомерной способности исследования и разработки в инновационных цифровых сферах, поддерживать объективное, децентрализованное и на данных основанное принятие решений в области инноваций, организации цифровой инновационной деятельности, такой как государственные системы, университеты, предприятия и ассоциации промышленности, улучшать эффективность исследований в цифровом контексте, усиливая множительную роль данных исследований и разработок, ускоряя трансформацию результатов ис-

следований в социально-экономические выгоды [17].

С одной стороны, цифровые инновационные субъекты, такие как государственные органы всех уровней управления, университеты и институты управления наукой и технологиями, придают значение развитию и совместному использованию цифровых ресурсов в цифровой инновации, ускоряют развитие приложений искусственного интеллекта для цифровой инновации, строят координацию маршрутов и задач исследований и разработок для государства, промышленности и разнообразных социальных партнеров [18].

С другой стороны, деятельность, в основном связанная с цифровой инновацией, улучшает уровень стимулов для открытого доступа к общим данным НИОКР, содействует международному и внутреннему сотрудничеству в области инноваций и разработки сетевой инфраструктуры, и ускоряет формирование общественных политик для совместного использования данных НИОКР.

Содействие согласованному развитию цифровой инновации и цифровой экономики

С одной стороны, необходимо усилить роль городов в содействии цифровому предпринимательству, преодолеть сопротивление институциональным инновациям, снизить институциональную нестабильность, которая может быть вызвана цифровой инновацией и предпринимательством и увеличить роль государственных систем, университетов, предприятий, ассоциаций промышленности и других организаций в сборе инновационных больших данных, систематизации и анализе инвестиций в строительство инфраструктуры, предоставить более разнообразные и интеллектуальные способы для международных и внутренних научных исследований, научно-технического сотрудничества и обмена, содействовать предприятиям, научным исследовательским учреждениям и политике участия в построении цифровых инновационных носителей [19].

Технология распределенного реестра имеет свои корни в идеях о распределении информации в обществе. Этот механизм организации информации стал основой для развития современных технологий, позволяющих создавать независимые от центра системы принятия решений [20]. Однако мировые технологические тенденции ставят под вопрос, то, что Сморгун определяет основой для развития современных технологий, которые призваны усовершенствовать взаимодействие внутри общества. Речь идет о квантовых технологиях, которые ставят под вопрос безопасность обмена данными внутри децентрализованных систем распределенного реестра и не только.

Объектом реформирования становится государственный сектор со всеми его компонентами – государственной службой, финансами, системой управления, информационными ресурсами. Поэтому переход к новому качеству государственно-го управления на основе проектного управления

в цифровой среде обуславливает рассмотрение всех его административных элементов [21].

Цифровизация политики представляет собой сложный процесс, который вызывает этические вопросы и требует поиска баланса между законностью и легитимностью. Государство обращает внимание на цифровые технологии уже давно, начиная с момента их активного внедрения в общество. Это обусловлено как возможностями, которые предоставляют соответствующие инструменты, так и необходимостью согласования интересов компаний-разработчиков и пользователей в использовании ресурсов, таких как электроэнергия, связь, финансовые услуги и другие [22].

Что касается балансировки сил и сфер влияния между частными компаниями (участниками цифрового развития) и государством, важно отметить роль государства как регулятора в процессе развития. Нельзя допустить монополии на хранение и обработку данных, важно дать пространство для развития отечественных компаний в цифровой среде страны, не допуская иностранные государства. Грамотно сформированная законодательная база в синергии с профильными министерствами, отвечающими за рост развития в электронной среде, гарантировано даст положительные результаты. Кроме того, необходимо понимать, что процесс цифровизации невозможно остановить. Он, как и все другие изменения, несёт внутри себя как положительные, так и отрицательные явления, важно работать со всеми сторонами, и в таком случае реформы пройдут эффективно и равномерно изменят различные сферы.

В современном мире, где происходит нарастающая цифровизация, необходимо пересмотреть основные принципы управления социально-экономическими системами и их трансформацией. Эффективное продвижение бизнес-идей требует поиска новых форм рыночных стратегий и использования инструментов управления цифровой трансформацией для максимизации вклада цифровых технологий в экономические результаты [23].

Цифровая трансформация означает управляемую адаптацию компаний к продолжающейся цифровой эпохе, чтобы обеспечить устойчивое создание ценностей. Сегодняшний мир находится в критической фазе цифровой трансформации, вызванной быстрым развитием и комбинированием новых технологий. В условиях возрастающей неопределенности требуются механизмы управления и экономической политики, способные адаптироваться к изменениям. Управление цифровой трансформацией должно быть перспективным, гибким, комплексным и учитывать согласованный подход государственных органов [24].

Что касается согласованного подхода между государственными ведомствами по вопросу цифрового развития, то всегда будут присутствовать разногласия, так как тот или иной аспект всегда будет являться прерогативой той или иной службы или ведомства. Для примера можно взять вопрос

безопасности при осуществлении взаимодействия внутри экосистемы, человеческий фактор играет ключевую роль в этой ситуации и не поддается каким-либо внушительным ограничениям в силу незаменимости человека в данном процессе. Утечка данных является краеугольным камнем при предоставлении цифровых услуг населению, потому что данные являются не исключаемым предметом электронного взаимодействия, влияние на который посредством дополнительных проверок безопасности повлечет за собой затормаживание развития.

Академический интерес к исследованию цифровой трансформации растет, и основные направления исследований касаются рыночных позиций компаний-платформ, больших данных, коммерциализации новых продуктов, а также политических и институциональных вызовов [25].

Нельзя не согласиться с тем, что академический интерес растет соразмерно росту изменений, который затрагивают всех и каждого. Позиция компаний как субъекта экономического взаимодействия довольно очевидна, своего рода валютой в цифровой среде являются данные, которые можно конвертировать. Компаниям следует быть крайне аккуратными и ответственными относительно данного вопроса, а государство должно выработать прагматичную и четкую позицию в виде законов, которые будут регламентировать безопасный оборот данных в соответствии с существующими стандартами.

В мире современной экономики происходит заметное движение в направлении цифровой трансформации, которая оказывает существенное воздействие на глобальные рынки и экономические системы. Постепенно производители и экспортеры все больше опираются на анализ данных, что делает коммерческие операции более цифровыми. Отмечается, что разные страны имеют различный уровень освоения цифровых технологий. Этот разрыв может привести к увеличению неравенства и вызвать новые вызовы для эффективного управления цифровой трансформацией в мировом масштабе [26].

Без сомнений, каждой стране следует пройти через оцифровку процессов внутри себя, однако всё упирается в ресурсную, научно-технологическую, образовательную, инфраструктурную базы государства.

Цифровая экономика описывает как цифровые технологии изменяют процессы производства и потребления. Хотя изначально основное внимание к цифровой экономике уделялось развитым странам, ее последствия распространяются глобально. Поэтому при изучении управления цифровой трансформацией необходимо учитывать ее влияние на устойчивое развитие [27].

В связи с динамикой современных процессов цифровизации требуются адаптивные подходы к исследованию и управлению этим явлением. Важно отметить, что терминология, связанная с цифровой экономикой, еще не стабилизирова-

лась из-за быстрого технологического прогресса и развития новых концепций. В течение последних десятилетий понятие цифровой экономики претерпело эволюцию, отражая изменения в стратегиях развития цифровых технологий и рост информационно-коммуникационных технологий. Сегодня акцент делается на процессах цифровизации, которые затрагивают не только высокотехнологические секторы, но и традиционные отрасли экономики [28].

В современной литературе цифровая экономика определяется как часть экономического производства, основанная на цифровых технологиях и бизнес-моделях, а также как широкий набор производственных процессов, где цифровые элементы играют ключевую роль. Цифровая трансформация, в свою очередь, описывается как переход экономики к использованию цифровых технологий в различных секторах и областях. Она представляет собой переходное состояние, в котором цифровые инновации определяют развитие производства и управления им.

Цифровые технологии широко распространены, что позволяет компаниям изменять своё поведение, взаимоотношения, бизнес-модели и рынки. С развитием технологий и доступности данных цифровая трансформация стимулируется всё больше и больше. Несмотря на то, что цифровая трансформация развивается уже много лет, доступ к цифровым технологиям большинство населения получило лишь недавно. Например, в странах ОЭСР (организация экономического сотрудничества и развития) в 2016 году 83% взрослого населения имели доступ к Интернету, а 95% компаний в этих странах имели высокоскоростное интернет-подключение. В 2022 году этот показатель уже достигает 93%. В свою очередь, в 2022 году 80% граждан РФ имеет доступ к интернету. Однако на глобальном уровне все ещё есть существенные различия, поскольку менее половины населения мира имеют доступ к Интернету [29].

Существенное расширение доступа к высокоскоростной широкополосной связи и уменьшение стоимости оборудования и программного обеспечения ускоряют глобальную цифровую трансформацию. Технологическая конвергенция, происходящая за счёт широкого использования цифровых платформ, также стимулирует этот процесс. Вместе с тем, снижение стоимости цифровых устройств в различных секторах промышленности обеспечивает дальнейшее распространение технологий и способствует технологическому развитию и инновациям.

В последнее десятилетие компании все более активно применяют цифровые технологии и инструменты в своей деятельности, что ведёт к цифровизации бизнес-процессов, инновациям в продуктах и процессах, а также к интеграции рынка. Например, применение промышленных роботов изменяет производственные процессы в промышленности.

Для обеспечения более эффективного управления в условиях цифровой трансформации необходимо разработать надёжную нормативную базу для сбора, использования и защиты данных с учётом конфиденциальности и безопасности. Это также требует создания и поддержания новых институциональных механизмов на государственном уровне, включая мониторинг обмена данными, сотрудничество с местными компаниями по вопросам безопасности данных и прозрачности алгоритмов цифровой автоматизации [30].

Государственная политика в цифровой сфере начала формироваться с развитием электронного правительства в 2000-х годах и предоставления государственных услуг удаленно. Особое внимание к этой сфере привлекли дискуссии вокруг безопасности персональных данных и их неправомерного использования, особенно с развитием социальных сетей и мобильных приложений.

Принятие законодательства, такого как Федеральный закон № 242-ФЗ, обязывающий операторов хранить персональные данные российских граждан исключительно на территории Российской Федерации, и пакет Яровой, включающий обширные поправки в антитеррористическое законодательство, свидетельствует о стремлении государства контролировать цифровую сферу и защищать интересы граждан [31].

Важными шагами в этом направлении стали Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. и программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которые определили приоритеты государственной политики в цифровой сфере. Однако эти документы полностью не учитывают многие аспекты реализации цифровизации политики, оставляя многое на усмотрение правоприменителей и бюрократии [32].

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» представляет собой более конкретный документ, который ориентирует на более четкие приоритеты в области цифровой экономики. Однако с момента ее принятия она столкнулась с некоторыми сложностями в интеграции в политику государства.

Прежде всего, статус данной программы как «программы» без дополнительного определения «государственная» не был нормативно предусмотрен или подтвержден прежней практикой правительства России. Она не была включена в официально утвержденный перечень государственных программ.

В 2018 году статус программы «Цифровая экономика» был прояснен, когда она начала трансформироваться в один из 12 национальных проектов, ставших ключевым инструментом государственной политики. Это произошло после принятия Указа Президента России от 07 мая 2018 года, который определил национальные цели и стратегические задачи развития страны на период до 2024 года.

Этот Указ увязал приоритеты и направления развития цифровизации, установленные в предыдущих документах, в более широкую и стратегическую политику государства. Тем самым он обеспечил формальный запуск политики цифровизации в Российской Федерации и сделал внедрение цифровых технологий одной из национальных целей развития страны.

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» входит в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и осуществляется в рамках государственной программы «Информационное общество». Он направлен на реализацию национальной цели «Цифровая трансформация», установленной указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [33].

Ключевым показателем, определяющим достижение национальной цели, является увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95% к 2030 году.

Федеральный проект включает в себя ряд мероприятий по цифровой трансформации системы государственного управления, направленных на обеспечение нового уровня предоставления услуг, необходимых для улучшения качества жизни граждан и развития бизнеса.

Основные направления федерального проекта включают в себя следующее.

1. Обеспечение удовлетворенности граждан качеством предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде через Единый портал государственных и муниципальных услуг.
2. Цифровизация процессов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций государственными органами власти.
3. Стимулирование граждан к получению государственных и муниципальных услуг в электронном виде через Единый портал государственных и муниципальных услуг.
4. Повышение качества и удобства предоставляемых органами государственной власти государственных услуг, а также расширение их количества, доступных для получения в электронном виде.
5. Повышение скорости обслуживания граждан и создание комфортных условий при оказании государственных, муниципальных и других услуг, а также цифровая трансформация услуг и взаимоотношений в обществе.
6. Создание возможностей для перехода на цифровое взаимодействие между гражданами, бизнесом и государством.

Федеральный проект «Цифровая экономика» является частью национального проекта и нацелен на развитие портала Госуслуг и перевод 95% социально значимых услуг в электронный формат. Портал Госуслуг представляет собой единое окно

для взаимодействия граждан с государством и активно используется практически всем населением России [34].

С апреля 2021 года стала доступна бета-версия обновленного портала, отличительной особенностью которой является новый формат взаимодействия с пользователями. Теперь вместо традиционного поиска по portalу появился интеллектуальный помощник – робот Макс, который онлайн отвечает на вопросы пользователей и определяет их потребности.

На текущий момент на портале доступны семь сервисов, каждый из которых предоставляет возможность получения ключевых государственных услуг в электронном виде. Например, сервис «Поступление в вуз онлайн» позволяет абитуриентам подавать документы и оформлять зачисление в вузы дистанционно, что особенно актуально было в условиях пандемии. «Социальная поддержка онлайн» и «Цифровое исполнительное производство» позволяют гражданам взаимодействовать с государственными органами и получать социальные услуги дистанционно.

Кроме того, сервисы «Трудовые отношения онлайн», «Оформление европротокола онлайн», «Пенсия онлайн» и «Онлайн помощь при инвалидности» предоставляют гражданам широкие возможности оформления различных документов и получения информации о своих правах и льготах в электронном формате.

Эти сервисы значительно упрощают взаимодействие граждан с государственными органами, сокращая время на оформление документов и обращение за услугами, а также способствуют повышению доступности государственных услуг для всех слоев населения.

Поэтому стоит подчеркнуть важность роли государства при протекании цифровых процессов в государстве, которые основываются на принципах прозрачности, безопасности и эффективности. Цифровые технологии лежат в основе цифровых платформ и цифровых услуг и требуют сопровождения в разработке объемной финансовой и регуляторной поддержки со стороны органов власти.

Литература

1. As We May Think // The Atlantic. – URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/4/> As We May Think (дата обращения: 13.04.2024).
2. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. О.И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. М. 2000.
3. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. № 1. С. 88–103.
4. Чернышов А.Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-

- политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 319–328.
5. Hacker K.L., Dijk J. Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. – London Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2000.
 6. Negroponte N. Being digital. – NY.: Knopf. 1995.
 7. Nambisan S., Wright M., Feldman M. The Digital Transformation of Innovation and Entrepreneurship: Progress, Challenges and Key Themes // Research policy. 2019. Vol. 48.
 8. Van Veldhoven Z., Vanthienen J. Digital Transformation as An Interaction-driven Perspective Between Business, Society, and Technology // Electronic Markets. 2022. Vol. 32. P. 629–644.
 9. Lyytinen K. Innovation Logics in The Digital Era: A Systemic Review of The Emerging Digital Innovation Regime // Innovation. 2022. Vol. 24. P. 13–34.
 10. Guo F. A Paradoxical View of Speed and Quality on Operational Outcome: An Empirical Investigation of Innovation in High-tech Small and Medium-sized Enterprises // International Journal of Production Economics. 2020. Vol. 229.
 11. Klerkx L., Jakku E., Labarthe P. A Review of Social Science on Digital Agriculture, Smart Farming and Agriculture 4.0: New Contributions and a Future Research Agenda // NJAS-Wageningen journal of life sciences. 2019. Vol. 90.
 12. Xu C. A Review of Policy Framework Research on Promoting Sustainable Transformation of Digital Innovation // Sustainability. 2023. Vol. 15.
 13. Sassanelli C., Terzi S. Building the Value Proposition of a Digital Innovation Hub Network to Support Ecosystem Sustainability // Sustainability. 2022. Vol. 14.
 14. Sultana S. Architecting and Developing Big Data-driven Innovation (DDI) in the Digital Economy // Journal of Global Information Management (JGIM). 2021. Vol. 29. P. 165–187.
 15. Amenta C., Sanseverino E.R. and Stagnaro C. Regulating Blockchain for Sustainability? The Critical Relationship Between Digital Innovation, Regulation, and Electricity Governance // Energy Research & Social Science. 2021: Vol. 76.
 16. Gao P., Wu W. and Yang Y. Discovering Themes and Trends in Digital Transformation and Innovation Research // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. 2022. Vol. 17. P. 1162–1184.
 17. Konstantopoulos G., Koumoulos E.P., Charitidis C.A. Digital Innovation Enabled Nanomaterial Manufacturing; Machine Learning Strategies and Green Perspectives // Nanomaterials. 2022. Vol. 12. P. 26–46.
 18. Henfridsson O., Nandhakumar, J., Scarbrough, H., Panourgias, N. Recombination in The Open-ended Value Landscape of Digital Innovation // Information and organization. 2018. Vol. 28. P. 89–100.
 19. Geissinger A. Digital Entrepreneurship and Field Conditions for Institutional Change—Investigating the Enabling Role of Cities // Technological Forecasting and Social Change. 2019. Vol. 146. P. 877–886.
 20. Сморгунов Л.В. Блокчейн как институт процедурной справедливости // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 88–99.
 21. Васильев В.П. Электронное правительство в цифровой реальности // Информационное общество. 2019. № 6.
 22. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin is Changing Money, Business, and The World / NY.: Portfolio Penguin. 2016.
 23. Novikov I.S., Serdobintsev D.V., Aleshina E.A. Conceptual Approaches to Information Transformation (Digitalization) of an Agricultural Enterprise // Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development. 2021. Vol. 21.
 24. Кампанелла Т., Бэкон Ф. Государство Солнца. Новая Атлантида. – М.: ЭКСМО, 2020.
 25. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровизация современного пространства общественно-политических коммуникаций: научные концепции, модели и сценарии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 175–193.
 26. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. № 1. С. 47–68.
 27. Екимова К.В., Лукьянов С.А., Смирнов Е.Н. Цифровая экономика и искусственный интеллект: новые вызовы современной мировой экономики. – М.: ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», Институт экономики и финансов. 2019.
 28. Цветкова Н.А., Ярыгин Г.О. Политизация «цифровой дипломатии»: публичная дипломатия Германии, Ирана, США и России в социальных сетях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6: Международные отношения. 2013. № 1. С. 319–328.
 29. Романец Е.А. Цифровая трансформация здравоохранения: государственная политика в аспекте цифровой повестки // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 86–92.
 30. Ali W. Classical and Modern Face Recognition Approaches: A Complete Review // Multimedia tools and applications. 2021. Vol. 80.
 31. Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» (последняя редакция).
 32. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на пе-

риод до 2024 года» (с изменениями и дополнениями).

33. Цифровое государственное управление // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (дата обращения: 27.04.2024).
34. Цифровое государственное управление. Цифровая экономика // Официальный сайт Национальных проектов Российской Федерации. – URL: <https://xn-80aapampremcchfmo7a3c9e-hj.xn-p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-tsifrovое-gosudarstvennoe-upravlenie-p> (дата обращения: 27.04.2024).

SOCIOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF DIGITAL POLICY AND THE ROLE OF THE STATE IN THE FORMATION OF DIGITAL PROCESSES IN SOCIETY

Sushko V.A.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

This article examines modern approaches to the study of state digital policy, as well as the role of digital platforms in providing digital services to the population. The importance of studying this topic is due not only to the growing importance of digital technologies in the modern world, but also to the need to effectively manage this process in order to ensure equal access to digital services for all citizens. Understanding the role of the state in the formation and provision of digital services, as well as assessing the effectiveness of measures taken to increase their accessibility are important aspects for developing effective strategies for developing the digital economy and ensuring social justice.

Keywords: digital government policy, digital platforms, digital economy, digital services for the population.

References

1. As We May Think // The Atlantic. – URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881/4/> As We May Think (access date: 04/13/2024).
2. Information Age: Economy, Society and Culture / M. Castells; lane from English O.I. Shkaratana; State univ. Higher school economy. M. 2000.
3. Konkov A.E. Digitalization of politics vs digitalization policy // Bulletin of St. Petersburg University. International relationships. 2020. No. 1. pp. 88–103.
4. Chernyshov A.G. Digitalization and technologization of public life as a socio-political problem: preservation of identity and the role of the state in the development of global networks // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2017. No. 40. pp. 319–328.
5. Hacker K.L., Dijk J. Digital Democracy: Issues of Theory and Practice. – London Thousand Oaks, Calif.: Sage, 2000.
6. Negroponte N. Being digital. – NY.: Knopf. 1995.
7. Nambisan S., Wright M., Feldman M. The Digital Transformation of Innovation and Entrepreneurship: Progress, Challenges and Key Themes // Research policy. 2019. Vol. 48.
8. Van Veldhoven Z., Vanthienen J. Digital Transformation as An Interaction-driven Perspective Between Business, Society, and Technology // Electronic Markets. 2022. Vol. 32. P. 629–644.
9. Lyytinen K. Innovation Logics in The Digital Era: A Systemic Review of The Emerging Digital Innovation Regime // Innovation. 2022. Vol. 24. P. 13–34.
10. Guo F. A Paradoxical View of Speed and Quality on Operational Outcome: An Empirical Investigation of Innovation in High-tech Small and Medium-sized Enterprises // International Journal of Production Economics. 2020. Vol. 229.
11. Klerkx L., Jakku E., Labarthe P. A Review of Social Science on Digital Agriculture, Smart Farming and Agriculture 4.0: New Contributions and a Future Research Agenda // NJAS-Wageningen journal of life sciences. 2019. Vol. 90.
12. Xu C. A Review of Policy Framework Research on Promoting Sustainable Transformation of Digital Innovation // Sustainability. 2023. Vol. 15.
13. Sassanelli C., Terzi S. Building the Value Proposition of a Digital Innovation Hub Network to Support Ecosystem Sustainability // Sustainability. 2022. Vol. 14.
14. Sultana S. Architecting and Developing Big Data-driven Innovation (DDI) in the Digital Economy // Journal of Global Information Management (JGIM). 2021. Vol. 29. P. 165–187.
15. Amenta C., Sanseverino E.R. and Stagnaro C. Regulating Blockchain for Sustainability? The Critical Relationship Between Digital Innovation, Regulation, and Electricity Governance // Energy Research & Social Science. 2021: Vol. 76.
16. Gao P., Wu W. and Yang Y. Discovering Themes and Trends in Digital Transformation and Innovation Research // Journal of Theoretical and Applied Electronic Commerce Research. 2022. Vol. 17. P. 1162–1184.
17. Konstantopoulos G., Koumoulos E.P., Charitidis C.A. Digital Innovation Enabled Nanomaterial Manufacturing; Machine Learning Strategies and Green Perspectives // Nanomaterials. 2022. Vol. 12. P. 26–46.
18. Henfridsson O., Nandhakumar, J., Scarbrough, H., Panourgias, N. Recombination in The Open-ended Value Landscape of Digital Innovation // Information and organization. 2018. Vol. 28. P. 89–100.
19. Geissinger A. Digital Entrepreneurship and Field Conditions for Institutional Change—Investigating the Enabling Role of Cities // Technological Forecasting and Social Change. 2019. Vol. 146. P. 877–886.
20. Smorgunov L.V. Blockchain as an institution of procedural justice // Polis. Political studies. 2018. No. 5. pp. 88–99.
21. Vasiliev V.P. Electronic government in digital reality // Information society. 2019. No. 6.
22. Tapscott D., Tapscott A. Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin is Changing Money, Business, and The World / NY.: Portfolio Penguin. 2016.
23. Novikov I.S., Serdobintsev D.V., Aleshina E.A. Conceptual Approaches to Information Transformation (Digitalization) of an Agricultural Enterprise // Scientific Papers Series Management, Economic Engineering in Agriculture and Rural Development. 2021. Vol. 21.
24. Campanella T., Bacon F. State of the Sun. New Atlantis. – M.: EKSMO, 2020.
25. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N. Digitalization of the modern space of socio-political communications: scientific concepts, models and scenarios // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2021. No. 60. pp. 175–193.
26. Konkov A.E. Digitalization of politics vs digitalization policy // Bulletin of St. Petersburg University. International relationships. 2020. No. 1. P. 47–68.
27. Ekimova K.V., Lukyanov S.A., Smirnov E.N. Digital economy and artificial intelligence: new challenges of the modern world economy. – M.: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “State University of Management”, Institute of Economics and Finance. 2019.
28. Tsvetkova N.A., Yarygin G.O. Politicization of “digital diplomacy”: public diplomacy of Germany, Iran, the USA and Russia in social networks // Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6: International relations. 2013. No. 1. pp. 319–328.
29. Romanets E.A. Digital transformation of healthcare: public policy in the aspect of the digital agenda // Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 7. pp. 86–92.
30. Ali W. Classical and Modern Face Recognition Approaches: A Complete Review // Multimedia tools and applications. 2021. Vol. 80.
31. Federal Law of July 29, 2017 No. 242-FZ “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the use of information technologies in the field of health protection” (latest edition).
32. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2018 No. 204 “On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024” (with amendments and additions).

33. Digital public administration // Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/> (access date: 04/27/2024).

34. Digital public administration. Digital economy // Official website of National projects of the Russian Federation. – URL: <https://xn-80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-tsifrovoye-gosudarstvennoe-upravlenie-p> (date of access: 04/27/2024).

Официальная и неофициальная занятость лиц с тяжелыми нарушениями зрительной функции: динамика, тенденции и причины выбора

Тринадцатко Антон Александрович,

к.с.н., Высшая школа менеджмента, Тихоокеанский
государственный университет
E-mail: anton13-176@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос официальной и неофициальной занятости инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции. Отмечается, что на фоне продолжающегося снижения как общей численности инвалидов, так и их официально работающей части, аналогичная тенденция наблюдается и среди инвалидов по зрению. На основании социологического опроса лиц с инвалидностью по зрению и официальных данных Хабаровской МО ВОС устанавливается факт роста интереса у молодых инвалидов по зрению к неофициальной трудовой деятельности. Причем данная тенденция обусловлена не только физическими и социальными барьерами, с которыми таким лицам приходится сталкиваться при поиске работы, но и возможностями, открывающимися перед ними развивающимися цифровыми тифлотехнологиями. В то же время отмечается факт, что инвалиды с тяжелыми нарушениями зрения, относящиеся к возрастной группе 41–60 лет и имеющие высшее образование, отдают предпочтение официальной занятости. Делается вывод, что неофициальная занятость инвалидов по зрению в условиях цифровизации становится для них более привлекательной, поскольку позволяет достигать им своих целей игнорируя существующие социальные и физические барьеры.

Ключевые слова: инвалиды, инвалиды по зрению, труд, трудовая деятельность, официальная занятость, неофициальная занятость, цифровые тифлоадаптивные технологии, цифровое пространство.

Несмотря на то, что трудовая деятельность считается одним из наиболее эффективных методов социальной интеграции лиц с инвалидностью, в т.ч. с позиций увеличения спектра их позитивных социальных ролей и повышения социального статуса в глазах социума, данный вопрос до сих пор не может быть продуктивно реализован в большинстве стран, включая и Россию.

Официальные статистические данные свидетельствуют о продолжающемся уже более 10 лет постоянном сокращении в нашей стране численности инвалидов, что, вероятно, должно убедить общественность в том, что государство вполне успешно справляется с проблемой самого существования этого социального феномена [1].

На фоне отмеченной негативной тенденции, отрицательную динамику демонстрирует и уровень трудовой занятости лиц с инвалидностью, в то время, как официальные лица не устают убеждать нас, что в данном вопросе государственными структурами достигнут существенный прогресс.

На проведенном в июле 2023 г. очередном заседании межведомственной рабочей группы для реагирования на ситуацию, складывающуюся на рынке труда, Т. Голикова отметила, что согласно докладу Роструда, численность инвалидов трудоспособного возраста на начало 2023 г. составила 4,15 млн человек из которых около 1 млн относились к категории работающих. Соответственно, по словам Т. Голиковой, доля работающих инвалидов в последние годы оставалась примерно на одном и том же уровне – 25–26% от численности инвалидов трудоспособного возраста [2].

Данное явление можно было бы рассматривать как серьезное достижение, если бы численность таких инвалидов также не была бы отмечена отрицательной динамикой, что вполне логично следует из показателя общей численности инвалидов и абсолютных и относительных значений их работающей части в их общей численности. Так, согласно данным Росстата доля работающих инвалидов в общей их численности имеет постоянный негативный тренд – с 19,8% (2,473 тыс. чел.) в 2015 г. до 13,8% (1,508 тыс. чел.) в 2023 г., т.е. сокращение численности работающих инвалидов за последние 8 лет составило более 900 тыс. человек [1].

Опираясь на заявления членов Правительства, ответственных за решение вопроса занятости лиц с инвалидностью, мы можем констатировать, что планируемые каждый год Правительством РФ показатели занятости лиц с инвалидностью в реальности еще ни разу не были достигнуты, несмотря

на систематическое внесение изменений в законодательство по содействию трудоустройству данной категории граждан. Так, в 2019 г. замминистра труда Г. Лекарев отмечал, что по результатам 2018 г. в стране работало около 29% инвалидов трудоспособного возраста, в то время как к концу 2020 г. численность работающих инвалидов должна была составить уже 40% от их трудоспособной части, а министр М. Топилин, как ориентир определял долю в 50% [3]. К концу же 2023 г. уровень трудоустроенных инвалидов трудоспособного возраста должен был составить 60%, а согласно утвержденному в декабре 2023 г. Правительством России обновленному Плану мероприятий по повышению уровня занятости инвалидов на 2023–2024 гг., к концу 2024 г. должно быть трудоустроено уже не менее 70% трудоспособных инвалидов, причем основная роль в этом отводится государственным центрам занятости населения (ЦЗН) [4].

При этом Т. Голикова отметила, что ежегодно в государственные ЦЗН за содействием в поиске работы обращается примерно 100 тыс. инвалидов, что, вероятно, опять же, должно с положительной точки зрения характеризовать деятельность последних с точки зрения решения ими данного вопроса [2].

Однако официальные цифры свидетельствуют об обратном. После некоторого всплеска обращений инвалидов в ЦЗН в 2019–2020 гг., обусловленного, очевидно, введением новой государственной услуги сопровождаемой занятости и возникшего в результате этого у трудоспособных безработных инвалидов определенного положительного ожидания относительно позитивного решения вопроса их трудоустройства, в 2021–2022 гг. наблюдается резкое снижение таких обращений, а также трудоустроенных ЦЗН инвалидов, в т.ч. на квотируемые рабочие места (РМ).

В то же время результаты деятельности ЦЗН в вопросе трудоустройства обратившихся за помощью в поиске работы инвалидов показывают, что доля таких инвалидов в 2022 г. превысила 50%, что должно бы положительно характеризовать деятельность ЦЗН, однако в абсолютных значениях показатели выглядят значительно хуже. Более того, данные о трудоустройстве инвалидов на квотируемые РМ, на которые предпочтительнее всего трудоустраивать инвалидов дискредитированной стигмагруппы, вообще внушают уныние [1].

Положительным преподносится факт трудоустройства инвалидов через механизм аренды рабочих мест, однако указанная Т. Голиковой цифра более чем 5 тыс. человек в 57 регионах [2], не выглядит оптимистичной в контексте проводимой уже длительное время государством политики содействия занятости инвалидов и, в целом, может характеризовать провальность деятельности указанного политика как должностного лица, отвечающего в Правительстве РФ за данное направление.

Проводимые рядом отечественных ученых, например, Н.Е. Максимовой, Н.В. Климак, М.В. Филипповой, П.С. Федоровой, Т.В. Бугайчук,

Е.О. Гордиевской, Е.М. Старобиной, В.А. Чукардиным, В.З. Кантором и др., исследования профессиональной реабилитации и последующего трудоустройства инвалидов различных нозологий свидетельствуют о до сих пор существующем разрыве между профессиональной ориентацией и обучением инвалидов и их последующим трудоустройством, что, опять же, подтверждается данными официальной статистики и свидетельствует о низкой эффективности существующей взаимосвязи образовательной и профессионально-трудовой сфер.

С учетом вышеизложенного, вопрос выявления причин столь низкой официальной занятости инвалидов, особенно дискредитированной их части, в т.ч. инвалидов по зрению, не теряет своей актуальности и побуждает нас к продолжению исследований в этой области в контексте протекающего процесса цифровизации отечественной экономики.

Динамика количественных показателей состояния трудовой занятости лиц с инвалидностью, а также потребности инвалидов в осуществлении трудовой деятельности на официальной основе, в т.ч. в конкретных регионах РФ, достаточно подробно была рассмотрена в целом ряде научных работ, например, Л.Н. Нацун [5], Г.В. Сулеймановой [6], Е.М. Старобиной с соавторами [7], А.А. Тринадцатко [8, 9] и др. При этом вопрос неофициальной занятости инвалидов, особенно инвалидов по зрению, в научной периодике освещен крайне слабо, в то время, как целый ряд факторов, например, введение с 2016 г. моратория на индексацию пенсий работающих пенсионеров [10], процесс цифровизации Российской экономики [11, 12], неспособность государственных ЦЗН оказать реальную помощь в трудоустройстве инвалидов с тяжелыми нарушениями зрительной функции [9], побуждают последних к все более частому выбору в пользу неофициальной занятости.

Итак, что же побуждает инвалидов по зрению, несмотря на предпринимаемые Правительством РФ шаги в вопросе содействия трудовой занятости инвалидов, все чаще отдавать предпочтение неофициальной трудовой занятости? Согласно данным Хабаровской МО ВОС, на конец 2023 г. в сравнении с 2021 г. численность официально работающих инвалидов по зрению, являющихся ее членами, снизилась, в то время, как неофициально работающих, наоборот, возросла (табл. 1).

Мы видим, что на фоне снижения численности инвалидов по зрению, состоящих в Хабаровской МО ВОС, обусловленным, в т.ч. изменением критериев получения инвалидности [13, 14], наблюдается и постепенное снижение численности инвалидов трудоспособного возраста, их работающей части, а также работающих официально, при росте численности работающих неофициально. Если учесть, что в ООИ ВОС в целом наибольшую долю членов составляют инвалиды I гр., а инвалиды с III гр. относятся к меньшинству, то становится понятным небольшое число последних среди работающих инвалидов-членов Хабаровской МО ВОС.

Таблица 1. Динамика численности официально работающих инвалидов по зрению – членов Хабаровской МО ВОС (на 1 января года), человек

	Год				
	2005	2017	2019	2021	2023
Всего инвалидов, в т.ч.:	541	450	504	493	447
Трудоспособного возраста	268	201	229	215	188
Работающих официально, в т.ч.:	126	65	112	106	83
I группа	66	38	52	47	46
II группа	47	21	49	47	30
III группа	13	6	11	12	7
Доля официально работающих инвалидов трудоспособного возраста в общей численности трудоспособного возраста, %	47,0	32,3	48,9	49,3	53,7

Сравнение показателей официальной и неофициальной трудовой занятости инвалидов по зрению – членов Хабаровской МО ВОС, позволяет

нам сделать вывод о снижении привлекательности официального трудоустройства относительно неофициальной занятости (табл. 2).

Таблица 2. Официальная и неофициальная занятость инвалидов по зрению – членов Хабаровской МО ВОС, человек (на 1 января года)

	Год		
	2019	2021	2023
Всего инвалидов трудоспособного возраста, человек	229	215	188
Работающих всего, человек, в т.ч.:	146	141	124
1. Официально	112	106	83
2. Неофициально	34	35	41
Всего работающих инвалидов трудоспособного возраста в общей численности трудоспособного возраста, %	48,9	49,3	53,7

Таким образом мы видим, что на фоне сокращения численности инвалидов по зрению трудоспособного возраста, наблюдается и снижение их официально работающей части.

В то же время, согласно данным Хабаровской МО ВОС, в 2023 г. официально трудоустроились 10 инвалидов, в т.ч. с использованием механизма аренды РМ в Хабаровской МО ВОС 6 человек из которых 5 – инвалиды I гр. и 1 – инвалид II гр. Все трудоустроенные инвалиды имели высшее образование, 2 относились к возрастной когорте до 30 лет, 8–46–55 лет. В течение 2023 г. сменили официальное место работы – 2 инвалида. Через государственные ЦЗН не было трудоустроено ни одного инвалида.

Результаты социологического опроса официально работающих инвалидов-членов Хабаровской МО ВОС (83 человека), проведенного в 2023 г. в очной и заочной формах и позволяющего выбрать несколько вариантов ответов относительно причин осуществления ими трудовой деятельности, в сравнении с результатами социологического опроса 2017 г., в котором участвовали работающие на тот момент инвалиды, а также уже не работающие, но имеющие трудовой опыт (всего 226 человек) [8], свидетельствуют о смене некоторых приоритетов в трудовой занятости у работающих инвалидов.

Так, сравнивая результаты социологических опросов мы можем констатировать, что по-

требность в получении дополнительного дохода в 2023 г. остается основной причиной официальной занятости инвалидов, в то время, как ряд значимых социальных причин официальной трудовой деятельности, таких как общение с людьми (снижение на 27,4%), ощущение собственной значимости для организации или общества (снижение на 22,4%), положительная оценка своих качеств руководством (коллективом, окружающими) и карьерный рост (снижение на 25,5%), самореализация (снижение на 10%) стали для инвалидов по зрению менее важными.

Собственно, результаты опроса инвалидов по зрению, полученные в 2017 г. частично коррелируют с данными социологического опроса инвалидов Вологодской обл. относительно их мотивов к трудовой деятельности, проведенного Л.Н. Нацун также в 2017 г. [5]. Так, основным мотивом к трудовой деятельности инвалидов Вологодской области тогда стали повышение дохода (78%) и потребность в самореализации (13%), в то время, как инвалиды по зрению Хабаровской МО ВОС самореализацию поставили на 3 место, а показатель этой причины был значительно выше (59,4%). Результаты исследования Л.Н. Нацун также показали, что желание расширить круг общения почти не мотивировало инвалидов к трудоустройству, в то время как инвалиды по зрению поставили в 2017 г. эту причину на 1 место. Данные расхож-

дения относительно желаяния общения между во- логодскими инвалидами и хабаровскими незрячи- ми обусловлено, по-нашему мнению, составом ре- спондентов.

Для лиц с инвалидностью, относящихся к дис- кредитируемому стигматипу, не имеющих сенсор- ных ограничений и составляющих большую часть респондентов в опросе, проведенном Л.Н. Нацун, общение не выступало значимым мотивом при трудоустройстве инвалидов по причине отсут- ствия дефицита такого вида социальных интерак- ций. Для инвалида по зрению с тяжелыми наруше- ниями зрения, ограниченного в связи с этим как в передвижении, так и в социальных контактах, общение ранее выступало крайне значимым фак- тором трудоустройства, несколько утратившим свою актуальность в результате развития цифро- вых технологий, с одной стороны позволяющих удовлетворить эту потребность, хоть и в несколь- ко редуцированном формате, через мессенджеры и социальные сети, а с другой – существенно рас- ширяющих круг этого самого общения [15].

Интересен и важен факт того, что и скука или желание заняться чем-нибудь полезным также утратили роль мотива к официальной трудовой занятости лиц с инвалидностью по зрению (сниже- ние на 21,25%), что свидетельствует о появлении у инвалидов по зрению иных способов организа- ции своего досуга.

Обращает на себя внимание повышение значе- ния при трудоустройстве таких причин, как нали- чие соответствующего образования (+8,65%), же- лание доказать окружающим, что инвалид может то же, что и здоровые люди (+9,8%) и желание до- казать себе, что инвалид может то же, что и здо- ровые люди (+5,9%). В данном случае мы можем предположить, что усиление значимости этих при- чин является следствием повышения доступности высшего образования или дополнительной квали- фикации, что в определенной мере подтверждает- ся и данными опросов ВЦИОМ российских гражд- ан [16]. Причем небольшой рост значений этих причин на фоне снижения других, указанных вы- ше, свидетельствует о возможности выделения 2 важных аспектов: 1) у инвалидов с тяжелыми на- рушениями зрения появились иные способы самореализации и повышения социальной значимо- сти как в собственных глазах, так и в глазах со- циального окружения; 2) официальная трудовая деятельность инвалидами по зрению рассматри- вается лишь как источник дополнительного дохо- да, а не инструмент социальной мобильности или социальный лифт, реализуемый, например, че- рез карьерный рост. При этом, факт повышения численности официально работающих инвалидов в 2023 г. в сравнении с 2017 г., и сокращение от- носительно 2021 г. позволяет нам сделать вывод о снижении привлекательности официальной тру- довой деятельности для данной категории лиц.

В то же время, ранжирование основных причин сокращения числа официально работающих ин- валидов по зрению, выявленных в результате со-

циологического опроса 155 работающих или име- ющих трудовой опыт инвалидов по зрению – чле- нов Хабаровской МО ВОС, проведенного весной 2023 г., выглядит следующим образом:

- 1) ухудшение здоровья, не позволяющее про- должать трудовую деятельность – 52,3%;
- 2) достижение официального пенсионного воз- раста – 45,2%;
- 3) низкий уровень заработной платы в сочета- нии с невозможностью индексации страховой пен- сии вследствие введения моратория [14] – 33%;
- 4) самостоятельный отказ от официальной за- нятости в пользу неофициальной – 26,45%;
- 5) потеря интереса к трудовой деятельности, усталость – 19%;
- 6) увольнение по инициативе работодателя – 12,3%.

Таким образом мы можем констатировать, что ухудшение состояние здоровья и достижение официального пенсионного возраста по-прежнему являются основными причинами прекращения ин- валидами по зрению официальной трудовой дея- тельности.

Не стоит также игнорировать факт отсутствия у инвалидов с тяжелыми нарушениями зритель- ной функции, обычно имеющих I гр. инвалидно- сти, склонности к смене места работы и, в случае ее потери, практически полному отсутствию у них желаяния поиска новой. При возникновении такой ситуации инвалид чаще всего просто ждет случая, когда работу ему предложит кто-нибудь из ближ- него социального окружения – родственники, дру- зья, руководство МО ВОС, вместо того, чтобы са- мому пойти в ЦЗН, а затем ездить на собеседо- вания и получать ожидаемые отказы со стороны работодателя, либо пытается найти работу через поисковые инструменты и специализированные сайты ТКС «Интернет» [8, 17].

Появившееся в результате увольнения свобод- ное время основная часть таких инвалидов, в слу- чае наличия у них соответствующих навыков, по- свящает интересной им досуговой деятельности, по возможности стараясь получить от ее результа- тов какой-нибудь доход. В то же время, инвалиды, имеющие профессиональные навыки (например, в области звукорежиссуры, перевода на иностран- ные языки, бисероплетения, лозоплетения, дере- вообработки и т.п.), в приобретении которых им активно помогают функционирующие в системе ВОС институт РЕАКОМП и центры реабилитации слепых [18, 19], зачастую полностью отказывают- ся от официального трудоустройства, начиная ока- зывать услуги или реализовывать произведенную своими руками продукцию через ТКС «Интернет».

Причина, занимающая третью позицию, так- же является достаточно популярной у инвалидов по зрению. Многие эксперты указывают, что про- блема индексации пенсий работающих пенсионе- ров, получающих невысокие заработные платы, часто решается последними путем использования договорной схемы «увольнение – индексация – трудоустройство». В данном случае подразумева-

ется увольнение пенсионера, месячное ожидание, необходимое для индексации его пенсии, последующее трудоустройство или у того же, или у какого-либо иного работодателя на низкоквалифицированное РМ [20]. В то же время в отношении работающих инвалидов по зрению такая схема оказывается фактически нереализуемой. Во-первых, инвалидам по зрению изначально гораздо сложнее найти работодателя и работу, учитывающие их особенности, вследствие чего они обычно дорожат своим РМ и стараются его сохранить пока это является для них актуальным даже несмотря на пространственно-средовые, архитектурные, транспортно-инфраструктурные и прочие ограничения. Во-вторых, инвалиды по зрению чаще представителей других нозологий испытывают трудности с поиском работы не только в силу существования объективных физических барьеров, но и по причине наличия у работодателей негативных социальных установок относительно них, в результате чего, вполне закономерно ожидают, что даже при наличии договоренности с работодателем после увольнения инвалида с целью индексации его страховой пенсии, в дальнейшем работодатель под различными предлогами откажет им в приеме на работу [8].

Интересно наличие четвертой причины, отмеченной более чем четвертью опрошенных, все более актуализирующейся у инвалидов по зрению, особенно молодого возраста, которая, впрочем, становится популярной не только среди незрячих граждан, но и среди здоровых представителей молодой части социума, что достаточно подробно исследовано и изложено в работах К.В. Филипповой и соавторов [21].

Причем, такое трудовое поведение лиц с инвалидностью по зрению, в отличие от мотивов здоровых членов общества, обусловлено не столько снижением для них содержательной ценности труда, сколько открывающимися перед ними процессом цифровизации и развитием цифровых тифлотехнологий возможностями в контексте приложения меньших усилий и самостоятельного управления режимами труда и отдыха. Так, о своем опыте неофициальной трудовой деятельности хабаровские инвалиды по зрению высказываются следующим образом.

Полина Ф. (30 лет, II гр. инвалидности по зрению, высшее педагогическое образование, учитель иностранного языка): «После окончания ВУЗа я несколько лет проработала в Хабаровской школе-интернате для слепых и слабовидящих детей и в результате пришла к выводу, что официальная занятость не соответствует ни моим интересам, ни жизненным потребностям. Зарплата невысокая, ездить на работу далеко и неудобно, сама реализуемая система обучения не дает необходимой отдачи от учеников. В итоге я уволилась и стала давать уроки по французскому и английскому языку тем, кому это нужно либо по Интернету, либо на личных индивидуальных занятиях. И это гораздо удобнее – свободный график, более

высокие доходы, не нужно тратить время и деньги на проезд. Да и заинтересованность у тех, кто ко мне обращается гораздо выше, чем у школьников. В общем, меня все устраивает».

Игорь Г. (30 лет, I гр. инвалидности по зрению (без остатка зрительной функции), высшее педагогическое образование, учитель иностранного языка): «Я, когда закончил ВУЗ, пытался устроиться в различные организации по специальности, но так в этом и не преуспел. Может я и сам, конечно, в этом виноват, с мобильностью у меня не очень, но этот вопрос можно было решить, меня всегда было кому сопровождать. В итоге я пришел к выводу, что лучше буду заниматься тем, что мне нравится, тем, чем я занялся еще когда учился в школе – ведению видеостримов по онлайн-играм. Фактически, я являюсь единственным в нашей стране слепым видеостримером. Современные компьютерные тифлотехнологии позволяют мне без труда этим заниматься, мне это нравится, веду стримы когда хочу и деньги это позволяет нормальные получать. Сомневаюсь, что я смог бы зарабатывать столько, работая учителем в какой-нибудь школе. Да и опасаясь немного неадекватного отношения к себе со стороны детей».

Юлия М. (47 лет, I гр. инвалидности по зрению (с остатком), средне специальное образование): «Я достаточно долго проработала на нашем предприятии ВОС, причем за какую-то несерьезную зарплату. Сами знаете, какие у наших предприятий проблемы, я уволилась. Прошла курсы массажистов, но это не мое. Тогда я стала искать другие несложные способы подработки. Посмотрела в интернете несколько видео по изготовлению мыла в домашних условиях и стала заниматься этим. Процесс не сложный, по ресурсам не затратный, то, что делаю, продаю опять же через интернет. Меня устраивает, доход гораздо выше, чем на производстве, а времени трачу меньше. Теперь вот спортом могу заниматься, а раньше такой возможности не было. Да и пенсия индексируется нормально, а не то, что на производстве – зарплата минимальная, а пенсия почти и не растет. А тут – и пенсия и доход от собственного творчества в производстве художественного мыла».

Таким образом, причинами возросшего интереса инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения к неофициальной занятости можно отнести: возможность получения доходов от деятельности, приносящей удовольствие; потенциально более высокий доход, чем возможен при официальном трудоустройстве; независимость от работодателя и трудового коллектива, самостоятельное формирование режима своего труда и отдыха в знакомой среде; индексируемая пенсия по инвалидности; отсутствие необходимости ежедневного преодоления существующих во внешней среде барьеров. Конечно, неофициальная занятость имеет и целый ряд недостатков, которые, тем не менее, не воспринимаются таковыми представителями молодежи.

При этом неверным будет утверждать, что неофициальная трудовая деятельность инвалидов

по зрению привлекает лишь лиц в возрасте до 35–40 лет, хотя, результаты исследования и показывают, что основную группу из выявленных неофициально работающих инвалидов составляют лица до 35 лет (65,85% или 27 человек из 41). Остальные 34,15% относятся к возрастной группе 36–65 лет, причем чем выше возраст, тем меньшее число инвалидов предпочитает неофициальную занятость, в т.ч. в цифровом пространстве.

Более того, ранее уже было отмечено, что из 10 инвалидов по зрению, официально трудоустроенных в 2023 г., в т.ч. с использованием механизма аренды РМ, 8 входили в возрастную когорту 46–55 лет, имели высшее образование и до этого относились к лицам, работающим неофициально. Причинами, побудившими их к официальному трудоустройству (РМ им были предложены через руководство Хабаровской МО ВОС), стали: 1) относительно высокий размер пенсии, поскольку она повышалась каждый год и на момент официального трудоустройства в 2023 г. значительно превышала страховую пенсию работающих инвалидов, у которых она с 2016 г. не индексировалась; 2) соответствие содержания и характера работы образованию и интересам инвалида; 3) удобное место и график работы, учитывающие их физические особенности; 4) возможность повышения получаемой пенсии после прекращения официальной трудовой деятельности; 5) гарантированный работодателем социальный пакет, включая оплату больничных и более длительный отпуск.

Таким образом, мы можем констатировать тот факт, что уровень доверия инвалидов по зрению к государственным ЦЗН относительно способности последних помочь им в трудоустройстве находится на критически низком уровне, что обусловлено как имеющимся отрицательным опытом обращения в такие службы, так и более быстрым достижением желаемого результата в трудоустройстве при помощи иных способов. Большая часть инвалидов с тяжелыми нарушениями зрения находят работу либо при помощи родственников, либо самостоятельно через ТКС «Интернет», либо при содействии МО ВОС, в т.ч. за счет использования механизма аренды РМ. При этом наблюдается тенденция старения официально работающей категории инвалидов по зрению, в то время как более молодая их часть предпочитает неофициальную занятость, преимущественно с использованием возможностей ТКС «Интернет».

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики. Положение инвалидов. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (дата обращения: 01.06.2024).
2. Правительство России. Татьяна Голикова провела заседание межведомственной рабочей группы по восстановлению рынка труда. – URL: <http://government.ru/news/48991/> (дата обращения: 15.06.2024).

3. Минтруд России. Замминистра Григорий Лекарев: обеспечение трудоустройства 40% инвалидов трудоспособного возраста – достижимый показатель. – URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/resettlement/12> (дата обращения: 15.06.2024).
4. Правительство России. Правительство утвердило план мероприятий по повышению уровня занятости инвалидов на 2023–2024 годы. – URL: <http://government.ru/docs/50372/> (дата обращения: 15.06.2024).
5. Нацун Л.Н. Результативность трудовой реабилитации инвалидов в России / Л.Н. Нацун // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2019. – № 3 (55). – С. 149–160.
6. Сулейманова Г.В. Трудоустройство инвалидов: от квотирования рабочих мест до социальной занятости / Г.В. Сулейманова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 74–80.
7. Результаты мониторинга потребности незанятых инвалидов трудоспособного возраста в трудоустройстве, открытии собственного дела в Санкт-Петербурге в 2017 году. Информационно-методический сборник / Е.М. Старобина, Е.О. Гордиевская, С.Г. Кривенков [и др.]. – СПб.: СПб ГАУ «Центр занятости населения Санкт-Петербурга», 2017. – 56 с.
8. Тринадцатко А.А. Особенности поведения инвалидов на рынке труда: [монография] / А.А. Тринадцатко. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 236 с.
9. Тринадцатко А.А. Официальная и неофициальная занятость инвалидов по зрению (на примере г. Хабаровска) / А.А. Тринадцатко // Социодинамика. – 2021. – № 5. – С. 1–34.
10. КонсультантПлюс: Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (последняя редакция). Статья 26.1. Выплата страховой пенсии в период осуществления работы и (или) иной деятельности. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/36e2f0f5079cec7e228f941c27febeb133b8ed04/ (дата обращения: 30.05.2024).
11. ВЦИОМ: Жизнь без компьютера – уходящая натура? – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-bez-kompyutera-ukhodyashhaya-natura> (дата обращения: 26.04.2024).
12. Тринадцатко А.А. Адаптивные цифровые технологии в трудовой деятельности лиц с инвалидностью по зрению / А.А. Тринадцатко // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 5. – С. 107–112.
13. Гарант.ру. Постановление Правительства РФ от 05.04.2022 № 588 «О признании лица инвалидом» (с изменениями и дополнениями). – URL: <https://base.garant.ru/403829132/> (дата обращения: 03.05.2024).

14. Гарант.ру. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 27.08.2019 № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> (дата обращения: 03.05.2024).
15. Тринадцатко А.А. Современные информационные технологии в повседневной жизни людей с тяжелыми нарушениями зрительной функции / А.А. Тринадцатко // Социология. – 2024. – № 3. – С. 101–111.
16. ВЦИОМ. Высшее образование: неожиданный ренессанс? – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-neozhidannyi-renessans> (дата обращения: 20.06.2024).
17. ВЦИОМ: Трудоустройство ограниченными возможностями. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudoustrojstvo-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (дата обращения: 27.05.2024).
18. РЕАКОМП: Образование. – URL: <https://rehasomp.ru/obrazovanie/> (дата обращения: 19.06.2024).
19. Общероссийская общественная организация инвалидов «Всероссийское ордена Трудового Красного Знамени общество слепых»: ЦРС ВОС (Волоколамск). – URL: https://www.vos.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=298&Itemid=179 (дата обращения: 20.06.2024).
20. Известия. Тени исчезают: работающие пенсионеры начнут получать проиндексированные выплаты. – URL: <https://iz.ru/1711119/dmitrii-alekseev/teni-ischezaiut-rabotaiushchie-pensionery-nachnut-poluchat-proindeksirovannye-vyplaty> (дата обращения: 19.06.2024).
21. Филиппова К.В. Трудовые ценности молодежи: поколенческий аспект (на материалах исследования Хабаровского края) / К.В. Филиппова, Е.В. Корешева, Л.В. Бирюкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 1–10.

OFFICIAL AND UNOFFICIAL EMPLOYMENT OF PERSONS WITH SEVERE VISUAL IMPAIRMENTS: DYNAMICS, TRENDS AND REASONS FOR CHOICE

Trinadtsatko A.A.

Pacific National University

The article discusses the issue of official and unofficial employment of disabled people with severe visual impairment. It is noted that against the backdrop of a continuing decline in both the total number of disabled people and their officially working persons, a similar trend is observed among visually impaired people. Based on a sociological survey of people with visual impairments and official data from the Khabarovsk Lokal organization of VOS, the fact of growing interest among young visually disabled people in unofficial work activities is established. Moreover, this trend is due not only to the physical and social barriers that such individuals have to face when looking for work, but also to the opportunities opened up for them by

developing digital typhlotechnologies. At the same time, it is noted that disabled people with severe visual impairments, belonging to the age group of 41–60 years and having a higher education, prefer official employment. It is concluded that the unofficial employment of visually impaired people in the context of digitalization becomes more attractive for them, since it allows them to achieve their goals, ignoring existing social and physical barriers.

Keywords: disabled people, blind and visually impaired people, work, work activity, official employment, unofficial employment, digital typhloadaptive technologies, digital space.

References

1. Federal State Statistics Service. The situation of disabled people. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964> (access date: 06/01/2024).
2. Government of Russia. Tatyana Golikova chaired a meeting of the interdepartmental working group on restoring the labor market. – URL: <http://government.ru/news/48991/> (date of access: 06.15.2024).
3. Ministry of Labor of Russia. Deputy Minister Grigory Lekarev: ensuring employment of 40% of disabled people of working age is an achievable indicator. – URL: <https://mintrud.gov.ru/employment/resettlement/12> (date of access: 06.15.2024).
4. Government of Russia. The government has approved an action plan to increase the employment rate of people with disabilities for 2023–2024. – URL: <http://government.ru/docs/50372/> (date of access: 06.15.2024).
5. Natsun L.N. Effectiveness of labor rehabilitation of disabled people in Russia / L.N. Natsun // Bulletin of Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2019. – No. 3 (55). – pp. 149–160.
6. Suleymanova G.V. Employment of disabled people: from job quotas to social employment / G.V. Suleymanova // North Caucasian Legal Bulletin. – 2017. – No. 4. – P. 74–80.
7. Results of monitoring the needs of unemployed disabled people of working age for employment and starting their own business in St. Petersburg in 2017. Information and methodological collection / E.M. Starobina, E.O. Gordievskaya, S.G. Krivenkov [and others]. – St. Petersburg: St. Petersburg State Autonomous Institution “Employment Center of St. Petersburg”, 2017. – 56 p.
8. Thirteentko A.A. Peculiarities of behavior of disabled people in the labor market: [monograph] / A.A. Thirteen. – Khabarovsk: Pacific Publishing House. state University, 2018. – 236 p.
9. Thirteentko A.A. Official and unofficial employment of visually impaired people (on the example of Khabarovsk) / A.A. Thirteen // Sociodynamics. – 2021. – No. 5. – P. 1–34.
10. ConsultantPlus: Federal Law of December 28, 2013 No. 400-FZ “On Insurance Pensions” (latest edition). Article 26.1. Payment of an insurance pension during the period of work and (or) other activities. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/36e2f0f5079cec7e228f941c27febeb133b8ed04/ (date of access: 05/30/2024).
11. VTsIOM: Is life without a computer a thing of the past? – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhizn-bez-kompyutera-ukhodyashhaya-natura> (date of access: 04/26/2024).
12. Thirteentko A.A. Adaptive digital technologies in the work activity of persons with visual disabilities / A.A. Thirteen // Social and humanitarian knowledge. – 2024. – No. 5. – P. 107–112.
13. Garant.ru. Decree of the Government of the Russian Federation dated 04/05/2022 No. 588 “On recognizing a person as disabled” (with amendments and additions). – URL: <https://base.garant.ru/403829132/> (access date: 05/03/2024).
14. Garant.ru. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated August 27, 2019 No. 585n “On classifications and criteria used in the implementation of medical and social examination of citizens by federal state institutions of medical and social examination.” – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> (access date: 05/03/2024).
15. Thirteentko A.A. Modern information technologies in the everyday life of people with severe visual impairments / A.A. Thirteen // Sociology. – 2024. – No. 3. – P. 101–111.
16. VTsIOM. Higher education: an unexpected renaissance? – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/>

vysshee-obrazovanie-neozhidannyi-renessans (date of access: 06/20/2024).

17. VTsIOM: Employment with disabilities. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trudoustrojstvo-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami> (date of access: 05.27.2024).
18. REACOMP: Education. – URL: <https://rehacomp.ru/obrazovanie/> (access date: 06/19/2024).
19. All-Russian public organization of disabled people “All-Russian Order of the Red Banner of Labor Society of the Blind”: TsRS VOS (Volokolamsk). – URL: https://www.vos.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=298&Itemid=179 (date of access: 06/20/2024).
20. News. The shadows are disappearing: working pensioners will begin to receive indexed payments. – URL: <https://iz.ru/1711119/dmitrii-alekseev/teni-ischezaiut-rabotaiushchie-pensionery-nachnut-poluchat-proindeksirovannye-vyplaty> (date of access: 06/19/2024).
21. Filippova K.V. Labor values of youth: generational aspect (based on materials from a study of the Khabarovsk Territory) / K.V. Filippova, E.V. Koresheva, L.V. Biryukova // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2022. – No. 4. – P. 1–10.

Влияние миграции на демографическую безопасность России

Цянь Цяньжон,

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

E-mail: qianqianrong777@gmail.com

Данная работа посвящена исследованию актуальных проблем, связанных с нарастающими миграционными процессами в условиях современной глобализации. Россия, как и многие другие страны, сталкивается с серьезными демографическими вызовами, оказывающими существенное влияние на ее социально-экономическое развитие. Обеспечение демографической безопасности предполагает поддержание стабильного демографического роста и благоприятной ситуации в стране. Миграция выступает одним из ключевых факторов, определяющих демографическую динамику. С одной стороны, миграционные потоки могут способствовать приросту населения, восполнять нехватку рабочей силы в отдельных отраслях и регионах, а также приводить к культурному обмену и взаимообогащению. Но с другой стороны, миграция может провоцировать социальные конфликты, конкуренцию за ресурсы и рабочие места, а также создавать дополнительную нагрузку на инфраструктуру и социальную сферу. Особую актуальность данной проблематике придает существование незаконной миграции, которая создает дополнительные угрозы для демографической безопасности. В этой связи крайне важно обеспечить эффективное государственное управление миграционными процессами.

Ключевые слова: демография, демографический кризис, национальная безопасность, рождаемость, демографическая нагрузка, демографическая безопасность.

Неотъемлемой частью общей безопасности и устойчивого развития любого государства является демографический фактор. Он предполагает поддержание стабильных темпов роста численности населения и благоприятной демографической ситуации, что способствует процветанию и благополучию общества.

Обеспечение демографической безопасности включает в себя поддержание оптимального баланса между количественными и качественными характеристиками населения. Это подразумевает регулирование таких показателей, как рождаемость, смертность, миграция, здоровье и продолжительность жизни, а также занятость и образование.

Целью демографической политики является создание условий, способствующих росту численности населения, его здоровому и активному долголетию, а также эффективной интеграции в экономическую и социальную жизнь страны. [5, с. 15].

Среди ключевых характеристик, оценивающих и описывающих демографическую ситуацию в стране, является показатель рождаемости, в соответствии с которым оценивается информация о количестве рожденных детей, об увеличении численности населения, что демонстрирует экономический потенциал для государства в будущем.

Также не менее важным показателем является коэффициент смертности населения. Однако в настоящее время в связи с достижениями науки, а также пропагандой здорового образа жизни, уровень смертности снижается, что положительно сказывается на демографической ситуации [12, с. 142–154].

Третьим фактором, показывающим уровень демографической ситуации и ее состояние, является уровень образования населения, так как предоставляет больше возможностей для развития, образования, здравоохранения, государство тем самым предоставляет людям больше возможностей, рабочих мест, качественного образования, что создает прочный фундамент для развития государства [1, с. 241].

Миграционные процессы занимают ключевую позицию в обеспечении демографической безопасности Российской Федерации. Грамотное управление миграционными потоками способно не только оказывать существенное влияние на экономическое развитие страны, но и способствовать культурному обогащению общества.

Регулирование миграции позволяет восполнить дефицит трудовых ресурсов в отдельных секторах экономики, тем самым стимулируя экономический рост и повышая конкурентоспособность российских предприятий. Привлечение квалифицирован-

ных специалистов из-за рубежа открывает новые возможности для модернизации производственных процессов, внедрения инновационных технологий и развития высокотехнологичных отраслей.

Кроме того, культурное разнообразие, привносимое мигрантами, становится источником духовного обогащения принимающего общества. Взаимодействие представителей различных этнических групп, религий и традиций способствует формированию более толерантной и открытой социокультурной среды, что имеет важное значение для укрепления межнационального согласия и социальной стабильности [2, с. 183–190].

Вместе с тем, эффективное управление миграционными процессами предполагает тщательный мониторинг миграционных потоков, совершенствование нормативно-правовой базы и реализацию комплексных интеграционных программ. Только при условии взвешенного и ответственного подхода миграция может стать фактором демографического благополучия, экономического процветания и культурного обогащения российского общества.

Таким образом, миграционные процессы играют ключевую роль в обеспечении демографической безопасности страны, открывая широкие возможности для ее социально-экономического и культурного развития. Грамотное управление миграцией становится важнейшим условием успешного решения стратегических задач, стоящих перед Российской Федерацией.

Миграционные процессы играют ключевую роль в развитии современного государства, оказывая влияние на экономическую, социальную и культурную сферы. Эффективное управление миграционными потоками способно стать катализатором позитивных преобразований и открыть новые горизонты для поступательного движения страны.

В экономической плоскости миграция может выступать в качестве важного фактора восполнения дефицита трудовых ресурсов в отдельных отраслях, обеспечивая бесперебойное функционирование производственных процессов и поддерживая высокий уровень конкурентоспособности национальной экономики. Привлечение квалифицированных специалистов из-за рубежа способствует внедрению передовых технологий, повышению производительности труда и ускорению темпов экономического роста.

Кроме того, миграционные потоки играют важную роль в поддержании демографического баланса, компенсируя естественную убыль населения и способствуя омоложению трудового потенциала. Сбалансированная миграционная политика, учитывающая потребности рынка труда, может стать эффективным инструментом регулирования численности и качественного состава населения.

На социокультурном уровне миграция выступает катализатором межкультурного диалога и духовного обогащения принимающего общества. Взаимодействие представителей различных эт-

нических, религиозных и культурных традиций способствует формированию более толерантной и плюралистичной среды, что имеет важное значение для укрепления гражданского единства и социальной стабильности [4, с. 162–167].

К ним относятся проблемы, связанные с незаконной миграцией, нарушениями прав мигрантов, социальной напряженностью в местах их концентрации, интеграцией и адаптацией, а также нагрузкой на инфраструктуру и социальную сферу.

Одной из главных проблем является незаконная миграция. Многие иностранные граждане въезжают в страну без надлежащих документов или нарушают условия пребывания, что создает дополнительную нагрузку на правоохранительные органы и может приводить к социальным конфликтам.

Нелегальные мигранты часто становятся жертвами эксплуатации и нарушений прав человека, а также могут представлять угрозу безопасности государства.

Таким образом, для эффективного использования миграционного потенциала и минимизации связанных с ним рисков требуется взвешенный и комплексный подход к управлению миграционными процессами в России [7, с. 30–33].

Борьба с незаконной миграцией является важной задачей, требующей комплексного подхода. Это включает в себя укрепление пограничного контроля, совершенствование миграционного законодательства и развитие эффективного международного сотрудничества.

Другой значимой проблемой является социальная интеграция мигрантов. Россия привлекает граждан из различных стран, обладающих разными культурными и религиозными традициями.

Успешная интеграция этих людей в российское общество способствует гармоничному сосуществованию различных общин, предотвращению конфликтов и социальному развитию страны.

Однако данный процесс часто осложняется языковыми барьерами, различиями в культурных нормах и ценностях, а также предубеждениями и дискриминацией со стороны местного населения.

Эффективная интеграционная политика должна включать в себя меры по обучению русскому языку, ознакомлению с культурой и традициями России, а также программы по содействию занятости и социальной адаптации мигрантов. Это позволит создать условия для их успешной интеграции и обеспечить социальную стабильность в принимающем обществе [11, с. 92–98].

Миграционные процессы могут оказывать значительное влияние на демографическую ситуацию в России. В последние годы страна столкнулась с проблемой сокращения численности населения, и миграция может частично компенсировать этот спад.

Однако, важно обеспечить баланс между миграционным притоком и потребностями рынка труда, чтобы избежать диспропорций в демографиче-

ской структуре и чрезмерной нагрузки на инфраструктуру и социальную сферу.

Экономические последствия миграционных процессов также заслуживают пристального внимания. С одной стороны, мигранты могут вносить вклад в развитие российской экономики, занимая вакантные места на рынке труда, особенно в сферах, испытывающих дефицит рабочей силы.

Но с другой стороны, существует риск возникновения конкуренции за рабочие места и снижения заработной платы для местных жителей. Кроме того, необходимо учитывать экономическую нагрузку на государство в связи с обеспечением социальных услуг и инфраструктуры для растущего населения.

Таким образом, управление миграционными процессами требует взвешенного и комплексного подхода, учитывающего как демографические, так и экономические факторы. Только в этом случае миграция может стать эффективным инструментом социально-экономического развития страны [10, с. 43–57].

Помимо демографических и экономических аспектов, проблемы миграционных процессов в России также затрагивают вопросы безопасности. Терроризм и транснациональная преступность являются глобальными вызовами, и миграционные потоки могут использоваться для их распространения.

Поэтому задачи по контролю за миграцией, выявлению лиц, связанных с преступной или террористической деятельностью, а также предотвращению радикализации мигрантов, становятся приоритетными для российских правоохранительных органов.

Кроме того, миграционные процессы могут оказывать влияние на геополитические интересы России. Российское присутствие в некоторых регионах, например, в Центральной Азии, может быть ослаблено из-за миграции населения в поисках лучших экономических возможностей или в результате конфликтов.

В этом контексте эффективное управление миграционными потоками в данном регионе может помочь поддержать стабильность и сохранить влияние России.

Таким образом, проблематика миграции в России имеет комплексный характер, затрагивая не только демографические и экономические, но и вопросы национальной безопасности и геополитики. Решение этих задач требует взвешенного и многоаспектного подхода со стороны государственных органов [9, с. 9].

Проблематика миграционных процессов в России является многогранной и требует комплексного подхода со стороны государства. Этот подход должен включать в себя меры:

- по борьбе с незаконной миграцией;
- содействию социальной интеграции мигрантов;
- регулированию миграционных потоков с учетом демографических, экономических и геополитических интересов страны;

- а также обеспечению национальной безопасности.

Эффективное управление миграцией может способствовать социально-экономическому развитию России и укреплению ее позиций на мировой арене.

Государственное регулирование миграционных процессов является ключевым фактором в повышении демографической безопасности России. Перспективные методы включают в себя комплексный подход, направленный:

- на укрепление правовой базы;
- усиление пограничного контроля;
- разработку сбалансированной миграционной политики;
- содействие легальной миграции;
- борьбу с незаконным трудоустройством;
- развитие международного сотрудничества [8, с. 24].

Особое внимание должно уделяться интеграции мигрантов в российское общество, предоставляя им доступ к образованию, здравоохранению и социальным услугам. Совершенствование миграционного законодательства, включая упрощение процедур легального въезда и пребывания в стране, а также ужесточение наказаний за нарушения, является важным шагом в борьбе с нелегальной миграцией.

Комплексный и взвешенный подход к управлению миграционными процессами позволит России эффективно использовать их потенциал для социально-экономического развития, обеспечения демографической безопасности и укрепления своих геополитических позиций.

Усиление контроля на границах с применением современных технологий, таких как биометрические системы и беспилотные летательные аппараты, играет ключевую роль в предотвращении незаконного въезда.

Комплексная миграционная политика должна учитывать демографические, экономические и социальные потребности страны, обеспечивая баланс между притоком мигрантов и потребностями рынка труда.

Использование квот на трудовую миграцию, программ по привлечению высококвалифицированных специалистов и мер по поддержке интеграции мигрантов способствуют эффективному управлению миграционными потоками [3, с. 234].

Информационные кампании, ориентированные как на потенциальных мигрантов, так и на местное население, должны предоставлять достоверную информацию о процедурах легального въезда и пребывания, а также о рисках, связанных с нелегальной миграцией.

Повышение осведомленности о правах и обязанностях мигрантов, а также о вкладе миграции в социально-экономическое развитие страны, может способствовать формированию более позитивного восприятия мигрантов в обществе [6, с. 5–15].

В целом, перспективные методы государственного регулирования миграционных процессов включают в себя комплексный и сбалансированный подход, учитывающий демографические, экономические, социальные и геополитические факторы.

Эффективное управление миграцией будет способствовать минимизации нелегальной миграции, обеспечению демографического баланса, укреплению безопасности и социально-экономическому процветанию России.

Грамотное регулирование миграции может способствовать минимизации нелегальной миграции, которая несет в себе серьезные риски, связанные с ростом преступности. Эффективные механизмы контроля и легализации миграционных потоков позволят обеспечить более высокий уровень общественной безопасности и правопорядка.

Кроме того, комплексная миграционная политика может содействовать достижению желаемого демографического баланса, восполняя нехватку трудовых ресурсов в отдельных секторах экономики и компенсируя естественную убыль населения.

В целом, комплексный подход к управлению миграцией, учитывающий национальные интересы, демографические тенденции и потребности рынка труда, может внести значительный вклад в укрепление безопасности, обеспечение стабильности и процветание российского общества.

Грамотное регулирование миграционных потоков позволит России эффективно адаптироваться к вызовам современного мира и реализовать свой значительный экономический и социальный потенциал.

Литература

1. Акьюлов Р.И. Демографическая безопасность региона как объект государственной политики // Экономика региона. 2008. № 3. С. 241.
2. Бондаренко Н.А., Сюпова М.С. Формы проявления демографической безопасности региона и оценка ее угроз // Вестник Тихоокеанского гос. ун-та. 2017. № 3 (46). С. 183–190.
3. Джафаров С.А. Национальная безопасность России (аспекты: гражданство, иностранцы, транснациональная незаконная миграция). – М.: ЦТМ-Пресс. – 599 с.
4. Левшукова О.А., Петров Н.Р., Копнина А.И. Анализ масштабов развития теневой экономики в России // Вестник Академии знаний. 2019. № 32 (3). С. 162–167.
5. Миграция и национальная безопасность: Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / гл. ред. В.А. Ионцев. – М.: МАКС-Пресс, 2003. Вып. 11. – С. 15.
6. Михлин А.А. Нелегальная миграция: вызовы и угрозы безопасности на европейском континенте // Военная мысль. № 11. С. 5–15.
7. Панова Т.В. Демографические аспекты национальной безопасности России // Экономи-

ка и управление народным хозяйством. 2017. № 6 (151). С. 30–33.

8. Побшивалов В.Е. Международно-правовые проблемы предупреждения и пресечения незаконной миграции. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук. Санкт-Петербургский государственный университет, 2004. 25 с.
9. Резник Г.А, Амирова Д.Р. Миграция как угроза национальной безопасности страны: международные и национальные аспекты // Интернет-журнал «Науковедение», 2016. С. 9.
10. Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: геополитические аспекты // Народонаселение. 2004. № 1. С. 43–57.
11. Смирнова В.А. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 4. С. 92–98.
12. Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. № 4. С. 142–154.

THE IMPACT OF MIGRATION ON RUSSIA'S DEMOGRAPHIC SECURITY

Qian Qianrong

Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to the study of current problems associated with growing migration processes in the conditions of modern globalization. Russia, like many other countries, faces serious demographic challenges that have a significant impact on its socio-economic development. Ensuring demographic security involves maintaining stable demographic growth and a favorable situation in the country. Migration is one of the key factors determining demographic dynamics. On the one hand, migration flows can contribute to population growth, fill labor shortages in certain industries and regions, and also lead to cultural exchange and mutual enrichment. But on the other hand, migration can provoke social conflicts, competition for resources and jobs, and also create additional stress on infrastructure and the social sphere. This issue is particularly relevant due to the existence of illegal migration, which creates additional threats to demographic security. In this regard, it is extremely important to ensure effective government management of migration processes.

Keywords: demography, demographic crisis, national security, fertility, demographic burden, demographic security.

References

1. Akyulov R.I. Demographic security of the region as an object of state policy // Economics of the region. 2008. No. 3. P. 241.
2. Bondarenko N.A., Syupova M.S. Forms of manifestation of the demographic security of the region and assessment of its threats // Bulletin of the Pacific State. un-ta. 2017. No. 3 (46). pp. 183–190.
3. Jafarov S.A. National security of Russia (aspects: citizenship, foreigners, transnational illegal migration). – М.: TsTM-Press. – 599 p.
4. Levshukova O.A., Petrov N.R., Kopnina A.I. Analysis of the scale of development of the shadow economy in Russia // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2019. No. 32 (3). pp. 162–167.
5. Migration and national security: Scientific series: International population migration: Russia and the modern world / ch. ed. V.A. Iontsev. – М.: MAKS-Press, 2003. Issue. 11. – P. 15.

6. Mikhlin A.A. Illegal migration: challenges and threats to security on the European continent // *Military Thought*. No. 11. pp. 5–15.
7. Panova T.V. Demographic aspects of Russian national security // *Economics and management of national economy*. 2017. No. 6 (151). pp. 30–33.
8. Pobshivalov V.E. International legal problems of preventing and suppressing illegal migration. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of legal sciences. St. Petersburg State University, 2004. 25 p.
9. Reznik G.A., Amirova D.R. Migration as a threat to the national security of the country: international and national aspects // *Internet journal "Naukovedenie"*, 2016. P. 9.
10. Rybakovsky L.L. Demographic security: geopolitical aspects // *Population*. 2004. No. 1. P. 43–57.
11. Smirnova V.A. Illegal migration as a threat to the national security of the Russian Federation // *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2009. No. 4. pp. 92–98.
12. Soboleva S.V., Smirnova N.E., Chudaeva O.V. Demographic security of Russia: regional measures, assessment of results // *World of New Economics*. 2016. No. 4. pp. 142–154.

Механизмы социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей ВС РФ как объект социологического анализа

Баклановский Сергей Владимирович,

преподаватель кафедры психологии ФГКВООУ ВО
«Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: kotorussr@live.ru

В статье рассматриваются механизмы социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских частей Вооружённых Сил Российской Федерации с точки зрения социологического анализа. Исследование охватывает различные аспекты социального регулирования, включая нормативно-правовые, организационно-управленческие, социально-психологические, коммуникационные, культурно-образовательные, этические и экономические механизмы. Выявлены основные проблемы, такие как избыточная формализация процедур, недостаточная гибкость норм, слабая система обратной связи и контроля, нехватка ресурсов для психологической поддержки и недостаточная подготовка командного состава. На основе проведенного анализа предложены рекомендации по совершенствованию каждого из механизмов, включая регулярный пересмотр и обновление нормативных актов, улучшение планирования ротации персонала, увеличение числа психологов и развитие программ поддержки, внедрение современных средств коммуникации и повышение прозрачности информации. Особое внимание уделено необходимости интеграции различных механизмов для создания устойчивой и эффективной управленческой среды, способной минимизировать конфликтность и повысить удовлетворенность службой среди военнослужащих. В результате исследования предложена модель взаимодействия механизмов социального регулирования, направленная на комплексное решение проблем и обеспечение стабильности в воинских частях ВС РФ.

Ключевые слова: социальное регулирование; конфликтность; управленческая среда; воинские части; Вооружённые Силы РФ; социологический анализ; управление конфликтами; военная служба.

Актуальность проблемы

Современная реальность характеризуется постоянными трансформациями и растущей сложностью социальных процессов, что делает вопросы управления конфликтностью в организационной среде воинских подразделений Вооружённых Сил Российской Федерации особенно актуальными. Эта актуальность обусловлена несколькими ключевыми факторами.

Во-первых, возрастает значимость эффективного управления и регулирования конфликтов в военных структурах. Неразрешенные конфликты способны негативно влиять на морально-психологическое состояние военнослужащих, что, в свою очередь, может привести к снижению боеготовности войск, что недопустимо в реалиях современного мира.

Во-вторых, существенным фактором, подчеркивающим необходимость изучения механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды, является модернизация Вооружённых Сил России и трансформация структуры управления воинскими подразделениями. В этих условиях требуется глубокое исследование данной проблемы для эффективного применения новых подходов и методов управления, а также предотвращения возникновения конфликтов.

В-третьих, значимый фактор заключается в том, что вопросы социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей ВС РФ находятся в фокусе внимания различных научных дисциплин, включая социологию, психологию, менеджмент и другие. Это позволяет использовать междисциплинарный подход к изучению данной проблемы и разрабатывать более эффективные методы ее решения.

Целью настоящего исследования является проведение анализа механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей Вооружённых Сил Российской Федерации. Это позволит глубже изучить данный феномен с социологической точки зрения. Для достижения этой цели предполагается решение нескольких взаимосвязанных задач.

Первым шагом станет изучение теоретических основ социального регулирования конфликтности в управленческой среде. Это создаст необходимую теоретическую базу для дальнейшего анализа и понимания механизмов урегулирования конфликтов в условиях воинских частей.

Вторая задача заключается в анализе особенностей конфликтности в управленческой среде

воинских частей ВС РФ. Такое исследование позволит выявить специфические черты конфликтных ситуаций, характерных для данной сферы, и учесть их при разработке механизмов регулирования.

Далее предполагается выявить и проанализировать сами механизмы социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских частей. Это позволит определить, какие методы регулирования сейчас применяются, оценить их эффективность и наметить пути для совершенствования.

Заключительным этапом станет разработка рекомендаций по оптимизации механизмов социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских частей ВС РФ. Эти предложения будут направлены на повышение эффективности управления воинскими частями, снижение уровня конфликтности в управленческой среде и укрепление стабильности и безопасности в военной сфере.

Реализация данного исследования позволит улучшить качество управления воинскими частями, минимизировать конфликтность в управленческих процессах и тем самым упрочить боевую готовность войск и обеспечение национальной безопасности страны.

Краткий обзор литературы

В этом разделе представлен анализ научной литературы, посвященной конфликтным ситуациям в военных подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, а также методам их социального регулирования. Научные публикации по этому вопросу весьма разнообразны – в них рассматриваются различные аспекты проблемы, предлагаются подходы к ее решению, а также приводятся результаты эмпирических исследований.

Г. Баранова и В. Музалевский рассматривают проблему конфликтов в воинских коллективах и их влияние на социальное самочувствие военнослужащих [1]. Авторы выявили и обосновали внешние и внутренние факторы конфликтов, влияющие на возникновение и развитие конфликтных ситуаций. В статье предложен подход к оценке конфликтов в воинских коллективах, разработан инструментарий для измерения его уровней и качественной интерпретации расчетных значений в контексте влияния на социальное самочувствие военнослужащих. Кроме того, в статье выработаны рекомендации для своевременных конструктивных способов регулирования конфликтных ситуаций с целью обеспечения позитивных форм взаимодействия военнослужащих для эффективного решения профессиональных задач.

В статье Р. Рогожниковой и Р. Равилова рассматривается проблема предупреждения и разрешения конфликтов в воинских частях в условиях современной социальной ситуации [6]. Авторы отмечают, что отсутствие системы конфликтологического образования в армии приводит к тому,

что многие конфликты в курсантских коллективах не предупреждаются и не разрешаются конструктивно, что создает нездоровый морально-психологический климат в войсках. Авторы проанализировали основные недостатки в процессе организации службы и жизнедеятельности военнослужащих, которые создают конфликтогенную среду. Результаты исследования показывают, что недостаточное внимание к личным проблемам военнослужащих, отсутствие возможностей для самореализации и профессионального роста, неэффективная система мотивации и поощрения, а также недостаточная подготовка командного состава к работе с людьми являются основными причинами возникновения конфликтов в воинских частях.

Работа В. Веремчука и А. Гизатуллина посвящена проблеме управления социальными конфликтами в воинских коллективах [3]. Как показало исследование, командиры понимают причины конфликтов между сержантами и солдатами неадекватно, а соответственно, и действия для их предупреждения сориентированы неправильно. Авторы статьи отмечают, что конфликты часто вызываются причинами объективного характера, такими как чрезмерная иерархическая жесткость и администрирование взаимоотношений. В этом контексте они подчеркивают, что военное управление не должно рассматриваться исключительно в контексте специфического, а должны применяться механизмы социального регулирования конфликтности, которые эффективны в гражданской среде.

В работе Ю. Быченко и М. Магомедова рассматривается актуальная проблема межнационального общения в воинских коллективах ВС РФ [2]. Целью исследования является анализ проблем развития культуры межнационального общения военнослужащих. Выявленные проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих включают: наличие неконтролируемых попыток активизации неформальной борьбы за власть, за материальные ресурсы различных этнических групп военнослужащих; неэффективная реализация социальных проектов развития культуры межнационального общения; сохранение различий во взглядах, ценностях и убеждениях военнослужащих различных этнических групп; отсутствие единой концепции национальной политики в Вооруженных силах; низкий уровень культуры межнационального общения у офицерского состава воинских коллективов.

Никифоров И.Г. рассматривает проблему взаимоотношений в воинском коллективе в контексте целей и задач, стоящих перед ним, и его социальных функций [4]. Выводом статьи является то, что знание командирами психологии воинского коллектива, природы различных социально-психологических явлений, позволяет эффективно управлять взаимоотношениями, возникающими среди подчиненных, и на этой основе исключать конфликты и обеспечивать высокую боеспособ-

ность вверенных им подразделений. В статье также анализируются различные типы межличностного взаимодействия и формы взаимоотношений военнослужащих, что позволяет глубже понять природу конфликтных явлений в воинских коллективах.

Исследование М. Передумова направлено на уточнение современного содержания и структуры культуры общения военнослужащих [5]. В статье предлагается рассматривать культуру общения как форму социальной культуры, более узкий культурный комплекс ценностей, принципов и норм, принятых и разделяемых членами воинских коллективов и определяющих стиль взаимодействия и общения военных акторов. Подчеркивается, что культура бесконфликтного общения основывается на ценностях, принципах, традициях и нормах, предполагающих и ориентирующих военнослужащего на разрешение и предотвра-

щение конфликтных ситуаций. Культура бесконфликтного общения характеризуется не только знаниями и пониманием необходимости бесконфликтного профессионального взаимодействия, стремлением компромиссного решения служебных вопросов, но и практическими умениями акторов оценивать, предупреждать, а в отдельных случаях и разрешать конфликты в процессе собственной служебной деятельности.

Результаты и их обсуждение

В процессе исследования механизмов социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских частей Вооружённых Сил Российской Федерации были выявлены различные типы механизмов. Каждый тип обладает своими особенностями, методами воздействия и примерами применения на практике (табл. 1).

Таблица 1. Классификация механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей ВС РФ

Тип механизма	Методы	Примеры
Нормативно-правовой	Законы, уставы, приказы, инструкции	Уставы Вооружённых Сил РФ, приказы Министра обороны, дисциплинарные уставы
Организационно-управленческий	Структура командования, распределение обязанностей, система планирования и контроля	Система ротации командного состава, регламентирование времени работы и отдыха, планирование учений и тренировок
Социально-психологический	Мотивация, психологическая поддержка, разрешение конфликтов	Психологическое сопровождение личного состава, программы по мотивации, тренинги по управлению стрессом и конфликтами
Коммуникационный	Формальные и неформальные каналы коммуникации	Регулярные совещания и брифинги, использование современных средств связи, проведение неформальных встреч и обсуждений
Культурно-образовательный	Мероприятия по повышению уровня образования и культуры военнослужащих	Образовательные курсы и лекции, культурные мероприятия, программы профессионального развития
Этический	Нормы и ценности	Кодекс чести офицера, внедрение этических стандартов, воспитание патриотизма и служебного долга
Экономический	Регулирование условий службы и материального положения военнослужащих	Система премирования и поощрений, улучшение жилищных условий, обеспечение качественного питания и обмундирования

Особенности функционирования механизмов социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских частей Вооружённых Сил Российской Федерации во многом определяются спецификой военной службы, структурой командования, а также психологическими и социальными факторами.

Нормативно-правовые механизмы являются основой для регулирования поведения и взаимодействия военнослужащих. Воинские уставы и приказы формируют чёткую иерархию командования и подчинения, что значительно уменьшает вероятность конфликтов, возникающих из-за неопределённости ролей и обязанностей. Стандартизированные процедуры способствуют предсказуемости и стабильности в службе, а чётко прописанные дисциплинарные санкции позволяют быстро разрешать возникающие споры.

Организационно-управленческие механизмы способствуют эффективному распределению обязанностей. Чёткое разграничение ролей и задач позволяет избежать пересечения компетенций и связанных с этим конфликтов. Система контроля и обратной связи помогает выявлять и устранять потенциальные конфликты на ранних стадиях. Ротация командного состава и персонала снижает вероятность возникновения разногласий из-за длительного пребывания в одном коллективе.

Социально-психологические механизмы направлены на поддержание позитивного психологического климата. Психологическое сопровождение и программы по управлению стрессом способствуют снижению уровня конфликтности. Мотивационные программы и признание достижений помогают улучшить моральный дух и удовлетворённость службой. Применение медиации

и тренингов по управлению конфликтами позволяет эффективно решать как личные, так и групповые разногласия.

Коммуникационные механизмы обеспечивают эффективное взаимодействие. Хорошо налаженные каналы связи между различными уровнями командования способствуют быстрому обмену информацией и уменьшению конфликтности. Регулярные совещания и неформальные встречи помогают выявлять проблемы и оперативно их решать. Доступ к информации и ясность принимаемых решений снижают недовольство и напряжённость в коллективе.

Культурно-образовательные механизмы способствуют повышению уровня образования и культурного развития военнослужащих. Образовательные программы развивают профессиональные навыки и общую культуру, что способствует снижению конфликтности. Организация культурных мероприятий укрепляет командный дух и создаёт благоприятную атмосферу в коллективе. Возможности для карьерного роста и развития способностей помогают снизить напряжённость и мотивационные конфликты.

Этические механизмы способствуют формированию моральных норм и ценностей. Внедрение этических стандартов помогает создавать культуру уважения и доверия в коллективе. Соблюдение кодекса чести и профессиональной этики укрепляет дисциплину и снижает вероятность этических конфликтов. Программы по воспитанию патриотизма и служебного долга укрепляют моральные основы воинской службы.

Экономические механизмы включают финансовое стимулирование. Система премий и поощрений мотивирует военнослужащих к выполнению обязанностей и снижает уровень внутренней напряжённости. Обеспечение качественного питания, обмундирования и жилищных условий способствует удовлетворённости военнослужащих. Достаточное материально-техническое обеспечение предотвращает конфликты, связанные с дефицитом ресурсов.

Анализ механизмов социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских частей ВС РФ позволил создать модель, объясняющую, как различные механизмы совместно обеспечивают стабильность и эффективность управленческой среды (табл. 2).

Таблица 2. Модель взаимодействия механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей ВС РФ

Нормативно-правовые и организационно-управленческие	
Нормативно-правовые механизмы создают основу для организационно-управленческих структур, определяя их легитимность и полномочия	Организационно-управленческие механизмы обеспечивают исполнение нормативно-правовых актов через установление процедур и контроль их соблюдения
Результаты: чёткое соблюдение норм и правил; минимизация конфликтов, связанных с неясностью ролей и обязанностей	
Социально-психологические и коммуникационные	
Социально-психологические механизмы используют коммуникационные каналы для распространения информации о программах поддержки и мотивации	Эффективная коммуникация способствует своевременному выявлению и решению психологических проблем и конфликтов
Результаты: улучшение психологического климата в коллективе; снижение уровня стресса и конфликтности среди военнослужащих	
Культурно-образовательные и этические	
Культурно-образовательные механизмы способствуют формированию и укреплению этических норм и ценностей через обучение и культурные мероприятия	Этические механизмы задают стандарты поведения, которые поддерживаются и распространяются через образовательные программы
Результаты: формирование морально-этической основы поведения военнослужащих; укрепление коллективного духа и повышение уровня патриотизма	
Экономические и организационно-управленческие	
Экономические стимулы интегрированы в организационно-управленческие структуры, что способствует повышению эффективности управления	Организационно-управленческие механизмы обеспечивают справедливое распределение ресурсов и поощрений, что снижает напряжённость
Результаты: повышение мотивации и удовлетворённости военнослужащих; улучшение условий службы и снижение уровня конфликтности, связанной с ресурсами	

Нормативно-правовые и организационно-управленческие механизмы работают в тандеме, гарантируя четкое соблюдение установленных норм и минимизацию конфликтов, связанных с неясностью обязанностей. Нормативно-правовая база, включающая законы, уставы, приказы и инструкции, задает основу для организационных структур, определяя их полномочия и легитимность. Эти структуры, в свою очередь, обеспечивают выполнение нормативных актов через четко

установленные процедуры и контроль их соблюдения.

Социально-психологические и коммуникационные механизмы также взаимодействуют, создавая благоприятный психологический климат и снижая уровень стресса среди военнослужащих. Методы мотивации, психологической поддержки и разрешения конфликтов используют каналы коммуникации для распространения информации о программах помощи и мотивации. Эффективное об-

щение через формальные и неформальные каналы, а также регулярные совещания и брифинги, помогает своевременно выявлять и решать психологические проблемы и конфликты.

Культурно-образовательные и этические механизмы работают совместно для формирования моральных и этических норм поведения военнослужащих и укрепления командного духа. Образовательные курсы, культурные мероприятия и программы профессионального развития способствуют укреплению этических ценностей через обучение и культурные активности. Этические механизмы, такие как кодекс чести и внедрение этических стандартов, задают нормы поведения, которые распространяются и поддерживаются через образовательные программы.

Экономические и организационно-управленческие механизмы взаимодействуют, повышая мотивацию и удовлетворённость военнослужащих, а также улучшая условия службы. Экономические стимулы, включая систему премирования

и улучшение жилищных условий, интегрированы в организационные структуры, что способствует повышению эффективности управления. В свою очередь, эти структуры обеспечивают справедливое распределение ресурсов и поощрений, снижая напряжённость.

Для комплексного решения проблем конфликтности и обеспечения стабильной и эффективной управленческой среды все описанные механизмы должны работать в тесной взаимосвязи и дополнять друг друга. Создание координационного центра для мониторинга и управления взаимодействием различных механизмов может значительно повысить эффективность их функционирования.

Проведенное исследование и анализ действующих механизмов социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских частей ВС РФ выявили ключевые проблемы и позволили предложить рекомендации для их улучшения (табл. 3).

Таблица 3. Рекомендации по совершенствованию механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей ВС РФ

Тип механизма	Проблемы	Рекомендации
Нормативно-правовой	Избыточная формализация; недостаточная гибкость	Актуализация нормативно-правовой базы; повышение гибкости
Организационно-управленческий	Недостаточное внимание к планированию ротации персонала; слабая система обратной связи и контроля	Оптимизация ротации; усиление обратной связи
Социально-психологический	Ограниченность ресурсов для психологической поддержки; недостаточная подготовка командного состава	Расширение психологической поддержки; обучение командиров
Коммуникационный	Недостаточная открытость и прозрачность информации; ограниченное использование современных средств коммуникации	Повышение прозрачности; модернизация коммуникации
Культурно-образовательный	Недостаточное внимание к культурным и образовательным мероприятиям; ограниченные возможности для профессионального развития	Увеличение количества мероприятий; поддержка профессионального развития
Этический	Несоответствие некоторых этических норм современным вызовам; недостаточная интеграция этических стандартов в повседневную деятельность	Актуализация этических норм; интеграция в практику
Экономический	Недостаточная материальная мотивация; ограниченные ресурсы для улучшения условий службы	Увеличение финансовых стимулов; улучшение условий службы

В области нормативно-правового регулирования обнаружена избыточная формализация процедур и недостаточная гибкость норм в различных ситуациях. Чтобы устранить эти проблемы, необходимо регулярно пересматривать и обновлять уставы, приказы и инструкции с учетом текущих реалий и специфики воинских частей. Также следует вносить изменения, позволяющие командирам адаптировать нормативные акты к конкретным условиям службы и актуальным задачам.

В сфере организационно-управленческого регулирования отмечено недостаточное внимание к планированию ротации персонала и слабая система обратной связи и контроля. Для решения этих вопросов рекомендуется разработать четкие

графики ротации командного состава и военнослужащих, чтобы предотвратить перегрузку и выгорание. Также следует внедрить регулярные анонимные опросы и анализировать их результаты для выявления проблем и принятия необходимых мер.

Социально-психологические механизмы сталкиваются с нехваткой ресурсов для психологической поддержки и недостаточной подготовкой командного состава в области психологии и управления конфликтами. Для улучшения ситуации рекомендуется увеличить количество психологов в воинских частях, создать программы поддержки для военнослужащих и их семей, а также организовать регулярные тренинги и курсы для команди-

ров по управлению стрессом, конфликтами и основам психологии.

Коммуникационные механизмы страдают от недостаточной открытости и прозрачности информации, а также ограниченного использования современных средств связи. Для исправления этих недостатков необходимо внедрить современные цифровые платформы для более эффективного обмена информацией и проводить регулярные информационные встречи и брифинги для открытого обсуждения актуальных вопросов и проблем.

Культурно-образовательные механизмы испытывают дефицит внимания к культурным и образовательным мероприятиям и ограниченные возможности для профессионального развития. Чтобы исправить ситуацию, рекомендуется регулярно проводить культурные и образовательные мероприятия, направленные на повышение общей культуры и профессиональных навыков военнослужащих, а также вводить программы повышения квалификации и предоставлять возможности для дополнительного образования.

Этические механизмы нуждаются в обновлении некоторых норм, чтобы соответствовать современным вызовам, и в лучшей интеграции этических стандартов в повседневную деятельность. Для этого следует пересмотреть и обновить этические стандарты с учетом текущих реалий службы, а также разработать и внедрить практические пособия и руководства для применения этических норм в повседневной работе.

Экономические механизмы испытывают проблемы с недостаточной материальной мотивацией и ограниченными ресурсами для улучшения условий службы. Для их решения необходимо пересмотреть систему премирования и поощрений, чтобы повысить мотивацию военнослужащих, а также направить дополнительные ресурсы на улучшение жилищных условий, питания и обмундирования.

Выводы. Анализ особенностей функционирования механизмов социального регулирования конфликтности в управленческой среде воинских частей ВС РФ показывает, что их эффективность зависит от комплексного и сбалансированного подхода. Интеграция нормативно-правовых, организационно-управленческих, социально-психологических и других механизмов обеспечивает стабильность и предсказуемость воинской службы, минимизирует уровень конфликтности и способствует созданию гармоничной и эффективной управленческой среды.

Разработанная модель взаимодействия механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей ВС РФ показывает, что успешное управление конфликтами требует координации и интеграции различных механизмов. Нормативно-правовые, организационно-управленческие, социально-психологические, коммуникационные, культурно-образовательные, этические и экономические механизмы должны работать совместно, обеспечивая создание гармоничной и стабильной управлен-

ческой среды. Такой подход способствует повышению эффективности воинских частей и улучшению психологического климата среди военнослужащих.

Совершенствование механизмов социального регулирования конфликтности управленческой среды воинских частей ВС РФ требует комплексного подхода и интеграции различных мер. Предложенные рекомендации направлены на устранение выявленных проблем и создание более благоприятной и эффективной управленческой среды. Внедрение данных мер позволит снизить уровень конфликтности, повысить моральный дух и мотивацию военнослужащих, а также улучшить общую эффективность и стабильность воинских частей.

Литература

1. Баранова Г.В., Музалевский В.И. Конфликт в воинских коллективах как фактор социального самочувствия военнослужащих. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 101–112. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-101-112
2. Быченко Ю.Г., Магомедов М.К. Проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 2. С. 154–160. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-154-160>
3. Веремчук В.И., Гизатуллин А.А. Оптимизация управления социальными конфликтами среди военнослужащих контрактной службы в воинских подразделениях Сухопутных войск Вооруженных Сил Российской Федерации. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1 (834). С. 258–265.
4. Никифоров И.Г. Взаимоотношения в воинском коллективе и возможности возникновения конфликтных явлений. // Перспективы науки и образования. 2018. № 4 (34). С. 309–312.
5. Передумов М.А. Культура бесконфликтного общения военнослужащих: современное содержание. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. № 1. С. 44–50. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-44-50>
6. Рогожникова Р.А., Равилов Р.Т. Предупреждение и конструктивное разрешение конфликтов в воинском коллективе. // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2020. № 2. С. 120–127. DOI: 10.24412/2308-717X-2020-2-120-127

MECHANISMS FOR SOCIAL REGULATION OF CONFLICT IN THE MANAGEMENT ENVIRONMENT OF MILITARY UNITS OF THE RF ARMED FORCES AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Baklanovsky S.V.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines the mechanisms of social regulation of conflict in the management environment of military units of the Armed Forces of the Russian Federation from the point of view of sociological analysis. The study covers various aspects of social regulation, including regulatory, organizational, managerial, socio-psychological, communication, cultural, educational, ethical and economic mechanisms. The main problems were identified, such as excessive formalization of procedures, insufficient flexibility of norms, weak feedback and control systems, lack of resources for psychological support and insufficient training of command staff. Based on the analysis, recommendations were proposed for improving each of the mechanisms, including regular revision and updating of regulations, improved planning of personnel rotation, increasing the number of psychologists and developing support programs, introducing modern means of communication and increasing the transparency of information. Particular attention is paid to the need to integrate various mechanisms to create a stable and effective management environment that can minimize conflict and increase satisfaction with service among military personnel. As a result of the study, a model of interaction between social regulation mechanisms was proposed, aimed at comprehensively solving problems and ensuring stability in military units of the RF Armed Forces.

Keywords: social regulation; conflict; management environment; military units; Armed Forces of the Russian Federation; sociological analysis; Conflict Management; military service

References

1. Baranova G.V., Muzalevsky V.I. Conflict in military collectives as a factor in the social well-being of military personnel. // *News of Tula State University. Humanitarian sciences*. 2022. No. 2. pp. 101–112. DOI: 10.24412/2071-6141-2022-2-101-112
2. Bychenko Yu.G., Magomedov M.K. Problems of developing a culture of interethnic communication among military personnel. // *News of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science*. 2020. T. 20. No. 2. pp. 154–160. DOI: <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-2-154-160>
3. Veremchuk V.I., Gizatullin A.A. Optimization of social conflict management among contract servicemen in military units of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation. // *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2019. No. 1 (834). pp. 258–265.
4. Nikiforov I.G. Relationships in the military collective and the possibility of conflict phenomena. // *Prospects for science and education*. 2018. No. 4 (34). pp. 309–312.
5. Peredumov M.A. Culture of conflict-free communication among military personnel: modern content. // *News of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science*. 2023. T. 23. No. 1. P. 44–50. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-44-50>
6. Rogozhnikova R.A., Raviylov R.T. Prevention and constructive resolution of conflicts in military personnel. // *Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and pedagogical sciences*. 2020. No. 2. pp. 120–127. DOI: 10.24412/2308-717X-2020-2-120-127

Особенности диагностики скулшутинга. Социологический мониторинг его причин, форм проявления и социальных последствий в образовательной среде

Васильев Владислав Владиславович,

аспирант кафедры «Социологии и работы с молодежью»

Уфимского университета науки и техники

E-mail: dr.vladislav2011@gmail.com

В статье рассматриваются особенности диагностики явления скулшутинга, а также проводится социологический мониторинг его причин, форм проявления и социальных последствий в образовательной среде. В работе раскрываются основные характеристики скулшутинга, такие как место совершения преступления, использование огнестрельного оружия, намерение причинить вред или убить, а также заранее спланированный характер действий. Особое внимание уделяется методам диагностики рисков скулшутинга, включая мониторинг поведения и эмоционального состояния обучающихся, анализ школьной документации, проведение опросов и интервью, использование психологического тестирования, а также отслеживание онлайн-активности студентов. Раскрываются основные причины скулшутинга, связанные с социально-экономическими условиями, доступностью оружия, психологическими факторами и особенностями образовательной среды. Также рассматриваются различные формы проявления данного явления, от словесной агрессии до массовых расстрелов с применением огнестрельного оружия. Особое внимание уделяется социальным последствиям скулшутинга, таким как психологическая травма для участников образовательного процесса, разрушение чувства безопасности и доверия, негативное влияние на успеваемость обучающихся, а также необходимость в оказании специализированной помощи пострадавшим.

Ключевые слова: скулшутинг, диагностика, мониторинг, причины, формы проявления, социальные последствия, образовательная среда, факторы риска, администрация школы, специалисты, предотвращение.

Введение

Скулшутинг (от англ. «school shooting») – это преднамеренное применение огнестрельного оружия на территории образовательного учреждения с целью причинения вреда учащимся, персоналу и другим людям [6, 7].

В последние годы участились случаи нападения вооруженных лиц на образовательные учреждения, что приводит к жертвам среди учащихся, педагогов и сотрудников, а также оказывает глубокое психологическое воздействие на всех участников образовательного процесса [2]. Согласно открытым данным, только за последние 9 лет в России произошло более 34 инцидентов со стрельбой в школах, в результате которых погибли сотни и были ранены тысячи людей (таб. 1) [3].

Корнелл Д.Г., Зябиров А.И., Зябиров И.М. исследуя особенности диагностики скулшутинга, выделяли социологический мониторинг. Авторы подчеркивали, что данный метод позволяет систематически отслеживать динамику этого явления в образовательной среде, выявлять его причины и формы проявления. Исследователи указывали, что социологический мониторинг дает возможность оценивать эффективность профилактических мер и разрабатывать научно-обоснованные рекомендации для органов образования [4, 5].

Обсуждения

Феномен скулшутинга активно обсуждается в работах по социологии девиантного поведения, психологии насилия и социальной безопасности образовательных организаций. Однако большинство исследований носят фрагментарный характер, не раскрывая в полной мере социальные механизмы и последствия данного явления.

Основными отличительными характеристиками скулшутинга исследователи Лири М.Р. Ковальски Р.М., Смит Л. и Филлипс С., Хардинг Д.Дж., выделяли – место совершения преступления – школа или другое образовательное учреждение, наличие намерения причинить вред или убить учащихся, преподавателей и других людей. Авторы указывали, что большинство случаев скулшутинга характеризуются тщательным планированием и подготовкой к атаке на образовательное учреждение, это включает проведение разведки, сбор информации о системе безопасности, приобретение оружия. Это ключевые факторы, которые отличает скулшутинг от других форм насилия в образовательных учреждениях [6, 19].

Таблица 1. Преступления, совершенные в образовательных организациях за период с 2014 по 2023 г.

Регионы и города	Года										
	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	
Москва	1			1							
Московская область	1			1				1		1	
Томская область	1	1									
Саратовская область		1									
Приморский край			1								
Иркутская область				1							
Пермский край					1			3			
Республика Бурятия					1						
Курганская область					1						
Республика Башкортостан					1						
Новосибирская область					1			1			
Республика Крым					1						
Красноярский край							1			1	
Республика Татарстан							1		1		
Саратовская область							1				
Ненецкий АО							1				
Амурская область							1				
Ульяновская область									1		
Удмуртская область									1	1	
Санкт-Петербург										1	
Ростовская область										1	
Брянская область										1	

Согласно научным трудам исследователей в вопросе скулшутинга Андриссена К., Дрейпера Б., Дадли М., и Митчелла П.Б., они склоняются к тому, что интервьюирование обучающихся, родителей и педагогов помогает выявить признаки социальной изоляции, депрессии, агрессии и других факторов, которые могут указывать на потенциальную угрозу насильственных действий [10].

Борум Р., Фейн Р., Воссекуил Б., и Берглунд Дж., отмечают, что комплексная психологическая оценка, включающая тестирование личностных характеристик, эмоционального состояния и когнитивных функций, является важным элементом процесса оценки угроз [11].

Мониторинг и анализ онлайн-активности учащихся, включая их поведение в социальных сетях, может предоставить дополнительную информацию о потенциальных угрозах и предупредить о признаках насилия.

В своей работе Бонанно С.М., Левенсон-младший Р.Л., предполагали, что мониторинг поведения в социальных сетях и анализ онлайн-активности учащихся, включая внимательное отслеживание онлайн-контента, публикаций и коммуникаций помогают выявить тревожные сигналы, такие как выражение агрессии, суицидальных настроений или одержимости оружием [12].

Борум Р., Корнелл Д.Г., Модзелески В. и Джимерсон С.Р. отмечают, что мониторинг онлайн-активности и личной информации обучающихся поднимает вопросы о соблюдении их права на конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни [15].

Эффективная диагностика и предотвращение скулшутинга требует активного участия и взаимодействия различных специалистов в образовательном учреждении что указывают в своих работах Фейн Р.А., Воссекуил Б., Поллак У.С., Бо-

рум Р., Модзелески У., Редди М., Твемлоу, С. В., Сакко Ф.К. Авторы отмечали что школьная администрация, психологи, социальные работники и другие профессионалы играют ключевую роль в процессе оценки рисков и своевременного выявления обучающихся, нуждающихся в помощи. Они указывали что работа по изучению школьной документации, внимательное наблюдение за изменениями в поведении учеников, эмоциональным состоянием и социальными взаимодействиями, включая анализ медицинских карт, академические показатели и дисциплинарные записи, а так же проведение опросов и интервью с учащимися, родителями и педагогами, координацию междисциплинарной команды специалистов для комплексной диагностики, разработку и реализацию превентивных мер и планов реагирования на потенциальные угрозы, могут выявить важные факторы риска такие как, наличие психических расстройств травм или других проблем со здоровьем которые могут быть связаны с агрессивным или насильственным поведением [7, 9, 13].

Несмотря на важность диагностики рисков скулшутинга, существует ряд проблем и ограничений. Брок С.Е. Никерсон А.Б., Ривз М.А., Джимерсон С.Р., Либерман Р.А. и Файнберг Т.А. указывают существует ряд проблем и ограничений. Большинство образовательных учреждений испытывают нехватку квалифицированных кадров, таких как психологи и социальные работники, а также ограниченное финансирование для реализации комплексных программ диагностики и профилактики, к тому же, отдельные родители, педагоги и члены сообщества могут проявляют скептицизм или сопротивление к мерам по диагностике и предотвращению скулшутинга, воспринимают их как чрезмерное вмешательство в жизнь учеников [14].

Для разработки эффективных мер противодействия важно также рассмотреть основные причины возникновения явления скулшутинг. Ряд социально-экономических условий могут быть связаны с повышенным риском совершения актов школьного насилия, таких как скулшутинг.

Лири М.Р. Ковальски Р.М., Смит Л. и Филлипс С., Фланнери Д.Д., Модзелески В., Кречмар Дж.М., выделяли такие причины как бедность и неблагополучие семьи. Исследователи указывают, что обучающиеся из малообеспеченных семей, сталкивающиеся с экономическими трудностями, безработицей родителей и другими проявлениями социального неблагополучия, имеют более высокий риск вовлечения в насильственные действия в образовательном учреждении [6, 16].

Агнич Л.Е., в своих исследованиях указывает как причину это доступность оружия. Автор подчеркивает, что наличие огнестрельного оружия в домохозяйствах и свободный доступ к нему являются значимыми факторами, повышающими вероятность использования оружия в школьных инцидентах [17].

Ряд психологических причин также могут быть связаны с повышенным риском совершения актов скулшутинга. Воссекуил Б. Фейн Р.А., Редди М., Борум Р. и Модзелески У., Лангман П. МакГи Дж. П., ДеБернардо С.Р. утверждали, что обучающиеся, страдающие от психических расстройств, таких как депрессия, тревожность, ощущение социальной изоляции, отверженности и непринятия сверстниками, имеют более высокую вероятность участия в насильственных инцидентах в образовательных учреждениях. Авторы дополнительно отмечали, что чрезмерное воздействие СМИ, видеоигр и субкультур, романтизирующих или поощряющих насильственное поведение, может оказывать негативное влияние на психику и поведение учащихся [7, 8, 18].

Одним из ключевых ролей в генезисе скулшутинга играют особенности образовательной среды. Лири М.Р. Ковальски Р.М., Смит Л. и Филлипс С., высказывали мнение, что ключевым фактором являются «школьный буллинг» и издевательства над учениками, способствующих возникновению насильственного поведения среди молодежи. Дети, подвергающиеся травле и издевательствам со стороны сверстников, часто испытывают чувство отчужденности, низкую самооценку и могут прибегать к насилию как способу самозащиты или возмездия [6].

Хардинг Д.Дж. выделял отсутствие должного внимания и поддержки со стороны преподавателей и администрации образовательного учреждения, что может способствовать развитию агрессивного поведения среди учащихся, дети чувствуют, что им не оказывают необходимую помощь и поддержку, это может привести к чувству изолированности и озлобленности. Исследователи указывали, что низкая успеваемость, академические неудачи и чувство неудовлетворенности своими образовательными достижениями могут быть

предпосылками к насильственному поведению. Учащиеся, испытывающие трудности в учебе, могут чувствовать себя неполноценными и искать способы компенсации через агрессивные действия [19].

Фланнери Д.Д., Модзелески В., Кречмар Дж.М., указывали, что многие случаи скулшутинга начинаются с вербальной агрессии и открытых угроз со стороны потенциальных преступников [16].

Лири М.Р. Ковальски Р.М., Смит Л. и Филлипс С., Фланнери Д.Д., Вестер К.Л., Сингер М.И. указывают, что большинство случаев скулшутинга заканчиваются нападением на образовательное учреждение с применением огнестрельного оружия. Преступники, как правило, используют пистолеты, винтовки или другое оружие, что приводит к многочисленным жертвам и серьезным последствиям [6, 20].

Твемлоу С.В., Фонаги П., Сакко Ф.К. отмечают, что самоубийство или попытка самоубийства часто являются финальным актом скулшутинга. Преступники, как правило, осознают тяжесть своих действий и предпочитают покончить с собой, чтобы избежать наказания. Авторы подчеркивают, что многие преступники, совершающие нападения на школы, либо заканчивают свои действия самоубийством, либо предпринимают попытку суицида. Это может быть связано с чувством отчаяния и нежеланием нести ответственность за свои поступки [21].

Основные социальные последствия скулшутинга рассматривают Беланд Л.П., Ким Д. Авторы отмечают, что трагические события, связанные со стрельбой в школах, наносят серьезную психологическую травму и вызывают высокий уровень стресса у членов школьного коллектива. Это приводит к симптомам посттравматического стрессового расстройства, тревоги и депрессии у пострадавших [22].

Астор Р.А., Герра Н., Ван Акер Р. отмечают, что случаи скулшутинга негативно сказываются на восприятии безопасности обучающимися и преподавателями. Что подрывает доверие между членами школьного сообщества и ухудшает социальный климат в образовательном учреждении [23].

Бука С.Л. Стихик, Т. Л., Бердтисл, И., и Эрлс, Ф. Дж. также отмечают, что воздействие насилия в школе, включая случаи стрельбы, оказывает отрицательное влияние на когнитивные способности, успеваемость и общее благополучие учащихся [24].

Никерсон А.Б., Мартенс М.П. указывает, что трагические события, связанные с насилием в школах, увеличивают количество учеников, которым требуется специализированная помощь. Исследователи подчеркивают, что образовательные учреждения должны разрабатывать и внедрять эффективные программы для оказания такой поддержки [25].

Аддингтон Л.А. отмечает, что случаи скулшутинга, такие как инцидент в Колумбайне, становятся

ся катализатором для пересмотра и ужесточения образовательной политики, направленным на повышение безопасности и реагирование на подобные ситуации и оказания помощи нуждающимся учащимся [26].

Заключение

Проблема скулшутинга является одной из наиболее острых и актуальных проблем современного общества. Социологический мониторинг причин, форм проявления и социальных последствий скулшутинга имеет большое теоретическое и практическое значение для обеспечения безопасности и благополучия обучающихся, преподавателей и всего образовательного сообщества. Диагностика рисков скулшутинга включает в себя комплекс методов, таких как наблюдение за изменениями в поведении и эмоциональном состоянии учащихся, анализ школьной документации, проведение опросов и интервью, использование психологического тестирования, мониторинг онлайн-активности учащихся.

Основными причинами скулшутинга являются социально-экономические условия (бедность, семейные проблемы, доступность оружия), психологические факторы (психические расстройства, социальная изоляция, агрессивность) и особенности образовательной среды (буллинг, недостаток внимания и поддержки, академические неудачи).

Скулшутинг имеют серьезные социальные последствия, такие как психологическая травма обучающихся и преподавателей, разрушение чувства безопасности и доверия в образовательном сообществе, негативное влияние на успеваемость и благополучие обучающихся, увеличение потребности в специализированной помощи. Эти трагические события становятся катализатором для пересмотра и ужесточения образовательной политики в области безопасности, профилактики насилия и поддержки нуждающихся учащихся.

Таким образом, комплексный подход к диагностике и социологическому мониторингу скулшутинга, а также оказанию помощи пострадавшим является ключом к обеспечению безопасности и благополучия в образовательных организациях.

Литература

1. Лири М.Р. Ковальски Р.М., Смит Л. и Филлипс С. Дразнительство, неприятие и насилие: тематические исследования школьных расстрелов // Агрессивное поведение: Официальный журнал Международного общества исследований агрессии. – 2003. – Т. 29. – № 3. – С. 202–214.
2. Воссекуил Б. Фейн Р.А., Редди М., Борум Р. и Модзелески У. Итоговый отчет и выводы Инициативы по безопасной школе // Вашингтон, округ Колумбия: Секретная служба США и Министерство образования. – 2002.
3. Васильев В.В. Анализ проблемы скулшутинга в образовательных организациях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 4–1 (79). – С. 48–51.
4. Нападения на учебные заведения в России [Электронный ресурс] // Википедия: [сайт]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нападения_на_учебные_заведения_в_России (дата обращения: 27.05.2024).
5. Корнелл Д.Г. Психология школьных расстрелов // Свидетельские показания, представленные Юридическому комитету Палаты представителей. – 1999. – Т. 13.
6. Зябиров А. И., Зябиров И.М. Анализ реагирования на сигналы оповещения при чрезвычайных ситуациях в образовательных учреждениях // Охрана труда и техносферная безопасность на объектах промышленности, транспорта и социальных инфраструктур. – 2022. – С. 58–63.
7. Хардинг Д. Дж. Побочные последствия насилия в неблагополучных районах // Социальные силы. – 2009. – Т. 88. – № 2. – С. 757–784.
8. Андриссен К., Дрейпер Б., Дадли М. и Митчелл П.Б. (2016). Особенности подростковой самоубийственной утраты до и после потери: систематический обзор. Исследования смерти, 40 (4), 229–246.
9. Борум Р., Фейн Р., Воссекуил Б. и Берглунд Дж. Оценка угрозы: определение подхода к оценке риска целенаправленного насилия // Поведенческие науки и право. – 1999. – Т. 17. – № 3. – С. 323–337.
10. Бонанно С.М., Левенсон-младший Р.Л. Школьные стрелки: история, современные теоретические и эмпирические данные и стратегии предотвращения // Sage Open. – 2014. – Т. 4. – № 1.
11. Твемлоу, С. В., и Сакко, Ф. К. // Почему школьные программы по борьбе с издевательствами не работают. – Джейсон Аронсон, 2008.
12. Фейн Р.А., Воссекуил Б., Поллак У.С., Борум Р., Модзелески У. и Редди М. Оценка угроз в школах: Руководство по управлению угрожающими ситуациями и созданию безопасной школьной среды. – Издательство ДИАНА, 2002.
13. Брок С.Е. Никерсон А.Б., Ривз М.А., Джимерсон С.Р., Либерман Р.А. и Файнберг Т.А. Предотвращение школьных кризисов и вмешательство: модель ПОДГОТОВИТЬСЯ. – Национальная ассоциация школьных психологов, 2016.
14. Борум Р., Корнелл Д.Г., Модзелески В. и Джимерсон С.Р. (2010). Что можно сделать со стрельбой в школах? Обзор доказательств. Педагог-исследователь, 39 (1), 27–37.
15. Фланнери Д.Д., Модзелески В., Кречмар Дж.М. Насилие и стрельба в школах // Текущие отчеты психиатрии. – 2013. – Т. 15. – С. 1–7.
16. Агнич Л.Е. Сравнительный анализ попыток и завершённых массовых убийств в школах // Американский журнал уголовного правосудия. – 2015. – Т. 40. – С. 1–22.

17. Лангман П. Буйство школьных перестрелок: Типология // Агрессия и агрессивное поведение. – 2009. – Т. 14. – № 1. – С. 79–86.
18. МакГи Дж. П., ДеБернардо С.Р. Классный мститель: поведенческий профиль школьных перестрелок // Судебно-медицинский эксперт. – 1999.
19. Фланнери Д.Д., Вестер К.Л., Сингер М.И. Влияние насилия в школе на психическое здоровье и поведение детей и подростков // Журнал общественной психологии. – 2004. – Т. 32. – № 5. – С. 559–573.
20. Твемлоу С.В., Фонаги П., Сакко Ф.К. Роль стороннего наблюдателя в социальной архитектуре издевательств и насилия в школах и сообществах // Анналы Нью-Йоркской академии наук. – 2004. – Т. 1036. – № 1. – С. 215–232.
21. Беланд Л.П., Ким Д. Влияние стрельбы в средних школах на школы и успеваемость учащихся // Оценка образования и анализ политики. – 2016. – Т. 38. – № 1. – С. 113–126.
22. Астор Р.А., Герра Н., Ван Акер Р. Как мы можем улучшить исследования в области безопасности в школах? // Исследователь образования. – 2010. – Т. 39. – № 1. – С. 69–78.
23. Бука С.Л. Стихик, Т. Л., Бердтисл, И., и Эрлс, Ф. Дж. Подверженность молодежи насилию: распространенность, риски и последствия // Американский журнал ортопсихиатрии. – 2001. – Т. 71. – № 3. – С. 298–310.
24. Никерсон А.Б., Мартенс М.П. Насилие в школе: связи с контролем, безопасностью/принуждением, образовательными/терапевтическими подходами и демографическими факторами // Обзор школьной психологии. – 2008. – Т. 37. – № 2. – С. 228–243.
25. Аддингтон Л.А. Страх студентов после «Колумбайна»: результаты рандомизированного эксперимента // Журнал количественной криминологии. – 2003. – Т. 19. – С. 367–387.

FEATURES OF THE DIAGNOSIS OF SCHOOLSHOOTING. SOCIOLOGICAL MONITORING OF ITS CAUSES, FORMS OF MANIFESTATION AND SOCIAL CONSEQUENCES IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Vasiliev V.V.

Ufa University of Science and Technology

The article examines the features of the diagnosis of the phenomenon of schoolshooting, as well as the sociological monitoring of its causes, forms of manifestation and social consequences in the educational environment. The paper reveals the main characteristics of schoolshooting, such as the crime scene, the use of firearms, the intention to harm or kill, as well as the pre-planned nature of actions. Special attention is paid to methods of diagnosing the risks of schoolshooting, including monitoring the behavior and emotional state of students, analyzing school documentation, conducting surveys and interviews, using psychological testing, as well as tracking students' online activity. The main reasons for schoolshooting related to socio-economic conditions, the availability of weapons, psychological factors and the peculiarities of the educational environment are revealed. Various forms of manifestation of this phenomenon are also considered, from verbal aggression to mass shootings with firearms. Special attention is paid to the social consequences of schoolshooting, such as psychological trauma for participants in

the educational process, destruction of a sense of security and trust, negative impact on student academic performance, as well as the need for specialized assistance to victims.

Keywords: schoolshooting, diagnostics, monitoring, causes, forms of manifestation, social consequences, educational environment, risk factors, school administration, specialists, prevention.

References

1. Leary M.R. Kowalski, R. M., Smith, L., and Phillips, S. Teasing, rejection, and violence: case studies of school shootings. *Aggressive Behavior: Official Journal of the International Society for Research on Aggression*. – 2003. – Т. 29. – No. 3. – pp. 202–214.
2. Vossekuil B. Fein R.A., Reddy M., Borum R. and Modzeleski U. Final Report and Findings of the Safe School Initiative // Washington, DC: US Secret Service and Department of Education. – 2002.
3. Vasiliev V.V. Analysis of the problem of school shooting in educational organizations // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2023. – No. 4–1 (79). – pp. 48–51.
4. Attacks on educational institutions in Russia / [Electronic resource] // Wikipedia: [site]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Attacks_on_educational_institutions_in_Russia (date of access: 05/27/2024).
5. Cornell D.G. The psychology of school shootings // Testimony presented to the House Judiciary Committee. – 1999. – Т. 13.
6. Zyabirov A.I., Zyabirov I.M. Analysis of response to warning signals in emergency situations in educational institutions // *Occupational safety and technosphere safety at industrial facilities, transport and social infrastructures*. – 2022. – pp. 58–63.
7. Harding D.J. Side effects of violence in disadvantaged areas // *Social forces*. – 2009. – Т. 88. – No. 2. – pp. 757–784.
8. Andreessen, K., Draper, B., Dudley, M. and Mitchell, P.B. (2016). Pre- and post-loss characteristics of adolescent suicide bereavement: A systematic review. *Death Studies*, 40(4), 229–246.
9. Borum R., Fein R., Vossekuil B. and Berglund J. Threat assessment: defining an approach to assessing the risk of targeted violence // *Behavioral Sciences and Law*. – 1999. – Т. 17. – No. 3. – pp. 323–337.
10. Bonanno S.M., Levenson Jr. R.L. School shooters: history, current theoretical and empirical evidence, and prevention strategies // *Sage Open*. – 2014. – Т. 4. – No. 1.
11. Twemlow, S. W., and Sacco, F. K. // Why school anti-bullying programs do not work. – Jason Aronson, 2008.
12. Fein, R. A., Vossekuil, B., Pollak, W. S., Borum, R., Modzeleski, W. and Reddy, M. Assessing threats in schools: A guide to managing threatening situations and creating safe school environments. – DIANA Publishing House, 2002.
13. Brock S.E. Nickerson, A. B., Reeves, M. A., Jimerson, S. R., Lieberman, R. A., and Feinberg, T.A. School crisis prevention and intervention: The PREPARE model. – National Association of School Psychologists, 2016.
14. Borum, R., Cornell, D.G., Modzeleski, W. and Jimerson, S.R. (2010). What can be done about school shootings? Review of evidence. *Educational Researcher*, 39(1), 27–37.
15. Flannery JD, Modzeleski W, Kretschmar JM. Violence and school shootings // *Current Psychiatry Reports*. – 2013. – Т. 15. – P. 1–7.
16. Agnich L.E. A comparative analysis of attempted and completed school massacres // *American Journal of Criminal Justice*. – 2015. – Т. 40. – P. 1–22.
17. Langman P. School shooting rampage: Typology // *Aggression and aggressive behavior*. – 2009. – Т. 14. – No. 1. – pp. 79–86.
18. McGee J. P., DeBernardo S.R. Classroom vigilante: a behavioral profile of school shootings // *Forensic expert*. – 1999.
19. Flannery D.D., Wester K.L., Singer M.I. The impact of school violence on the mental health and behavior of children and adolescents // *Journal of Social Psychology*. – 2004. – Т. 32. – No. 5. – pp. 559–573.
20. Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.K. The role of the bystander in the social architecture of bullying and violence in schools and communities // *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 2004. – Т. 1036. – No. 1. – pp. 215–232.

21. Beland L.P., Kim D. The impact of high school shootings on schools and student achievement // Educational Assessment and Policy Analysis. – 2016. – Т. 38. – No. 1. – pp. 113–126.
22. Astor RA, Guerra N, Van Acker R. How can we improve school safety research? // Education Researcher. – 2010. – Т. 39. – No. 1. – pp. 69–78.
23. Buka S.L. Stichik, T. L., Birdthisle, I., and Earls, F.J. Youth Exposure to Violence: Prevalence, Risks, and Consequences. American Journal of Orthopsychiatry. – 2001. – Т. 71. – No. 3. – pp. 298–310.
24. Nickerson A.B., Martens M.P. School violence: links to control, safety/coercion, educational/therapeutic approaches, and demographic factors. Review of School Psychology. – 2008. – Т. 37. – No. 2. – pp. 228–243.
25. Addington L.A. Student fear after Columbine: results of a randomized experiment // Journal of Quantitative Criminology. – 2003. – Т. 19. – P. 367–387.

Определение категории совокупного социального потенциала в контексте стратегического развития социотехнической организации институционального типа: на примере Вооруженных Сил Российской Федерации

Икрамов Дмитрий Бурханович,

к.с.н., преподаватель кафедры социологии, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: d.ikramov@internet.ru

Организации институционального типа, как комплексные и сложные социотехнические системы, к которым относятся и современные Вооруженные Силы Российской Федерации сталкиваются с уникальными вызовами и требованиями в области стратегического управления, которое должно быть ориентированно, с одной стороны на реализацию их социальных миссий, а с другой, приобретении собственных стратегических преимуществ в глобальной конкуренции собственных потенциалов и военной мощи.

Статья, с позиции системно-коммуникативного подхода, исследует понятие совокупного социального потенциала современных вооруженных сил в контексте перспектив их стратегического развития как социотехнической организации институционального типа, а также анализирует его структуру и предлагает базовые подходы к определению содержания его элементов и индикаторов оценки их состояния в институционализированной системе коммуникаций социотехнических акторов военно-профессиональной деятельности.

Ключевые слова: стратегическое развитие, организации институционального типа, системно-коммуникативный подход, совокупный социальный потенциал вооруженных сил, социотехнические акторы военно-профессиональной деятельности.

Развитие Вооруженных Сил Российской Федерации в институциональной системе военной организации государства

В Большой российской энциклопедии «военная организация государства» (ВОГ), определена как «совокупность органов государственного и военного управления, ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов, создаваемых на военное время специальных формирований, составляющих её основу и осуществляющих деятельность военными методами, а также оборонно-промышленный комплекс страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооружённой защите и вооружённую защиту РФ и её союзников» [1]. При этом ВОГ современной России – представляется как многоуровневая, многопрофильная система, включающая: управляющий, силовой, обеспечивающий и духовный потенциал.

В этой структуре ВС РФ включены в силовой компонент военной организации государства, хотя и сами содержат в себе аналогичную структуру компонентов.

На сегодняшний день сформировался целый ряд научных подходов и социологических концепций позволяющих рассматривать социальную организацию под различным углом давая возможность сформулировать соответствующие определения ее сущностных и функциональных характеристик, но резюмируя общность их базовых основ, она может быть представлена, в первую очередь, как системное социальное образование, ориентированное на определенную стратегию собственного развития.

В тоже время, организации институционального типа можно определить как социальные организации, которые специализируются на создании, разработке и поддержании институциональной среды, которая охватывает сложную систему формальных и неформальных правил, норм, ценностей, процедур и практик, регулирующие взаимодействие между людьми и организациями в рамках отдельной сферы общественной деятельности и на уровне социетальной системы в целом.

ВС РФ не являются исключением и как другие институциональные организации реализуют собственную миссию по предотвращению и противодействию внутренним и внешним военным угрозам, а также защите населения и территории страны от стихийных бедствий, но при этом они также

способствуют поддержанию и развитию внешней институциональной среды. Осуществляя планирование собственного развития в едином комплексе планирования стратегического развития государства и его военной организации ВС РФ выполняют следующие функции.

1. *Разрабатывают нормы и внедряют новые институциональные механизмы:* участвуют в процессе разработки и внедрения новых институциональных регуляций, например, в области экологической защиты или социальной ответственности бизнеса участвующего в выполнении гособоронзаказа.

2. *Поддерживают существующие институты:* вовлечены в поддержание функционирования существующих институтов и правил. Например, предоставляя медицинские услуги, реализуя образовательные программы или финансируя исследования в области институциональной среды, ВС РФ способствуют сохранению и развитию институциональной стабильности.

3. *Повышают информированность и сознание о значимости институциональной среды:* организуют просветительские мероприятия (в т.ч. образовательные программы) и публикации, направленные на общественное просвещение, способствуют общественному осознанию значимости институциональных факторов в достижении личной безопасности и устойчивого развития страны. В тоже время, они способствуют развитию институциональных механизмов социальной мобилизации гражданского общества и формированию гражданской идентичности, социальной ответственности и другим социально значимым ценностям.

Таким образом, армия, с одной стороны, выступает в роли одного из субъектов управления процессом формирования институциональной среды социетальных систем национального (иногда и международного) уровня, «упорядочивая» в них структуры внешних и внутренних отношений, адаптируя их к внешним вызовам, тем самым снижая уровень неопределенности в границах устанавливаемого порядка, а с другой, сама является сложным «организмом», имеющим собственные потребности, удовлетворение которых требует от ее подсистем, развития и поддержания достаточного уровня потенциала функциональной эффективности в любых неблагоприятных условиях.

В философии под развитием обычно понимают необратимое, направленное и закономерное изменение материальных и идеальных объектов, приводящее к возникновению нового качества [10]. Как подчеркивает Т.Ю. Иванова, развитие должно быть связано с качественными изменениями [6]. Учитывая, что объект развития – это система, то качественные изменения, по ее мнению, представляют собой возникновение новых устойчивых структурных составляющих – элементов, связей, т.е. процесс развития связан с преобразованием структуры системы. Развитие идет вначале не за счет всех элементов, а за счет более или менее узкой группы, определяющих элемен-

тов с последующим доразвитием всех остальных» [11].

В тоже время, можно частично согласиться с утверждением, что в социально-экономической системе развитие следует рассматривать как движение, которое выражено относительно универсальным законом: «каждая система, социальная или биологическая, стремится достичь наибольшего суммарного потенциала при прохождении всех этапов жизненного цикла, определяя ключевым условием достижения этой цели – разрешение возникающих внутренних и внешних противоречий» [12]. Здесь следует подчеркнуть важность упоминания о необходимости ключевого условия – рационально ориентированного подхода к определению цели (разрешение возникающих внутренних и внешних противоречий) и способов ее достижения. Тогда, применительно к социетальным системам, разрешение внутренних противоречий, в стратегической перспективе, проявляется как смена промежуточных (тактических) целей или способов их достижения в силу меняющихся ценностных ориентаций социальных акторов, их интересов и возникающих в связи с этим рисков, а внешние противоречия могут разрешаться за счет свойства рациональной адаптивности системы, т.е. ее упреждающих структурно-функциональных изменений на угрозы и вызовы внешней среды, обеспечивающих, тем самым, создание условий для использования потенциала доступных ресурсов (в т.ч. резервов), необходимых для их парирования.

Таким совокупным потенциалом военной организации государства является – военный потенциал. Пирогов А.И в своей статье Большой российской энциклопедии определяет его как «...реализованные и нереализованные военно-экономические, военно-научные, военно-демографические и иные средства, военные запасы материальных средств, источники и возможности государства (коалиции государств), а также его (их) вооружённых сил, которые могут быть использованы для укрепления военной мощи, содержания военной организации государства и ведения военных действий (войны). Взаимообусловлен и органически взаимосвязан с другими (экономическим, политическим, социальным, научно-техническим, духовным) потенциалами, ... непосредственное выражение находит в боевом потенциале вооружённых сил, их боевой мощи» [1].

В классической и современной социологической теории управления существуют различные подходы к определению концептуальной основы формирования потенциала социальной организации. Так, М. Вебер развивая теорию бюрократии определяет ключевую роль «компетентной» власти в структуре организационных процессов. Однако взятая им за основу механистическая модель управления предполагает возможность идентификации и оценки этих процессов только в условиях стабильной среды [2]. Т. Парсонс учитывает фактор системности и динамичности внешних процес-

сов и в своей работе «Контуры социологического подхода к организациям» определяет власть как способность мобилизовать ресурсы [14]. Последний тезис приобретает все большую актуальность для современных обществ, отстаивающих собственное право на суверенное существование в условиях глобальной конкурентной и агрессивной среды.

Таким образом, следует заключить, что современное общество как социетальная система, может сохранять свою устойчивость при условии наличия у нее адаптивной институциональной системы разрешения внутренних и внешних противоречий, а также власти способной мобилизовать ресурсы, необходимые для обеспечения своевременности в управлении качественно-количественными изменениями организационной структуры ее внутренних и внешних взаимодействий и коммуникаций, что проявляется в способности этой структуры идентифицировать и нейтрализовывать риски, угрозы и вызовы в процессе достижения общественно значимых стратегических целей. Эти цели должны определяться, в том числе, из расчета прогнозируемого и планируемого совокупного социального потенциала организаций институционального типа, в системно-коммуникативной основе которых этот потенциал развивается и реализуется.

Совокупный социальный потенциал Вооруженных Сил Российской Федерации как объект стратегического развития

Раскрывая сущность самой категории «потенциал» с позиции социологического подхода, Е.В. Каргополова считает, что это понятие «...с внутренне присущими ему свойствами целостности, интегративности, непрозрачности и стратегичности, разработка которых обеспечивает преемственность, синергетический эффект ресурсов и возможностей прошлого (ретроспективный потенциал), настоящего (исходный потенциал) и будущего (перспективный потенциал) развития социальной общности на основе первичных внутренних и вторичных внешних факторов» [7].

Понятие «социальный потенциал» введено в научный оборот сравнительно недавно. Поэтому в современной научной литературе оно остается до сих пор дискуссионным.

Структурно-функциональный подход требует рассмотрения социального потенциала в качестве сложной, но целостной – многоуровневой и многокомпонентной – системы, обладающей соответствующими функциями [3]. С точки зрения данного методологического подхода социальный потенциал определяется как интегральная характеристика, включающая отношения и деятельность субъекта управления по созданию условий и системы взаимодействий, способствующих реализации персоналом своих знаний, навыков, физических и психических сил, раскрытию богатства своих способностей в данной организации, трансфор-

мации этих способностей в реальный фактор эффективной деятельности в соответствии с целями организации.

Опираясь на деятельностный подход, М.А. Нугаев приводит определение понятия социальный потенциал как «...специфической системы объективных и субъективных, материальных и нематериальных факторов, непосредственно детерминирующих социальную активность членов данного сообщества и обуславливающих возможности получения ими позитивно значимых результатов в различных сферах их жизнедеятельности – трудовой, социально-политической, духовной» [9]. Применяя системный подход, исследователь предлагает две структуры классификации компонентов социального потенциала. Первая основана на том, в какой сфере человеческой деятельности реализуется социальная активность и соответствующий ей потенциал: трудовой, общественно-политический и духовный. Вторая классификация учитывает специфику потенций человека (способности, таланты, качества).

Следует отметить, что до середины 2000-х годов научные работы, посвященные военно-социальному управлению, были ориентированы, в первую очередь, на изучение проблем укрепления воинской дисциплины в воинских коллективах, их мотивацию, а также повышения качества профессиональной и военно-служебной деятельности [5].

Позже делаются попытки рассматривать в качестве объекта управления социальные резервы военной организации. Под которыми понимаются «...имеющиеся у личного состава, но не реализованные в данное время, социальные возможности (способности, квалификация, компетентность, организационная культура), а также созданные благоприятные условия и применение адекватных механизмов, необходимых для их активизации...» [13].

В целом следует заключить, что большинство определений «социального потенциала организации» сформулированы прежде всего в развитие двух взаимосвязанных концептуальных направлений: первое, идеи развития способности субъекта управления создавать условия и эффективные механизмы социальной мобилизации внутриорганизационных человеческих ресурсов; второе, акцентировано на различных личностных и социально-психологических аспектах его деятельностного содержания, т.е. в большей степени, раскрывающие сущность понятия «социальный потенциал человека», а не организации.

Здесь необходимо уточнить основу различения подходов к рассмотрению социальных объектов развития в процессе современного организационного управления, т.е. соотношение категорий «человеческий потенциал», «кадровый потенциал», «социальный потенциал» и «совокупный социальный потенциал» с позиции таких концептуальных социологических традиций как субъективизм и объективизм, учитывая ин-

ституциональную специфику вооруженных сил и современные требования к технологическому и информационно-коммуникативному обеспечению военно-служебной деятельности.

Так, говоря о развитии человеческого потенциала, акцентируется внимание на персональных качествах сотрудников, характеризующих соответствие их личностных, психофизических, интеллектуальных и компетентностных характеристик квалификационным требованиям и условиям труда.

Кадровый потенциал обращает управленческое внимание на постоянный, кадровый состав организации, «оставляя за скобками» людские ресурсы, которые могут быть включены в структуру организации или привлечены к ее деятельности в особые периоды.

Социальный потенциал организации, должен представляться не просто как совокупность отдельных потенциалов индивидов формирующих штат структурных подразделений ВС РФ, но как обосновано ожидаемую результативность и синергичность их социальной интеграции, т.е. совместной, коллективной деятельности, осуществляемой в общих интересах достижения стратегических целей организации, что, в свою очередь, обеспечивает одновременность воспроизводства и развития ее человеческого потенциала (или личностных потенциалов) в процессе институциональных и корпоративных коммуникаций.

В современных условиях стремительного развития информационных и цифровых технологий, существующих тенденций активного внедрения в практику военно-социальных коммуникаций технологий искусственного интеллекта и кибертехнологий, высока вероятность, что уже в ближайшей перспективе они займут место не только в ряду новых «орудий воинского труда», но и во многом, будут определять выбор целей и способов действий самих социальных акторов как на организационном, так и на индивидуальном уровне. Однако, если в процессе повседневной деятельности контроль и верификация принятых «искусственным интеллектом» решений в такой «социокибертехнической» системе коммуникаций возможна, то в условиях боя это приведет к потере времени и оперативных преимуществ. Тем не менее, оценивать и развивать социальный потенциал вне проектируемых институциональных систем социокибертехнических коммуникаций, со временем будет все сложнее и просто непродуктивно.

В этих условиях, тезис, постулируемый сторонниками акторно-сетевой теории (Латур Б. и др.) «о гетерогенности действующих компонентов в социуме» становится все более актуальным. Суть его заключается в том, что поскольку в любое социальное действие вторгается множество различных «акантов» (в т.ч. non-human actors), изменяющих его первоначальные цели, социальные связи должны пониматься как образуемые гетерогенными компонентами, следовательно, и действие должно пониматься как конгломерат разных сил [8].

Следуя этой концепции, сегодня основными акторами выполнения боевых задач становятся социотехнические системы, т.е. «социотехнические акторы» различного уровня (от технологически оснащенного военного специалиста до соединения), действующие как единый организм, где применяемые человеком информационно-технические средства, в различной степени выполняют функции принятия решений, целеполагания и физической работы. Более того, оснащенность этими средствами и технологиями оказывает большое влияние на формирование психологических и социальных установок воина, его мотивации к социальной активности и «боеориентированности», повышая показатели таких факторных групп как: уверенность в своих возможностях и боевых товарищей, результативности применения вооружения и техники, доверия к командирам и принятым решениям.

Возможно, что в обозримом будущем внешние вызовы заставят нас определять новые подходы, критерии оценки и развития уже совокупного социокибертехнического потенциала вооруженных сил, тем самым снижая роль человека в их системной функциональности. Но сегодня развитие информационно-кибернетических технологий и степень их интеграции в системы институционализированных коммуникаций вооруженных сил всех стран мира не столь высока. Поэтому, сегодня мы однозначно рассматриваем потенциал социотехнического актора на индивидуальном уровне, прежде всего как человека, оснащенного средствами, увеличивающими уровень его потенциалов, т.е. в целом, как его совокупный потенциал. На организационном уровне, такой интегративной характеристикой функциональности социотехнического актора можно обосновано считать – совокупный социальный потенциал организации.

Таким образом, совокупный социальный потенциал вооруженных сил может рассматриваться на микро и макроуровне. В первом случае, например, тактическая единица (звено, отделение, экипаж) или один технологически оснащенный специалист, коммуницирующий с вышестоящей системой, может рассматриваться как самостоятельный «социотехнический актор».

На макроуровне, совокупный социальный потенциал ВС РФ следует определять как вероятностную функциональную характеристику (ожидаемую функциональность) их социально-организационных ресурсов, которые включены (планируются к включению) в адаптивную, целостную систему институциональных коммуникаций социотехнических (а в перспективе – социокибертехнических) акторов силовой компоненты военной организации государства и/или «военного союза» государств.

Данный концептуальный подход к определению совокупного социального потенциала как «объекта стратегического развития», дает основания для уточнения структурных и функциональных элементов самой системы социального управле-

ния стратегического уровня, в нашем случае такой институциональной организации как вооруженные силы.

Система социального управления стратегического уровня ВС РФ, может быть представлена как комплекс стратегий, методов, инструментов и механизмов их реализации направленных на руководство и регулирование процессов внешней и внутренней институциональной среды с целью сохранения устойчивости механизмов воспроизводства необходимых социально-организационных ресурсов и развития их потенциала в системе институционализированных социотехнических коммуникаций.

К основным социально-организационным ресурсам ВС РФ следует отнести: кадровые ресурсы; мобилизационные социальные ресурсы; институционализированные связи и отношения; системно-коммуникационные ресурсы; научно-техническую и методическую оснащенность кадров выраженную в результатах НИОКР и их внедрении (которые в свою очередь могут рассматриваться как эффект реализации интеллектуального потенциала военной организации государства). Эти виды ресурсов можно соотнести с соответствующими им потенциалами.

Кадровый потенциал. Определяется качественным составом и профессионализмом личного состава, их обученностью, опытом и мотивацией. Это также включает в себя их способность к сотрудничеству, командной работе и лидерству, а также готовность к выполнению поставленных перед ними задач и социальную активность при их выполнении.

Потенциал мобилизационных ресурсов. Определяется количественно-качественными характеристиками мобилизационных людских ресурсов и резервов, кадровых и социальных ресурсов союзников и партнеров, а также внутренние и внешние скрытые социальные резервы, обуславливающие рост социального потенциала посредством повышения качества планирования и организации их привлечения и применения в особые периоды.

Потенциал социальных связей и отношений. Может быть реализован только в системе устойчивых институциональных связей и отношений формального и неформального характера, т.е. реализуемых в военно-служебной и общественной деятельности, сотрудничестве и партнерских отношениях как внутри военно-корпоративных структур, так и в процессе их внешнего взаимодействия с государственными, общественными и религиозными организациями и международными партнерами. Потенциал социальных связей и отношений в ВС РФ характеризуется, прежде всего степенью их институционализации и личностной интериоризации традиционных социальных и духовных ценностей в воинских и трудовых коллективах.

Системно-коммуникационный потенциал ВС РФ. Определяется уровнем оснащенности (доступности) и способности системного применения личным составом современных информационно-коммуникационных технологий и форм массовых

коммуникаций, увеличивая и воспроизводя, тем самым собственные компетенции и коммуникативный потенциал, а также степень коммуникативной интеграции научных и интеллектуальных ресурсов вооруженных сил и военной организации государства. Коммуникационные ресурсы ВС РФ включают в себя: совокупность источников, средств, технологий, каналов передачи, анализа и интерпретации информации, которые в процессе их использования образуют социально интегрированную информационно-коммуникационную среду реализации внутренних и внешних функций современной организации: во-первых, процессов принятия управленческих решений, их систематизации, доведения и контроля, во-вторых, формирования патриотически ориентированного общественного и сознания (мнения) граждан включенных в действующий кадровый состав вооруженных сил и его мобилизационный резерв, а также формирования международного общественного мнения, позиционирования имиджа ВС РФ и их боевого потенциала в различных контурах внешней социальной среды.

Научно-технологический потенциал. В контексте стратегического анализа совокупного социального потенциала ВС РФ, может оцениваться как уровень перспективности результатов научно-исследовательских и опытно конструкторских работ, внедренных в системы учебного, боевого и информационно-аналитического назначения, выполненных в интересах обеспечения боевой готовности вооруженных сил и конкурентоспособности этих разработок в стратегической перспективе.

Управленческий потенциал. Он складывается из потенциала кадрового управленческого звена и административно-планового потенциала. Основой потенциала кадрового управленческого звена является кадровый потенциал, устанавливающий основу определения количественно-качественных параметров реальных возможностей эффективного исполнения функций управления [4].

При этом, количественные параметры определяются позицией управленческого (командного) состава конкретного структурного подразделения ВС РФ в управленческой иерархии, их технологической и системно-коммуникационной обеспеченностью. Качественные параметры могут определяться: уровнем делегированных полномочий и прав, необходимых для эффективного выполнения повседневных и боевых задач; уровнем образования (и образованности), квалификации кадров управления; реальным опытом управления в условиях боевой работы и повседневной деятельности; уровнем организации процессов управления; личностными качествами конкретного руководителя (командира).

Административно-плановый потенциал характеризуется показателями эффективности планирования и администрирования организационных процессов.

Рассматривая же, совокупный социальный потенциал в качестве объекта социального управления стратегическим развитием ВС РФ, необходимо определять в качестве параметров (индикаторов) оценки достижения его целей: – желаемое состояние социально-организационных ресурсов; структурное соответствие сложившейся системы их использования, проектируемым, на основе риск-ориентированного подхода, моделям интеграции этих ресурсов в институциональные коммуникации военной организации государства и его вооруженных сил; наличие эффективных институциональных механизмов поддержания устойчивости морально-психологического состояния личного состава ВС РФ; адаптивность организационных структур и их инновационная открытость.

Например, на основе построения таких моделей можно повысить эффективность проектирования образовательных программ и стандартов подготовки военных специалистов, в части формирования базовых и специальных компетенций для различных военно-учетных специальностей, определяя их в моделируемой системе институциональных и ситуативных социотехнических коммуникаций, в которые планируется интегрировать этих специалистов.

Таким образом, суть системно-коммуникативного подхода к анализу сущности и содержания социального управления ВС РФ стратегического уровня, как комплексного сочетания системного, институционального, акторно-сетевого и коммуникативного подходов, заключается в развитии совокупного социального потенциала ВС РФ, на основе проектирования и внедрении стратегических и ситуативных моделей коммуникаций социотехнических (в перспективе социкибернетических) акторов военно-профессиональной деятельности, в рамках осуществления внешней и внутренней институциональных миссий ВС РФ в условиях неопределенности глобальной конкурентной среды.

Заключение

Итак, совокупный социальный потенциал ВС РФ следует рассматривать:

во-первых, как функциональные возможности институционализированной, но высоко адаптивной системы социотехнического взаимодействия военно-профессиональных кадров, внешних и мобилизуемых социальных ресурсов (резервов), обеспечивающие международные конкурентные преимущества государства в показателях боевой мощи и боеспособности их вооруженных сил на долгосрочный горизонт планирования;

во-вторых, как прогнозируемый и планируемый результат управленческой деятельности по разработке и реализации комплексного проекта развития социально-организационных ресурсов ВС РФ, планов и моделей их применения в различных сценариях реализации рисков и угроз достижению стратегических целей внутренней и внешней мис-

сий вооруженных сил как организации институционального типа.

Таким образом, сегодня основная стратегическая задача социального управления развитием ВС РФ должна заключаться в том, чтобы на основе применения риск-ориентированного и системно-коммуникативного подходов определить приоритеты, механизмы и этапы воспроизводства и комплексного использования социально-организационных ресурсов, достигая тем самым синергетических эффектов роста функциональных возможностей ВС РФ в парировании прогнозируемых вызовов и угроз, т.е. развития их совокупного социального потенциала.

Литература

1. Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/voennaia-organizatsiia-gosudarstva-f9c8b2/?v=7932732>. – (дата публикации: 30.11.2022; дата обновления: 25.07.2023).
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и пред. Л.Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – Т.1. Социология. – 445 с.
3. Валева А.Ф., Нугаев М.А. Интеллектуальный потенциал современного города: содержание, структура, функции и основные факторы // Вестник экономики, права и социологии. – 2014. – № 1. – С. 134–137.
4. Воронов Н.А., Удалов Ф.Е.ч, Ягунова Н.А. Управленческий потенциал: ретроспективно-перспективный анализ // Вестник НГИЭИ. 2017. № 3 (70). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskiy-potentsial-retrospektivno-perspektivnyy-analiz> (дата обращения: 19.03.2024).
5. Григорьев А.А. Социальный порядок и военная организация // Социология власти. – 2004. – № 4.
6. Иванова Т.Ю. Теория организации. – М.: КноРус, 2012. – С. 44.
7. Каргаполова Е.В. Категория «потенциала региона»: специфика проблемного поля // Научный потенциал регионов России на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей. – Астрахань. – 2013. – № 1. – С. 144–154.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. – М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2014. – 381 с.
9. Нугаев М.А. Теоретико-методологические основы исследования качества социального потенциала региона. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. – 182 с.
10. Серебрякова Г.В., Незамайкин И.В. Модели управления развитием организации: Монография / Государственный университет управления. – Чебоксары: Среда, 2022. – 148 с.

11. Свидерский В.И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и познании. – М.: Соцэґиз, 1962. – С. 75.
12. Серебрякова Г.В., Незамайкин И.В. Модели управления развитием организации: Монография / Государственный университет управления. – Чебоксары: Среда, 2022. – 148 с.
13. Парамонов А.П. Социальный потенциал военной организации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2013. № . 4. С. 65–67. DOI: <https://doi.org/10.12737/888> (дата обращения: 15.02.2024).
14. Parsons T. Suggestions for a sociological approach to organizations // Administrative Science Quarterly 1965. Vol.1. P. 225–239.

DEFINITION OF THE CATEGORY OF TOTAL SOCIAL POTENTIAL IN THE CONTEXT OF THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF A SOCIO-TECHNICAL ORGANIZATION OF AN INSTITUTIONAL TYPE: USING THE EXAMPLE OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ikramov D.B.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

Institutional-type organizations as complex and sophisticated socio-technical systems, which include the modern Armed Forces of the Russian Federation, face unique challenges and requirements in the field of strategic management, which should be focused, on the one hand, on the implementation of their social missions, and on the other hand, on acquiring their own strategic advantages in the global competition of their own potentials and military power.

This article, from the position of systemic and communicative approaches, investigates the concept of the total social potential of modern armed forces in the context of the prospects of their strategic development as a socio-technical organization of institutional type, as well as analyzes its structure and offers basic approaches to determining the content of its elements and indicators for assessing their state in the institutionalized system of communications of socio-technical actors of military-professional activity.

Keywords: Strategic development of institutional-type organization, institutional environment, socio-organizational resources, total social potential of the armed forces, socio-technical actors of military-professional activity.

References

1. Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal – URL: <https://bigenc.ru/c/voennaia-organizatsiia-gosudarstva-f9c8b2/?v=7932732>. (date of publication: 30/11/2022; date of update: 25/07/2023).
2. Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology: in 4 volumes / Max Weber; [transl. with German]; comp., total. ed. and prev. L.G. Ionina. – M.: Publishing house. House of the Higher School of Economics, 2016. – Vol. I. Sociology. – 445 p.
3. Valeeva A.F., Nugaev M.A. Intellectual potential of a modern city: content, structure, functions and main factors // Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2014. – No. 1. – P. 134–137.
4. Voronov N.A., Udalov F.E.ch, Yagunova N.A. Managerial potential: retrospective and prospective analysis // Bulletin of NGIEI. 2017. No. 3 (70). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlencheskiy-potentsial-retrospektivno-perspektivnyy-analiz> (date of access: 03/19/2024).
5. Grigoriev A.A. Social order and military organization // Sociology of power. – 2004. – No. 4.
6. Ivanova T. Yu. Organization theory. – M.: Knorus, 2012. – P. 44.
7. Kargapolova E.V. Category of “regional potential”: specificity of the problem field // Scientific potential of Russian regions for the service of modernization: interuniversity collection of scientific articles. – Astrakhan. – 2013. – No. 1. – P. 144–154.
8. Latour B. Reassembling the social: an introduction to actor-network theory / trans. from English I. Polonskaya. – M.: Publishing house. House of Higher school Economics, 2014. – 381 p.
9. Nugaev M.A. Theoretical and methodological foundations for studying the quality of the region’s social potential. – Kazan: Kazan University Publishing House, 2006. – 182 p.
10. Serebryakova G.V., Nezamaikin I.V. Models for managing the development of an organization: Monograph / State University of Management. – Cheboksary: Wednesday, 2022. – 148 p.
11. Svidersky V.I. On the dialectic of elements and structure in the objective world and knowledge. – M.: Sotsekgiz, 1962. – P. 75.
12. Serebryakova G.V., Nezamaikin I.V. Models for managing the development of an organization: Monograph / State University of Management. – Cheboksary: Wednesday, 2022. – 148 p.
13. Paramonov A.P. Social potential of a military organization // Personnel and intellectual resources management in Russia. 2013. No. 4. pp. 65–67. DOI: <https://doi.org/10.12737/888> (access date: 02/15/2024).
14. Parsons T. Suggestions for a sociological approach to organizations // Administrative Science Quarterly 1965. Vol.1. P. 225–239.

Михайлюк Александрина Анатольевна,

старший преподаватель кафедры КИУП, аспирант Института повышения высшей квалификации, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: aleksandrina-87@bk.ru

В статье исследуется механизм регулирования деятельности санаторно-курортных организаций. Автор указывает, что рассматриваемое санаторно-курортное лечение как составная часть всего здравоохранения, на сегодняшний день является одним из самых перспективных элементов, способствующих достижению целей национальной политики по увеличению продолжительности жизни, здоровьесбережению, демографическим проектам. Отмечается, что возрождение и развитие санаторно-курортного лечения и медицинской реабилитации, разработка единой концепции, являются наиболее актуальной проблематикой современной отечественной медицины. Рассмотрены основные нормативно-правовые акты, на основании которых функционируют санаторно-курортные организации. Обозначены главные принципы управленческой модели менеджизма в санаторно-курортном лечении. Результатом исследования стали выводы о несогласованности нормативно-правовых актов, отсутствии единой концепции развития санаторно-курортного лечения.

Ключевые слова: санаторно-курортное лечение, механизм управления, федеральный закон, стратегия, менеджизм, принципы менеджизма, эффективность, показатели.

Приоритетным направлением государственной политики в социально-экономическом секторе сегодня является деятельность по укреплению здоровья и здоровьесбережению населения [12]. Данные цели возможно достигнуть при помощи активного внедрения в российское общество санаторно-курортного лечения, его широкомасштабного применения для всех категорий населения.

Россия обладает всеми видами природных лечебно-оздоровительных ресурсов, что делает страну уникальной по возможности осуществления санаторно-курортного лечения, реабилитации и восстановлению здоровья граждан [6, с. 93]. Богатые лечебно-восстановительные природные ресурсы России на протяжении всей истории использования в медицине страны влияют не только на развитие и уровень курортологии, но и способствуют расширенному применению санаторно-курортного вида лечения и восстановления.

В нашем исследовании особое место уделено механизму регулирования санаторно-курортного лечения в России. Рассмотрим какие министерства и ведомства ответственны за развитие и функционирование данной сферы общественных отношений, какими нормативно-правовыми актами регулируется деятельность санаториев, как производится отчётность и где во всей этой системе присутствует менеджизм.

Прежде всего, следует выделить Министерство здравоохранения РФ как главный государственный регулятор деятельности по санаторно-курортному лечению. С развалом Советского Союза численность санаторно-курортных организаций стремительно сокращалась с 14 000 до 2000 в наши дни, так же и изменилась и форма собственности. В период СССР все санатории находились исключительно в государственной собственности, тогда как в 90-е гг. XX века одна часть из них перешли в подведомственное управление, другая в частное. Контролирующие органы сменялись от Министерства здравоохранения РФ до Министерства экономического развития РФ и Федерального агентства по туризму, которое было окончательно упразднено в 2022 г. Как результат произошла разобщённость в действиях министерств, законодательная несогласованность и отсутствие полноценного контроля с каждой стороны. Одни санаторно-курортные организации были ликвидированы, при этом открывались новые в частном владении. Происходившая управленческая неразбериха, при отсутствии полноценного контроля со стороны государства в санаторно-курортных организациях, привела к подмене истинного предназначения санаторно-курортного лечения, утрате его социальной значимости и необходи-

мости как неотъемлемой составляющей медицины. Санатории гораздо проще квалифицировать как организации для массового отдыха, нежели лечебно-реабилитационные и восстановительные медицинские учреждения. Сегодня лицензия на ведение медицинской деятельности санаторно-курортными организациями выдается Минздравом, так же им контролируется процесс осуществления лечебно-реабилитационных мероприятий.

Далее происходит переподчинение санаторно-курортных организаций ведомствам, профсоюзам, холдингам и прочим структурам, которые занимаются управлением деятельности санаториев в соответствии с установленными внутренними требованиями. Стоит отметить отсутствие в регионе Кавказских Минеральных Вод единого централизованного государственного органа, регулирующего деятельность, отчетность, процесс обучения персонала в санаторно-курортных организациях. Так же любой санаторий вне зависимости от формы собственности проходит регулярные проверки контролирующих и надзорных органов.

Регулирование деятельности санаторно-курортных организаций происходит с помощью ряда законодательных актов. Среди основополагающих документов, регламентирующих функционирование санаториев, особенно необходимо выделить Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2]. Федеральный закон четко выделяет санаторно-курортное лечение в отдельный вид лечебной деятельности, определяет льготные категории граждан, имеющих основания для получения государственной поддержки из бюджета на приобретение путевок [2]. Кроме того, закон направлен и на регулирование деятельности санаториев по реабилитации как одной из целей санаторно-курортного лечения. Данный юридический документ является основным регулятором санаторно-курортных организаций, которые опираются на него в своей повседневной деятельности [2].

Ключевую роль в регулировании исследуемой области общественных отношений, бесспорно, играет Федеральный закон от 23.02.1995 № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» [1]. Сущность данного законодательного акта заключается в определении направлений государственной политики по отношению лечебных природных ресурсов, их изучению и использованию, а также деятельность санаторно-курортных и лечебно-оздоровительных местностей и курортов России. Данный нормативно-правовой акт уточняет, что относится к лечебно-природным ресурсам, а так же выделяет необходимость медицинского подтверждения лечебных свойств данных ресурсов [1]. Прописаны механизмы регулирования хозяйственной деятельности санаторно-курортных организаций, которые теперь могут эксплуатировать здания и сооружения исключительно в целях

лечебно-восстановительных и реабилитационных услуг [1].

Приказ Министерства здравоохранения РФ от 05.05.2016 № 279н «Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения» вносит уточнения к имеющимся законодательным актам [5]. Так, санаторно-курортное лечение подразделяется на разные виды и формы, а санатории обязаны оказывать услуги в строго регламентированных нормах [5]. Однако, остался не решенным вопрос по регулированию деятельности небольших организаций, которые не попадают под классификацию санаториев, но при этом оказывают услуги по лечению населения с помощью природных естественных ресурсов. Отсутствует четкий контроль и регламент использования лечебных природных факторов как медицинских процедур по лечению и реабилитации частным гостиницами, домами отдыха, спа-отелями. Возможно встретить использование минеральных вод, грязей и других лечебных природных ресурсов как спа-процедур, что в корне противоречит медицинской сущности санаторно-курортного лечения.

Кроме того, стоит остановить наше внимание на Стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации, принятой в 2018 г. на период до 2025 г. [3]. Документ разработан в соответствии с другими основными государственными политическими стратегическими направлениями деятельности, таких как социальная и демографическая политика, национальная безопасность, здравоохранение. В Стратегии четко регламентированы основные точки опоры при реализации государственной политики по развитию санаторно-курортного лечения. Такими являются: повышение роли государственного участия в регулировании санаторно-курортного лечения и деятельности санаторно-курортных организаций, повышение уровня профессиональных компетенций сотрудников санаторно-курортных организаций и обеспечение кадрового резерва, широкое распространение санаторно-курортного лечения и высокий уровень осведомленности об имеющихся возможностях лечения, решение инфраструктурных проблем, к которым относится и обветшавшее состояние санаторно-курортных организаций, а так же повышение инвестиционной привлекательности санаторно-курортных организаций Российской Федерации и инфраструктурное продвижение курортов [3]. Стратегия ставит своей целью наращивание большей численности отдыхающих на курортах России, увеличение количества санаториев, повышение профессиональных компетенций медицинских сотрудников санаторно-курортных организаций и достижение стабильности инвестиционных притоков [3].

Действует так же Приказ Министерства здравоохранения РФ № 387н «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных государственных учреждений, находящихся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации, и их руководителей» [4]. Его основная

суть заключается в установлении нормативных показателей эффективности для медицинских организаций, в том числе санаторно-курортных учреждений. Одельными приложениями выделяются кавминводские организации: ФГБУ Центр медицинской реабилитации «Луч» Минздрава РФ, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр реабилитации и курортологии» Минздрава РФ.

Коснувшись основных механизмов государственного регулирования санаторно-курортного лечения в нашей стране, мы вплотную подошли к возможности рассмотрения и выделения из них принципов менеджериализма [8, с. 331–336]. Санаторно-курортное лечение, как и любая крупная отрасль страны, незамедлительно рефлексирует все происходящие изменения на политической и экономической арене.

Курс государственной политики на внедрение и адаптацию западной управленческой модели менеджериализма, основанной на использовании принципов управления крупными бизнес-корпорациями в социально значимых отраслях, не заставил ждать долго результаты [10, с. 46–58]. Однако, нам только предстоит оценить в данном научном исследовании насколько положительный эффект получился в санаторно-курортных организациях.

Для начала вернемся к сущности менеджериализма, а именно обозначим на какие принципы опирается менеджериализм, что преследует основной целью [9, с. 24–32]. Опираясь своим основанием на общую теорию менеджмента, менеджериализм в социальной отрасли здравоохранения стремится в первую очередь к повышению прибыли, достижению показателей эффективности, уменьшению издержек и в нашем случае к снижению финансирования из государственного бюджета. Преследование цели достижения показателей эффективности и итоговая оценка деятельности по этим данным выводит менеджериализм в одну плоскость с технократией. Социально значимые отрасли, в нашем научном исследовании рассматривается здравоохранение, перестают отвечать своему общественному предназначению, например повышению продолжительности жизни и здоровьесбережения населения.

Вышеупомянутая Стратегия развития во многом опирается на целевые показатели эффективности, которые отражены в количественном выражении. Безусловно, с целью получения актуальной информации о текущем социально-экономическом состоянии санаторно-курортных организаций, количестве отдыхающих и получивших медицинское лечение в санаториях, уровне профессиональной подготовки персонала и регулярности повышения квалификаций, систематическое получение информации будет служить ресурсом для отражения общего состояния отрасли.

При этом вышеуказанный Приказ Минздрава № 387н [4] дает четкую регламентацию параметров, по которым обязаны предоставлять отчетность санаторно-курортные организации, приво-

дится четкая регламентация сроков предоставления информации ежеквартально, полугодично и раз в год. Так же определяются формы отчетности в виде предоставления бюджетных или бухгалтерских документов, либо доклада руководителя. Показатели, требующие отчетности санаторно-курортных организаций отражены в подразделах документа и касаются таких показателей как: основная деятельность санатория, хозяйственная деятельность, исполнительская дисциплина, работа с персоналом, эффективность работы руководства. Нормативный акт включает в себя регламентацию показателей, в зависимости от выполнения которых каждый получает определенное количество баллов.

Что касается непосредственно санаторно-курортных организаций, то для них параметрами эффективности выявлены: реализация госзаказа по предоставлению санаторно-курортного лечения; количество людей из других регионов, получивших санаторно-курортное лечение за счет средств бюджета; обеспечение среднего норматива занятости койкомест; использование медицинских инноваций; своевременное предоставление отчетности по финансово-экономической деятельности, использованию бюджетных ассигнований и внесение изменений в данную отчетность при их наличии; предоставление ежемесячной отчетности по деятельности, приносящей ежемесячный доход; работа по кредиторской и дебиторской задолженности; регулярная работа с кадровым потенциалом и обязательное повышение квалификации всего медицинского персонала. Следует отметить, что последние из перечисленных параметров имеют наименьший вес в системе начисления баллов. В обесценивании кадровой политики проявляется одна из сущностей менеджериализма, ставящая во главу угла исключительно достижение экономической эффективности, обесценивающая профессиональное и творческое развитие сотрудников, ведь выполнение условий по экономическим параметрам оценивается гораздо выше. По результатам предоставленной информации санатории получают определенное количество баллов, или не получают в случае невыполнения тех или иных показателей. Данные параметры непосредственно влияют на уровень зарплаты всех сотрудников.

Немаловажную роль в исследовании управленческой модели менеджериализма в здравоохранении играет эффективный управленец, или менеджер, зачастую выполняющий свои функциональные обязанности в соответствии с действующим эффективным контрактом [7, с. 23–35]. В санаторно-курортных организациях эффективные менеджеры в большинстве случаев сместили с управленческих позиций медицинских профессионалов, занимающих руководящие должности. От новых сотрудников ожидается и выполнение параметров эффективности, за которые так же предполагается начисление баллов. Менеджер отвечает за выполнение государственного задания по выполне-

нию услуг, входящих в перечень Министерства здравоохранения, обеспечение приема на работу инвалидов и ежегодный рост зарплаты сотрудников. Количество баллов, начисляемых по данному разделу так же превышает количество за развитие персонала, что подчеркивает важность достижения именно показателей эффективности. Внедрение инклюзивности в соответствии с мировыми трендами бизнеса и обеспечение роста зарплат прежде всего за счет стимулирования выполнить заданные показатели эффективности тоже являются отражением менеджерских принципов.

Конечно же менеджмент должен в полной мере иметь хорошие навыки прогнозирования спроса на данные услуги, учитывать факторы востребованности предоставляемых услуг [6, с. 91].

Заметную роль на сегодняшний день играет и цифровизация управленческой деятельности в системе отечественного здравоохранения [11, с. 1582–1583].

Таким образом, проанализировав основные нормативно-правовые акты России мы пришли к выводу о несостоятельности и несогласованности, отсутствии системного подхода к процессу урегулирования деятельности санаторно-курортных организаций. На сегодняшний день нет единого подхода и единственного правового законодательного акта по отношению к санаторно-курортному лечению. Очевидно отсутствует проработанная программа по регулированию деятельности санаториев Кавказских Минеральных Вод, не создана систематизированная программа по развитию и продвижению санаторно-курортного лечения в Ставропольском крае как крупнейшем регионе, обладающим самым высоким природным ресурсом по лечению и восстановлению здоровья населения. Однако, данное направление по укреплению здоровья, повышению здоровьесбережения и восстановлению населения являются приоритетными в государственной политике, на правительственном уровне прослеживается стремление к разработке и принятию единой концепции по санаторно-курортному лечению и медицинской реабилитации. Менеджеризм, как истинная идеология показателей, нашла свое выражение через ряд нормативно-правовых актов и поддерживается на законодательном уровне.

Литература

1. Федеральный закон от 23.02.1995 № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» (посл. ред.). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7566> (дата обращения: 12.04.2024).
 2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (посл. ред.). – URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025> (дата обращения: 12.04.2024).
 3. Стратегия развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации: утвержде-
4. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 29.04.2020 № 387н «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных государственных учреждений, находящихся в ведении Министерства здравоохранения Российской Федерации, и их руководителей». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74126445/> (дата обращения: 12.04.2024).
 5. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 05.05.2016 № 279н «Об утверждении Порядка организации санаторно-курортного лечения». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71327710/> (дата обращения: 12.04.2024).
 6. Баркова А.С., Прончев Г.Б. Моделирование туристической активности населения на базе Интернет-запросов пользователей // Миссия конфессий. 2022. Т. 11. № 2. С. 90–101.
 7. Дятлов А.В., Ковалев В.В., Асланов Я.М. Методологический конструкт исследования менеджерских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2021. № 4. С. 23–35. – URL: <https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/1408> (дата обращения: 12.04.2024).
 8. Иванцов М.В. Менеджеризм как идеологический императив современного государственного управления // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 6. С. 331–336.
 9. Ковалев В.В., Дятлов А.В. Идеология менеджеризма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение // Вестник университета. 2023. № 7. С. 24–32.
 10. Кошкин П.П. Новые трактовки менеджеризма в административной трактовке стран Запада // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 1. С. 46–58.
 11. Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. Политика цифровизации здравоохранения // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63). С. 1582–1592.
 12. Право и экономическое развитие: актуальные вопросы: Монография / В.Б. Батиевская, М.В. Келехсаева, Т.Е. Ситихова [и др.]; Гл. ред. Э.В. Фомин. – Чебоксары: Среда, 2023. – 196 с.

MECHANISM FOR REGULATING THE ACTIVITIES OF SANATORIUM AND RESORT ORGANIZATIONS

Mikhailiuk A.A.

Pyatigorsk State University

The article examines the mechanism for regulating the activities of health resort organizations. The author points out that the health resort treatment under consideration as an integral part of the entire health care system is currently one of the most promising elements that contribute to achieving the goals of national policy to increase life expectancy, health preservation, and demographic projects. It is noted that the revival and development of health resort treatment

and medical rehabilitation, the development of a unified concept are the most pressing issues of modern domestic medicine. The main regulatory legal acts on the basis of which health resort organizations operate are considered. The main principles of the management model of managerialism in health resort treatment are outlined. The study resulted in conclusions about the inconsistency of regulatory legal acts and the absence of a unified concept for the development of health resort treatment.

Keywords: sanatorium treatment, management mechanism, federal law, strategy, managerism, principles of managerism, efficiency, indicators.

References

1. Federal Law No. 26-FZ of February 23, 1995 "On Natural Healing Resources, Health Resorts and Resorts" (last edition). – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7566> (date of access: 04/12/2024).
2. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ "On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation" (last edition). – URL: <https://minzdrav.gov.ru/documents/7025> (date of access: 04/12/2024).
3. Strategy for the development of the sanatorium and resort complex of the Russian Federation: approved by Order of the Government of the Russian Federation dated November 26, 2018 No. 2581-r. – URL: <http://static.government.ru/media/files/KetnqpARrOnt6bA2F3wZe1dHjsA5aWDb.pdf> (date of access: 04/12/2024).
4. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated April 29, 2020 No. 387n "On approval of performance indicators of federal government institutions under the jurisdiction of the Ministry of Health of the Russian Federation and their heads." – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74126445/> (date of access: 04/12/2024).
5. Order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated May 5, 2016 No. 279n "On approval of the Procedure for organizing sanatorium and resort treatment." – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71327710/> (access date: 04/12/2024).
6. Barkova A.S., Pronchev G.B. Modeling of tourist activity of the population based on Internet user requests // *Mission of Confessions*. 2022. T. 11. No. 2. pp. 90–101.
7. Dyatlov A.V., Kovalev V.V., Aslanov Ya.M. Methodological construct for studying managerial tools for ensuring the efficiency of municipal government // *Bulletin of SRSTU (NPI)*. 2021. No. 4. pp. 23–35. – URL: <https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/1408> (date of access: 04/12/2024).
8. Ivantsov M.V. Managerism as an ideological imperative of modern public administration // *Social and humanitarian knowledge*. 2010. No. 6. pp. 331–336.
9. Kovalev V.V., Dyatlov A.V. The ideology of managerialism in Russian social institutions: education, science, healthcare // *University Bulletin*. 2023. No. 7. pp. 24–32.
10. Koshkin P.P. New interpretations of managerialism in the administrative interpretation of Western countries // *Society: politics, economics, law*. 2007. No. 1. P. 46–58.
11. Monakhov D.N., Pronchev G.B. Policy of digitalization of healthcare // *Issues of national and federal relations*. 2020. T. 10. No. 6 (63). pp. 1582–1592.
12. Law and economic development: current issues: Monograph / V.B. Batievskaya, M.V. Kelekhsaeva, T.E. Sitokhova [and others]; Ch. ed. E.V. Fomin. – Cheboksary: Wednesday, 2023. – 196 p.

Конфигурация управленческих отношений в подразделениях современных организаций

Почестнев Александр Анатольевич,

к.с.н., доцент кафедры «Социология, психология и социальный менеджмент» Московского авиационного института (национального исследовательского университета)
E-mail: apochestnev@yandex.ru

Статья рассматривает проблему интеграции теорий, связанных с установлением конструктивных управленческих отношений в подразделениях бизнес организаций. В предложенной статье рассматривается проблема разнообразия ситуаций, с которыми сталкивается руководство в процессе осуществления производственной деятельности и неадекватным выстраиванием управленческих отношений с персоналом. Определение адекватной конфигурации управленческих отношений предполагает изучение специфики функционирования деловой организации, которая заключается в своеобразном сочетании типа задач, способа достижения целей, типа внешней организационной среды, типа персонала, с которым предстоит строить деловую кооперацию.

В рамках статьи предпринята попытка построения диагностической схемы определения отклонения реального типа отношений от оптимального (более подходящего для деловой организации) и ее проверки. Было установлено влияние управленческих отношений на обеспечение рациональности (внутренней эффективности) социальной системы деловой организации.

Ключевые слова: ситуационный подход, управление, диагностические социальные технологии, управленческие отношения, оптимизация управления, тип персонала.

Современное состояние экономики характеризуется высокими темпами изменений, и связано это с изменением социальных отношений, политической сферой, развитием технологий. Происходит активное изменение спроса на продукты и услуги, требований к товарам, отношения к работе со стороны работников. Появляются новые рынки, продукты и услуги, изменяются отрасли и технологии, состояние внешних сред и условия ведения бизнеса для компаний. Каждая организация попадает в свою специфичную ситуацию. Некоторые фирмы начинают работать в динамичной слабо предсказуемой среде, другие ощущают на себе огромную силу конкуренции, третьи начинают работать в нише, где требуется решать сложные, часто творческие типы задач, и приходится иметь дело с высококвалифицированным персоналом [6]. Производственная деятельность стала разнообразной. Она сохранила варианты ремесленного производства, но также появилось серийное, поточное и интеллектуальное производство. Изменение в социальной сфере коснулось не только проблемы спроса, но и проблемы отношения к труду. Доступное высшее образование и разнообразие работ повысило претензии человека на тип работы и тип трудовых отношений [4]. Многие увлечены идеей овладения высококвалифицированной специальностью и хотят заняться сложным видом труда, однако мотивация у этих людей и готовность совершенствоваться разные. Одни пытаются самореализоваться в труде, другие, напротив, рассматривают высокоспециализированный труд как источник заработка и социального статуса и не готовы прилагать сверхусилия.

В итоге руководители организаций сталкиваются с разными рыночными ситуациями и разным типом персонала, что заставляет их подстраивать систему управления определенным образом. Они пытаются найти тот тип управления, который соотносился бы с параметрами ситуации, в которой она оказалась и позволил бы выжить и эффективно развиваться. В связи с желанием повысить рациональность своей деятельности, перед руководством организации возникает вопрос о существовании средств управленческого и организационного дизайна [13], т.к. классические принципы управления перестали приносить ожидаемый эффект.

С социологической точки зрения представляет непосредственный интерес отношения между людьми, которые формируются в процессе управленческой деятельности. Речь идет о руководителях и подчиненных. Часто их относят к понятию

«руководство» [13]. На данный момент существует достаточно проработанная область, связанная со стилем руководства. Большинство исследователей связывала его с типом коллектива или персонала. Теорий, которые связывали бы стиль руководства с бизнес-ситуацией и необходимым типом управления, немного. Поэтому в реальной практике управления непосредственно руководителям довольно сложно определить конструктивные отношения с персоналом, которые должны быть сформированы для достижения целей, они интуитивно нащупывают характер этих отношений, но часто попадают в конфликтные ситуации.

Данные обстоятельства сформировали необходимость построения диагностического средства для подбора типа управленческих отношений, адекватных сложившейся ситуации и позволяющего повысить качество кооперативного взаимодействия участников организации.

Разные исследователи клали в основу конфигурации данных отношений разные основания. Кто-то исходил из свойств самого руководителя, которые позволяют ему эффективно заниматься управлением, и отношения с подчиненными строились исходя из набора этих свойств. Часто эффективность его деятельности связывалось с лидерством (способностью осуществлять неформальное руководство подчиненными) [Киркпатрик и Локк] [11]. Была и противоположная группа ученых, которые исходили из идеи, что руководителю необходимо строить ролевое поведение исходя из развитости исполнителей и необходимости их обучать [Херси и Бланшар] [12]. Еще одно направление исследований связывало тип отношений руководителя и подчиненных с организационной культурой (с институционализацией) [Э. Шейн, Кемерон и Куин] [10].

Подход, который наиболее близок к поставленной задаче, был представлен Д. МакГрегором, Р. Лайкертом, К. Левином, Г. Липпитом и Р. Уайтом, В. Врума и Ф. Йеттона [13]. Они рассматривали модели и принципы управления и способы регуляции человеческого поведения: характер принятия решений, тип координации, формы контроля, тип регламентируемого работника, степень дистанцированности руководителей и исполнителей. Данную идею обогатили еще несколько работ [Р. Блейк и Дж. Моутон, Г. Митчела и Р. Хауса, Фидлер] [3] рассмотрев фокус внимания руководителя на производство и внешнюю среду или на отношения и личные потребности подчиненных.

Многие теории пытались дать универсальные рекомендации по управленческим отношениям, но некоторые ученые и практики приходят к выводу о том, что конфигурация отношений будет зависеть от переменных ситуации, которая часто видоизменяется в связи с организационным развитием.

Методические основы дизайна управленческих отношений

Все представленные теории имеют различные параметры конфигурации управленческих отноше-

ний и концентрируются на ограниченном их списке. Возникла задача их систематизации и интеграции, наподобие того, как интегрировал Г. Минцберг исследования по организационным структурам [6].

В связи с этим возникла задача интеграции теорий с целью создания диагностической схемы определения типа управленческих отношений в подразделениях деловых организаций, которая отражала бы условия их функционирования и рационализирующей управленческую деятельность, т.е. позволяла бы повышать эффективность выполнения управленческой функции.

Построение данной методики строилась на типологической версии ситуационного показателя задания должного, когда используются уже существующие представления о должном в привязке к типу ситуаций в системно-фокусных теориях [14].

Разработка данной схемы базировалась на следующих важных представлениях.

Прежде всего необходимо было соотнести понятия «управление» и «руководство». Под управлением в широком смысле понимается деятельность по переводу системы в должное состояние [А.И. Пригожин] [13]. Если эта система социальная, то это равноценно понятию руководства. Руководство – это вид управленческой деятельности, которое разделяется на управление деятельностью и управление людьми, но это и отношения, возникающие в процессе управления [13]. Поэтому мы будем использовать понятие «управленческие отношения», которые складываются между руководителем и подчиненным.

Определения типа отношений исходило из представления Ч. Барнарда о природе деловой организации и функции руководства [2]. Бизнес-организация представляет собой «...систему сознательно координируемой деятельности двух или более лиц, которые находятся в состоянии кооперации». Это основание предполагает, что в процессе управления необходимо достичь одновременно выживаемости организации, за счет интеграции производственных процессов и целей компании, но также необходимо снизить рассогласование производственной и социальной подсистем, т.е. удовлетворить ожидания участников и замотивировать их на работу на благо компании (целестремление). Последнее заставляет руководство адаптировать цели, процессы (способ организации работ, взаимодействия), отношения, задачи, условия работы к потребностям персонала, чтобы он разделял цели компании и был готов на сотрудничество с администрацией, т.е. речь идет о взаимной лояльности. Нахождение механизмов обеспечения этой лояльности и соответствующих механизмов координации их деятельности представляют собой задачи руководства. Это проявляется в понятиях авторитетность и власть, того насколько подчиненные готовы их признать (легитимное господство М. Вебера). Потребности персонала изменяются в связи с внешними обстоятельствами, полученным образованием, стажем работы, поэтому эти механизмы следует пересма-

тривать через определенное количество времени (изменять кооперативный договор), т.е. управленческие отношения должны видоизменяться в соответствии с изменением ситуации. Управлением может заниматься и руководитель, и коллектив, и специализированные отделы, поэтому возникает вопрос о зонах их ответственности и влияния.

В связи с этим необходимо определить функции управленческой деятельности. Классически выделяют функции: принятие решения (анализ ситуации и целеполагание), стратегирование или планирование (определение направлений деятельности, планов, программ, планирование ресурсов, распределение заданий среди участников кооперации); организация деятельности и взаимодействия участников кооперации (разделение полномочий, программирование деятельности, способы регуляции поведения участников); распоряительство и мотивация персонала (донесение заданий до сотрудников, получение их согласия на деятельность); координация (достижение согласованности в работе); контроль (обнаружения проблем и их ликвидация); представление подразделения во внешней среде.

Выполнение этих функций должно быть организовано таким образом, чтобы управленческая деятельность была эффективной. Под эффективностью подразумевается одновременное сочетание параметров: прибыльность, показатели управляемости организации (доля реализованных задач из списка запланированных), параметры лояльности персонала (степень конфликтности, уровень текучести персонала). Эти показатели отражают отклонение управленческих отношений от оптимальной конфигурации.

Управленческие отношения будут строиться в зависимости от того, какой агент выполняет те или иные управленческие функции, и это согласуется с понятиями авторитарности и демократичности управления Р. Лайкерта [13], который представил разные типы отношений, фиксирующих нарастание демократизма (размывания власти). Мы будем базироваться на этой типологии, но обогатим ее типологией организационных структур Г. Минцберга [6].

Для определения типа управленческих отношений использовался ряд параметров.

Способ принятия решения, планирования и ответственности определяет то, кому принадлежит власть; характер распорядительства и используемые координационные механизмы определяют формализацию и бюрократизацию отношений; характер контроля и коммуникации определяют дистанцию власти и взаимодействие сотрудников; характер социализации и стимулирования сотрудников, и презентации результатов во внешней среде определяют ориентацию руководителя на процесс или коллектив.

Все эти параметры имеют разные шкалы градаций, но крайние полюсы соответствуют авторитарности и демократизации управленческих отношений или о субъектно-объектном, субъект-субъектном и полисубъектном управлении [9]. Они могут присутствовать в разных конфигурациях в подразделениях, поэтому сложно говорить о чистом авторитаризме или демократизме, вернее говорить о большей склонности к одному из полюсов.

Ключевым моментом диагностического средства построения эффективного типа управленческих отношений является анализ ситуации функционирования подразделения. Он строится на таких параметрах как: тип задач, сложность труда, профессионализм и мотивация сотрудников, их ответственность (лояльность), тип внешней среды и зависимость от нее. Результат управленческой деятельности складывается из соответствия управленческих отношений типу решаемых задач, типу ситуации, типу персонала.

Для проверки правильности построения диагностики используются показатели успешности: степень управляемости, степень удовлетворенности сотрудников (лояльности), текучесть кадров. Мы предполагаем, что там, где будет сильное различие в сочетаниях типа задач, типа персонала и стиля руководства будут наблюдаться высокие значения данных показателей.

Схема и алгоритм диагностики

Первоначально параметры отношений были методологически сгруппированы в типы на базе работ указанных авторов (табл. 1).

Таблица 1. Типы управленческих отношений. Описание характера выполнения функций руководства

	Тип 1 Бюрократические Субъект-объектные	Тип 2 Семейные Субъект-объектные	Тип 3 Заказные, профессио- нальные Субъект-субъектные	Тип 4 Профессиональные, творческие Полисубъектные
Анализ ситуации и характер постановки цели (принятие решения)	специальным аналитическим центром и руководителем (ревизор)	Единолично руководителем и исходя из собственных представлений о цели (лидер)	Единолично руководителем основываясь на информации и мнениях полученных от сотрудников (профессионал)	Коллективно, исходя из представлений о цели коллектива
Характер планирования	Единоличный, исходя из собственных представлений о деятельности	Единоличный, исходя из собственных представлений о деятельности	Собирает информацию от сотрудников и сам принимает решения	Обсуждается планы и совместно принимаются решения

	Тип 1 Бюрократические Субъект-объектные	Тип 2 Семейные Субъект-объектные	Тип 3 Заказные, профессио- нальные Субъект-субъектные	Тип 4 Профессиональные, творческие Полисубъектные
Характер организации деятельности	Самостоятельно определяет технологию взаимодействия сотрудников	Отдает идею организации процесса подчиненным	Отдает идею организации процесса подчиненным	Отдает идею организации процесса подчиненным
Характер ответственности	На инструкциях и руководителе	На руководителе	Руководителя и персональная	Коллективная
Характер распорядительства	Письменные приказы	Устные распоряжения	Обсуждение и согласование	Фиксация решения коллектива
Характер стимулирования	Штрафы и увольнение, благосклонность, адекватная оплата труда	Денежное (премирование), оценка значимости работы для организации	Усл. и характ. работы, признанием заслуг, возможностью самореализации, оценка значимости работы для организации	Усл. и характ. работы, признанием заслуг, возможностью самореализации, участием в управлении
Характер контроля	По процессу, тотальный	По процессу, избирательный или по результату	По результату	Контролирует группа
Характер координации	Полная координация последовательностей действий и ресурсов, стандартизация труда и формализация	Координация смыслов, сроков и ресурсов, прямой контроль	Координация смыслов, сроков, согласование с проф. стандартами	Координация смыслов, взаимное согласование
Характер отношений с сотрудниками	Формальный по деятельности	Неформальный	Формальный по задаче / Не формальный по деятельности	Неформальный
Характер коммуникации с сотрудниками	Сверху вниз, формальная	Сверху вниз и снизу вверх как обратная связь (неформальная)	Сверху вниз и снизу вверх как пожелания и видение	Обмен мнениями, диалог
Характер презентации результатов во внешней среде	Как личные достижения	Как личные достижения	Как достижение коллег	Как достижение коллег

Тип 1 прямо соотносится с бюрократической организацией и авторитарным управлением по всем параметрам. Здесь присутствует единоначалие, ограниченное формализованными правилами. Ориентация руководителя сугубо на задачи. У руководителя есть свои представления о целях, нормах, и он строит формальные отношения с участниками кооперации. Дистанция власти огромная, ответственность лежит и на руководителе, и на проектировщике инструкций. В основе руководства контроль по процессу, и стимулирование работы происходит на основе угроз. Отношения субъект-объектные.

Тип 2 продолжает линию авторитаризма, но руководитель лоялен к сотрудникам. Координация деятельности осуществляется прямым контролем за процессом. Цель деятельности ставится единолично, а вот в выборе средств сотрудники свободны. Дистанция власти меньше, но отношение друг к другу настороженное (дистанция скорее неформальная), есть возможность прямого личного контакта. Ответственность сохраняется за руководителем. Управление персоналом осуществляется за счет материального и морального стимулирования. Этот тип базируется на лояльности сотрудников, но отношения субъект-объектные.

Тип 3 представляет собой управленческие отношения, базирующиеся на согласованиях, ре-

шения принимается руководителем, но учитываются видение и пожелание сотрудников, отсюда готовность сотрудников к их исполнению. Ответственность лежит на руководителе. Дистанция власти сохраняется, и она более официальная (профессиональные отношения). Руководитель контролирует по результату, сотрудники свободны в выборе способов деятельности, руководитель им доверяет и слабо контролирует. Профессионалы контролируют себя сами, согласно профессиональной этики. Заслуги персонала признаются во внешней среде, поэтому сотрудники инициативны, а руководитель это поощряет и дает свободу действий. Отношения приближаются к субъект-субъектным.

Тип 4 представляет собой либеральные отношения, полисубъектные. Цели, средства, организация деятельности обсуждаются и коллективно принимаются. Сотрудники чувствуют себя наравне с руководителями, поэтому дистанция власти практически нет, и ответственность групповая. Коллектив самоуправляется. Основная идея этого типа власти – это идея партнерства, при котором функции руководителя заключаются в фасилитации и медиации.

Эти группы руководителей по-разному относятся к персоналу и ожидают от него разного (табл. 2).

Таблица 2. Описание отношения разных типов руководителей к персоналу

	Тип 1	Тип 2	Тип 3	Тип 4
Доверие и уважение	Недоверие и неуважение	Уважение, но недоверие	Уважение, но недоверие	Уважение и доверие
Ориентация руководителя	На процесс	На процесс / на персонал	На процесс / на персонал	На персонал
Лояльность к персоналу	Не лояльны	Средняя лояльность	Лояльны	Лояльны
Ценность персонала для руководителя	Не зависят от персонала и не ценят	Не зависят от персонала, но ценят	Зависят от персонала и ценят	Зависят от персонала и ценят
Делегирование ответственности	Нет	Нет	Частично	Полностью
Поощрение инициативы	Нет	Частично да	Да	Да
Что ожидает от подчиненных	Подчинение	Подчинение, ответственность, самостоятельность	Инициативу, ответственность, стремление к развитию, изобретательство	Инициативу и ответственность, самостоятельность в управлении, изобретательство
Дистанция власти (личные контакты)	Высокая	Средняя	Малая	Нет
Обучение	Формальное, наставничество	Неформальное наставничество	Нет, обучают проф. организации	обучают проф. организации и друг друга
Приобщение к культуре	Нет	Примером	Стажировкой	Проектами

Далее необходимо было определить тип персонала, с которым работает руководитель. Для его описания удобно было воспользоваться типологией В.И. Герчикова [7] (табл. 3).

Каждый тип персонала по-разному реагируют на организацию труда, условия работы и ее содержание (табл. 4).

При проведении диагностики исследуются параметры ситуации, типа задач и определяется тот тип персонала, который подходит чаще всего, и тот тип управленческих отношений, которые соответствуют ситуации в большей степени.

Таблица 3. Специфика типов персонала

Тип	Люмпен	Патриот	Инструменталист	Профессионал	Хозяйственник
Класс мотивации	Избегание	Достижение	Достижение	Достижение	Достижение
Тип мотивации	Страх увольнения	Идея, признание заслуг группой, ощущение нужности	Денежная (достойная)	Повышение проф. мастерства, важно проф. признание	Самореализация и свобода действий
Отношение к ответственности	Избегает	Ответственен в выполнении поручения	Многое на себя не берет, но работает самостоятельно строго в соответствии с договором	Ответственен в решении задачи	Добровольно принимает на себя ответственность
Инициатива	Отсутствие	Сильная инициатива связанная с участием в групповом успехе	Сильная, инициатива связанная с вознаграждением	Сильная, инициатива связанная с интересной новой задачей	Сильная, инициатива (это самореализация)
Лояльность к организации	Нет	Лояльны, носители культуры	Нет	Частично	Лояльны, носители культуры
Квалиф. и производительность	Низкая	Средняя	Средняя или высокая	Высокая	Высокая
Качество выполнения функций	Низкое	Среднее	Высокое	Высокое	Высокое
Усердие	Нет	Да	Да	Да	Да
Отношение к оплате труда	Зарплата в соответствии с нормой выработки. Зарплата не меньше, чем у других	Согласен на менее оплачиваемую работу (зарплата и коллективное премирование переработки)	Оплата должна быть достойной (сдельная)	Это важно, но не главное (зарплата).	Это важно, но не главное (процент от доходов или премии)
Управл. способн.	Нет	Средние	Средние	Средние	Высокие

Таблица 4. Специфика отношения персонала к организации труда и характеру управления

	Люмпен	Патриот	Инструменталист	Профессионал	Хозяйственник
Ролевое поведение	Исполнитель, созерцатель	Исполнитель, помощник	Исполнитель, мастер, инспектор	Изобретатель, аналитик, критик, архитектор, предвидец	Организатор (администратор), предприниматель, деятель, предвидец
Отношение к типу задач: рутинная / творчество	Склонен к рутине, все равно какую задачу выполнять	Склонен к рутине, но важно понимать смысл задачи, ее важность для общего дела	Склонен к рутине, ориентирован на решение сложных стандартных профессиональных задач	Избегает рутину, выбирает творчество и сложные новые задачи (это самореализация)	Избегает рутину, выбирает творчество и новые задачи, способствующие развитию организации
Отношение к свободе выбора цели и средств	Избегает свободы	Хочет немного свободы в средствах достижения цели	Хочет свободу в средствах достижения цели	Хочет полную свободу в оперативных действиях	Хочет полную свободу в оперативных действиях и целеполагания
Отношение к контролю	Терпит все виды контроля	Терпит контроль результата, но не процесса	Терпит контроль результата, но не процесса	Не терпит	Не терпит
Самостоятельность	Нет	Частично да	Да	Да	Да
Ориентация в работе	На выполнение нормативов	На успех коллектива, на дружескую атмосферу работы	На увеличении объемов производства	На достижении новых результатов, проекты	На независимость и предпринимательский успех
Отношение к правилам, порядку, договору	Соблюдает договор, ориентирован на иерархию и подчинение, процедуры и правила	Соблюдает договор, ориентирован на отсутствие процедур	Ревностно соблюдает договор, ориентирован на процедуры и правила	Часто нарушает договор, в связи с решением задачи, ориентирован на отсутствие процедур	Часто нарушает договор, в связи с решением задачи, ориентирована отсутствие процедур
Ориентация во взаимодействиях	На задачу	На группу	На задачу	На задачу	На группу и задачу
Какое отношение ожидают от руководства	Недоверие, тотальный контроль	Заботу и поддержку	Честность сделки (присутствует недоверие)	Понимание важности задачи, доверие	Невмешательство и доверие
Эффект. работы в ситуации соперничества	Нет	Нет	Да	Да	Да
Наиболее эффективная форма совместной работы	Индив. (учитывает индив. вклад в общее дело)	Бригадная (командная) или коллективно-последовательная (учитывает коллективный вклад)	Индив. или командная (учитывает только индив. вклад)	Индив. (учитывает индив. вклад)	Индив. или командная (учитывает коллективный вклад)
Соответствие типу отношений	X1	X2	X2, X3	X3, X4	X4

Таблица 5. Эффективность использования типа персонала и управленческих отношений в различных ситуациях функционирования организации

	Сильно	Умерено	Умерено	Сильно	
Простая задача	Люм, Пат, Тип 1	Пат, Инст Тип 2	Проф, Инст, Тип 3–4	Проф, Хоз Тип 3–4	Сложная задача
Традиционная (рутинная) не рискованная (стандартная)	Люм, Пат, Инст Тип 1–2	Пат, Инст Тип 2–3	Пат, Проф, Хоз Тип 3–4	Проф, Хоз Тип 3–4	Новаторская и рискованная (творческая)
Понятность задачи (алгоритмизированность)	Люм, Пат, Инст Тип 1–2	Пат, Инст Тип 2	Проф, Хоз Инст Тип 3–4	Проф, Хоз Тип 3–4	Задача ставится в общем, не ясно что конкретно надо сделать

	Сильно	Умерено	Умерено	Сильно	
Работа в стабильной ситуации (знакомая ситуация) (функциональная среда) (ритмичность)	Люм, Пат, Инст Тип 1–3	Пат, Инст Тип 1–3	Проф, Хоз, Пат Тип 2–4	Проф, Хоз, Пат Тип 2, 4	Работа в нестабильной ситуации.(быстрота реагирования в новой ситуации (конкурентная среда)
Ритмичность работы	Лю, Пат, Ин, Проф Тип 1–3	Лю, Пат, Ин, Проф Тип 1–3	Пат, Проф, Хоз Тип 2–4	Пат, Проф, Хоз Тип 3–4	Неритмичность
Широта работ	Лю, Пат Тип 1–2	Лю, Пат Тип 1–2	Хоз, Проф, Лю Тип 1, 3, 4	Инс, Проф Тип 3	Специализация труда
Краткосрочная ориентация на сотрудничество	Люм Тип 1	Инст Тип 3	Пат, Проф, Хоз Тип 2, 4	Пат, Проф, Хоз Тип 2, 4	Долгосрочная ориентация на сотрудничество
Задача не требует специализации (квалификации)	Люм, Пат Тип 1	Люм, Пат Тип 2	Пат, Инст Тип 3–4	Инст, Проф., Хоз Тип 3–4	Задача требует специализации
Задача не требует ответственности	Люм, Пат Тип 1–2	Люм, Пат Тип 2	Инст, Проф, Хоз Тип 3–4	Проф, Хоз Тип 3–4	Задача требует ответственности

Для определения ситуации в качестве диагностической схемы предлагаем использовать следующую матрицу (табл. 5).

каждого типа персонала рассчитывается ценность по каждому параметру. Все ценности суммируются и выбирается тот тип персонала, который имеет большее значение – это оптимальный тип. Далее логика такова, что этот тип предполагает определенный характер выполнения функций и определенный тип управленческих отношений. Используя таблицу 1 и 2 сравнивается реальный тип управления с оптимальным по каждой характеристике. Среднее линейное отклонение показывает остроту проблемы в управленческих отношениях.

$$T = \frac{\sum_{i=1}^n |P_{\text{идеальное}} - P_{\text{реальное}}|}{n}$$

где, $P_{\text{идеальное}}$ – это номер типа который подходит для n – ого параметра (от 1 до 4x);

$P_{\text{реальное}}$ – это код типа реального по данному параметру руководства (от 1 до 4x), n – количество характеристик;

$$T \in [0;3],$$

где «0» соответствует отсутствие отклонения, а «3» наиболее сильное отклонение.

Любое отклонение приводит к неэффективности целедостижения и потере лояльности со стороны сотрудников (неудовлетворенность, текучесть кадров). Проблема может лежать как в области конфигурации управленческих отношений, так и в неверном подборе кадров под задачи. Управление в данной ситуации может быть двояким – нанять нужный персонала или изменить ситуацию и задачи. Здесь важно определить, от чего руководитель зависит в большей степени, какие параметры не управляемы. От них и нужно отталкиваться.

Апробация диагностики

Базой для апробации стала организация ООО «Творческий информационно-издательский центр» (ТИ-

ИЦ). Организация выпускает специфический информационный продукт в виде газет, телевизионных передач и различной полиграфической продукции и получает прибыль от реализации данного продукта. Заказчиками продукции ТИИЦ являлись окружная и городская власть и частные лица, которые желают, чтобы продукция ТИИЦ содержала рекламную и PR информацию о деятельности их организации или же о них лично. ТИИЦ имеет дивизиональную структуру, где каждое основное подразделение (ТВ, редакция и реклама) является своеобразным центром прибыли. Взаимодействие между отделами носит ресурсно-заказной характер. Управление отделами осуществляет непосредственный начальник без участия высших руководителей. Это дало нам возможность рассматривать эти подразделения отдельно друг от друга (как разные организации). Изначально мы предполагали, что тип управленческих отношений в каждом подразделении будет разным, т.к. отделы находятся в разных ситуациях функционирования. В ходе проведения диагностики ситуации отделов компании были получены следующие результаты (табл. 6).

В отделах редакции и ТВ типы соответствуют тем, которые должны быть, и их показатели эффективности достаточно высоки, в отделе рекламы наблюдается более сильное расхождение реального и оптимального типа, что снижает показатели эффективности данного подразделения. В ходе интервью с сотрудниками было обнаружено, что существует недоверие руководителя к сотрудникам, он контролирует каждую мелочь, четко разделяет функции среди подчиненных, что влечет за собой однообразие в работе. При этом персонал является квалифицированным и относится к профессиональному и патристическому типу.

В заключение отметим, что было получено первое подтверждение правильности построения диагностической схемы, хотелось бы проверить схему на предприятиях разного типа и на коллективах разного размера. Возможно, потребуются введение дополнительных параметров, учитывающих

их специфику, поэтому данная технология не является жесткой, но уже стало очевидным, что она позволяет находить направления стабилизации

ситуации и принимать решения по корректировке ситуации.

Таблица 6. Результаты апробации методики в подразделениях ООО «ТИИЦ»

	Отдел редакции	Отдел ТВ	Отдел рекламы
Наиболее подходящие сотрудники			
Люмпенизированные	1	1	7
Патриоты	5	5	
Инструментальщики	9	9	9
Профессионалы	8	8	8
Хозяйственники	8	8	
Стили руководства			
Реальный стиль руководства	X3	X3	X1–X2
Наиболее подходящий стиль (согласно диагностической схеме)	X2–X3	X2–X3	X2–X3
Отклонение стилей	0,2	0,4	1,2
Показатели эффективности подразделений			
Потенциальная текучесть (рациональность)	Низкая	Низкая	Высокая
Степень удовлетворенности (рациональность)	Средняя	Средняя	Низкая
Управляемость (эффективность)	0,7 (высокая)	0,68 (высокая)	0,5 (низкая)

Литература

- Алифанов С.А. Основные направления анализа лидерства // Вопросы психологии. 1991. № 6. С. 12–14.
- Барнард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации. – М.; Челябинск: Социум: ИРИСЭН, 2009. – 333 с.
- Блэйк Р.Р., Мутон Д.С. Научные методы управления. – Киев: Изд-во «Пресса», 1990. – 326 с.
- Бураканова Г. Стиль руководителя и эффективность управления // «Проблемы теории и практики управления». – М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2003. – С. 34–35
- Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф., Основы менеджмента. – М.: Изд-во «Дело», 1994. – 342 с.
- Минцберг Г. Менеджмент. Природа и структура организаций. Перевод издательства «Альпина ПРО», 2021. – 881 с.
- Герчиков В.И. Трудовая мотивация: содержание, диагностика, управление // Управление человеческими ресурсами: менеджмент и консальтинг / Под ред. В.В. Щербини. – М.: Независимый институт гражданского общества, 2004. – С. 212–230.
- О’Шонесси Дж., Принципы управления фирмой. – М.: Изд-во «ИНФРА-М», 2002. – 225 с.
- Савельев И.А. Полисубъектный подход в социологии управления (по материалам дистанционного контент-анализа сайтов региональных органов власти и управления. // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов [Электронный ресурс]: Сборник докладов VI Всероссийского соци-

- ологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.. / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. – Москва: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020. – С. 1151–1157.
- Шейн Э., Организационная культура и лидерство. – СПб.: Изд-во «Питер», 2002. – 336 с.
- Шеклтон В., Психология лидерства в бизнесе. – СПб.: Изд-во «Питер», 2003. – с. 219.
- Шекшня С.В., Лидерство в современном бизнесе. – М.: Изд-во ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 2003. – 64 с.
- Щербина В.В., Социальная теория организации. Словарь. – М.: Изд-во «ИНФРА-М», 2000. – 264 с.
- Щербина В.В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии: [монография], ФНИСЦ РАН. – Москва: Новый хронограф, 2018. – 416 с.

THE CONFIGURATION OF MANAGEMENT RELATIONS IN THE DEPARTMENTS OF MODERN ORGANIZATIONS

Pochestnev A.A.
Moscow Aviation Institute

The article considers the problem of combining theories related to the establishment of constructive managerial relations in business units of organizations.. The article deals with the problem of a variety of situations in the functioning of the company and the inadequate building of managerial relations with the staff. Determining an adequate configuration of managerial relations involves studying the specifics of the functioning of a business organization, which consists in a peculiar combination of the type of tasks, the way to achieve goals, the type of external organizational environment, the type of personnel. A diagnostic scheme was built to determine the deviation of the real type of relationship from the optimal one (more suitable for a business organization) and its verification. The study showed the influence of managerial relations on ensuring the rationality (internal efficiency) of the social system of a business organization.

Keywords: situational approach, management, diagnostic social technologies, managerial relations, management optimization, type of personnel.

References

1. Alifanov S.A. Main directions of leadership analysis // Questions of psychology. 1991. No. 6. pp. 12–14.
2. Barnard Ch. Functions of a leader: power, incentives and values in the organization. – M.; Chelyabinsk: Society: IRISEN, 2009. – 333 p.
3. Blake R.R., Mouton D.S. Scientific methods of management. – Kyiv: Press Publishing House, 1990. – 326 p.
4. Burakanova G. Manager's style and management effectiveness // "Problems of management theory and practice". – M.: Publishing house "Delo and Service", 2003. – P. 34–35
5. Meskon M., Albert M., Khedouri F., Fundamentals of Management. – M.: Publishing house "Delo", 1994. – 342 p.
6. Mintzberg G. Management. The nature and structure of organizations. Translation by Alpina PRO publishing house, 2021. – 881 p.
7. Gerchikov V.I. Work motivation: content, diagnostics, management // Human resource management: management and consulting / Ed. V.V. Shcherbina. – M.: Independent Institute of Civil Society, 2004. – P. 212–230.
8. O'Shaughnessy J., Principles of Firm Management. – M.: Publishing house "INFRA-M", 2002. – 225 p.
9. Savelyev I.A. Polysubjective approach in the sociology of management (based on materials from remote content analysis of the websites of regional authorities and management) // Sociology and society: traditions and innovations in the social development of regions [Electronic resource]: Collection of reports of the VI All-Russian Sociological Congress (Tyumen, October 14–16 2020) / Rep. ed. V.A. Mansurov; ed. E. Yu. Ivanova. – Moscow: ROS; FNISC RAS, 2020. – pp. 1151–1157.
10. Shane E., Organizational culture and leadership. – St. Petersburg: Publishing house "Peter", 2002. – 336 p.
11. Shackleton V., Psychology of leadership in business. – St. Petersburg: Publishing house "Peter", 2003. – p. 219.
12. Shekshnya S.V., Leadership in modern business. – M.: Publishing house of JSC "Business school "Intel-Sintez", 2003. – 64 p.
13. Shcherbina V.V., Social theory of organization. Dictionary. – M.: Publishing house "INFRA-M", 2000. – 264 p.
14. Shcherbina V.V. Rationalizing diagnostic management social technologies: [monograph], FNISC RAS. – Moscow: New Chronograph, 2018. – 416 p.

Корпоративная культура как механизм социального управления в китайских предприятиях

Чжао Юньхуэй,

аспирант, кафедра социальных технологий, МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: 462010@qq.com

Гавриленко Ольга Владимировна,

к.с.н., доцент, зав. кафедрой социальных технологий, МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: gavrilenko2014@yandex.ru

В статье особое внимание уделяется изучению корпоративной культуры с позиций социологии управления как механизма управленческого взаимодействия в социальном пространстве китайских компаний. Используя методы качественного и количественного исследования, в статье определяется понятие корпоративной культуры, выявляются ее особенности как механизма социального управления применительно к специфике социальной среды китайской компании, а также раскрываются результаты эмпирического исследования по теме исследования. В результате исследования сделан вывод, что корпоративная культура играет важную роль в развитии социальной модели управления предприятиями в Китае. В ней воплощаются ценности и традиции страны, такие как гуманность, справедливость, стремление к согласию и единству, что позволяет многим предприятиям формировать особую социальную среду, благоприятную для трудовых и производственных процессов и обеспечивающую стабильность и рост эффективности деятельности. Учитывая результаты проведенного исследования, в статье предлагаются дальнейшие направления изучения социального управления, включающие анализ других механизмов социального управления и создание теоретико-методологической базы для исследования социального управления на предприятии.

Ключевые слова: социальное управление; корпоративная культура; механизм социального управления; социальное предприятие; «китайская превосходная культура».

В современной социологии управление как процесс и система вызывает все больший интерес у исследователей. Это связано как с переходом к антропоцентричной парадигме в управлении, так и с необходимостью поиска новых высокоэффективных механизмов управления предприятием. В настоящее время помимо предприятий, которые преследуют цель получения прибыли («прибыльные предприятия»), распространение получает концепт «социальное предприятие». Его целью не является получение прибыли, а, как следует из названия, «социальная ценность», «социальная миссия» [5]. Это в свою очередь привело к актуализации концепции социального управления предприятием.

Корпоративная культура – достаточно распространенное явление, существующие как в крупных корпорациях, так и в малых предприятиях. Несмотря на то, что многие компании имеют свою корпоративную культуру, как механизм социального управления она изучена недостаточно. Это определило актуальность темы статьи.

Цель статьи – изучить корпоративную культуру китайских предприятий как механизм социального управления в них. Для достижения цели исследования, решаются задачи (1) определить понятие корпоративной культуры с точки зрения социологии управления, (2) выявить особенности корпоративной культуры как механизма социального управления в китайских предприятиях, (3) проанализировать результаты эмпирического исследования и обосновать специфику корпоративной культуры в китайских предприятиях как механизма социального управления.

Объектом исследования выступает механизм социального управления. Предмет исследования – корпоративная культура как механизм социального управления в китайских предприятиях.

Механизм управления – это модель, состоящая из операционных элементов предприятия, которые взаимодействуют между собой. Социальный механизм управления есть отношения, функции, процессы и взаимодействия социальными предприятиями в рамках ограничений организационных частей или элементов [1, с. 56].

В работе крупного механизма социального управления могут быть использованы разные более малые механизмы, например, координированный механизм симбиоза и взаимной пользы, механизм непрерывности поведения, механизм стратегии дифференциальной компенсации, механизм социальной эмоциональной передачи. Координированный механизм симбиоза и взаимной пользы

основан на создании последовательной среды для переговоров и является одной из основных стратегий организации организации, чтобы изменить окружающую среду для достижения собственного влияния. Операционный механизм непрерывности применяется руководителями предприятий для достижения целей согласованности, а также баланса между финансовыми и социальными интересами. Механизм стратегии дифференциальной компенсации сводится к реализации принципа справедливости и взаимности социального обмена за счет таких экономических инструментов как государственные закупки социальных услуг, субсидии, корпоративные и социальные пожертвования, а также корпоративная прибыль для общественного обеспечения. И, наконец, механизм социальной эмоциональной передачи служит для решения проблем, возникающих в социальной среде предприятия и в целом поддержания ее благоприятного состояния. Социальные эмоциональные механизмы трансформируют ценности, которых предприятия придерживаются в корпоративной культуре. Это все определяет роль корпоративной культуры как механизма социального управления предприятием.

Лю Хайхун отмечает, что корпоративная культура – это «душа предприятия», которая не только представляет основные ценности и коды бизнеса, но и является важной частью основной конкурентоспособности [4]. Корпоративная культура формируется предприятием постепенно, как результат ценностей и установок, лежащих в корпоративном социальном обществе [3, с. 13]. По мнению Тянь Мэнцзюнь, корпоративная культура включает в себя четыре уровня: духовный, системный, поведенческий и материальный [7, с. 126]. В рамках настоящего исследования мы подробно рассматриваем духовный уровень корпоративной культуры, представленный ценностями и убеждениями.

На предприятии корпоративная культура в основном выполняет регулирующую, ограничительную, стимулирующую, координационную функции, а также способствует сплочению коллектива в единую систему, где каждый сотрудник подобен «винтику» в одном большом организме социальной организации–предприятия [7, с. 126]. Исходя из ценностей корпоративной культуры, сотрудники предприятий укрепляют чувство доверия и принадлежности, объединяют личную судьбу с организационной и обеспечивают сильную мотивацию для развития организации. В свою очередь, сплоченность коллектива и развитие свойственных китайскому обществу близких «родственных» связей между сотрудниками позволяет повысить эффективность корпоративного принятия [9]. Корпоративная культура не только формирует психологические рамки сотрудников, предоставив им поведенческие руководящие принципы, но и способствует внутренней сплоченности предприятия и адаптивности к внешней среде [6]. Важность корпоративной культуры для предприятия также связана с тем, что она стала основным фактором,

влияющим на длительный успех и устойчивость организации [6, с. 90].

Любая корпоративная культура тесно связана с традиционной. В 2017 г. Генеральная канцелярия Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Генеральная канцелярия Государственного совета выпустили «Мнения о реализации проекта развития превосходной традиционной культуры наследия» (документ № 5 от 2017 г.), в которых впервые были официально закреплены идеи китайской культуры, которые необходимо продвигать во всех аспектах жизни общества, в том числе в социальном управлении предприятиями [2]. В основе этой концепции лежат три основные идеи, среди которых:

- «цзян жэньай, чжун минь бэнь», что дословно переводится как повествовать любовь к людям, уважать благосостояние народа;
- «шоу чэнсинь, чун чжэньи», что имеет смысл охранять добросовестность и возвышать справедливость;
- «шан хэзэ, цю датун», в значении высоко ценить согласие, стремиться к полной гармонии (прим. перевод автора – Ч.Ю.).

Основные идеи китайской традиционной культуры находят отражение в разных аспектах управления. Так, рассматривая их влияние на управление бюджетом, Цзин Хунцзюнь и китайские коллеги отмечают, что первая идея о любви к людям отражается в ориентированности управления на людей, на решение социальных проблем [8, с. 19]. Это находит проявление в том, что решения, принимаемые руководством, обязательно должны способствовать обеспечению потребностей и ожиданий общества. При интеграции этой идеи в управление повышается имидж руководства компании, а также растет эффективность работы за счет создания фундамента для благополучия трудового коллектива.

Гуманизированное управление означает, что предприятия с уважением относятся к развитию каждого сотрудника, стремятся раскрыть их потенциал и оказывают психологические воздействия на них, чтобы те в свою очередь имели степень признания и доверия предприятию и придерживались определенных психологических и поведенческих моделей в процессе трудовой деятельности. В качестве примера внедрения этой ценности в корпоративную культуру выступает механизм социального управления «Haidilao». Для своих сотрудников предприятие формирует такую среду, в которой они чувствуют себя как дома, что в целом формирует доверительную атмосферу поддержки, благоприятно воздействующую на социальные взаимодействия во внутренней среде предприятия [10, с. 140].

Что касается идеи о добросовестности и справедливости, ее внедрение в управление предприятием ведет к повышению эффективности использования ресурсов. В свою очередь идея согласия и гармонии отражается в том, что в управлении учитывается сущность предприятия как едино-

го организма, в котором каждый из сотрудников отдела и каждый отдел являются частью одной большой системы и в определенной степени их действия оказывают влияние на результат работы всего предприятия.

Обращаясь к наиболее успешным примерам развития корпоративной культуры в социальном управлении предприятий Китая, в первую очередь отметим кейс компании «Huawei». Как отметил ее основатель Жэнь Чжэнфэй, «высокотехнологичное предприятие не может не иметь культуры, только культура может поддержать его устойчивый рост» [6]. Эта цитата-лозунг содержится в письме-обращении главы компании к новым сотрудникам, что с первых дней определяет важную роль корпоративной культуры в предприятии как механизма управления. Корпоративная культура проходит красной нитью через все социальные процессы корпорации, в особенности через обучение сотрудников [6]. Корпоративная культура компании «Huawei» основана на традиционных ценностях китайской культуры, что позволило ей стать эффективным механизмом социального управления и способствовать повышению устойчивости деятельности компании.

Действие механизма корпоративной культуры в социальном управлении предприятием на практике может быть осуществлено за счет профсоюзов. На примере компании «Hebei Hongyuan Hotel Co., Ltd. Liu Haihong», Лю Хайхун показывает, что профсоюз как представитель интересов сотрудников и мост между предприятиями и сотрудниками играет жизненно важную роль в строительстве корпоративной культуры. Профсоюз также может выступать гарантом создания материального слоя корпоративной культуры, связанного с позитивной рабочей атмосферой, необходимыми средствами и ресурсами для работников [4]. Профсоюзы, как можно видеть, выступают проводником для эффективной реализации корпоративной культуры как механизма социального управления. В особенности они распространены на государственных предприятиях в Китае, таких как «FAW», «Petrochina» и других.

В рамках проводимого нами эмпирического исследования, посвященного механизмам социального управления китайскими предприятиями, было задано несколько вопросов, направленных на выявление значимости корпоративной культуры как механизма управления. Опрос проводился в период с января по апрель 2024 г. Выборка респондентов составила $n = 600$, в нее вошли респонденты – сотрудники крупных китайских компаний, таких как «Dongfeng», «Suning», «China Huaneng», «Midea». Им было предложено ответить на вопрос о важности традиционных ценностей и обычаев в корпоративной среде компании, а также о главной цели социального управления, которая воплощается в корпоративной культуре. В результате было обнаружено, что в компаниях более чем 82% респондентов важны традиционные ценности и обычаи, которые, как правило,

адаптированы в корпоративной культуре. Также выявлено, что в 68% участников опроса главной целью управления на предприятии выступает достижение социальной гармонии. С одной стороны, это свидетельствует о том, что феномен социального предприятия, для которого целью является не только достижение прибыли, все более распространен в реальном секторе китайской экономики. В то же время, это выступает свидетельством распространения ценностей традиционной культуры Китая в корпоративной среде предприятий.

Подводя итог, можно сделать вывод, что корпоративная культура играет важную роль механизма социального управления в китайских предприятиях. В ней интегрируются ценности традиционной культуры Китая, что позволяет создать уникальную модель управления, наиболее подходящую для социальной среды китайской компании. В связи с ростом тенденции к внедрению элементов превосходной китайской культуры в корпоративное пространство следует ожидать еще больший спрос на социальное управление в китайских компаниях. Это определяет необходимость дальнейших исследований механизмов социального управления и формирования теоретико-методологической базы изучения данного феномена.

Литература

1. Ван Аньянь. Стратегии и механизмы управления социальными предприятиями в рамках симбиотической и общей экологической системы поддержки / Ши Лижун, Ван Аньянь // Социальная наука Шаньдуна. – 2019. – № 6. – С. 56–60.
2. Главное управление ЦК Коммунистической партии Китая и Главное управление Государственного совета опубликовали «Заключения по реализации проекта по наследию и развитию превосходной традиционной китайской культуры». – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2017-01/25/content_5163472.htm?eqid=f13418930003f5ab000000066464a615 (дата обращения: 16.06.2024).
3. Дун Лили. Краткий анализ пути построения корпоративной культуры в новую эпоху с точки зрения социологии // Современная экономическая информация. – 2012. – № 10. – С. 13–40.
4. Лю Хайхун. «Четыре шага» профсоюзной работы в построении корпоративной культуры // Научный вестник. – 2024. – № В03. – С. 3–4.
5. Лю Шидин. Социальные предприятия и коммерческие предприятия: теоретические размышления экономической социологии // Исследование третьего сектора Китая. – 2017. – № 13 (1). – С. 181–182.
6. Лю Ян. Стратегические исследования по интеграции корпоративной культуры в обучение сотрудников / Ши Линь, Лю Ян, Чжоу Лэй // Модернизация торговых центров. – 2024. – № 11. – С. 90–92.

7. Тянь Мэнцзюнь. Исследование механизма синергии управления человеческими ресурсами и построения корпоративной культуры // Реформа предприятия и управление. – 2024. – № 10. – С. 126–128.
8. Цзин Хунцзюнь. Исследование оптимизации управления эффективностью бюджета с точки зрения основных идей превосходной традиционной китайской культуры / Цзин Хунцзюнь, Чжао Юмань, Чжан Чэньси // Финансовая наука. – 2024. – № 2. – С. 17–30.
9. Чэнь Юйпэн. Исследование моделей управления предприятием и путей развития модернизации управления предприятием // Китайский рынок. – 2024. – № 17. – С. 94–97.
10. Чэнь Яньпин. Анализ тенденций развития культуры корпоративного управления в Китае за последние 20 лет // Человеческие ресурсы и социальное обеспечение. – 2022. – № 15. – С. 140–142.

CORPORATE CULTURE AS A MECHANISM OF SOCIAL MANAGEMENT IN CHINESE ENTERPRISES

Zhao Yunhui, Gavrilenko O.V.

Lomonosov Moscow State University

The article pays special attention to the study of corporate culture from the perspective of the sociology of management as a mechanism of managerial interaction in the social space of Chinese companies. Using qualitative and quantitative research methods, the article defines the concept of corporate culture, identifies its features as a mechanism of social management in relation to the specific social environment of a Chinese company, and also reveals the results of empirical research on the research topic. The study concluded that corporate culture plays an important role in the development of a social model of enterprise management in China. It embodies the values and traditions of the country, such as humanity, justice, the desire for harmony and unity, which allows many enterprises to create a special social environment that is favorable for labor and production processes and ensures stability and increased efficiency. Taking into account the results of the study, the article proposes

further directions for the study of social management, including the analysis of other mechanisms of social management and the creation of a theoretical and methodological basis for the study of social management in an enterprise.

Keywords: social management, corporate culture, social management mechanism, social enterprise, Chinese superior culture.

References

1. Wang Anyan. Strategies and mechanisms for managing social enterprises within the framework of a symbiotic and general ecological support system / Shi Lirong, Wang Anyan // Social Sciences of Shandong. – 2019. – No. 6. – P. 56–60.
2. The General Office of the Central Committee of the Communist Party of China and the General Office of the State Council have published the “Conclusions on the Implementation of the Project for the Heritage and Development of Excellent Traditional Chinese Culture.” – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2017-01/25/content_5163472.htm?eqid=f13418930003f5ab000000066464a615 (access date: 06/16/2024).
3. Dong Lily. A brief analysis of the way to build corporate culture in a new era from the point of view of sociology // Modern economic information. – 2012. – No. 10. – P. 13–40.
4. Liu Haihong. “Four steps” of trade union work in building a corporate culture // Scientific Bulletin. – 2024. – No. B03. – P. 3–4.
5. Liu Shiding. Social enterprises and commercial enterprises: theoretical reflections of economic sociology // Research of the third sector of China. – 2017. – No. 13 (1). – pp. 181–182.
6. Liu Yang. Strategic research on the integration of corporate culture into employee training / Shi Lin, Liu Yang, Zhou Lei // Modernization of shopping centers. – 2024. – No. 11. – P. 90–92.
7. Tian Mengjun. Study of the mechanism of synergy in human resource management and building a corporate culture // Enterprise Reform and Management. – 2024. – No. 10. – P. 126–128.
8. Jing Hongjun. Study on optimization of budget performance management from the point of view of the basic ideas of excellent traditional Chinese culture / Jing Hongjun, Zhao Yuman, Zhang Chenxi // Financial Science. – 2024. – No. 2. – P. 17–30.
9. Chen Yupeng. Study of models of enterprise management and ways of developing modernization of enterprise management // Chinese market. – 2024. – No. 17. – P. 94–97.
10. Chen Yanping. Analysis of trends in the development of corporate governance culture in China over the past 20 years // Human resources and social security. – 2022. – No. 15. – P. 140–142.

Научные подходы в исследовании социальных технологий управления ресоциализацией офицеров ВС РФ, уволенных в запас

Щипаков Владимир Эрикович,

старший преподаватель кафедры психологии ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: v.schipakov@mail.ru

В статье рассматриваются основные научные подходы, используемые для изучения социальных технологий управления ресоциализацией. В ходе исследования были выявлены и систематизированы основные научные подходы, а также разработана комплексная модель управления ресоциализацией, включающая в себя диагностический этап, этап проектирования, реализации и мониторинга и оценки эффективности реализации программ ресоциализации. Были выявлены недостаточно изученные аспекты проблемы ресоциализации, включая вопросы профессиональной адаптации, трудоустройства, социально-психологической и социальной адаптации офицеров, уволенных в запас. Предложены механизмы реализации социальных технологий управления ресоциализацией, включая создание межведомственной координационной группы, разработку индивидуальных планов ресоциализации, проведение обучающих программ и семинаров, предоставление социально-правовой поддержки, а также мониторинг и оценку эффективности реализации программ ресоциализации. В статье также обсуждается значимость применения научных подходов в исследовании социальных технологий управления ресоциализацией и перспективы дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: ресоциализация; офицеры ВС РФ; уволенные в запас; социальные технологии управления; профессиональная адаптация; психологическая поддержка; социальная адаптация.

Актуальность проблемы

Вопрос ресоциализации высвобождаемых из вооруженных сил офицеров становится все более насущным в современных реалиях. Этому способствует ряд ключевых факторов, которые следует детально рассмотреть.

Проблема тесно связана с социальной адаптацией бывших военных к гражданской жизни. Им неизбежно приходится приспосабливаться к новым условиям, что часто сопряжено с определенными трудностями. Им необходимо освоить новые социальные роли, найти подходящее место работы и восстановить или укрепить существующие социальные связи.

Немалое внимание также следует уделить психологическому аспекту ресоциализации. Уход из армейской среды может вызвать значительный стресс у офицеров, поэтому здесь необходима соответствующая поддержка. Научные подходы в этой области могут стать ключом к успешному преодолению офицерами переходного периода.

Кроме того, ресоциализация бывших военнослужащих имеет большое общественное значение. Этот процесс способствует социальной стабильности и справедливости, помогая им успешно интегрироваться в гражданское общество.

Представленная работа призвана всесторонне изучить научные подходы к исследованию социальных технологий, направленных на ресоциализацию офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации, уволенных в запас. Для достижения этой цели планируется решить ряд задач.

Прежде всего, предполагается глубоко изучить теоретические основы процесса ресоциализации данной категории военнослужащих. Это подразумевает анализ существующих научных концепций и методологий, которые могут быть применены для более эффективного управления этим процессом.

Следующим шагом станет исследование практических аспектов ресоциализации офицеров ВС РФ, уволенных в запас. Целью данного анализа является выявление результативных социальных технологий управления, которые могут быть использованы для улучшения процесса ресоциализации.

Основываясь на проведенном анализе, планируется разработать рекомендации по совершенствованию социальных технологий управления ресоциализацией рассматриваемой категории военнослужащих. Эти рекомендации должны стать основой для создания эффективных стратегий и ме-

тодов, нацеленных на успешную ресоциализацию данных категорий граждан.

Краткий обзор литературы

Несмотря на важность вопроса ресоциализации офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации, уволенных в запас, анализ публикаций выявил недостаток работ по данной теме, особенно написанных в последние годы. Тем не менее, ряд работ, связанных с этим вопросом, сохраняет актуальность, особенно в контексте исследования научных подходов.

Статья З. Деникиной и К. Дроконовой посвящена изучению особенностей социально-психологического состояния военнослужащих в процессе увольнения в запас [1]. На основе эмпирических данных сформулированы рекомендации по поддержке социально-психологического состояния военнослужащих, уволенных в запас, адресованные органам власти и самим военнослужащим. Авторы делают вывод, что процесс увольнения в запас оказывает значительное влияние на социально-психологическое состояние военнослужащих, вызывая как негативные эмоции, так и желание заняться новой деятельностью.

В. Щипаков изучает проблему профессиональной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, как важного компонента их ресоциализации [6]. Автор описывает ключевые особенности процесса ресоциализации данной категории граждан, отмечая кардинальность этих изменений, влияние факторов, связанных со спецификой военной службы и возрастом увольняемых. На основе эмпирического исследования авторами выявлены актуальные проблемы в сфере профессиональной адаптации увольняемых военнослужащих. Сделан вывод о недостаточной эффективности существующей системы поддержки и необходимости ее совершенствования для оказания реальной помощи данной категории граждан в вопросах трудоустройства и профессиональной реализации.

В статье О. Чалых рассматривается актуальная проблема социального самочувствия военных пенсионеров в современной России [5]. В работе проведен анализ психологического состояния, уровня уверенности в завтрашнем дне, институционального доверия и факторов жизненного успеха данной категории населения. Автор выявил, что наиболее существенными проблемами являются социальная невостребованность, снижение уровня жизни, нехватка гарантий и льгот, социальная незащищенность и трудности в медицинском обслуживании.

Статья П. Разова посвящена изучению стратегий самоуправления рисками социальной адаптации военнослужащих запаса в контексте модификации их адаптивной культуры [2]. В статье обосновывается необходимость активизации индивидуальных усилий уволенных в запас военнослужащих в процессе их социальной адаптации.

Статья А. Смирнова анализирует динамику и особенности социального самочувствия военных пенсионеров в России на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) [3]. Несмотря на материальную и статусную дифференциацию, сохраняется общность ценностных ориентаций среди военных пенсионеров, большинство из которых отдает предпочтение стабильному материальному достатку и равенству, обеспечиваемым государством, над ценностями индивидуализма и рыночной экономики.

В статье С. Соловьева проводится комплексный сравнительный анализ динамики основных показателей социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы, и населения России в целом за период 2010–2017 гг. [4]. Автор отмечает нарастающее социальное расслоение среди военнослужащих запаса, которое проявляется не только в различиях их трудовой занятости после увольнения, но и в региональном разрезе. Данная тенденция обусловлена усилением дифференциации уровня оплаты труда в отдельных секторах экономики и регионах страны.

Результаты и их обсуждение

В ходе проведенного исследования были выявлены и систематизированы различные научные подходы к изучению социальных технологий управления ресоциализацией офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации, уволенных в запас (табл. 1).

Социологический подход к изучению процесса возвращения офицеров, уволенных в запас, в общество основан на нескольких ключевых аспектах. Данный подход предполагает исследование социального статуса и роли данной категории граждан в социуме. Он включает анализ социальных институтов и структур, оказывающих влияние на ход ресоциализации. Социологический подход предусматривает изучение общественного мнения и социальных норм, связанных с ветеранами. Комплексное рассмотрение этих составляющих позволяет глубоко понять, как социальные факторы сказываются на процессе возвращения офицеров, уволенных в запас, к гражданской жизни.

Психологическая перспектива при изучении процесса реинтеграции в гражданское общество офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации, уволенных в запас, сосредоточена на анализе психологических аспектов адаптации к мирной жизни. Проводится исследование изменений в самооценке, мотивации и эмоциональном состоянии этих военнослужащих. Данный подход предусматривает оказание психологической помощи и консультирования офицерам, чтобы облегчить для них переход из военной среды в гражданскую. Он включает в себя разработку методик преодоления стрессовых ситуаций и психологических травм, таких как посттравматическое стрессовое расстройство и депрессия, которые могут возникать в процессе этой трансформации. Комплексное приме-

нение этих принципов позволяет глубоко понять, как психологические факторы влияют на процесс

ресоциализации уволенных офицеров, и разработать эффективные стратегии для его улучшения.

Таблица 1. Систематизация научных подходов в исследовании социальных технологий управления ресоциализацией офицеров ВС РФ, уволенных в запас

№	Подходы	Основные направления
1	Социологический	исследование социального статуса и роли офицеров в запасе; анализ социальных институтов и структур, влияющих на процесс ресоциализации; изучение общественного мнения и социальных норм, связанных с ветеранами
2	Психологический	изучение психологических аспектов адаптации к гражданской жизни; психологическая поддержка и консультирование; разработка методов для преодоления стрессов и травм, связанных с переходом из военной службы в гражданскую жизнь
3	Экономический	анализ рынка труда и профессиональных возможностей для уволенных офицеров; исследование экономических стимулов и программ поддержки, направленных на трудоустройство; оценка эффективности экономических мер по интеграции в гражданскую экономику
4	Юридический	изучение законодательной базы, регулирующей права и обязанности уволенных офицеров; анализ правовых аспектов трудоустройства и социальной защиты; разработка рекомендаций по улучшению законодательных мер, поддерживающих ресоциализацию
5	Культурологический	изучение культурных и исторических аспектов восприятия ветеранов в обществе; анализ культурных практик и традиций, связанных с поддержкой уволенных офицеров; поддержка культурных инициатив и программ, направленных на интеграцию в гражданское общество
6	Медико-социальный	оценка состояния здоровья и медицинских потребностей уволенных офицеров; разработка программ медицинской реабилитации и социальной поддержки; взаимодействие с медицинскими учреждениями и социальными службами для комплексной помощи

Изучение социальных технологий управления процессом ресоциализации офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации с экономической точки зрения подразумевает всестороннее рассмотрение ситуации на рынке труда и профессиональных возможностей для военнослужащих, уволенных в запас. Экономический анализ предусматривает изучение существующих стимулов и программ поддержки, направленных на трудоустройство офицеров, чтобы оценить, насколько эффективны эти меры в содействии интеграции военных в мирную экономику. Это дает возможность усовершенствовать существующие стратегии и разработать более действенные механизмы для улучшения процесса ресоциализации.

В изучении социальных технологий управления ресоциализацией уволенных офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации юридический подход предполагает всесторонний анализ законодательной базы, регламентирующей права и обязанности данной категории граждан. Это позволяет выявить, какие нормативно-правовые акты оказывают влияние на процесс их реинтеграции в гражданское общество. Кроме того, юридический подход предусматривает изучение правовых аспектов трудоустройства и социальной защиты уволенных офицеров, что дает возможность понять, каким образом законодательство может способствовать их успешному трудоустройству, интеграции в гражданскую экономику, а также обеспечению необходимых социальных гарантий.

Изучение социальных технологий, направленных на ресоциализацию уволенных офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации, может быть значительно обогащено культурологическим подходом. Данная перспектива предполагает глу-

бокий анализ культурных и исторических аспектов восприятия ветеранов в обществе, что позволяет понять, как культурные нормы и ценности формируют отношение к ним и их роль в социуме.

Культурологический подход также предусматривает тщательное изучение культурных практик и традиций, связанных с поддержкой офицеров после увольнения. Это помогает выявить, каким образом культурные факторы способны облегчить процесс интеграции военнослужащих в гражданскую жизнь и преодоление трудностей, возникающих при переходе от службы к мирному существованию. Кроме того, такой подход подразумевает поддержку соответствующих культурных инициатив и программ, нацеленных на облегчение социальной адаптации офицеров, повышая эффективность данных мероприятий и открывая для бывших военнослужащих новые возможности для самореализации и участия в общественной жизни, тем самым способствуя их успешной ресоциализации.

На основании выделенных подходов была разработана модель социальных технологий управления ресоциализацией офицеров ВС РФ, уволенных в запас. Модель в различной степени задействует все вышеприведенные подходы. Она разделена на конкретные этапы, из которых этапы с третьего по пятый можно выполнять в наиболее подходящей для конкретного офицера очередности, в том числе одновременно, по возможности совмещая их (табл. 2).

Первым этапом модели является определение индивидуальных потребностей и доступных ресурсов для уволенных в запас офицеров. Этот процесс должен начинаться с всесторонней оценки текущего состояния и нужд офицеров, уволенных

в запас. Для этого будут использованы различные методы, включая анкетирование, интервью, психологическую диагностику и социологические опросы. Данный этап позволит получить полное понимание ключевых проблем и потребностей этой

группы, что в свою очередь поможет разработать наиболее эффективные мероприятия и программы для их ресоциализации. При проведении опросов и диагностики будет обеспечена конфиденциальность и добровольность участия.

Таблица 2. Модель социальных технологий управления ресоциализацией офицеров ВС РФ, уволенных в запас

Цель	Методы	Ожидаемые результаты
Этап 1. Диагностика и анализ потребностей		
оценка индивидуальных потребностей и ресурсов офицеров, уволенных в запас	анкетирование и интервью; психологическая диагностика; социологические опросы	получение полной картины текущего состояния и потребностей уволенных офицеров; идентификация ключевых проблем и потребностей для последующей работы
Этап 2. Разработка индивидуальных планов ресоциализации		
составление персонализированных планов адаптации и интеграции	консультирование с психологами и социальными работниками; составление плана профессионального развития; разработка медицинских и психологических программ поддержки	индивидуальные планы ресоциализации, учитывающие личные потребности и возможности
Этап 3. Профессиональная ориентация и обучение		
обучение новым профессиональным навыкам и повышение квалификации	профессиональные тренинги и курсы; семинары и мастер-классы; взаимодействие с центрами занятости и образовательными учреждениями	повышение конкурентоспособности на рынке труда; получение новых профессиональных навыков и квалификаций
Этап 4. Психологическая и социальная поддержка		
предоставление психологической помощи и создание системы социальной поддержки	индивидуальные и групповые консультации с психологами; организация групп поддержки и обмена опытом; социальные мероприятия и активности	снижение уровня стресса и тревожности; укрепление социальной сети и взаимопомощи среди уволенных офицеров
Этап 5. Медицинская реабилитация		
обеспечение медицинской помощи и реабилитации	комплексное медицинское обследование; реабилитационные программы и терапия; долгосрочное медицинское наблюдение и поддержка	улучшение общего состояния здоровья; восстановление и поддержание физической формы
Этап 6. Мониторинг и оценка эффективности		
оценка результатов и корректировка программ ресоциализации	регулярное анкетирование и интервью; анализ данных и отчетность; обратная связь от участников программ	оценка успешности ресоциализации; внесение корректив в программы на основе полученных данных

На втором этапе модели основная цель заключается в составлении индивидуальных программ адаптации и интеграции для уволенных в запас офицеров. За основу берутся результаты проведенной ранее диагностики и анализа их потребностей. Данный подход предполагает проведение личных консультаций профильных специалистов с уволенными офицерами, в ходе которых выявляются их индивидуальные потребности и возможности, а также оказывается необходимая психологическая поддержка в процессе ресоциализации.

Ожидаемые результаты данного этапа – разработка индивидуальных планов ресоциализации, учитывающих личные потребности и возможности уволенных офицеров, а также обеспечивающих их успешную адаптацию и интеграцию в гражданское общество. На этом этапе крайне важно обеспечить активное участие самих офицеров в процессе разработки их персональных программ, чтобы они чувствовали уверенность и мотивацию в ходе ресоциализации.

На третьем этапе основная цель – обеспечить офицеров, уволенных в запас, возможностями для получения новых профессиональных навыков

и повышения квалификации. Предусматривается организация учебных программ, тематических семинаров и мастер-классов, направленных на освоение военными новых профессиональных компетенций и развитие имеющихся навыков. Этот метод призван обеспечить площадку для обмена опытом, знаниями и навыками среди различных профессиональных групп. Взаимодействие с центрами занятости и образовательными учреждениями позволит военным получать актуальную информацию о наличии вакансий, а также возможностях профессионального обучения и переквалификации.

Четвертый этап направлен на оказание психологической помощи и создание эффективной системы социальной поддержки для офицеров, уволенных в запас. Он предусматривает проведение личных и групповых консультаций с квалифицированными психологами. Их задача – помочь офицерам в преодолении стресса, тревожности и других психологических проблем, с которыми они сталкиваются. Организация групп взаимопомощи и обмена опытом дает возможность офицерам, уволенным в запас, оказывать друг другу поддержку

и делиться способами адаптации к гражданской жизни. Социальные мероприятия и активности досугового и развлекательного плана должны укреплять социальные связи и налаживать взаимовыручку среди участников.

На пятом этапе в рамках реализации программы медицинской реабилитации для офицеров, уволенных в запас, предусматривается комплекс мероприятий, направленных на восстановление их здоровья и физического состояния. Одним из ключевых направлений является проведение всестороннего медицинского обследования, которое позволит выявить и диагностировать различные заболевания и травмы, требующие дальнейшего лечения и реабилитации. Это важный шаг для формирования индивидуальных реабилитационных программ.

Следующим важным элементом является разработка и реализация персонализированных реабилитационных программ с использованием методов физиотерапии. Данные мероприятия направлены на восстановление и поддержание физической формы бывших офицеров, что позволит им в дальнейшем вести активную и здоровую жизнь. Кроме того, программа предусматривает обеспечение долгосрочного медицинского наблюдения и поддержки. Это позволит своевременно выяв-

лять и предотвращать возможные осложнения или рецидивы заболеваний, тем самым способствуя сохранению и укреплению здоровья участников программы.

Основная цель шестого этапа заключается в оценке результатов проводимых мероприятий по ресоциализации офицеров, уволенных в запас, а также в корректировке данных программ с учетом полученных данных. Для этого планируется регулярное проведение анкетирований и интервью с бывшими военными офицерами с целью оценки их прогресса и эффективности процесса их ресоциализации. Нужно вести сбор и аналитическую обработку данных о результатах ресоциализационных мероприятий, а также подготовку отчетов, отражающих как достижения, так и возникающие трудности в ходе реализации программ. Важным элементом данного этапа является получение обратной связи от офицеров, прошедших ресоциализацию, относительно качества и эффективности реализуемых программ, а также их рекомендаций по совершенствованию данных инициатив.

Для внедрения модели разработаны механизмы реализации социальных технологий управления ресоциализацией офицеров ВС РФ, уволенных в запас (табл. 3).

Таблица 3. Механизмы реализации социальных технологий управления ресоциализацией офицеров ВС РФ, уволенных в запас

Описание	Ответственные структуры
1. Механизм диагностики и анализа потребностей	
проведение комплексной оценки состояния, потребностей и ресурсов офицеров, уволенных в запас, с целью разработки персонализированных планов ресоциализации	Министерство обороны РФ; ветеранские организации; научно-исследовательские институты и социологические центры; медицинские учреждения (для оценки состояния здоровья)
2. Механизм разработки индивидуальных планов ресоциализации	
Создание и корректировка персонализированных планов адаптации и интеграции на основе результатов диагностики	Министерство труда и социальной защиты РФ; психологические и социальные службы; ветеранские организации; образовательные учреждения и центры профессиональной подготовки
3. Механизм профессиональной ориентации и обучения	
Организация обучения и профессиональной подготовки офицеров для повышения их конкурентоспособности на рынке труда	Министерство труда и социальной защиты РФ; центры занятости и профессиональной ориентации; образовательные учреждения (колледжи, университеты); профессиональные тренинговые компании
4. Механизм психологической и социальной поддержки	
Обеспечение психологической помощи и создание системы социальной поддержки для уволенных офицеров и их семей	Министерство здравоохранения РФ; психологические службы и центры консультирования; ветеранские организации; НКО, работающие в области поддержки ветеранов
5. Механизм медицинской реабилитации	
Предоставление медицинской помощи и реабилитационных услуг для поддержания и улучшения здоровья уволенных офицеров	Министерство здравоохранения РФ; медицинские учреждения и реабилитационные центры; санаторно-курортные комплексы; ветеранские организации
6. Механизм мониторинга и оценки эффективности	
Оценка результатов реализации программ ресоциализации, получение обратной связи и внесение необходимых корректив	Министерство обороны РФ; Министерство труда и социальной защиты РФ; ветеранские организации; научно-исследовательские институты и аналитические центры

Комплексная оценка состояния, потребностей и возможностей бывших военнослужащих является ключевым элементом механизма их ресоци-

ализации. Ответственность за реализацию этого процесса возложена на широкий круг государственных и общественных организаций, включая

Минобороны, ветеранские объединения, научные институты и медицинские учреждения.

На первом этапе проводится тщательное анкетирование и интервьюирование уволенных офицеров для выявления их индивидуальных проблем и потребностей, возникающих при адаптации к гражданской жизни. Параллельно анализируются социально-экономические факторы, влияющие на ход этого процесса.

Процесс разработки персонализированных планов ресоциализации для бывших военных строится на тщательном анализе результатов диагностики их индивидуальных потребностей и возможностей. Реализацией этого механизма занимаются Минтруд, психологические и социальные службы, ветеранские объединения, а также образовательные учреждения и центры профподготовки.

Проводятся консультации с профильными специалистами, в ходе которых формируются индивидуальные траектории профессионального развития и программы медико-психологической поддержки. Особое внимание уделяется налаживанию взаимодействия с центрами занятости и образовательными организациями, что позволяет обеспечить доступ бывших офицеров к возможностям повышения квалификации и переобучения.

Система профессиональной ориентации и обучения бывших военнослужащих ставит целью повысить их востребованность и конкурентоспособность на рынке труда. Ее реализацией занимаются Минтруд, службы занятости и ориентирования, учебные заведения – от колледжей до вузов, а также специализированные тренинговые организации.

Отдельное направление составляет психологическая и социальная помощь бывшим военнослужащим и их семьям. Ее реализацию курируют Минздрав, психологические службы и центры консультирования, ветеранские объединения и профильные НКО.

В рамках этого комплекса мер предусмотрены индивидуальные и групповые встречи с психологами, а также создание площадок взаимной поддержки и обмена опытом. Кроме того, организуются различные социальные мероприятия и активности. Весь этот спектр мероприятий призван обеспечить необходимую эмоциональную и практическую поддержку военнослужащим, завершившим службу, и помочь им успешно адаптироваться к гражданской жизни.

Забота о физическом здоровье и реабилитация бывших военнослужащих – другое значимое направление поддержки. Оно курируется профильным министерством, медицинскими учреждениями, реабилитационными центрами, санаториями и ветеранскими объединениями.

Постоянная оценка эффективности программ по ресоциализации уволенных военных является ключевым элементом предлагаемой модели. За его реализацию отвечают профильные ми-

нистерства, ветеранские объединения, научно-исследовательские институты и аналитические центры.

Реализация программ социальной адаптации ветеранов, уволенных с военной службы, должна повысить их качество жизни, уровень защищенности и благополучно интегрировать их в гражданское общество. Ожидается, что данные меры позволят снизить психологическую нагрузку, связанную с переходом к мирной жизни, и сформировать устойчивую систему поддержки и взаимопомощи среди бывших военнослужащих.

Ключевую роль в координации и управлении процессом ресоциализации играет Министерство обороны РФ, налаживая взаимодействие с другими заинтересованными ведомствами и организациями. Так, Министерство труда и социальной защиты разрабатывает и реализует программы профессиональной ориентации и трудоустройства, а Министерство здравоохранения отвечает за организацию медицинской помощи и реабилитационных мероприятий. Кроме того, ветеранские объединения и некоммерческие организации предоставляют консультационную поддержку и содействуют социальной интеграции бывших офицеров.

Слаженное взаимодействие всех этих институтов, осуществляющих комплексное сопровождение ветеранов, станет залогом успешной реализации программ ресоциализации и достижения поставленных целей.

Выводы

В результате теоретического изучения были выявлены и систематизированы основные научные подходы к проблеме управления процессами социальной реинтеграции уволенных из Вооруженных Сил РФ офицеров. Это позволило разработать комплексную модель управления ресоциализацией, включающую этапы диагностики, проектирования, реализации, мониторинга и оценки эффективности соответствующих программ. Переход к гражданской жизни для бывших военнослужащих может быть непростым испытанием, поэтому важно учитывать различные аспекты этого процесса. Научные методики исследования социальных технологий управления ресоциализацией офицеров, уволенных в запас, играют ключевую роль в решении данной проблемы.

Вместе с тем, были обозначены недостаточно изученные аспекты проблемы, в частности, вопросы профессиональной, социально-психологической и бытовой адаптации бывших военнослужащих, а также их трудоустройства, что подчеркивает необходимость продолжения исследований в данном направлении.

Одним из перспективных направлений является детальный анализ индивидуальных особенностей процесса ресоциализации офицеров. Оно предполагает исследование влияния личностных характеристик, профессионального опыта и иных факторов на успешность реинтеграции в гражданское общество.

Другое важное направление – разработка и практическое внедрение новых социальных технологий управления ресоциализацией. На его основе возможно создание инновационных программ и сервисов, а также организация экспериментальной проверки их эффективности.

Кроме того, необходимо уделить внимание изучению влияния социально-экономического контекста на процесс ресоциализации офицеров. Здесь важно рассмотреть, как экономическая ситуация, социальная политика и другие факторы формируют условия для успешной интеграции военнослужащих в гражданскую жизнь.

Наконец, перспективным направлением могут стать исследования долгосрочных последствий ресоциализации для бывших офицеров и их семей. Это позволит оценить устойчивость результатов реинтеграции и определить пути дальнейшего совершенствования практики.

Таким образом, дальнейшие исследования в данной области обещают быть весьма плодотворными. Они позволят углубить научное понимание процессов ресоциализации, а также способствовать повышению эффективности мероприятий, направленных на оказание помощи офицерам ВС РФ, уволенным в запас.

Литература

1. Деникина З.Д., Дроконова К.Е. Особенности социально-психологического состояния военнослужащих в процессе увольнения в запас. // *Власть*. 2024. Т. 32. № 1. С. 159–165.
2. Разов П.В. Стратегии самоуправления рисками социальной адаптации военнослужащих запаса в контексте модификации их адаптивной культуры. // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015. № 9. С. 64–68.
3. Смирнов А.И. Динамика и особенности социального самочувствия. // *Социологическая наука и социальная практика*. 2017. Т. 5. № 2 (18). С. 99–117.
4. Соловьев С.С. Динамика социально-экономического положения граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей в 2010–2017 гг. // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2018. № 4 (812). С. 220–231.
5. Чалых О.П. Социальное самочувствие военных пенсионеров, уволенных в запас. // *Социально-экономические явления и процессы*. 2018. Т. 13. № 2. С. 10–15. doi: 10.20310/1819-8813-2018-13-2-10-15

6. Щипаков В.Э. Особенности профессиональной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, как элемент ресоциализации. // *Теория и практика общественного развития*. 2023. № 11 (187). С. 152–158. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.18>

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIAL TECHNOLOGIES FOR MANAGING THE RESOCIALIZATION OF OFFICERS OF THE RF ARMED FORCES TRANSFERRED TO THE RESERVE

Shchipakov V.E.

Federal State Educational Institution of Higher Education "Military University named after Prince Alexander Nevsky" of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article discusses the main scientific approaches used to study social technologies for managing resocialization. During the study, the main scientific approaches were identified and systematized, and a comprehensive model for managing resocialization was developed, which includes a diagnostic stage, a stage of design, implementation and monitoring and evaluation of the effectiveness of resocialization programs. Insufficiently studied aspects of the problem of resocialization were identified, including issues of professional adaptation, employment, socio-psychological and social adaptation of officers transferred to the reserve. Mechanisms for implementing social technologies for managing resocialization are proposed, including the creation of an interdepartmental coordination group, the development of individual resocialization plans, conducting training programs and seminars, providing socio-legal support, as well as monitoring and evaluating the effectiveness of the implementation of resocialization programs. The article also discusses the significance of using scientific approaches in the study of social technologies for managing resocialization and the prospects for further research in this area.

Keywords: resocialization; officers of the Russian Armed Forces; transferred to the reserve; social management technologies; professional adaptation; psychological support; social adaptation.

References

1. Denikina Z.D., Drokonoval K.E. Features of the socio-psychological state of military personnel in the process of transfer to the reserve. *Power*. 2024. T. 32. No. 1. P. 159–165.
2. Razov P.V. Strategies for self-management of risks of social adaptation of reserve military personnel in the context of modification of their adaptive culture. // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2015. No. 9. pp. 64–68.
3. Smirnov A.I. Dynamics and features of social well-being. // *Sociological science and social practice*. 2017. T. 5. No. 2 (18). pp. 99–117.
4. Soloviev S.S. Dynamics of the socio-economic status of citizens discharged from military service and members of their families in 2010–2017. // *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2018. No. 4 (812). pp. 220–231.
5. Chalykh O.P. Social well-being of military pensioners transferred to the reserve. // *Socio-economic phenomena and processes*. 2018. T. 13. No. 2. P. 10–15. doi: 10.20310/1819-8813-2018-13-2-10-15
6. Shchipakov V.E. Features of professional adaptation of military personnel transferred to the reserve as an element of resocialization. // *Theory and practice of social development*. 2023. No. 11 (187). pp. 152–158. <https://doi.org/10.24158/tipor.2023.11.18>

Транспортная блокада Калининградской области глазами калининградцев

Кибыш Анатолий Иванович,

к.п.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Калининградский филиал)
E-mail: ast39new@yandex.ru

Зуйкова Юлия Викторовна,

студент, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет (Калининградский филиал)
E-mail: ast39new@yandex.ru

С 2014 года страны Запада ведут последовательную санкционную политику против России, направленную на сдерживание ее экономического развития и политического влияния в мире. За эти годы в отношении нашей страны было введено более десяти тысяч запретов и ограничений, и эта политика продолжается. Помимо различных ограничений, западные страны ведут по отношению к России политику транспортной блокады. В наиболее уязвимом положении, в связи с этим находится Калининградская область. Оказавшаяся в окружении недружественных стран и не имеющая сухопутных границ с основной территорией страны. В статье раскрывается суть понятия «транспортная блокада» применительно к ситуации, возникшей в связи с западными санкциями. Являясь эксклавом, Калининградская область фактически заблокирована литовскими властями для транзита грузов и пассажиров через территорию Литвы. Это обстоятельство вынудило российские власти открыть паромную линию Усть-Луга – Балтийск для бесперебойного снабжения эксклава всем необходимым для жизни и деятельности проживающих там людей. Проведенный среди жителей региона опрос показал их отношение к сложившейся ситуации и собственное видение решения проблемы.

Ключевые слова: санкции, транспортная блокада, эксклав, Калининградская область, паромная линия, калининградцы.

Введение

Калининградская область – особый субъект Российской Федерации, занимающий эксклавное положение и находящийся постоянно под пристальным вниманием как наших друзей, так и недружественных стран, в окружении которых область находится уже более 33 лет.

Интерес к региону не ослабевает и по сегодняшний день. Недружественные нам соседние страны не скрывают своих целей максимально навредить региону, ослабить его, нанеся тем самым ущерб Российской Федерации в целом. За последние годы в отношении России и Калининградского региона приняты десятки различных санкций, призванных осуществить настоящую блокаду для его жителей. Однако усилиями Правительства РФ, региональных властей и самих калининградцев, достичь поставленных целей нашим западным «партнерам» не удалось.

Из истории проблемы

Что же происходит с самым западным регионом России? К чему привела его транспортная блокада и как решается возникшая проблема?

С распадом Советского Союза Калининградская область оказалась в изоляции от основной части России и потому сразу же столкнулась с проблемами, в том числе и в сфере транспорта [11, с. 123]. Транзит грузов и пассажиров по суше осуществлялся через территорию Литовской Республики, с которой были подписаны соответствующие соглашения. Однако после вступления Литвы в Евросоюз, проблема грузоперевозок, как и пассажиропотока, начала осложняться. Большие проблемы создает литовская сторона при пересечении границы автомобильным транспортом. Многокилометровые очереди из грузовиков стали традиционными на российско-литовской границе с обеих сторон. Литовские пограничные и таможенные службы намеренно затягивают оформление документов для пересечения границы, создавая невыносимые условия для водителей большегрузных машин.

По пассажиропотоку по итогам 2001 года объем сообщения между Калининградской областью и основной территорией страны ориентировочно оценивался в 1,47 млн человек, из которых железнодорожным транспортом было перевезено 980 тыс. человек, авиационным – 240 тыс., автомобильным (экспертная оценка) – 250 тыс. [4, с. 43].

По итогам 2023 г. железнодорожным транспортом перевезено на дальнее следование 163,1 тыс.

чел., что свидетельствует о падении пассажиропо-тока на 83,4%. Это в значительной степени связа-но с различными ограничениями, введенными лит-овской стороной после 2014 г.

В связи с изменениями отношений между Рос-сией и Евросоюзом с 2014 года и ужесточении санкционной политики, сложившаяся ситуация рас-сматривается Россией как транспортная блокада региона. В связи с этим была начата разработка решений по изменению структуры грузового сооб-щения Калининградской области. Приоритет полу-чило развитие морских маршрутов. Сегодня только на линии Балтийск – Усть-Луга регулярно работа-ют 17 морских паромов, обеспечивающих поставки всех необходимых грузов в эксклавный регион.

Что такое транспортная блокада?

Попробуем выяснить происхождение и значение по-нятия «транспортная блокада» и почему мы исполь-зуем его по отношению к Калининградской области?

Само понятие «блокада» используется раз-ными науками и имеет множество значений. Для нас важно понимать, как используется блокада в социологии и политологии. Поэтому обратимся к словарям.

Большой толковый социологический словарь дает следующее определение блокады – это «си-стема мероприятий политического, экономическо-го или военного характера, направленная на на-рушение внешних связей блокируемого объекта с целью принуждения к выполнению определен-ных требований» [2].

В политологическом словаре Пашкова Р.В. и Юденкова Ю.Н. блокада определяется как «пре-рывание с помощью военной силы всех связей с внешним миром» [7, с. 24].

Энциклопедия юриста определяет блокаду как «систему мероприятий политического или эконо-мического характера, направленных на изоляцию, нарушение внешних связей блокируемого госу-дарства с целью принуждения его к выполнению каких-либо требований» [12].

Понятие блокады в общественных науках в той или иной мере соответствует приведенным выше определениям.

Зачастую понятие блокады связывают с поня-тием санкций. Санкции – это «система невоен-ных, чаще всего экономических мер, направлен-ных на достижение экономических и/или полити-ческих целей инициатора санкций и применяемых международными организациями или отдельны-ми государствами в отношении другого государ-ства, части его территории, отдельных отраслей экономики или групп товаров, определенного списка конкретных физических лиц или организа-ций» [9].

Среди разновидностей блокад, относящихся к общественным наукам, можно выделить следу-ющие: информационная; экономическая; полити-ческая; военная; торговая; транспортная. Рассмо-трим подробнее понятие «транспортная блокада».

Среди основных видов транспортной блокады можно выделить воздушную блокаду, сухопутную блокаду и морскую блокаду.

Транспортная блокада России – это попытка изоляции странами Запада экономики нашей стра-ны. Началась она с воздушной блокады, с запрета всем российским самолётам пересечения воздуш-ного пространства западных стран. За этим после-довала морская блокада – российским судам за-претили заходить в порты ряда стран Запада и их союзников. Ну и закончилось создание системы транспортной блокады запретом сухопутных пере-возок автомобилями с российской и белорусской регистрацией. Цель этой блокады видится Западу в быстром истощении России, что, по их мнению, заставит нашу страну прервать специальную во-енную операцию на Украине на их условиях. Од-нако история и реальное положение дел на линии соприкосновения говорит об обратном.

Воздушная блокада

Одной из важнейших составляющих транспортной блокады является воздушная блокада.

Уже 24 февраля 2022 г. Великобритания запретила полёты российским самолётам, а 28 февра-ля общий запрет ввёл Европейский союз. А затем и другие страны Запада и их союзники. Западные производители авиационной техники прекратили поддержку самолётов европейского производства марки Airbus, которые составляют основу воздуш-ного парка в России для коммерческих авиалиний.

Воздушная блокада со стороны стран Запа-да привела к нарушению сообщения России как со странами Европы, так и со странами Латинской Америки. Из-за вынужденного удлинения маршру-тов в связи с необходимостью облёта европейских стран многие маршруты стали неэффективными, все зарубежные рейсы в эти страны были отмене-ны. Большая часть российских самолётов оказа-лась под угрозой ареста из-за расторжения лизин-говых договоров.

Особенно ощутимой воздушная блокада ока-залась для калининградцев. Время полета до Мос-квы увеличилось в два раза. Многие рейсы в рос-сийские города из Калининграда были отменены.

Морская блокада

С 28 февраля 2022 г. Великобритания первой из стран Запада ввела запрет для входа судов в свои порты. Затем это же сделали Канада, Евро-пейский союз, США и другие страны Запада. В до-статочно сложной ситуации в связи с морской бло-кадой оказался Калининград, для которого морские перевозки выполняют роль «дороги жизни» (рис. 1).

24 января 2023 г. стало известно, что Эсто-ния решила заблокировать Калининград с моря. По сообщению на сайте МИД республики, Эсто-ния может создать «прилежащую зону» в Фин-ском заливе. Такая мера позволит контролировать 24 морских мили (44 км) от исходной линии тер-

риториальных вод, иначе говоря, у эстонцев будет возможность проверять суда, проходящие по этой зоне [1].

Рис. 1. Морская блокада «дороги жизни» для калининградцев [10]

Страны Прибалтики неоднократно заявляли о неминуемости столкновения с Россией, о возможности участия их военного контингента на территории Украины, прикрываясь действием 5-й статьи устава НАТО о защите стран блока в случае военных действий. Если Эстония перекроет Финский залив, то будут парализованы три российских порта, включая крупнейший порт Усть-Луга. Через эти порты Россия экспортирует около половины своей нефти в Китай и Индию. К тому же это значительно затруднит транзит грузов и пассажиров в Калининградскую область. Поэтому такой поворот событий для России неприемлем. И в этом случае меры реагирования со стороны России будут жесткими, о чем недружественные государства были предупреждены.

Сухопутная блокада

Целью сухопутной транспортной блокады России была полная экономическая изоляция нашей страны и, прежде всего, Калининградской области. Введение странами Европейского Союза пятого пакета санкций привело к запрету грузоперевозок автомобилями с российской и белорусской регистрацией пересекать их границы с 09 апреля 2022 г. С 16 апреля все указанные автомобили должны были покинуть территорию Европейского Союза. В то же время ограничения не распространились на перевозки в Калининградскую область, что должно было облегчить доставку необходимых грузов на эксклаву территорию. Однако со стороны литовских пограничных и таможенных служб всячески осложняются условия пересечения границы, затягивается оформление грузов и создаются неприемлемые для водителей условия.

Ответ России на блокаду со стороны Запада

В условиях жесткой санкционной политики стран Запада Россия вынуждена была принять ответные

меры. Нашей страной была введена воздушная блокада, в результате которой западным авиакомпаниям были запрещены как полеты в российские аэропорты, так и транзит через нашу территорию. Запрет транзита больно ударил по авиакомпаниям ряда стран Запада и Японии. Большинство из них специализировались преимущественно на трансконтинентальных полетах из Европы в Азию.

Грузовикам из стран Европейского Союза было запрещено передвигаться по дорогам России, а затем такой же запрет ввела Белоруссия. Фактически запрещен транзит, но разрешено следование до установленных логистических центров вблизи границы для перецепки.

Для решения вопроса по обеспечению беспрепятственных грузоперевозок в Калининградскую область в условиях западных санкций и фактической сухопутной транспортной блокады, Правительством Российской Федерации было принято решение об организации паромной линии Усть-Луга – Балтийск, открытой в 2006 г. Порт Усть-Луга находится в 130 км от Санкт-Петербурга и оборудован самой современной портовой инфраструктурой. Сегодня именно этот порт можно считать главным морским путем, соединяющим Калининградский эксклав с территорией Большой России.

Перевозки осуществляются также и из других портов. На начало апреля 2024 г. морские перевозки грузов между Калининградской областью и основной территорией России обеспечивали в общей сложности 25 судов и паромов. Они работают на нескольких регулярных линиях: Усть-Луга – Балтийск, Бронка – Калининград, Санкт-Петербург – Балтийск, Санкт-Петербург – Калининград [3].

04 марта 2022 года на линию «Усть-Луга – Балтийск» вышел новый паром «Маршал Рокоссовский». Это судно ледового класса Arc 4, что позволяет ему ходить в море при толщине льда до 0,8 метра, что в условиях Балтики означает работу без сопровождения ледокола. Новый паром может поместить от 34 до 80 железнодорожных вагонов, до 58 грузовых автомобилей с полуприцепом.

Еще один грузопассажирский автомобильный паром «Антей» приступил к работе на морской линии Балтийск – Усть-Луга 17 мая 2024 г. Длина парома «Антей» – 191 метр, ширина – 26 метров. На нижней палубе размещаются 44 грузовых автомобиля, на верхней – около 50. Общая длина автополос парома – 1700 метров. Таким образом, паром может перевозить более 90 большегрузов и около 150 пассажиров [6].

Так, что проблемы с литовским сухопутным транзитом во многом уходят в прошлое.

В 2023 году около половины всех грузов в Калининградскую область доставлялись по железной дороге, 10 процентов – на автомобильном и воздушном транспорте, и около 40 процентов – по морю. Однако введение Литвой с 18 июня 2023 г. запрета транзита через свою территорию санкционных грузов, резко возросла роль морских перевозок. Это свидетельствует о важности независимых

путей поставок товаров и грузов в Калининградский эксклав. И таким путем для Калининграда является морской путь.

Жители Калининградской области о транспортной блокаде региона

Транспортная блокада России в наибольшей степени затронула интересы жителей Калининградской области. Многие жители эксклава нуждаются в постоянном общении с основной территорией страны, решая различные служебные и деловые задачи, поддерживая родственные связи, обучаясь в учебных заведениях нашей страны.

С целью выяснения отношения жителей эксклава к организованной странами Запада транспортной блокаде Калининградской области группа студентов Калининградского филиала СПбГАУ, провела опрос населения региона и получила следующие результаты.

Опрос проводился в разных городах на территории Калининградской области, в нем приняло участие 200 человек. Из них мужчины составили 56% и женщины – 44%. Среди респондентов в возрасте до 30 лет – 92 чел. (46%), от 31 до 50 лет – 84 чел. (42%), 51 и старше – 24 чел. (12%).

По социальному статусу респонденты разделились следующим образом: 52,5% – студенты, 40,5% – работающие, 5,5% – безработные, 2% – пенсионеры.

Из опроса жителей нам стало известно следующее:

- 68% опрошенных знают о проблеме транспортной блокады Калининградской области;
- 27% – что-то об этом слышали, но не имеют конкретной информации;
- 6% – ничего об этом не знают, впервые услышали о проблеме в ходе опроса.

Следует обратить внимание, что больше половины опрошенных, которым известно о транспортной блокаде – мужчины. Также мужчины преобладают в ответах о частичной информированности о проблеме, а также в ответах о том, что такая проблема им неизвестна.

Среди виновников транспортной блокады Калининградской области большинство респондентов (61,5%) уверенно назвали страны Запада во главе с США. 15% опрошенных считают, что в блокаде нет виновников, так сложилась ситуация. 9,5% считают виновниками транспортной блокады региона Правительство РФ и Литовскую Республику. Далее ответы распределились следующим образом: Украина – 4% и СВО – 1%.

Далее мы попытались выяснить у жителей области, каким образом транспортная блокада региона повлияла на их жизнь.

Как следует из результатов опроса, ситуация повлияла на жизнь большинства респондентов, из которых 41% отметили рост цен в регионе на товары и услуги. В то же время 37,5% опрошенных не заметили каких-либо перемен в своей жизни. При этом перемен не заметили в основном

мужчины (50 чел. из 75 опрошенных). Транспортная блокада региона вызывает чувство тревоги у 20,5% респондентов, среди которых также преобладают мужчины. Для 13,5% опрошенных сложившаяся ситуация ограничила их возможности выезда за пределы региона.

На вопрос о том, решает ли проблему транспортной блокады Калининградской области работающая паромная линия «Усть-Луга – Балтийск» утвердительно ответили 23% респондентов. 45% считают, что паромная линия решает проблему лишь частично. 28% считают принятые меры недостаточными для бесперебойного снабжения региона всем необходимым. 4% респондентов считают, что работа паромной линии никак не влияет на ситуацию.

Транспортная блокада в значительной степени повлияла на пассажиропотоки региона. В целом с 2014 по 2022 год международный пассажиропоток в Калининградскую область и из неё упал больше чем в четыре раза. В международном автобусном сообщении пассажиропоток упал с 87,1 до 18,7 тыс. чел. [5].

Как эта ситуация повлияла на возможности выезда калининградцев в другие регионы страны и за рубеж? В результате опроса нами было выявлено, что транспортная блокада региона привела к подорожанию авиа- и железнодорожных билетов. Это отметили 34,5% опрошенных. 33,5% респондентов заявили, что стало трудно выехать за пределы области на собственном автомобиле. Для 32% калининградцев, как это следует из опроса, ничего не изменилось, и транспортная блокада региона никак не повлияла на их жизнь.

Повлияла ли транспортная блокада на занятость населения и возможность ведения бизнеса? На этот вопрос респонденты ответили следующим образом:

- ситуация никак не повлияла на мою занятость – 14%;
- сократились объемы выпускаемой продукции и услуг в связи с нехваткой сырья и материалов – 20,5%;
- повлияла частично, количество рабочих мест сократилось, многие потеряли работу – 28,5%;
- повысились цены на стройматериалы, промышленную продукцию и продовольствие – 42%.

Как следует из ответов, транспортная блокада оказала негативное влияние на занятость населения и возможности ведения бизнеса. Валовый региональный продукт Калининградской области упал в 2023 году на 1,1%. Калининградская область за год потеряла шесть позиций в национальном рейтинге социально-экономического положения. С 39-го места регион опустился на 45-е [8].

Сложившаяся сложная транспортная ситуация в Калининградской области требует своего разрешения. По мнению калининградцев, проблема может быть решена следующим образом:

- путем переговоров со странами – инициаторами блокады – 48%;

- путем максимального развития региональной экономики для минимализации зависимости от поставок извне – 22,5%;
- путем введения ощутимых ответных санкций – 15%;
- путем ультиматумов странам Запада – 21,5%;
- силовым путем – принуждением к снятию блокады – 8,5%;
- полномасштабным вторжением в Польшу – 4%;
- военным путем – 0,5%.

Полученные ответы свидетельствуют о том, что существующая проблема беспокоит жителей эксклава и они предлагают различные пути ее решения. Большинство респондентов (70,5%) предлагают конструктивные подходы к решению проблемы (переговоры, ускоренное экономическое развитие региона). Тем не менее, значительная часть опрошенных (49,05%) выступает за жесткие меры реагирования на ситуацию, вплоть до решения проблемы военным путем (0,5%).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что большинство калининградцев хорошо осведомлены о существующей транспортной блокаде региона, которая в значительной степени влияет на их жизнь. В частности, значительно выросли цены на продовольствие и предметы первой необходимости, поступающие в регион из основной части страны в ограниченном количестве и с увеличенными сроками доставки. Утруднено пассажирское сообщение эксклава с другими регионами России из-за ограничений в передвижении железнодорожного, авиационного и автомобильного транспорта, значительным повышением тарифов на перевозки грузов и пассажиров. Таможенные и пограничные службы Литовской Республики всяческим образом препятствуют транзитному грузовому и пассажирскому движению через территорию этой страны: вводятся санкционные списки товаров, запрещенных к перевозу в Калининградскую область, намеренно затягивается оформление грузов и пассажиров, создаются невыносимые условия для водителей большегрузов, которые неделями ожидают пересечения границы. Затруднено и авиасообщение – ограничен воздушный коридор над нейтральными водами Балтийского моря. Значительно удлинился маршрут до столицы и других городов страны в связи с закрытием для наших самолетов воздушного пространства стран Европейского Союза. Оправданным решением была организация паромной линии Усть-Луга – Балтийск, по которой сегодня доставляется значительная часть необходимых грузов, минуя таможенные и иные барьеры недружественных стран.

Калининградцы по-разному видят решение существующей проблемы, отдавая предпочтение конструктивным методам. И хотя Правительство РФ совместно с региональными властями делает все возможное для обеспечения региона, проблема все еще остается актуальной. Ее решение

во многом зависит от складывающегося нового миропорядка, в котором не будет гегемонии одной страны, а все проблемы будут решаться путем переговоров и на равноправной основе.

Литература

1. Балмышев А. Морская блокада Калининграда и противостояние Финляндии Союзу Трехморья. – URL: https://wsem.ru/publications/morskaya_blokada_kaliningrada_i_protivostoyanie_finlyandii_soyuzu_trekhmorya_6404/ (дата обращения: 28.05.2024).
2. Большой толковый социологический словарь. – URL: https://gufo.me/dict/social_dict/%D0%91%D0%BB%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B0 (дата обращения: 28.05.2024).
3. В 2024 году начнут строить еще два паромов для перевозок в Калининград / Интерфакс. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/955305> (дата обращения: 03.06.2024).
4. Гуменюк И.С. Адаптация механизмов обеспечения транспортной безопасности Калининградской области в новых геополитических и геоэкономических реалиях // Псковский региональный журнал. 2023. № 2. С. 41–51.
5. За последние 8 лет международный пассажиропоток в Калининградскую область и из неё упал больше чем в четыре раза / Рамблер. – URL: https://auto.rambler.ru/news/52609424/?utm_content=auto_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 04.06.2024).
6. Крупнейший в своем классе паром начал перевозки в Калининград в обход Литвы. – URL: <https://lt.sputniknews.ru/20240518/kрупнейshiy-v-svoem-klasse-parom-nachal-perevozki-v-kaliningrad-v-obkhod-litvy-32964574.html> (дата обращения: 04.06.2024).
7. Пашков Р.В., Юденков Ю.Н. Политологический словарь. 2-е издание. – Москва: Русайнс, 2017. – 218 с.
8. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2023 года. – URL: <https://ria.ru/20240610/rejting-1951499062.html?ysclid=lx8u8jqeqs471910284> (дата обращения: 10.06.2024).
9. Санкции. Практические аспекты. / Интерфакс. – URL: <https://event.interfax.ru/meetings/676?ysclid=lx0bl49awe191449164> (дата обращения: 29.05.2024).
10. Синявская Е. «Запереть российские суда»: Эстония решила заблокировать Калининград с моря. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/01/24/zaperet-rossiyskie-suda-estoniya-reshila-zablokirovat-kaliningrad-s-morya.html> (дата обращения: 30.05.2024).
11. Телегина И.П. Калининградская область. Есть ли прорыв в проблеме транзита? // Современная Европа. 2007. № 3 (31). С. 123–132.

12. Энциклопедия юриста. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/207/%D0%91%D0%9B%D0%9E%D0%9A%D0%90%D0%94%D0%90 (дата обращения: 28.05.2024).

THE TRANSPORT BLOCKADE OF THE KALININGRAD REGION THROUGH THE EYES OF KALININGRAD RESIDENTS

Kibysh A.I., Zuikova J.V.

Kaliningrad Branch of St. Petersburg State Agrarian University

Since 2014, Western countries have been pursuing a consistent sanctions policy against Russia aimed at curbing its economic development and political influence in the world. Over the years, more than ten thousand prohibitions and restrictions have been imposed on our country and this policy continues. In addition to various restrictions, Western countries are pursuing a policy of transport blockade against Russia. The Kaliningrad region is in the most vulnerable position in this regard. Surrounded by unfriendly countries and having no land borders with the main territory of the country. The article reveals the essence of the concept of “transport blockade” in relation to the situation that arose in connection with Western sanctions. Being an exclave, the Kaliningrad Region is actually blocked by the Lithuanian authorities for the transit of goods and passengers through the territory of Lithuania. This circumstance forced the Russian authorities to open the Ust-Luga – Baltiysk ferry line for the uninterrupted supply of the exclave with everything necessary for the life and activities of the people living there. A survey conducted among residents of the region showed their attitude to the current situation and their own vision of solving the problem.

Keywords: sanctions, transport blockade, exclave, Kaliningrad region, ferry line, Kaliningrad residents.

References

1. Balmyshev A. Naval blockade of Kaliningrad and Finland's opposition to the Three Seas Union. – URL: [\[anie_finlyandijskogo_soyuzu_trekhmorya_6404/\]\(https://wsem.ru/publications/morskaya_blokada_kaliningrada_i_protivostoyanie_finlyandijskogo_soyuzu_trekhmorya_6404/\) \(date of access: 05/28/2024\).](https://wsem.ru/publications/morskaya_blokada_kaliningrada_i_protivostoy-</p></div><div data-bbox=)

2. Large explanatory sociological dictionary. – URL: https://gufo.me/dict/social_dict/%D0%91%D0%B%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D0%B4%D0%B0 (access date: 05/28/2024).
3. In 2024, construction of two more ferries will begin for transportation to Kaliningrad / Interfax. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/955305> (access date: 06/03/2024).
4. Gumenyuk I.S. Adaptation of mechanisms for ensuring transport security of the Kaliningrad region in new geopolitical and geo-economic realities // Pskov Regional Journal. 2023. No. 2. pp. 41–51.
5. Over the past 8 years, international passenger traffic to and from the Kaliningrad region has fallen more than four times / Rambler. – URL: https://auto.rambler.ru/news/52609424/?utm_content=auto_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (access date: 06/04/2024).
6. The largest ferry in its class began transportation to Kaliningrad, bypassing Lithuania. – URL: <https://lt.sputniknews.ru/20240518/krupneyshiy-v-svoem-klasse-parom-nachal-perevozki-v-kaliningrad-v-obkhod-litvy-32964574.html> (access date: 06/04/2024).
7. Pashkov R.V., Yudenkov Yu.N. Political science dictionary. 2nd edition. – Moscow: Rusigns, 2017. – 218 p.
8. Rating of the socio-economic situation of regions based on the results of 2023. – URL: <https://ria.ru/20240610/rejting-1951499062.html?ysclid=ix8u8jqeqs471910284> (access date: 06/10/2024).
9. Sanctions. Practical aspects. / Interfax. – URL: <https://event.interfax.ru/meetings/676?ysclid=ix0bl49awe191449164> (date of access: 05.29.2024).
10. Sinyavskaya E. “Lock up Russian ships”: Estonia decided to blockade Kaliningrad from the sea. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/01/24/zaperet-rossiyskie-suda-estoniya-reshila-zablokirovat-kaliningrad-s-morya.html> (date of access: 05/30/2024).
11. Telegina I.P. Kaliningrad region. Is there a breakthrough in the transit problem? // Modern Europe. 2007. No. 3 (31). pp. 123–132.
12. Encyclopedia of a lawyer. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/207/%D0%91%D0%9B%D0%9E%D0%9A%D0%90%D0%94%D0%90 (date of access: 05/28/2024).

Влияние дистанционного образования на отношение к самостоятельной работе студентов

Бутко Наталия Борисовна,

к.ф.-м.н., доцент, доцент, Институт физических исследований и технологий РУДН (ИФИТ РУДН)

Степина Светлана Петровна,

к.ф.-м.н., доцент, доцент, Институт физических исследований и технологий РУДН (ИФИТ РУДН), Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: nbutko@rambler.ru, stepinasvetlana@rambler.ru

В статье рассмотрено отношение студентов естественно-научных специальностей к самостоятельной работе после нескольких лет вынужденного дистанционного обучения, обусловленного пандемией. Проведены исследования в области организации самостоятельной работы студентов, ее значения в их будущей профессиональной жизни и влияния на интерес к научной работе. Важное место отводится роли преподавателя в организации самостоятельной работы. Особое внимание уделено формированию профессиональных компетенций в ходе проведения лекций, семинаров и лабораторных работ в дистанционном формате. Проведено сравнение готовности студентов к самостоятельной работе в настоящее время и в допандемийные времена.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, самостоятельная работа, дистанционное образование, научная работа, лабораторный практикум.

В последние несколько лет дистанционное обучение в той или иной степени вошло в жизнь преподавателей и студентов, вчерашних школьников. В учебных планах значительно больше часов (зачетных единиц) выделяется на самостоятельную работу, в то время как часы аудиторных занятий постепенно сокращаются. В рамках компетентного подхода, включающего в себя как получение профессиональных знаний и умений, так и приобретение способности к саморазвитию и самообразованию, самостоятельная работа наряду с аудиторной играет огромную роль в образовательном процессе. В широком смысле под самостоятельной работой подразумевается совокупность всей самостоятельной деятельности студентов как в учебной аудитории, так и вне ее, в контакте с преподавателем и в его отсутствие [1]. Самостоятельная работа включает в себя не только подготовку к семинарам, зачетам и экзаменам, но и работу на практических и лабораторных занятиях. Материалы многих социологических исследований [2] показывали, что первокурсники не могут сами планировать свое время, ставить себе цели, выбирать способы их решения. Еще в допандемийные времена, в вузах стала появляться тенденция уменьшения количества аудиторных часов и, соответственно, увеличения часов, выделяемых на самостоятельную работу студентов. В 2017 году мы также попытались разобраться, готовы ли наши студенты к таким изменениям. Был проведен опрос среди студентов бакалавриата естественно-научного направления РУДН. Оказалось, что у большинства первокурсников еще не сформировалась психологическая готовность к самостоятельной работе. Они не знают, как ее организовывать и не умеют самостоятельно работать [3].

С началом пандемии все вузы вынужденно перешли в дистанционный формат работы. Это касалось не только лекций, но и семинаров и лабораторного практикума. Есть много публикаций в пандемийные и постпандемийные годы о преимуществах и недостатках дистанционного образования. Самый главный недостаток состоит в преобладании «знаниевой» компетенции в ущерб умениям [4]. Речь идет о явно выраженной неспособности дистанционного обучения обеспечить получение практических знаний. В последние два года многие вернулись к очному образованию – полностью или частично. Представляло интерес узнать, как времена тотального дистанционного образования, будь то в школе или в вузе, повлияли на отношение студентов к самостоятельной работе. Для

этого мы решили еще раз проанализировать ответы студентов, участвовавших в анкетировании в 2016–2017 годах, и сравнить их с данными анкетирования, проведенного в последние три года.

Опрос проводился среди студентов естественно-научных специальностей РУДН им. П. Лумумбы. В опросе участвовали студенты с первого по третий курс таких специальностей как физика и химия. Часть вопросов, касающихся отношения к самостоятельной работе, были взяты из анкет 2017 г. В этих вопросах шла речь о способности студентов правильно организовывать самостоятельную работу и распределять свое время, о восприятии ими учебного материала на слух, при чтении и конспектировании, об участии студентов в научной работе, о значении самостоятельной работы и самообразования в получении необходимых компетенций и о роли преподавателя в организации самостоятельной работы. Также важным для нас было мнение студентов (как в 2017 г., так и сейчас) о том, должен ли вуз увеличивать число часов для самостоятельной работы за счет уменьшения аудиторных занятий. В анкету были включены и новые вопросы, касающиеся дистанционного обучения. Прежде всего, речь шла о том, способствует ли формированию необходимых навыков проведение семинаров и лабораторных работ в дистанционном формате, а также о преимуществах дистанционного образования.

Материалы наших исследований показали, что к 2023 г. почти 70% первокурсников могут правильно организовать самостоятельную работу, в то время как в 2017 г. таких студентов было всего 30% (рис. 1).

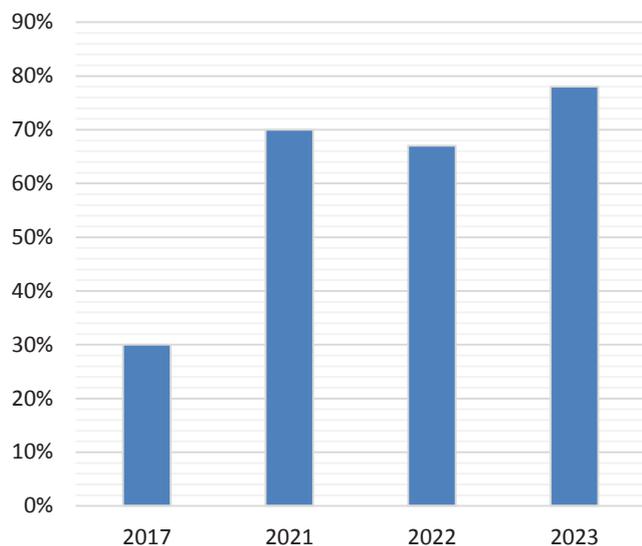

Рис. 1. Готовность студентов-первокурсников к самостоятельной работе (на диаграмме указан год поступления)

За последние три года в среднем на 25% уменьшилось число студентов, которые не могут правильно распределять свое время. В 2023 году только у 20% опрошенных студентов-первокурсников фиксирование и переработка информации вызвали затруднения. Это в четыре раза меньше, чем показало анкетирование в 2017 г. Хотя к третьему

курсу доля студентов, испытывающих определенные трудности при осмыслении полученной в процессе дистанционного образования информации, возрастает до 50%. Это связано с тем, что появляется больше профильных предметов, усвоение которых требует большего количества времени. Большинство нынешних студентов (более 85%) высказывается за преимущества обучения в дистанционном формате, хотя ранее до поступления в университет они не рассматривали такой возможности. Главная причина – возможность учиться дома, а также выполнять задания в любое время. Примерно 50% студентов, опрошенных за последние три года, считают, что больше должно быть аудиторных занятий, тогда как в 2017 г. доля таких студентов составляла 80%. Но здесь нужно заметить, что ответы первокурсников и студентов старших курсов несколько отличаются. Так как анкетирование проводилось на протяжении нескольких лет, то одни и те же студенты могли участвовать в опросах с первого по третий курс. На рисунке 2 приведено сравнение доли студентов-физиков, которые считают, что аудиторных часов должно быть меньше. Если таких студентов на 1-ом курсе было 60–70%, то уже ко 2-ому и 3-му курсам только 40% тех же студентов готовы заниматься самостоятельно.

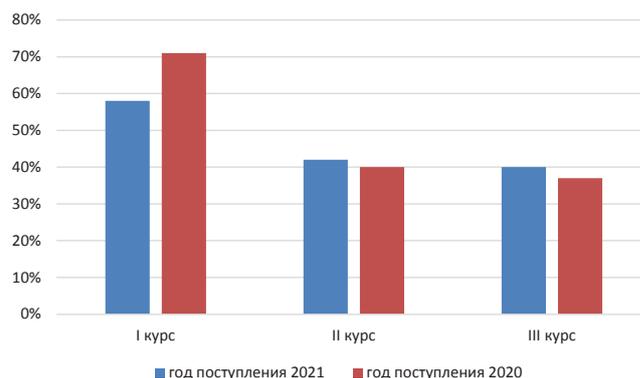

Рис. 2. Мнение студентов об уменьшении количества аудиторных часов

Т.е. проучившись три года, студенты естественно-научных специальностей стали отдавать предпочтение аудиторным занятиям. Такая закономерность проявилась и в ответе на вопрос о проведении дистанционных лабораторных работ: 35% первокурсников и только 15% второкурсников считают, что выполнение лабораторных работ в дистанционном формате способствуют формированию необходимых навыков. Что касается семинаров, то примерно половина опрошенных студентов разных курсов считает дистанционное проведение семинаров оправданным.

Сейчас вузы многое делают для того, чтобы улучшить условия для организации самостоятельной работы студентов. Большинство опрошенных студентов довольны такой организацией. Но тут опять есть разница между ответами студентов разных курсов – на 1-ом курсе доля таких студентов составляет 85–90%, что на 20% больше, чем на 2-ом. Скорее всего, это связано с тем, что

на 2-ом курсе появляются более сложные предметы, и требования к организации самостоятельной работы становятся выше.

Из опросов стало ясно, что несколько лет дистанционного образования не повлияло на готовность студентов заниматься научной деятельностью. При этом доля студентов-первокурсников, занимающихся научной деятельностью, стала выше. В основном это абитуриенты предвузовских классов, количество которых за последние годы увеличилось. Профильные классы и предвузовские классы способствуют привитию абитуриентам понимания о будущей специальности и желания заниматься и развиваться в определенном направлении. К третьему курсу половина опрошенных студентов занимаются научной деятельностью (рис. 3). Это связано с тем, что происходит переход от общих предметов к специализированным, и студенты проходят первую научную практику.

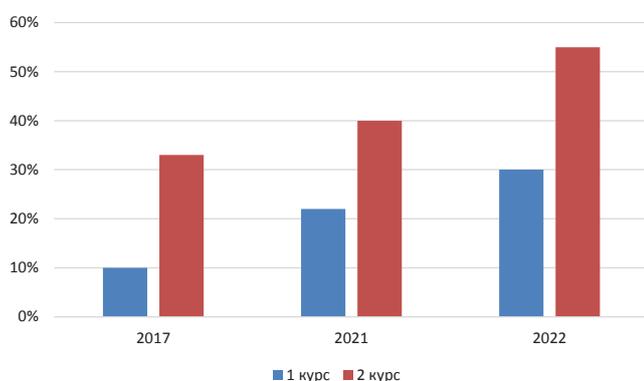

Рис. 3. Участие студентов в научной деятельности

Все приведенные выше данные свидетельствуют о том, что студенты справились с вызовами, которые диктует современная жизнь. Самостоятельная работа стала играть все большую роль в учебном процессе. Более 80% опрошенных студентов уделяют большое внимание самообразованию и считают, что оно способствует карьерному росту, а также играет ведущую роль на старших курсах. Однако привлекает студентов к самостоятельной работе преподаватель. Именно он ее организует и контролирует выполнение. Согласно анкетированию, так считают 85% опрошенных студентов. Для студентов естественно-научного направления нашего университета, которые изучают такие предметы как физика и химия, большую роль в образовательном процессе имеет лабораторный практикум. Только в лабораториях студенты могут самостоятельно провести эксперимент, используя полученные на лекциях теоретические знания и тем самым они получают необходимые профессиональные компетенции.

Литература

1. Силласте Г.Г., Письменная Е.Е., Белгарокова Н.М. Самостоятельная работа студентов. Методические рекомендации. М., 2013.
2. Одинцова Л.А., Бронникова Л.М. Самостоятельная работа студентов в условиях реализации стандартов нового поколения в педагогическом вузе. Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». 2015. № 5.
3. Бутко Н.Б., Степина С.П. Формирование профессиональных и общекультурных компетенций студентов-физиков в процессе самостоятельной работы. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Т. 15, 2018. № 2. С. 248–252.
4. Ендовицкий Д.А., Рисин И.Е., Трещевский Ю.И., Руднев Е.А. Дистанционное обучение – дисбаланс возможностей и угроз. Высшее образование в России. Т. 31. 2022. № 1. С. 89–97.

THE INFLUENCE OF DISTANCE EDUCATION ON STUDENTS' ATTITUDES TOWARDS INDEPENDENT WORK

Butko N.B., Stepina S.P.

Institute of Physical Research and Technology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article examines the attitude of students of natural sciences to independent work after several years of forced distance learning caused by the pandemic. Research has been conducted in the field of organizing students' independent work, its significance in their future professional life and its impact on interest in scientific work. An important place is given to the role of the teacher in organizing independent work. Particular attention is paid to the formation of professional competencies during lectures, seminars and laboratory work in a remote format. A comparison was made of students' readiness for independent work now and in pre-pandemic times.

Keywords: professional competencies, independent work, distance education, scientific work, laboratory workshop.

References

1. Sillaste G.G., Pismennaya E.E., Belgarokova N.M. Independent work of students. Guidelines. M., 2013.
2. Odintsova L.A., Bronnikova L.M. Independent work of students in the context of the implementation of new generation standards at a pedagogical university. Electronic scientific journal "Modern problems of science and education". 2015. No. 5.
3. Butko N.B., Stepina S.P. Formation of professional and general cultural competencies of physics students in the process of independent work. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Issues of education: languages and specialization. T.15, 2018. No. 2. pp. 248–252.
4. Endovitsky D.A., Risin I.E., Treshchevsky Yu.I., Rudnev E.A. Distance learning – an imbalance of opportunities and threats. Higher education in Russia. T. 31. 2022. No. 1. pp. 89–97.

Механизмы охраны культурного наследия Китая в аспекте устойчивого социального развития

Ян Цяньвэнь,

аспирант, Пекинский университет иностранных языков
E-mail: yqw1108@163.com

Культурное наследие, как продукт развития общества, является носителем цивилизации страны и свидетелем передачи национальной культуры из поколения в поколение, собирая в себе мудрость древних и отпечатки меняющихся времен. В последние годы экономика Китая вступила в рельсы стремительного развития, а также растут духовные и культурные потребности людей. В этом контексте культурное наследие, являющееся носителем китайской культуры и опорой культурной мягкой силы, стало фокусом внимания всей страны. В данной работе рассматриваются новые тенденции развития охраны культурного наследия в Китае, а также некоторые актуальные проблемы, такие как нарушение культурного наследия, необходимость расширения участия общественности и фрагментация системы управления.

Цель исследования – определить и описать современные тенденции развития области охраны культурного наследия Китая, а также зафиксировать круг наиболее острых проблем в данной области; предложить варианты их решения.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые описаны особенности функционирования механизмов защиты охраны культурного наследия Китая в современных условиях, дан подробный анализ проблем современной китайской государственной системы охраны культурного наследия. В результате исследования выявлена структура и особенности функционирования сферы охраны культурного наследия в современном Китае, очерчен круг проблем в области охраны культурного наследия Китая и предложены возможные пути их решения.

Ключевые слова: Китай, охрана культурного наследия, объект культурного наследия.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена растущим интересом мирового сообщества к проблеме сохранения мирового культурного наследия, вхождением Китая в число держав, заинтересованных в бережном отношении к объектам культурного наследия и развитием отрасли охраны культурного наследия Китая. Такого рода исследования позволяют зафиксировать современное состояние системы мер по охране культурного наследия и определить её работоспособность, её сильные и слабые стороны.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- определить значение феномена «культурное наследие»;
- отобрать и систематизировать материалы нормативных документов, регулирующих систему мер по защите культурного наследия КНР;
- собрать и систематизировать данные современных СМИ о практике защиты различных объектов культурного наследия в современном Китае;
- очертить круг проблем в области защиты объектов культурного наследия Китая и варианты их решения.

Культурное наследие, являясь кристаллизацией человеческой мудрости, имеет огромное значение для распространения знаний об истории и культуре, развития национальной идентичности и сохранения мирового культурного разнообразия. В процессе модернизации Китаю необходимо сохранять уникальность собственной культуры, опираясь при этом на выдающиеся достижения зарубежных цивилизаций. Поэтому охрана культурного наследия – это не только неотъемлемое условие для реализации великого возрождения китайской нации, но и незаменимый путь сохранения многообразия мировых цивилизаций. На современном этапе в Китае происходят глубокие изменения в деле охраны культурного наследия: непрерывное расширение сферы его охраны, постепенное обогащение вид охраняемых памятников, обращение больше внимания на обеспечение продолжительного развития общества и т.д. В связи с этим плодотворные результаты достигнуты. Однако, в этом процессе всё ещё существуют такие проблемы, как разрушение культурных реликвий, нарушение объектов культурного наследия при освоении и строении новых зданий, связанных с развитием экономики, недостаточное участие

граждан в этом деле, которые неизбежно будут препятствовать дальнейшему развитию дела защиты культурного наследия в случае отсутствия своевременных решений.

Состав культурного наследия Китая

Культурное наследие – это свидетель исторического развития человечества, способный воссоздать исторический облик прошлого и даже древних времен, это подлинное отражение достижений человеческой цивилизации и гуманистических ценностей во все эпохи. Культурное наследие имеет огромное значение, когда исчезает социальная структура определенного исторического периода, и только через сохранившееся культурное наследие можно узнать о социальной жизни и культурном контексте того времени. Великолепное и неисчислимо культурное наследие находится под угрозой исчезновения в результате разрушений стихийными бедствиями, войнами, людьми, а само культурное наследие невозобновляемо и, будучи уничтоженным, означает конец исторического периода. В связи с этим правительства и общества несут историческую ответственность за сохранение своего культурного наследия и его передачу будущим поколениям, поскольку будущие поколения также имеют право и обязанность потреблять и передавать свое культурное наследие, узнавать о своей истории и черпать мудрость и силы своих предков. В то же время на фоне изменений на международной арене державы соревнуются за право быть создателями мирового порядка, они, укрепляя свою экономическую и военную мощь, активно развивают свою культурную мягкую силу.

Принципы защиты культурного наследия в условиях вооруженного конфликта, установленные в «Гаагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» в начале XX века, открыли путь к охране культурного наследия в международном сообществе [1]. На 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1972 г. была принята «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» с целью предотвращения истощения культурного и природного наследия и создания постоянной и эффективной системы коллективной охраны культурного и природного наследия, имеющего универсальную ценность, на основе современных научных методов [2].

В 1985 году Китай официально ратифицировал «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия», которая имеет в Китае правовой статус, и с тех пор Китай впитывает международную концепцию и опыт в этой сфере и постепенно формирует свою собственную систему охраны культурного наследия. «Циркуляр об усилении охраны культурного наследия», выпущенный в декабре 2005 года, утверждает: «Культурное наследие включает в себя как материальное, так и нематериальное культурное наследие. Материальное культурное наследие – это

культурные реликвии, имеющие историческую, художественную и научную ценность, включая недвижимые культурные реликвии, такие как древние памятники, древние гробницы, древние здания, пещерные храмы, резьба по камню, фрески, важные современные места и представительные здания, и движимые культурные реликвии, такие как важные предметы, предметы искусства, документы, рукописи и книги различных эпох истории; а также историко-культурные города (кварталы, деревни и села), имеющие выдающуюся универсальную ценность с точки зрения архитектурного стиля, равномерного распределения, или сочетания с окружающей средой и ландшафтом. Нематериальное культурное наследие – это все виды традиционные формы выражения культуры в нематериальном виде, которые тесно связаны с жизнью народа и передаются из поколения в поколение, включая устные традиции, традиционное исполнительское искусство, фольклорные мероприятия, ритуалы и праздники, традиционные народные знания и практики, связанные с природой и Вселенной, традиционные ремесла и навыки, а также культурное пространство, связанное с вышеупомянутыми традиционными формами выражения культуры» [3]. Кроме того, в данном Циркуляре излагается актуальность, руководящая идеология, основные принципы и общие цели защиты культурного наследия, а также предлагается ряд мер по решению проблем, стоящих перед сохранением культурного наследия. Охрана культурного наследия стала важной стратегией культурного строительства Китая, укрепления его культурной мягкой силы и реализации великого возрождения китайской нации.

Новые тенденции в области охраны культурного наследия Китая

В условиях глобализации вопрос сохранения уникальности национальных культур и укрепления национальной самобытности становится всё более актуальным, и всё больше стран активно ведут раскопки культурных реликвий, представляющих их национальную самобытность, и усиливают защиту своего культурного наследия в качестве средства укрепления своей национальной самобытности и усиления культурной сплоченности и влияния.

В Китае охрана культурного наследия вызывает большую озабоченность общества и стала важным стратегическим ресурсом для устойчивого социального развития. Со времен реформ и открытости, в условиях стремительного развития китайской экономики, правительство Китая продолжает совершенствовать систему управления и охраны культурного наследия, а строительство культуры постепенно становится приоритетным направлением развития, в связи с чем охрана культурного наследия в Китае достигла небывалого процветания и демонстрирует следующие тенденции развития.

Расширение сферы охраны культурного наследия

Охрана культурного наследия Китая продолжает развиваться на практике, в итоге формируя относительно целостную систему. В процессе формирования этой системы прослеживается тенденция к расширению сферы охраны культурного наследия. Наиболее очевидным проявлением этой тенденции является расширение сферы охраны с материального на нематериальное культурное наследие. В Китае «весы политики» долгое время склонялись в сторону защиты материального культурного наследия, что привело к запоздалому началу охраны нематериального культурного наследия. Если охрана материального культурного наследия Китая началась в конце правления династии Цин, то правовая охрана нематериального культурного наследия началась в 1990-х годах и развивалась по принципу «от местного к центральному». Провинция Юньнань, будучи пилотной в стране, впервые начала законодательную работу по охране нематериального культурного наследия. В июне 2000 года было принято «Положение об охране этнической традиционной народной культуры в провинции Юньнань», заложившее основу национального законодательства по охране нематериального культурного наследия, и многие регионы, опираясь на результаты законодательной деятельности Юньнани и активно изучая зарубежный опыт охраны нематериального культурного наследия, способствовали созданию местных законодательных систем и проведению конкретной работы. Конвенция «об охране нематериального культурного наследия», принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО 17 октября 2003 года, положила начало усилиям международного сообщества по сохранению нематериального культурного наследия. В 2004 году Китай стал одним из государств-участников данной международной Конвенции. Циркуляр об усилении охраны культурного наследия, принятый Государственным советом в 2005 году, включил нематериальное культурное наследие в систему охраны культурного наследия. Закон КНР «О нематериальном культурном наследии», принятый в 2011 году, официально придал правовой статус охране нематериального культурного наследия, и с тех пор система охраны нематериального культурного наследия непрерывно развивается. В последние годы список нематериального культурного наследия постоянно расширяется, и по состоянию на декабрь 2023 года в списке нематериального культурного наследия с китайской спецификой на национальном, провинциальном, муниципальном и уездном уровнях было выявлено более 100,000 репрезентативных объектов нематериального культурного наследия [4]. На данный момент насчитывается 43 позиции Китая в списке объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО [5]. Переход в охране материального к нематериальному культурному наследию символизирует нацеленность Китая на развитие своей материальной базы, а также духовной культуры, и его

усилия по укреплению своей культурной мягкой силы путем наследования и развития выдающейся традиционной культуры.

В охране культурного наследия Китая также прослеживается тенденция перехода от наземных к подводным объектам. Подводное культурное наследие – это культурное наследие человечества, сохранившееся под водой и имеющее историческую, художественную и научную ценность. С бурным развитием науки и техники появился аква-ланг, заложивший основу для подъёма подводной археологии, вследствие чего тайны подводного мира начали раскрывать учёные. Хотя проведения подводных раскопок способствуют расширению знаний о подводном культурном наследии и выявлению их значимости для культуры и истории, но одновременно с этим существует угроза его разрушения человеком. Таким образом, подводное культурное наследие стало пользоваться особой защитой, не зависящей от наземного культурного наследия. В Китае охрана подводного культурного наследия продвигается главным образом посредством законодательных мер и создания подводных археологических учреждений.

«Административные правила защиты подводных культурных реликвий Китая», опубликованные 20 октября 1989 года, стало первым правовым документом по охране подводного культурного наследия, в котором были прописаны различные аспекты управления подводным культурным наследием, что создало практическую правовую основу для охраны подводного культурного наследия и оказало эффективную практическую поддержку зарождающемуся развитию подводной археологии в Китае [6]. Впоследствии данное Положение постоянно совершенствовалось, и в него дважды вносились поправки – в 2011 и 2022 годах соответственно. В пересмотренном Административных правилах и добавлены правовые нормы, касающиеся археологической разведки до начала строительных работ и деятельности по разрушению подводных культурных реликвий, а также уточнены соответствующие положения о зонах охраны подводного культурного наследия.

В 1987 году в Китае появилось первое подводное археологическое учреждение – отделение подводной археологии при историческом музее Китая. Подводная археологическая группа растёт с каждым годом на фоне стремления руководства Китая подготовить высококвалифицированных специалистов в этой сфере. Подводные археологические памятники охватывают широкий спектр: Бохайское, Желтое, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря, на которых плодотворные результаты достигнуты в защите подводного культурного наследия. Например, в 1990–1997 гг. были проведены раскопки и спасены затонувшее судно династии Юань в Ляонин Суйчжун, а извлеченные из воды реликвии в основном состояли из фарфора, а также керамики, железных изделий и отдельных деревянных досок. Результаты раскопок предоставили новую и важную информацию для

изучения истории развития морского транспорта, торговли товарами династии Юань, а также процесса обжига фарфора. В 2007 году затонувший корабль «Наньхай-1» был успешно спасен, и его груз представил миру большое количество прекрасного фарфора, золотых и серебряных изделий. В 2008 году археологические раскопки на месте затонувшего судна «ХуаГуанЦзяо-1» позволили поднять на поверхность не только сам затонувший корабль, но и почти 10,000 различных керамических артефактов, представляющих большую научную ценность.

В последние годы почти все прибрежные провинции Китая создали свои собственные подводные археологические учреждения и учреждения по охране археологических объектов подводного культурного наследия. Кроме того, значительные инновации и прорывы были совершены в концепциях, технологиях и методах охраны подводного культурного наследия, и постепенно сформировалась модель охраны подводного культурного наследия с китайской спецификой.

Расширение спектра видов объектов охраны культурного наследия

По мере развития экономики и общества меняется понимание людьми культурного наследия и их ценности, в связи с чем охрана культурного наследия в Китае также демонстрирует тенденцию к диверсификации видов объектов охраны культурного наследия. Во-первых, охрана культурного наследия в Китае наблюдается тенденция перехода от «статичной» к «динамичной». Культурное наследие не является статичным, оно также должно включать в себя живое, развивающееся наследие. Наиболее показательным примером является охрана Больших каналов. Большой канал – типичный пример «живого наследия», которое имеет атрибут наследия и не утратило своей первоначальной функции и по-прежнему играет важную роль в судоходстве и других аспектах. Смена эпох определяет обновление социальных функций живого наследия, такого как большой канал, и поэтому использование соответствующих методов сохранения живого наследия – единственный способ лучше передать его из поколения в поколение. В феврале 2017 года, когда генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин посетил пекинский район Тунчжоу, он подчеркнул, что Великий канал – это драгоценное наследие, оставленное нам нашими предками, это «текущая культура». Его необходимо хорошо охранять, передавать по наследству и использовать скоординированным образом [7].

Во-вторых, Китай начал уделять внимание охране современного культурного наследия одновременно с охраной древних культурных памятников. Правительство Китая долгое время придавали большее значение древнему культурному наследию и культурным памятникам, имеющим революционное значение, а осознание необходимости защиты культурного наследия, отражаю-

щего жизнь современного общества, было относительно низким. Экономическое развитие ускорило изменения в социальной жизни и риск ускоренного исчезновения прежних общественных способов производства и памятников, что вызвало широкую озабоченность со стороны государства и общества в Китае, поэтому для того, чтобы история не была забыта, Китай своевременно проводит раскопки и сохраняет культурное наследие современной эпохи. Культурное и промышленное наследие XX века стало новыми объектами охраны, например, Большой зал народных собраний и Дворец культуры национальностей в Пекине, Телебашня «Восточная жемчужина» и выставочный центр в Шанхае, а также первые здания первого завода по производству автомобилей в Чанчуне вошли в первую часть китайского архитектурного наследия XX века.

Ориентация охраны культурного наследия на устойчивое социальное развитие

На фоне ускоренной модернизации экономики Китая уделяет все больше внимания согласованию охраны культурного наследия с экономическим развитием. В последние годы Китай активно координирует взаимосвязь между экономическим развитием и охраной культурного наследия, придерживается принципа «развитие основано на охране», нацеленный на рациональное и умеренное освоение и использование объектов культурного наследия, чтобы оно стало движущей силой для развития культурных и креативных индустрий и стимулировало рост местной экономики. Многие города Китая благодаря рациональному планированию превратили некоторые древние объекты и промышленное наследие в креативные парки, музеи и городские ландшафты, представляющие культурную и экономическую ценность. Например, культурно-индустриальный парк «Гроты Юньган», ландшафт которого основан на местных отходах песчаника или тележках с железной рудой, старых ветряных мельницах, лебедках и так далее. Кроме того, верфь 1862 г. в Шанхае, которая в свое время была одним из мест зарождения современной индустриальной цивилизации Китая и отражала историю китайского судостроения, сегодня превратилась в модный коммерческий центр площадью 26,000 квадратных метров и стала новой достопримечательностью городской культуры и искусства Шанхая, объединив в себе магазины, досуг, развлечения и туризм.

Проблемы охраны культурного наследия Китая

После реформы и открытости китайское руководство вложило огромное количество финансовых, материальных и человеческих ресурсов в раскопки и защиту культурного наследия и добилось больших успехов в создании систем и институциональных инноваций для защиты культурного наследия. Однако в то же время Китай сталкивается с рядом вызовов и проблем в области охраны культурного наследия.

Для более эффективной защиты культурного наследия необходимо подробно изучить каждую из этих проблем и предложить соответствующие контрмеры для их решения, а не успокаиваться на достигнутом.

Во-первых, культурное наследие находится под угрозой разрушения, и необходимо усилить меры по его защите. Результаты третьей национальной переписи культурного наследия, проведенной в 2007–2011 годах, показывают, что защита культурного наследия Китая сталкивается с серьезными проблемами: рост общего числа объектов культурного наследия превышает рост числа учреждений, групп, финансирования и улучшения условий и оборудования для защиты культурного наследия Китая; состояние защиты недвижимых культурных объектов еще не оптимизировано. Из почти 770 000 имеющихся недвижимых объектов культурного наследия большинство находится в тревожном состоянии: 17,77% в плохом состоянии, 8,43% в плачевном состоянии [8].

Следует также отметить, что данные первой национальной переписи движимых объектов культурного наследия, состоявшейся в 2013–2016 годах, показывают, количество движимых объектов культурного наследия составляет около 64,07 миллиона, при этом 23,93% объектов культурного наследия сохранились полностью, 59,89% – в основном нетронутыми, 14,43% – изуродованными, а 1,75% – сильно изуродованными (включая отсутствующие части) [9]. Таким образом, усиление защиты культурного наследия чрезвычайно актуально и имеет важное значение для снижения риска повреждения и утраты самих культурных объектов.

Во-вторых, в связи с быстрым экономическим развитием Китая и ускоряющейся урбанизацией культурное наследие в той или иной степени уничтожается под лозунгом строительства и развития городов и регионов. В августе 2023 года Зал предков клана Хуан в уезде Цаннань города Вэньчжоу провинции Чжэцзян оказался под угрозой сноса для строительства новой гостиницы, что вызвало споры и привлекло широкое внимание всех слоев общества. Залы предков – важные для китайцев места поклонения предкам или мудрецам, символизирующие семью и эмоциональную поддержку народа, и их сохранение чрезвычайно важно для развития традиционной китайской культуры. Поэтому строительство и развитие городов и регионов не должно идти в ущерб культурному наследию. Они должны дополнять друг друга, не способствуя противостоянию между развитием модернизации и передачей истории и культуры. Модернизация должна основываться на сохранении культурного наследия, которое не только отражает уровень модернизации и экономическую мощь Китая, но и демонстрирует облик исторических зданий и воспроизводит глубокое наследие китайской истории и культуры.

В-третьих, необходимо привлекать широкую общественность к активному участию в охране культурного наследия. Культурное наследие Китая – это важное воплощение уникальных духов-

ных ценностей и образа мышления китайской нации, в нем сконцентрирована мудрость 56 этнических групп. Народ является одновременно и творцом, и наследником культуры.

По мере прогресса и развития китайского общества растущее отчуждение современного населения от исторического и культурного наследия привело к тому, что осведомленность об охране культурного наследия остается относительно низким. Однако охрана культурного наследия – это не только обязанность государственной власти, профессионалов, экспертов и ученых, но и долг, и обязанность каждого гражданина. Таким образом, при защите культурного наследия правительство должно не только играть ведущую роль, но и мобилизовать общество на активное участие в этом процессе, чтобы превратить защиту культурного наследия в дело, вызывающее озабоченность всего общества.

Кроме того, отсутствие единой системы управления является одной из основных причин нанесения ущерба культурному наследию и его разрушения в контексте строительства и развития городов. Национальное управление культурного наследия, Национальная комиссия по делам национальностей, Государственное управление по делам религии, Министерство гражданской администрации, Китайская академия наук, Министерство земельных и природных ресурсов и т.д. несут ответственность за защиту культурного наследия региона. На практике все уровни власти или соответствующие ведомства имеют право распоряжаться и использовать объекты культурного наследия, и именно отсутствие четкого определения прав и обязанностей часто приводит к повреждению и утрате культурных реликвий. Для того чтобы в корне изменить ситуацию с неэффективной охраной культурного наследия Китая, самое главное – постоянно совершенствовать механизм управления культурным наследием, улучшить ситуацию с децентрализованным управлением и создать единый механизм управления культурным наследием «сверху вниз» – от центрального правительства до местных властей, в рамках которого все ведомства имеют четкие полномочия и обязанности и эффективно работают, чтобы политика, указы и меры по управлению национальным культурным наследием могли эффективно осуществляться и контролироваться на всех уровнях.

Очевидно, что охрана культурного наследия – долгий и кропотливый процесс, и этот процесс сопровождается проблемами, поэтому необходимо совершенствовать систему управления и корректировать направление политики в соответствии с конкретной практикой, чтобы решать специфические вопросы, возникающие на разных этапах и звеньях работы системы по защите культурного наследия.

Обсуждения и результаты

Охрана культурного наследия – это не только неотъемлемое условие для реализации великого воз-

рождения китайской нации, но и незаменимый путь сохранения многообразия мировых цивилизаций. Культурное наследие имеет огромное значение для распространения знаний об истории и культуре, развития национального духа, укрепления национальной идентичности и сохранения мирового культурного разнообразия. Охрана культурного наследия – это не только неотъемлемое условие для реализации великого возрождения китайской нации, но и незаменимый путь сохранения многообразия мировых цивилизаций. На современном этапе в Китае происходят глубинные изменения в сфере охраны культурного наследия: непрерывное расширение зоны охраняемых памятников и их видов. Однако в этом процессе всё ещё существуют такие проблемы, как разрушение культурных реликвий, нарушение целостности объектов культурного наследия при освоении территорий и строении новых зданий, связанных с развитием экономики, недостаточная вовлеченность граждан в решение вопросов защиты культурного наследия. На современном этапе в Китае происходят глубинные изменения в сфере охраны культурного наследия: непрерывное расширение зоны охраняемых памятников и их видов. Однако в этом процессе всё ещё существуют такие проблемы, как разрушение культурных реликвий, нарушение целостности объектов культурного наследия при освоении территорий и строении новых зданий, связанных с развитием экономики, недостаточная вовлеченность граждан в решение вопросов защиты культурного наследия.

Китайская система мер по защите культурного наследия – часть общемировой тенденции усиления заботы международного сообщества о культурном наследии.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Проведённое исследование на основе анализа китайского значения феномена «культурное наследие» продемонстрировало, что содержание китайского культурного наследия довольно многозначно. В результате проведенного исследования нормативных документов, регулирующих систему мер по защите культурного наследия КНР и сбора и систематизации данные современных СМИ о практике защиты различных объектов культурного наследия в современном Китае были отмечены положительные тенденции в сфере защиты культурного наследия в Китае, но в то же время указаны ряд проблем и возможные пути их решения, существующих в данной сфере на сегодняшний день.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и систематическое описание особенностей сферы охраны культурного наследия в сопоставительном аспекте на примере Китая и России.

Литература

1. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта. Гаага, 14 мая 1954 года. – URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения: 30.01.2024).
2. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. – URL: http://chl.ruc.edu.cn/Content_Detail.asp?Column_ID=50308&C_ID=20024403 (дата обращения: 30.01.2024).
3. Государственный совет Китайской Народной Республики. Циркуляр об усилении охраны культурного наследия. 2005. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_185117.htm (дата обращения: 30.01.2024).
4. Нематериальное культурное наследие Китая. – URL: https://zhuanti.mct.gov.cn/2022ycrxwjj_detail/1837.html (дата обращения: 30.01.2024).
5. Объектов КНР в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. – URL: <https://www.ihchina.cn/chinadirectory.html> (дата обращения: 30.01.2024).
6. Административные правила охраны подводных культурных ценностей Китайской Народной Республики. – URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2022/2/28/art_722_173121.html (дата обращения: 30.01.2024).
7. Защита корней национального духа китайской нации – Обзор важных утверждений генерального секретаря Си Цзиньпина об усилении охраны исторического и культурного наследия. – URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2022/2/28/art_722_173121.html (дата обращения: 30.01.2024).
8. Третья национальная перепись культурных реликвий была полностью завершена, и было выявлено около 770 000 культурных реликвий. – URL: https://www.gov.cn/jrzq/2011-12/29/content_2033527.htm (дата обращения: 30.01.2024).
9. Первая национальная перепись движимых культурных ценностей дала плодотворные результаты. – URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2017/6/2/art_2006_141398.html (дата обращения: 30.01.2024).

MECHANISMS FOR THE PROTECTION OF CHINESE CULTURAL HERITAGE IN THE ASPECT OF SUSTAINABLE SOCIAL DEVELOPMENT

Yang Qianwen
Beijing Foreign Studies University

Cultural heritage, as a product of the development of society, is the bearer of the civilization of the country and a witness to the transmission of national culture from generation to generation, collecting the wisdom of the ancients and the imprints of changing times. In recent years, China's economy has entered the rails of rapid development, as well as the spiritual and cultural needs of people are growing. In this context, the cultural heritage, which is the bearer of Chinese culture and the pillar of cultural soft power, has become the focus of attention of the whole country. This paper examines new trends in the development of cultural heritage protection in China, as well as some topical issues such as the violation of cultural heritage,

the need for increased public participation and fragmentation of the management system.

The purpose of the study is to identify and describe current trends in the development of the field of protection of China's cultural heritage, as well as to fix the range of the most acute problems in this area; to propose solutions to them.

The scientific novelty of the study lies in the fact that it describes for the first time the features of the functioning of mechanisms for the protection of China's cultural heritage in modern conditions, and provides a detailed analysis of the problems of the modern Chinese state system for the protection of cultural heritage. As a result of the study, the structure and features of the functioning of the sphere of cultural heritage protection in modern China are revealed, a range of problems in the field of protection of China's cultural heritage is outlined and possible solutions are proposed.

Keywords: China; protection of cultural heritage; cultural heritage object.

References

1. Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. The Hague, 14 May 1954. – URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (access date: 01/30/2024).
2. Convention for the Protection of the World Cultural and Natural Heritage. – URL: http://chl.ruc.edu.cn/Content_Detail.asp?Column_ID=50308&C_ID=20024403 (access date: 01/30/2024).
3. State Council of the People's Republic of China. Circular on strengthening the protection of cultural heritage. 2005. – URL: https://www.gov.cn/gongbao/content/2006/content_185117.htm (access date: 01/30/2024).
4. Intangible cultural heritage of China. – URL: https://zhuanti.mct.gov.cn/2022ycrxwj_detail/1837.html (access date: 01/30/2024).
5. Objects of the People's Republic of China on the UNESCO List of Intangible Cultural Heritage. – URL: <https://www.ihchina.cn/chinadirectory.html> (access date: 01/30/2024).
6. Administrative rules for the protection of underwater cultural properties of the People's Republic of China. – URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2022/2/28/art_722_173121.html (access date: 01/30/2024).
7. Protecting the Roots of the National Spirit of the Chinese Nation – Review of General Secretary Xi Jinping's important statements on strengthening the protection of historical and cultural heritage. – URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2022/2/28/art_722_173121.html (access date: 01/30/2024).
8. The Third National Census of Cultural Relics has been fully completed, and approximately 770,000 cultural relics have been identified. – URL: https://www.gov.cn/jrzq/2011-12/29/content_2033527.htm (access date: 01/30/2024).
9. The first national census of movable cultural property has produced fruitful results. – URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2017/6/2/art_2006_141398.html (access date: 01/30/2024).

Сущность историософских взглядов Антанаса Мацейны: на примере трудов «Великий инквизитор» и «Тайна беззакония»

Самохвалов Артем Игоревич,

аспирант Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: artem.samokhvalov@yandex.ru

Целью данного исследования является выявление содержания и сущности историософских взглядов представителя религиозного экзистенциализма литовского философа Антанаса Мацейны (1908–1987). Для достижения данной цели автор стремился следовать выбранной методологии. Для выявления сути и особенностей философии истории А. Мацейны были исследованы 2 философских труда, полноценно раскрывающих его историософские взгляды: «Великий инквизитор» и «Тайна беззакония»; основное содержание статьи было разделено на 2 части: «Общие закономерности хода исторического процесса от Христа до конца истории по философии Антанаса Мацейны» и «Особенности европейского общества середины раскрытия антихриста по философии Антанаса Мацейны». Основным методом научного исследования в данной статье является герменевтический анализ по Х. – Г. Гадамеру; дополнительный метод исследования – историзм. По ходу написания статьи было обосновано то, какой временной интервал всемирной истории следует рассматривать для полноценного описания историософских взглядов А. Мацейны. Были выявлены характерные черты общества европейских государств середины XX века, указывающие, по мнению философа, на очень близкое приближение человечества к концу истории, также была показана сохраняющаяся в настоящее время актуальность его философии.

Ключевые слова: антихрист, Бог, дьявол, свобода, Христос, человек, экзистенция.

Введение. Литовский философ Антанас Мацейна – один из наиболее значимых представителей религиозного экзистенциализма. Будучи католиком по вероисповеданию, и в силу характера своей деятельности, убеждений и исторических обстоятельств вынужденный прожить за пределами своей родины большую часть своей жизни и даже до своей смерти в 1987 году, А. Мацейна, несмотря на его неприятие советской власти, безусловно, русофобом не был и в двух из своих наиболее значимых философских трудов обращался к комментариям с позиций экзистенциальной философии работ русских философов и писателей: Фёдора Достоевского и Владимира Соловьёва. В данной работе исследуется понимание А. Мацейны философии истории и значение этого понимания в современной действительности. Данная работа написана на основе книг философа «Великий инквизитор», впервые опубликованной в 1946 году [3] и «Тайна беззакония», впервые опубликованной в 1955 году [4].

В книге «Великий инквизитор» философ отмечает, что лучшие литературные произведения рано или поздно становятся объектами глубокого философского осмысления тем или иным профессиональным философом. Так, например, А. Мацейна указал на то, что известный немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер считал свою философию комментариями к поэзии немецкого поэта Райнера Марии Рильке, в особенности к «Duineser Elegien». По А. Мацейне, философия М. Хайдеггера и поэзия Р. Рильке отличается одно и то же мироощущение и мировоззрение. С учётом этих фактов и самого текста «Великого инквизитора» становится очевидным, что в данной книге изложены не просто комментарии А. Мацейны к философским взглядам Ф. Достоевского и некоторых персонажей «Братьев Карамазовых», а его личные философские взгляды. Поскольку текст «Великого инквизитора» А. Мацейна, литовский философ воспринимал прежде всего как поэтическое изложение сути человеческой истории после Вознесения Христа, данная книга и составляет большую часть философии истории Антанаса Мацейны.

Однако, поскольку А. Мацейна был христианским экзистенциалистом, неудивительно, что его философия не ограничивается его современностью. В своих философских трудах он смотрит несколько дальше. Книга «Тайна беззакония», являющаяся продолжением книги «Великий инквизитор», – комментарии А. Мацейны к произведению философа Владимира Соловьёва «Три разговора».

Как отмечал А. Мацейна, с одной стороны на поэму о великом инквизиторе в «Братьях Карамазовых» повлияло мировоззрение В. Соловьёва конца 70-х годов XIX века, когда тот был ещё молод, с другой стороны, сам А. Мацейна восторженно отзывался о «Трёх разговорах» В. Соловьёва, считая, что его присоединение к католицизму в 1896 году способствовало уходу от утопических взглядов на дальнейший исторический процесс, более правильному христианскому пониманию того, какие основные события будут происходить в мире в последние годы земной истории. И хотя, сам А. Мацейна считал поэму «Великий инквизитор» отражением философии истории, а повесть «Три разговора» – теологии истории, надо понимать, что историософские взгляды христианина не могут окончиться просто сегодняшним днём. Религиозный философ вполне может осмысливать потенциально возможное расположение сегодняшних дней на шкале времени относительно даты раскрытия антихриста, через 3,5 года после которого, с точки зрения большинства христиан, должно состояться Второе пришествие Иисуса Христа, которое положит конец существованию этого мира; оценивать то, насколько те или иные события приближают или отдаляют человечество от этого события, насколько земные цивилизации соответствуют этому событию. Философия истории ничего не может сказать о последних 3,5 годах земной истории, (о периоде, с христианской точки зрения, де-факто обратного отсчёта времени, когда для христиан должен быть актуальнее вопрос не какой год нашей эры, а сколько времени осталось до конца истории этого мира), это вопрос чисто теологический, вопрос апокалиптических пророчеств, их интерпретации и исполнения. Теологии истории большинства христианских конфессий ничего абсолютно определённого, на уровне догматическом, сказать не может для христианина о времени раскрытия антихриста, кроме написанного апостолом Павлом (2 Фес., 2:2–4) о неспешности и неопределённости времени наступления данного события. Утверждения, связанные с потенциально возможным существенным приближением человечества ко времени раскрытия антихриста, а, следовательно, и ко времени Второго пришествия Иисуса Христа, – утверждения философские, это не догмы, а предположения, оставляющие большие возможности для сомнений и вопрошания. Поэтому многие комментарии А. Мацейны к повести об антихристе из «Трёх разговоров», касающиеся времени до раскрытия соловьёвского антихриста, являются составной частью его философии истории.

Общие закономерности хода исторического процесса от Христа до конца истории по философии Антанаса Мацейны.

По мнению А. Мацейны, история человечества до Христа малоинтересна для христианских народов середины XX века, она не волнует их души и мало влияет на их бытие и сознание. Напротив, по А. Мацейне, история после Христа волнительна, актуальна, «вся живёт в настоящем» [3].

История природного мира пессимистична, природа – потенциальный объект для атаки со стороны дьявола, и единственное, что может противопоставить ему, – умение терпеть боль [4].

История человечества развивается не по законам природы, а как следствие борьбы трансцендентных сил через людей. Главный закон истории, по А. Мацейне: в природном порядке побеждает зло, в надприродном, навеки, – побеждает добро [4]. Борьба между Богом и дьяволом – причина уничтожения этого мира навеки, навсегда. Существенное влияние на ход исторических событий оказывают как свободные воли людей, ограниченные при необходимости Богом, так и промыслы Божий.

Историческое развитие обусловлено влиянием двух начал, двух основных осей, вокруг которых вращается история после Христа: Христа и инквизитора, действующего под влиянием дьявола. Ход мировой истории обусловлен законом диалектики, противоположные начала в ней непрерывно и непримиримо борются, их власть на Земле безоговорочно не утверждается, формы реализации власти, действующей в интересах того или иного начала, изменяются и колеблются. Полями борьбы между Христом и дьяволом являются не только отдельные страны или мир в целом, но каждый человек, когда-либо узнавший о христианстве и о Христе. Христос и дьявол борются за душу и поступки этого человека, он может свободно выбирать, следовать ли ему за Христом или за его главным врагом, человек может существенно меняться по ходу жизни и отрицать свои прежние поступки.

Инквизитор является собирательным образом высших руководителей Римско-католической церкви XVI века, а также любого авторитарного или тоталитарного государства или тоталитарной религиозной группы, человек с охотой подчиняющийся которому несвободен, променял свою свободу на субъективное психологическое счастье, при этом лучшим исходом после смерти для человека, проведшего жизнь в согласии с инквизитором, может быть только небытие. Примечательно то, что установка инквизитора такова, что он не верит в воздаяние Бога после смерти умершим во грехах, хотя и не верит в то, что их души могут попасть хотя бы в чистилище [8] после смерти в соответствии с католическим догматом с тем, чтобы после Страшного суда они, воскрешённые Богом, достигли рая.

Исторический процесс, по А. Мацейне, не циклический, а однократный. По ходу истории, несмотря на могущество сторонников дьявола, они предчувствуют своё итоговое поражение и осуждение Христом на Страшном суде.

В непрекращающейся борьбе между Богом и дьяволом человек не может сохранить нейтралитет. Если он не на стороне Бога, то обязательно на стороне дьявола. Дух антихриста присутствует везде, где отрицается Христос как Бог, где искажается суть или ложно оценивается значение Его жизни и проповеди; дух антихриста может при-

существовать в философии, в искусстве, в других сферах человеческой деятельности, в общественной жизни. Дух антихриста, по А. Мацейне, – постоянное явление в истории тех или иных стран мира, по крайней мере с того времени, как апостол Павел в своём послании написал о том, что «тайна беззакония уже в действии» (2 Фес., 2:7). Важной чертой антихристового духа, проявляющейся в некоторых людях, является отрицание воскресения Христа, отрицания влияния Его экзистенции на ход событий на Земле.

По А. Мацейне, человек во временной жизни не может быть подлинно счастлив. Счастье во временной жизни, к которому стремится подавляющее большинство людей, – чувство психологическое, субъективное. В борьбе за личное счастье человек утрачивает свою свободу и становится рабом той или иной системы, в своих духовных установках подобной инквизиторской: государственной или корпоративной. Подлинное, онтологическое счастье, совместимое со свободой, по А. Мацейне, человек обретёт только в раю, если он там окажется, по завершении хода земной истории.

Большое внимание в своей философии А. Мацейна уделяет бунту и бунтарству, однако не восстаниям и революциям, а внутреннему экзистенциальному бунту человека. Философ считает, что бунтарство – это всегда отрицание, что приводит человека к негативным последствиям, если он отвергает добро, но в то же время в нём проявляется стремление человека освободиться от того, что его мучает, сковывает, на него давит. В основе бунтарства лежит стремление человека к свободе.

Бог, по А. Мацейне, является творцом человеческой свободы, Ему угодна религия, основанная на свободе человеческой совести, и добровольной любви человека к Богу, а не основанная на принуждении к её исповеданию, либо на стремлении человека к хлебу земному, к сытости в широком смысле этого слова, в разнообразных посясторонних её проявлениях. Поэтому Иисус Христос, по А. Мацейне, основывает свою деятельность на людях, бунтующих против лжи и насилия, а инквизитор и ему подобные на лжи, насилии, рабском стремлении человека к временному психологическому счастью, на стремлении превратить человека в бездушного зверя.

В одном лагере собираются те, для кого характерна жажда истины, беспокойство, одиночество, кому понятен смысл, принесённого Христом меча. В другом лагере собираются те, для кого характерна сытость, успокоенность, единение между собой. Между этими двумя лагерями «огромное... напряжение» [3], которое существенно сказывается на всём ходе мировой истории.

А. Мацейна писал о том, что Мартин Лютер «предал свою церковь, передав её в руки антихриста» [4], писал, что «такой же смысл кроется и в церковной реформе православных» [4], подразумевая реформы патриарха Никона в России;

однако, будучи католиком, он критически относился к деятельности Римско-католической церкви, да и вообще к современным цивилизациям христианских народов, приближаясь по духу своих воззрений к мировоззрению старообрядцев-беспоповцев, многие из которых уже в XVIII веке были убеждены, что в мире господствует дух антихриста. Несмотря на это, по всей видимости, А. Мацейна не допускал для себя выход из католицизма, – почти для любого философа, а тем более для философа, осознающего сущностное единство своей работы с творчеством поэтов, крайне важно чувствовать себя частью своего народа, а большинство литовцев – католики.

Таким образом, философия истории А. Мацейны – составная часть его философии христианского теистического экзистенциализма. Для А. Мацейны чуждыми были не только деистические и атеистические философии, но и философии нехристианского, по сути, идеализма, такие как, например, Георга Гегеля с изобретённой им идеей абсолютного духа или Карла Ясперса с его идеей философской веры.

Особенности европейского общества середины XX века и перспективы достижения человечеством времени раскрытия антихриста по философии Антанаса Мацейны. До прихода антихриста, по А. Мацейне, в мире должен активно присутствовать антихристов дух. По А. Мацейне, с течением времени всё больше и больше людей утрачивает веру в то, что Второе пришествие Иисуса Христа вообще когда-либо состоится, а в середине 50-х годов XX века, когда была написана «Тайна беззакония», и вовсе чувствовали себя весьма спокойно и защищённо. И, тем не менее, А. Мацейна утверждал, что на самом деле современные люди живут в «сочельник истории» [4], подразумевая большую вероятность того, что некоторые из них доживут до обрушения мира, которое начнётся сразу же после раскрытия антихриста.

Основная причина конца истории, по А. Мацейне, – не иссякание внутренних сил человечества или внутренних сил трансцендентного добра, а отягощённость грехами и отсутствие подлинного раскаяния перед Богом подавляющего большинства людей. Последний антихрист, «человек греха и сын погибели» (2 Фес., 2:3), станет главным злодеем всемирной истории, «наиболее зрелым плодом вечного антихристового духа» [4]. Антихрист отличается крайним себялюбием, а себялюбие противоположно любви; соловьёвский антихрист не любил ни Бога, ни ближних. Себялюбие, по А. Мацейне, это онтологическое отрицание Бога, тотальный атеизм. Преклонение антихриста перед дьяволом – следствие ярко выраженного богоборческого направления его существования.

А. Мацейна критикует деятельность национальных и международных благотворительных организаций, широко распространившуюся в XX веке, считая, что их деятельность направляется антихристовым духом, что сотрудники благотворительных организаций не видят в тех, кому помогают

людей, которым они помогают, исполняя христианский долг, ради Христа, но считают своих подопечных низшими существами, купленными за кусок хлеба, либо своими заключёнными. Цель христианской помощи – служение ближнему, цель антихристианских благодеяний – власть над ближним. Последний антихрист должен отличаться поразительной щедростью к христианским религиям, но по сути быть исключительно гордым себялюбивым безбожником. Согласие подавляющего большинства участников собора любой из групп христианских религий (католической, православной, протестантской) в храме единения всех культов в Иерусалиме на принятие помощи от соловьёвского антихриста (католикам – восстановление прав и привилегий папы; православным – музей христианской археологии; протестантам – институт Священного Писания с большим финансированием) объясняется, по А. Мацейне, окаменелостью их душ и поверхностностью их рассуждений, но такие дела не имеют оправдания в глазах Бога.

Соловьёвский антихрист верил во Христа как в историческую личность, даже как в посланника Божьего, но не как в Бога, а как в своего предтечу. По А. Мацейне, антихристов дух современных государств, где среди населения преобладают относящие себя к той или иной одной из трёх наиболее распространённых направлений христианства, заключается в том, что Христа считают основоположником «современной нравственности, социального устройства, демократии и даже мира в мире» [4], воспринимают как одного из предтеч современных европейских государств и народов, наряду с язычниками: древними греками, давшими Европе философию, и древними римлянами, давшими Европе право, считают предтечей сегодняшнего, якобы близкого к совершенству устройству своих государств и обществ в них. По А. Мацейне, широко распространённое в мире отчаяние и популярность атеистической экзистенциальной философии, – следствие утраты людьми веры в воскресение Христа. А. Мацейна подвергает критике представителей атеистического экзистенциализма. Он считает, что, осознавая невозможность подлинного счастья в современном мире, экзистенциалисты-атеисты искусственно провозглашают человека временным существом [3], а следовательно, его приобретения и достижения в этой жизни единственным, к чему он должен стремиться, что может сделать его счастливым. В атеистическом экзистенциализме нет воскресения, но есть индивидуальная Голгофа, – смерть, жизнь каждого человека заканчивается поражением, неудачей, провалом. Придерживаться такой философии, как последователь, может только человек, чувствующий себя неотъемлемой частью какого-то коллектива, отказавшейся от своей личности, от своего «я», от своего чувства греха, стремления к получению подлинного прощения и вечной преображённой жизни. Провозглашать такую философию может только человек, являющийся или стремящийся быть представителем

определённой группы людей, например, университетской кафедры, политической партии, государства, но такую философию, то есть любой вариант философии атеистического экзистенциализма никто и никогда не разработает и не сделает своим *Credo* сам для себя, желая искренне разобраться в бытии и в самом себе, а не в поисках славы, денег и статусов.

Деятельность антихристового духа, по А. Мацейне, проявляется и в секуляризации истории как науки; при данном подходе Христос – лишь объект для изучения истории, но не начало, центр и завершение как было бы при подлинно христианском подходе к её изучению и преподаванию. По А. Мацейне, антихристы в современном обществе активно действуют в христианских церквях, эти клирики и общественные деятели являются «помазанниками дьявола» [4], сам последний антихрист должен быть взят на служение дьяволом из христианского общества.

Ещё одним признаком распространения антихристового духа в мире, по А. Мацейне, является широкое распространение блуда: развратники и развратницы не любят других, но себялюбивы, их взаимодействия лишь обозначают любовь, но её проявлениями не являются, а, значит, они и весьма лживы, как и дьявол, который, согласно Евангелию, «лжец и отец лжи» (Ин., 8:44). По А. Мацейне, ложь – это экзистенциальное отвержение Бога, отвержение более глубокое и решительное, чем даже у атеиста-теоретика, лжец – не обыкновенный грешник, а настоящий антихрист, подобие последнего антихриста.

По А. Мацейне смысл существования дьявола заключается в том, чтобы распространять ненависть, разрушения, убийства и ложь. Все, кто приходит на службу к дьяволу, приходят к нему во имя жизни для себя и деятельности для самих себя, ради утверждения своего себялюбия. Антихристы одной рукой сеют добро, чтобы быть почитаемыми и весьма уважаемыми, другими уничтожают бытие, способствуют чудовищной лжи и убийствам, чтобы заставить несогласных с ними поклониться себе.

Нельзя не отметить и некоторые противоречия в религиозно-философских воззрениях А. Мацейны. По А. Мацейне дух лжи «вызвал в Церкви ересь, расколы, религиозные войны, преследования» [4], литовский философ признаёт храм соловьёвского антихриста сооружением угодным дьяволу. Однако А. Мацейна не видит что-либо плохое в самом факте того, что на собор в данный храм собираются христиане разных конфессий, будто бы они члены одной Церкви и будто бы такой храм может иметь какое-то отношение к Церкви Христовой. А. Мацейна безоговорочно осуждает христиан, продавшихся соловьёвскому антихристу, но приветствует соединение в вере католического папы Петра, епископа мирового православия старца Иоанна, протестантского теолога Паули, по всей видимости, считая, что их совместная борьба с антихристом делает прежние разногласия, ереси как

минимум двух из трёх сторон малозначительными. Конечно, такие взгляды нельзя не назвать экуменическими, однако ещё в большой степени такие взгляды были характерны и для В. Соловьёва [2, с. 236] [9].

Однако это не может быть подлинной причиной для того, чтобы говорить о том, что будто бы философия А. Мацейны может быть интересна только для профессиональных философов, учащихся философских факультетов, католиков или для сторонников экуменизма. Для подавляющего большинства христиан, в независимости от их конфессии, она может открыть скрытые от них грани современного общества; да и для представителей нехристианских религий она может представлять интерес.

Около 70 лет прошло с момента написания «Тайны беззакония». Необходимо отметить, что даже во времена написания этой книги папа римский был также главой государства Ватикан, и отнюдь не укрывался на территории нынешнего Санкт-Петербурга (тогда – Ленинград), да и не мог этого делать в годы СССР. Ещё с 1929 года в соответствии с Латеранскими соглашениями [12] папы римские вновь являлись главами государства. Поэтому не думаю, что современным христианам следует считать, что будто бы антихрист, человек греха и сын погибели, вернёт римским папам в том числе и политическую власть, как это считал В. Соловьёв в 1900 году, когда папского государства не существовало, да и А. Мацейна, скорее всего, так не считал, однако воспринимал книгу В. Соловьёва как выдающееся произведение. Книгу В. Соловьёва вообще некорректно воспринимать как пророчество или лжепророчество, это своеобразный религиозно-философский прогноз, и, естественно, в нём не может и не могло всё сбыться.

То, что книга «Тайна беззакония» актуальна по сей день, несомненно. Ведь каждый осознанно её читающий может задуматься над тем, в чём проявляется действие антихристового духа в современном мире и признаки потенциально возможного скорого в сравнении со средней продолжительностью человеческой жизни раскрытия последнего антихриста. В том, что действующий папа римский удерживает политическую власть [11]? В том, что большинство стран Западной цивилизации регистрируют однополые браки? В том, что части храмов или храмы, например, РПСЦ преобразуют в музеи [6], [7]? В том, что протестантские теологи, например, Давид Фридрих Штраус, Рудольф Бультман, стремились отстаивать недостоверность сведений Библии [1], [5], [10], и их труды продолжают оказывать весьма значительное влияние на современную философию и религиоведение? Или во всех этих реалиях современности? Или только в некоторых из них? Или в каких-то ещё?

Таким образом, философия истории А. Мацейны может пробудить в современном читателе потенциально полезную тревогу и никого не успокаивает.

Литература

1. Гараджа В.И. Штраус Давид Фридрих. – Большая российская энциклопедия 2004–2017. – URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/4922547 (дата обращения: 10.06.2024).
2. Кузнецов В.Ю. Геополитические идеи и экуменизм В.С. Соловьёва // Философия в регионе. 2011. № 1. С. 236–244.
3. Мацейна А. Великий инквизитор. – URL: <https://predanie.ru/book/84485-velikiy-inkvizitor/#/toc5> (дата обращения: 05.06.2024).
4. Мацейна А. Тайна беззакония. – URL: <https://predanie.ru/book/84483-tayna-bezzakoniya/> (дата обращения: 05.06.2024).
5. Мешков В.М. Кем был Иисус Христос для христиан I века (опыт экзистенциального научно-религиозного анализа Нового Завета). – Полтава: Астроя, 2022. – 423 с.
6. Музей истории старообрядчества Сибири открылся в Новосибирске. – URL: <https://altaistarover.ru/news/social-life/232-muzej-istorii-staroobryadchestva-sibiri-novosibirsk> (дата обращения: 06.06.2024).
7. Неделя святых Жен-Мироносиц на Рогожском. – URL: https://ruvera.ru/news/mironosicy_na_rogojskom_2013 (дата обращения: 06.06.2024).
8. Сакун О. Трудные вопросы – чистилище. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru/church/news/2018-10/trudnye-voprosy-chistilishe.html> (дата обращения: 11.05.2024).
9. Соловьёв В.С. Три разговора. – URL: <https://predanie.ru/book/71556-tri-razgovora/> (дата обращения: 05.06.2024).
10. Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная энциклопедия. Бультман, Рудольф. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/BULTMAN_RU-DOLF.html (дата обращения: 07.06.2024).
11. Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная энциклопедия. Ватикан. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/VATIKAN.html (дата обращения: 06.06.2024).
12. Энциклопедия «Кругосвет». Универсальная научно-популярная энциклопедия. Латеранские соглашения. – URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/religiya/lateranskie-soglasheniya> (дата обращения: 10.06.2024).

THE ESSENCE OF THE HISTORIOSOPHICAL VIEWS OF ANTANAS MACEINA: USING THE EXAMPLE OF THE WORKS “THE GRAND INQUISITOR” AND “THE MYSTERY OF LAWLESSNESS”

Samokhvalov A.I.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The purpose of this study is to identify the content and essence of the historiosophical views of the representative of religious existentialism, Lithuanian philosopher Antanas Maceina (1908–1987). To achieve this goal, the author sought to follow the chosen methodology. To identify the essence and features of A. Maceina's philosophy of history, his two philosophical works were examined, fully revealing his historiosophical views: “The Grand Inquisitor” and “The Mys-

tery of Lawlessness”; the main content of the article was divided into 2 parts: “General Patterns of the Course of the Historical Process from Christ to the End of History according to the Philosophy of Antanas Maceina” and “Features of European Society of the Mid-20th Century and the Prospects for Humanity to Reach the Time of the Revelation of the Antichrist according to the Philosophy of Antanas Maceina”. The main method of scientific research in this article is hermeneutic analysis according to H.-G. Gadamer; an additional research method is historicism. In the course of writing the article, it was justified what time interval of world history should be considered for a full description of the historiosophical views of A. Maceina. The characteristic features of the society of European states of the mid-20th century were identified, indicating, according to the philosopher, a very close approach of humanity to the end of history, and the continuing relevance of his philosophy was also shown.

Keywords: antichrist, God, devil, freedom, Christ, human, existence.

References

1. Garadzha V.I. Strauss David Friedrich. – Great Russian Encyclopedia 2004–2017. – URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/4922547 (access date: 06/10/2024).
2. Kuznetsov V. Yu. Geopolitical ideas and ecumenism of V.S. Solovyov // Philosophy in the region. 2011. No. 1. pp. 236–244.
3. Matseyina A. The Grand Inquisitor. – URL: <https://predanie.ru/book/84485-velikiy-inkvizitor/#/toc5> (access date: 06/05/2024).
4. Matseyina A. The Mystery of Lawlessness. – URL: <https://predanie.ru/book/84483-tayna-bezzakoniya/> (access date: 06/05/2024).
5. Meshkov V.M. Who was Jesus Christ for Christians of the 1st century (the experience of existential scientific and religious analysis of the New Testament). – Poltava: Astraia, 2022. – 423 p.
6. The Museum of the History of the Old Believers of Siberia opened in Novosibirsk. – URL: <https://altaistarover.ru/news/social-life/232-muzej-istorii-starobryadchestva-sibirin-novosibirsk> (date of access: 06/06/2024).
7. Week of the Holy Myrrh-Bearing Women on Rogozhsky. – URL: https://ruvera.ru/news/mironosicy_na_rogzskom_2013 (access date: 06/06/2024).
8. Sakun O. Difficult questions – purgatory. – URL: <https://www.vaticannews.va/ru/church/news/2018-10/trudnye-voprosy-chistilish.html> (access date: 05/11/2024).
9. Solovyov V.S. Three conversations. – URL: <https://predanie.ru/book/71556-tri-razgovora/> (access date: 06/05/2024).
10. Encyclopedia “Around the World”. Universal popular science encyclopedia. Bultmann, Rudolf. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/religiya/BULTMAN_RUDOLF.html (access date: 06/07/2024).
11. Encyclopedia “Around the World”. Universal popular science encyclopedia. Vatican. – URL: https://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/VATIKAN.html (access date: 06/06/2024).
12. Encyclopedia “Around the World”. Universal popular science encyclopedia. Lateran Agreements. – URL: <https://www.krugosvet.ru/enc/religiya/lateranskie-soglasheniya> (date of access: 06/10/2024).

Сопоставление содержания феномена «личность» в персональном экзистенциализме и христианской теологии: на примере трудов Н.А. Бердяева

Намозова Наталья Аназбековна,

аспирант кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет

E-mail: nnsuper@bk.ru

Одним из ключевых понятий современной цивилизации, которым пользуются в различных областях знаний является личность. Генезис этого понятия происходил изначально в контексте христианского богословия. Дальнейшее развитие дефиниция «личность» получила в европейской философии, став важнейшим понятием философской антропологии. Персонализм – отдельное направление философии, в рамках которого работал и Н.А. Бердяев. В статье всесторонне рассматривается понятие «личность», история развития термина, сопоставление теологического и философского подхода (в частности работах Н.А. Бердяева) к его определению. Делается вывод, что Бердяев, изначально исходит из того, что понятие личность – это религиозно-духовная категория, которая не может быть рассмотрена вне отношений с Богом. Поэтому, как в этом основополагающем послыле, так в некоторых других своих философских взглядах он следует христианскому вероучению. Философ придерживается в определении личности приоритета уникального-инакового. Эта позиция в целом закрепились в экзистенциальном персонализме. Разделяя «глубинное» и «поверхностное» «я» в человеке Н.А. Бердяев отмечает его двойственность.

Ключевые слова: философская антропология, христианская антропология, религиозная философия, экзистенциальный персонализм, богословие личности, личность, ипостась, индивидуум, онтология личности, теозис.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) считается основоположником экзистенциального персонализма как философского течения. Он является представителем русской религиозной философии, в рамках которой вопросы мировоззрения трактуются с опорой на христианское вероучение. Однако в русской религиозной философии в целом и у Н.А. Бердяева есть свои особенности подхода к понятию личности человека, отличающие ее от собственного теологии. Целью данного исследования является показать их, а также рассмотреть схожие моменты в определении что есть личность.

Попытки формулировки понятия личностного начала предпринимались уже в античной философии. Дополнительный импульс генезису дефиниции «личность» дало христианство, которое в своем понятии о теозисе отразило уже существовавшую в греческой философии идею об изменчивости человеческого личностного начала в процессе бытия, дополнив своей трактовкой сути ее развития.

Идея изменчивости у досократиков сформулирована в знаменитом выражении Гераклита: «Нельзя дважды войти в одну реку». Оно наилучшим образом отражает непостоянство вещей в этом мире. Одновременно с этим Гераклит утверждает, что гармония есть единство противоположностей, которые сохраняются в своих границах управляющим принципом – Логосом (в одном из переводов с греческого – разум). Гераклит определяет Логос как живой закон. В своих рассуждениях философ говорит о возможности выбора для людей: существования в пределах своих границ или открытости вселенскому Логосу [1].

В дальнейшем принципа свободы выбора как основы развития личности придерживается и христианство. Из этого же принципа, как мы увидим, исходит в своих философских построениях и Н.А. Бердяев.

Еще один представитель греческой философии – Парменид указывает на Единое как первопричину всего сущего, отмечая при этом в качестве свойства Единого – неизменяемость: «Единое Бытие не появляется, не погибает, не движется, не изменяется» [2, с. 17–21]. В христианстве Бог как Абсолют не подвержен изменчивости, оно отрицает возможность какой-либо формы диалектики внутри Троицы [3, с. 37]. В целом, в своих философских взглядах Н.А. Бердяев исходит из это-

го подхода христианского богословия, когда речь идет об уникальной Божественной личности.

Изначально христианство не оперировало термином «личность» – он появился уже позднее в результате перевода греческих богословских терминов, возникших как рецепция античной философии в христианском богословии, на латинский язык.

В восточно-христианском богословии начинают использоваться две дефиниции – «лицо» (πρόσωπον) и «ипостась» (ὑπόστασις), которые в дальнейшем будут объединены в латинском переводе, распространившемся в Европе и, за счет этого прочно вошедшим в терминологию философии, в единое понятие «личность» – persona. В ранних теологических работах дефиниция «ипостась» еще не имеет четкого разделения с еще одной дефиницией, связанной с понятием личность – «сущность» (др.-греч. οὐσία), также заимствованной терминологически христианскими богословами из греческой философии, обозначающее там субстанцию.

Так Плотин под ὑπόστασις понимает некую субстанцию [4], а не личность, как ее определяет христианское богословие (не используя при этом термин «личность» напрямую) и персонализм. Для Аристотеля, также включившего сущность (οὐσία) в свои десять категорий, она также воспринимается как substantia, но в отличие от ὑπόστασις Плотина, она не рассматривается им как часть диалектической триады (у Плотина триада включает Единое как трансцендентное начало всего сущего, Ум – как его рефлексия и Душа – как эманация) [5].

В латинском языке дефинициям «лицо» и «ипостась» соответствует persona – личность. Именно это понятие получило свое распространение, в силу историко-культурных особенностей, в Европе. Из теологии оно перешло в европейскую философию.

Сам термин персонализм был введен Ф. Шлейермахером в его работе «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» (1799). В этой работе личные особенности человека трактуются как его уникальная связь с истинным бесконечным бытием [6]. Продолжая эту линию, Н.А. Бердяев, в рамках персонализма как одного из течений русской религиозной философии, родоначальником которого он является, выделяет личность как религиозно-духовную категорию, сохраняя связь этой дефиниции с принятым в христианском богословии понятием личности, и индивидуальность как душевно-телесное единство, которая традиционно коррелирует с понятием индивидуум, подразумевающее онтологическую независимость.

Проследив эволюцию понятия личность Н.А. Бердяев отмечает, что: «сознание Бога как личности предшествовало сознанию человека как личности» [7]. Христианский богослов Иоанн Мейендорф, рассуждая о понятии личность в теологии отмечает следующее: «Невозможно приблизиться к пониманию личностного феномена человека без обращения к его божественному прототипу» [8].

На этом строится и подход к этой дефиниции в теологии в целом, которая определяет Бога – как Абсолютную Личность, наделенную максимально возможными личностными свойствами. Личностные свойства человека, в моменте, ограничиваются пределами его личности, несовершенной по сравнению с Абсолютной Личностью триединого Бога.

В теологии, начиная с IV века, благодаря богословским изысканиям Великих Каппадокийцев, введенное разделение между дефинициями сущность и ипостась, было произведено разграничение общего и частного в человеческой личности. Общее – сущность – относящееся к природе человека – человечеству в целом, и частное – ипостась – обладающая личностными свойствами. С этим разграничением понятие ипостась приобрело онтологический смысл.

С начала этого разграничения произошло, по сути, истинное становление христианской антропологии, которой, согласно Н.А. Бердяеву, теология, уже начиная с того времени и, пожалуй, до появления экзистенциализма как философского течения в конце XIX века, уделяла гораздо больше внимания, чем философия. В этой связи, Н.А. Бердяев, в числе прочего, подвергает критической оценке немецкую философию в лице Фихте и Гегеля. Однако, он одновременно заявляет о недостаточном раскрытии проблемы человека в патристической (восточно-христианской) и схоластической (западноевропейской) теологической мысли [9].

Н.А. Бердяев отмечает, что феномен человека как личности не может быть объяснен из окружающего видимого мира [9]. Кроме того, его нельзя рассматривать исключительно как функциональный инструмент высших сил (как это было ранее в философии), за которого все предрешено, в чем Бердяев видел узкое место схоластики, и который, исходя из этих взглядов, не имеет возможности собственного выбора.

Сложность феномена человеческой личности Н.А. Бердяев видел в ее двойственности, включающей одновременно падшую человеческую природу и образ Божий, а также внутренне заложенное стремление к подобию Божьему. Именно это заложенное стремление Н.А. Бердяев рассматривал как признак высокого предназначения человека как личности, на этом основании он ставил личностное (персональное) выше общественного [7].

Личность человека как духовно-религиозная категория не может быть составным элементом чего-либо, таковым является индивидуум, под которым подразумевается онтологически самостоятельное существование каждого человека, при этом наделенного общей для всего человечества природой. В этом смысле индивидуум рассматривается, например, как составной элемент общества. Таким образом, Н.А. Бердяев заключает, что человек может входить в какие-либо общности лишь эмпирически, личность же человека остается вне этого включения.

В отличие от подхода Н.А. Бердяева, теология видит личность человека как часть Церкви Христовой, которая есть объединение верующих в единое Тело Христово. Согласно этому подходу, человек как личность не может реализовать себя самостоятельно, вне Церкви. Вне церковных таинств человек, исходя из христианского учения, не может находиться в общении с Богом.

В то же время и у большинства христианских теологов, и в философии Н.А. Бердяева признается приоритет личностного начала над природой человека. Природа человека лишь наделяет личность определенным набором качеств – природных свойств.

Теологи соглашались с тем, что вне ипостаси сущность выступает как нечто абстрактное – *substantia* – основа. Тем не менее, когда речь заходит о природе, на современном этапе тезис о приоритете ипостаси над природой, при выделении конкретной личности, выдвигаемый персонализмом, начиная с Н.А. Бердяева, вызывает критику со стороны христианских богословов. Так богослов и философ Жан-Клод Ларше в своей работе «Лицо и природа. Православная критика персоналистских теорий Христа Яннараса и Иоанна Зизиуласа», пишет, что личность нельзя определять только из совокупности свойств личностного начала, она включает и качества, свойственные ее природе – природные свойства, которыми обладает каждый человек [10].

В экзистенциализме, в том числе и экзистенциальном персонализме Н.А. Бердяева, «существование [existence] предшествует сущности». То есть личность для экзистенциалистов – это прежде всего субъект [11].

Личность по Н.А. Бердяеву есть «соединение универсально-бесконечного и индивидуально-особого». Он отрицает возможность подхода к личности человека как к объекту познания, называя его ограниченным. В его видении личность человека может рассматриваться в процессе познания только в качестве субъекта [7].

Одним из ключевых понятий сначала византийского, а затем и христианского богословского учения о личности в целом является $\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ теозис. Раскрывая суть этого понятия, Максим Исповедник отмечает, что $\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ теозис был изначально задуман Богом при сотворении человека по Его образу и человеку была дана свобода для его достижения. Однако, в силу злоупотребления свободой, произошло падение человека. Миссия боговоплощения Иисуса Христа, соединившего в себе, в единой ипостаси, неслиянно две природы – божественную и человеческую, привела к восстановлению этой возможности, в этом был ее глубинный смысл. Боговоплощение, по Максиму Исповеднику, дало парадигму обожению – $\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ теозису.

Для пояснения соединения неслиянно двух природ при боговоплощении Иисуса Христа Максим Исповедник впервые использует в христологии понятие *περιχώρησις* примени-

тельно к природным свойствам каждой из природ [12]. Это же понятие Иоанн Дамаскин применяет в богословском построении триадологии, обосновывая единство Бога в Трех Лицах [3]. Здесь персональность каждого Лица в Троице выражается ипостасью, которая раскрывает инаковость каждого Лица и позволяет говорить о Ней как монаде и триаде одновременно. Состояние внутритроичного взаимодействия как раз описывается понятием *περιχώρησις* (греч. взаимное проникновение, общение свойств) [13]. Термин этот, в силу своей специфики, традиционно не переводится. Таким образом, внутритроичные ипостасные отношения определяются теологией как подразумевающие взаимную обращенность (лат. *circumincessio* – движение по кругу, обход и взаимопроникновение).

Человек как образ Божий в $\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ теозисе в синергии с Богом обретал личностную полноту и целостность, что становится возможным в силу наличия у человеческой личности свободы и в том случае, если человек не замыкается в границах предела своей личности, при его обращенности к Богу. Христианское богословие выделяет $\theta\acute{\epsilon}\omega\varsigma$ теозис, как цель личностного человеческого бытия.

Рассматривая теозис как творчество, Николай Бердяев определяет человека как: «существо, способное возвыситься над собой, и это возвышение над собой, трансцендирование себя, выход за замкнутые пределы самого себя есть творческий акт человека» [7, с. 46]. При этом в результате трансцендирования, по его мнению, достигается транссубъективность, он исключает объективацию личности. Именно в этой динамике развития, раскрывается, по Бердяеву, сущность человеческой личности.

Как в философии Н.А. Бердяева, так и в теологии задачей личности является обращенность к Богу и созидательная работа над собой, в результате чего она приобретает свою целостность [14]. При этом целостность следует отличать от целости, так как личность в любой момент выступает как целое, но лишь в своем идеальном состоянии обладает целостностью.

В процессе развития, в личности каждого человека, согласно философским взглядам Н.А. Бердяева, творчески перерабатывается то, что она получает как индивидуум, принадлежащей определенной общности: человечеству, культурной цивилизации, семье и прочим. Поэтому, в его видении, личность человека реализует себя в творческом развитии.

Н.А. Бердяев отрицает подход к определению личности человека, свойственный как греческой философии, так и Канту, где понятие личность воспринимается как разумно-нравственная основа человека. В то же время и греческая и немецкая философия говорят о разуме вообще, как свойстве природы человека, то есть присущему всему человечеству, не персонализированному. В то же время в персонализме Н.А. Бердяева, он

подразумевает разум конкретного человека – персонализированный. Однако, с точки зрения философа, гораздо важнее, в связи с понятием личность, говорить о свободе и творчестве, как выражении этой свободы.

В своих философских взглядах Н.А. Бердяев выделяет внутреннее «глубинное «я»», которое непосредственно связывает с личностью человека, и внешнее «поверхностное «я»», не являющееся личностью, а характеризующее индивидуум, именно оно является включенным в социум. Эти два «я» определяют двойственность человека. При этом только «глубинное «я»», связанное с личностью способно, по Бердяеву, к экзистенциальному общению [7, с. 137].

В трудах Николая Бердяева прослеживается критика западноевропейского богословия за рационализм и «объективизацию» Бога. Исходя из его представлений о личности, Бог, являющийся идеальной Абсолютной Личностью, может рассматриваться только как субъект, поэтому апофатический подход восточно-христианского богословия в целом был ближе Н.А. Бердяеву.

По мнению Бердяева, о личности человека можно говорить, только с позиции его связи с Богом, таким образом сама философская категория личности, по мнению философа, будет всегда содержать религиозный смысл. Кроме того, в рассуждениях о понятии личность определяющим для его раскрытия, согласно Н.А. Бердяеву, является свобода. Однако обладание свободой является драматичным для личности человека, так как предполагает ответственность, что неизбежно приводит к страданиям.

Философ в своих трудах развивает концепцию Богочеловека, согласно которой незавершенное Богом творение должен закончить человек, призванный к этому изначально, но реализации этого на тот момент помешало грехопадение. По трактовке Бердяева, Христом со-творчество было возвращено. Однако рассматривая цель теозиса, в своих рассуждениях он идет дальше богословских построений. Согласно Н.А. Бердяеву, это «теозис, обожение, достигаемые посредством свободы и творчества человека и обогащающие жизнь самого Бога» [9, с. 113].

Любая личность, согласно Н.А. Бердяеву не может быть самодостаточной, она нуждается в наличии других личностей, как более высшего, так и равного и, даже, низшего, относительно нее. Поэтому, отличии от теологии, он видит не только необходимость Бога для человека, но и человека для Бога.

Теология такой необходимости не видит, традиционно сотворение человека объясняется как акт любви Бога, желающего даровать эту любовь другому, не тождественному Ему. Для того, чтобы человек имел возможность ответить на эту любовь ему была дана свобода. Осуществляя свой свободный выбор, человек обращается к Богу, или отступает от Него. Согласно христианскому богословию, Бог может, но не хочет ограничивать сво-

боду человека, ожидая его добровольной любви, не принуждая его к ней [3, с. 200–201]. Эта мысль проводится уже восточно-христианском богословии IV века, в частности, у Григория Богослова [15].

Рассуждая об изначально дарованной человеку свободе, для реализации своей личности Н.А. Бердяев заявляет, что Бог не просто не хочет ограничивать свободу человека, но и не может этого сделать [7]. Такой подход полностью противоречит христианскому догмату о всесильном Боге.

Во взаимоотношениях Бога и человека, философ говорит не только о движении человека к Богу, но и Бога к человеку, о любви и свободе как основе этих отношений. Согласно Н.А. Бердяеву, Бог не требуется от человека покорности и прославления, а истиной любви. Бердяев не определяет личность человека как один из составных элементов этого мира, а говорит о ее «соотносительности» миру и Богу, на основании чего можно говорить об их встрече [7].

Заикленность на себе, по Бердяеву, негативно воздействует на личность, в этом смысле он следует христианскому принципу «заботы о ближних». При этом в своем естественном процессе бытия личность находится в общении с другими личностями [7].

На современном этапе интересной попыткой объединения положений экзистенциального персонализма и христианского богословия видятся работы Иоанна Зизиуласа, прежде всего его «Бытие как общение» [16, с. 302], «Общение и инаковость» [16, с. 314], в которой он, как и Н.А. Бердяев, говорит о невозможности существования личности самой по себе, в своей самодостаточности. Тезис Бердяева о потребности личности в наличии других личностей и общении как форме бытия личности, Зизиулас дополняет ее потребностью в общении, в котором личность выходит за пределы своей самости и приобретает свободу. А тезис о развитии как основе бытия личности дополняется понятием о развитии в общении. Общение здесь также выступает формой реализации любви и свободы, о которых говорил Бердяев.

Работы Иоанна Зизиуласа подверглись критике ряда христианских богословов, прежде всего Ж.-К. Ларше, который упрекнул Зизиуласа в уходе от ортодоксального христианства и уклон в экзистенциальный персонализм как раз за его определение понятия личности с опорой на ее уникальные свойства «инаковость», на что прямо указывает название одной из работ. В ней стимулом к общению выступает наличие «других» личностей, различие, но не сходство.

Ларше утверждает, что ипостась и природа выступают как равнозначные характеристики в личности, частное и общее, наделяя ее ипостасными и природными свойствами, что выводит из богословской формулы Максима Исповедника, о том, что каждая ипостась обладает уникальными свойствами, а также природными во всей их полноте

[17, с. 15]. В то же время он соглашается с тем, что теозис происходит в результате взаимоотношений конкретной уникальной личности с Богом, которые являются результатом ее свободного выбора.

Однако среди христианских богословов существует и иное видение этой проблемы. Иоанн Мейендорф в свое время, избегая крайних взглядов признавал «некоторую опытную первичность личностного», не являющуюся «временной» или «онтологической», над «субстанциональным», «природным» [18].

Таким образом, в результате проведенного сравнения понятия личности в философии Н.А. Бердяева и теологии следует отметить, что Бердяев, изначально исходит из того, что понятие личность – это религиозно-духовная категория, которая не может быть рассмотрена вне отношений с Богом. Поэтому, как в этом основополагающем послыле, так в некоторых других своих философских взглядах он следует христианскому вероучению.

Однако, в отличие от христианских богословов, чаще всего рассматривающих личность как совокупность в общем случае равнозначных индивидуальных – частных и природных – общих свойств, Н.А. Бердяев придерживается в определении личности приоритета уникального- инакового. Эта позиция в целом закрепилась в экзистенциальном персонализме. Личность, по Бердяеву, творчески перерабатывает все, с чем сталкивается как индивидуум.

Целью бытия человеческой личности, как ее определяет теология, является теозис – обожение. Н.А. Бердяев в целом соглашается с этой целью и, одновременно с этим раскрывает теозис как творческий акт личности, который происходит в ее развитии. При этом развитие рассматривается им как неперенное условие существования личности.

Во взаимоотношениях Бога и человека как личности определяющим является свобода, но в отличие от теологии, которая говорит о том, что Бог не хочет ограничивать свободу человека, ожидая от него обращения и любви в результате его свободного выбора, Бердяев считает, что для Бога не является возможным ограничение человеческой свободы.

Как отдельную качественную категорию, описывающую отношения между личностями и являющуюся общей для христианского богословия и экзистенциального персонализма Н.А. Бердяева, следует отметить любовь (ἀγάπη). Это и естественная взаимная Любовь Святой Троицы, любовь Бога к человеку, и та любовь, к которой должны стремиться люди по отношению друг к другу.

Разделяя «глубинное» и «поверхностное» «я» в человеке Н.А. Бердяев отмечает его двойственность. Первое он соотносит с понятием личности и считает, что оно как субъектное не может быть частью какой-либо общности. Включаться в какую-либо общность может, по Бердяеву, лишь «поверхностное «я»», которое он связывает с по-

нятием индивидуум. В этом смысле философ видит возможность вхождения в определенную общность лишь эмпирически, теология же предполагает глубинную связь верующих, составляющих, согласно христианскому вероучению, единое Тело Христово – Церковь.

Литература

1. Досократики. – Мн.: Харвест, 1999. – 784 с.
2. Армстронг А.Х. Истоки христианского богословия. Введение в античную философию / А.Х. Армстронг. – Издательство Олега Абышко, 2006. – 256 с.
3. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М., 1991. – 586 с.
4. Плотин. Эннеады / Плотин. – URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/ploti01/index.htm>. (дата обращения: 23.03.2024).
5. Аристотель: идеи и интерпретации. Под общей редакцией М.С. Петровой. – URL: https://iphras.ru/uplfile/histsc/petroff/2017/Petroff_2017_Aristotle_on_Growth.pdf. (дата обращения: 25.03.2024).
6. Шлейермахер Ф. Речи о религии к образованным людям, её презирающим. Монологи. / Ф. Шлейермахер – СПб: «Алетейя», 1994. – 432 с.
7. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Н.А. Бердяев. – URL: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/pdf/300.pdf> (дата обращения: 25.03.2024).
8. Мейендорф И., протопресвитер. Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы: / И. Мейендорф. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/loann_Mejendorf/vizantijskoe-bogoslovie-istoricheskie-tendentsii-i-doktrinalnyetemy/ (дата обращения: 11.04.2024).
9. Бердяев Н.А. Проблема человека (К построению христианской антропологии) // Ступени / Н.А. Бердяев – 1991. – № 1. – С. 79–104.
10. Ларше Ж.К. Лицо и природа. Православная критика персоналистских теорий Христа Ян-нараса и Иоанна Зизиулоса / Пер. с фр. П. Доброцветов, Р.Ахматханов, А. Вавилова, Н. Редин, В.Чернов; Науч. ред. П. Доброцветов / Ж.К. Ларше – М.: Паломник, 2021. – 288 с.
11. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр – М.: Республика, 2000. – 644 с.
12. Максим Исповедник, преподобный. Диспут с Пирром / Максим Исповедник. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Isповедник/disput_s_Pirrom/ (дата обращения: 11.04.2024).
13. Назаренко А.А., священник. Греческо-русский словарь христианской церковной лексики (с толковыми статьями): 4500 слов и выражений / А.А. Назаренко – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2016. – 192 с.

14. Фельми К.Х. Введение в современное христианское богословие / К.Х. Фельми – М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2014. – 352 с.
15. Флоровский Г.В., протоиерей. Восточные отцы IV века / Г.В. Флоровский. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/vostochnye-ottsy-iv-veka/5 (дата обращения: 15.04.2024).
16. Иоанн (Зизиулас), митрополит Пергамский. Бытие как общение исследование о личности и Церкви / Иоанн (Зизиулас). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Ziziulas/bytie-kak-obshenie-issledovanie-o-lichnosti-i-tserkvi (дата обращения: 15.04.2024).
17. Петров В.В. Максим Исповедник: онтология и метод в византийской философии VII века / В.В. Петров. – М.: ИФРАН, 2007. – 200 с.
18. Мейендорф И., протопресвитер. Человечество Христа. Пасхальная тайна / И. Мейендорф. – URL: http://www.odinblago.ru/chelovechestvo_hrista/ (дата обращения: 15.04.2024).

COMPARISON OF THE CONTENT OF THE PHENOMENON “PERSONALITY” IN PERSONAL EXISTENTIALISM AND CHRISTIAN THEOLOGY: USING THE EXAMPLE OF THE WORKS OF N.A. BERDYAEV

Namazova N.A.

Yelets State University

One of the key concepts of modern civilization, which is used in various fields of knowledge, is personality. The genesis of this concept occurred initially in the context of Christian theology. The definition of “personality” received further development in European philosophy, becoming the most important concept in philosophical anthropology. Personalism is a separate direction of philosophy, within which N.A. Berdyaev also worked. The article comprehensively examines the concept of “personality”, the history of the development of the term, and a comparison of theological and philosophical approaches (in particular the works of N.A. Berdyaev) to its definition. It is concluded that Berdyaev initially proceeds from the fact that the concept of personality is a religious and spiritual category that cannot be considered outside of relations with God. Therefore, both in this fundamental message and in some of his other philosophical views, he follows the Christian faith. The philosopher adheres to the priority of the unique and different in defining personality. This position is generally entrenched in existential personalism. Separating the “deep” and “superficial” “I” in a person N.A. Berdyaev notes its duality.

Keywords: philosophical anthropology, christian anthropology, religious philosophy, existential personalism, theology of persona, persona, hypostasis, individ, persona ontology, theosis.

References

1. Pre-Socratics. – Mn.: Harvest, 1999. – 784 p.
2. Armstrong A.H. Origins of Christian theology. Introduction to ancient philosophy / A. Kh. Armstrong. – Oleg Abyshko Publishing House, 2006. – 256 p.
3. Lossky V.N. Essay on the mystical theology of the Eastern Church. Dogmatic theology / V.N. Lossky. – M., 1991. – 586 p.
4. Plotinus. Enneads / Plotinus. – URL: <https://classics.nsu.ru/bibliotheca/ploti01/index.htm>. (date of access: 03/23/2024).
5. Aristotle: ideas and interpretations. Under the general editorship of M.S. Petrova. – URL: https://iphras.ru/uplfile/histsc/petroff/2017/Petroff_2017_Aristotle_on_Growth.pdf. (access date: 03/25/2024).
6. Schleiermacher F. Speeches about religion to educated people who despise it. Monologues. / F. Schleiermacher – St. Petersburg: “Aletheia”, 1994. – 432 p.
7. Berdyaev N.A. About slavery and human freedom / N.A. Berdyaev. – URL: <https://dbs-lin.ruhr-uni-bochum.de/personalitaet/pdf/300.pdf> (access date: 03/25/2024).
8. Meyendorff I., protopresbyter. Byzantine theology. Historical trends and doctrinal themes: / I. Meyendorff. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Meyendorff/vizantijskoe-bogoslovie-istoricheskie-tendentsii-i-doktrinalnye-temy/ (date of access: 04/11/2024).
9. Berdyaev N.A. The problem of man (Towards the construction of Christian anthropology) // Steps / N.A. Berdyaev – 1991. – No. 1. – P. 79–104.
10. Larshe J.K. Face and nature. Orthodox criticism of the personalist theories of Christos Yannaras and John Zizioulas / Transl. from fr. P. Dobrotsvetov, R. Akhmatkhanov, A. Vavilova, N. Redin, V. Chernov; Scientific ed. P. Dobrotsvetov / Zh.K. Larshe – M.: Pilgrim, 2021. – 288 p.
11. Sartre J.-P. Being and nothingness: Experience of phenomenological ontology / J.-P. Sartre – M.: Republic, 2000. – 644 p.
12. Maximus the Confessor, Rev. Dispute with Pyrrhus / Maximus the Confessor. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Maksim_Ispovednik/disput_s_Pirrom/ (access date: 04/11/2024).
13. Nazarenko A.A., priest. Greek-Russian dictionary of Christian church vocabulary (with explanatory articles): 4500 words and expressions / A.A. Nazarenko – M.: Publishing house of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2016. – 192 p.
14. Felmy K.H. Introduction to modern Christian theology / K. Kh. Felmy – M.: St. Philaret Orthodox Christian Institute, 2014. – 352 p.
15. Florovsky G.V., archpriest. Eastern fathers of the 4th century / G.V. Florovsky. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij_Florovskij/vostochnye-ottsy-iv-veka/5 (access date: 04/15/2024).
16. John (Zizioulas), Metropolitan of Pergamon. Genesis as communication, a study of personality and the Church / John (Zizioulas). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Ziziulas/bytie-kak-obshenie-issledovanie-o-lichnosti-i-tserkvi (date of access: 04/15/2024).
17. Petrov V.V. Maximus the Confessor: ontology and method in Byzantine philosophy of the 7th century / V.V. Petrov. – M.: IF-RAN, 2007. – 200 p.
18. Meyendorff I., protopresbyter. The humanity of Christ. Easter mystery / I. Meyendorff. – URL: http://www.odinblago.ru/chelovechestvo_hrista/ (access date: 04/15/2024).

Связь психофизического состояния ВИЧ-инфицированных пациентов инфекционной клинической больницы и их воцерковленности

Номеровский Виктор Олегович,

аспирант, кафедры «Теология / Православная теология»,
Русская Христианская Гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского
E-mail: 79217444447@yandex.ru

Современный больничный опыт должен охватывать религиозно-духовное изменение клиентов. Борьба с ВИЧ через религию и духовность сегодня весьма распространена. Личные убеждения остаются центральными для самоэффективности. Получение новостей о том, что у пациента есть вирус иммунодефицита человека (ВИЧ), может быть негативно воспринято некоторыми, а для некоторых, эмоциональные аспекты этой новости имеют такой же вес, как и физические. В конце концов, ВИЧ влияет на все тело – физическое, эмоциональное и духовное – и часто заставляет человека исследовать, кто он как человек и во что он верит.

Религия и духовность занимают центральное место в жизни многих людей и, столкнувшись с ВИЧ-инфекцией, могут предоставить недавно инфицированному человеку средства для того, чтобы справиться или смириться со своей болезнью.

Выводы. У пациентов с ВИЧ/СПИДом, принявшим решение о духовном попечении, уровень духовность/религия ассоциируется, как прямо, так и косвенно, с ощущением, что жизнь сейчас лучше, чем раньше. Считаем, что мероприятия по клиническому просвещению должны быть направлены на повышение осведомленности врачей о важности духовности/религии при ВИЧ/СПИДе.

Ключевые слова: духовность; качество жизни; ВИЧ; синдром приобретенного иммунодефицита; религия.

Определение

Религия и духовность иногда используются взаимозаменяемо, но во многих случаях люди отделяют духовную веру от веры, которая предписана «религией».

Некоторые люди любят определять «духовность» как средство связи прошлого с настоящим, используя убеждения и моральные идеалы своих предков, чтобы направлять свои личные убеждения. Это представление диктует, что сегодняшние действия основаны на уроках, извлеченных из прошлого. Таким образом, духовность имеет тенденцию быть уникальной для каждого человека [9].

Напротив, «религия» может быть широко определена как связь с высшей силой или сущностью. Религиозные учреждения в целом поклоняются божественной сущности (или сущностям) определенным, даже регламентированным образом. Концепция поклонения, как правило, занимает центральное место во всех религиях, с различиями в том, как человек молится, медитирует или размышляет – будь то в собрании или в одиночку [1, с. 8].

Религия и ВИЧ. Роль религии и духовности в ВИЧ

Люди часто ищут религиозного или духовного руководства после постановки диагноза ВИЧ, хотя бы для того, чтобы ответить на множество «почему», которые часто являются частью внутреннего диалога. Это может связать их с более глубокими моральными или этическими убеждениями, которые дают им ответы, которые медицина и врачи не могут дать. Он может предложить человеку средства для изучения универсальных вопросов о существовании, в том числе:

- Почему я заразился этой инфекцией?
- Какова моя цель в жизни? Что изменилось теперь, когда у меня ВИЧ?
- А как насчет людей вокруг меня, – как изменятся взаимоотношения с ними?
- Чувствую ли я вину, стыд или страдание? Как можно это прекратить?
- Может ли моя инфекция быть средством достижения высшего просветления?
- Должен ли я отказаться от каких-либо привычных вещей из-за ВИЧ?
- Как я отношусь к жизни? О смерти?

Даже среди тех, кто активно отворачивается от религии (часто в результате предрассудков), потребность в духовном руководстве может оста-

ваться все равно сильной. Даже в наш развитый век религия и духовность могут предоставить ВИЧ-положительным людям более подходящий подход для улучшения их общего чувства физического и эмоционального благополучия [7].

Религиозные или духовные цели включают:

- разработка щадящей схемы жизни;
- поощрение личной саморефлексии;
- обретение большего самопринятия и внутреннего покоя;
- содействие позитивному мышлению;
- «Принятие» ВИЧ в своей жизни.

Церкви и духовные организации имеют уникальные возможности для обеспечения этих вещей. У них есть возможности и многовековой опыт общения со страждущими. Они являются ключом к формированию социальных ценностей и обладают способностью влиять на общественное мнение. С функциональной точки зрения многие из них уже давно направляют благотворительные ресурсы на просвещение, уход и лечение ВИЧ, одновременно повышая социальную осведомленность и принятие сообществом. Даже сам акт молитвы за человека с ВИЧ может дать этому человеку чувство поддержки, которое может отсутствовать в его или ее жизни [4, с. 5].

С другой стороны, бывают случаи, когда религиозная доктрина может создавать барьеры для профилактики и лечения ВИЧ, будь то поддержка обучения только воздержанию, противодействие планированию семьи или абортам или демонизация лиц из группы риска (например, гомосексуалистов, потребителей инъекционных наркотиков и сексуально активных женщин и молодежи) [3]. Такие стигматизирующие убеждения могут быть особенно разрушительными для тех, кто воспитан в определенной религии, не только укрепляя чувство вины и стыда, но и усиливая изоляцию, которую может испытывать недавно инфицированный человек.

Помощь медицинских работников и лиц, осуществляющих уход

Важно, чтобы медицинские работники и лица, осуществляющие уход, понимали важность религии и духовности в жизни многих людей и не осуждали и не отвергали идеи, которые они могут счесть неуместными или противоречащими их собственным убеждениям [2].

Активно вовлекая человека в дискуссию о его или ее личных убеждениях, медицинские работники оказывают взаимодействие на эмоциональном уровне, влияют на чувства, которые могут негативно повлиять на способность человека самостоятельно управлять своей болезнью.

Иногда бывает, что религиозные или духовные убеждения мешают человеку обратиться за помощью или лечением, в которых он или она могут нуждаться. Важнее, чтобы люди понимали последствия своих действий и могли формировать собственные решения на основе справедливой и не-

предвзятой информации. Нужно знать и о том, что если действия человека действительно вредны для него самого, то всегда можно пригласить его или ее духовного наставника, чтобы обсудить этот вопрос вместе как группа. Часто религиозные убеждения человека основаны не столько на доктрине, сколько на интерпретации этой доктрины, отфильтрованной через личный опыт, предвзятость и страхи. Совместная работа с духовными или религиозными наставниками иногда может помочь преодолеть такие барьеры.

Роль духовного попечения в жизни ВИЧ-инфицированных пациентов ИКБ

Пациенты с опасными для жизни заболеваниями часто претерпевают глубокую личностную трансформацию, включая изменения во внешнем виде.

Исследование. Эксперимент

В рамках эксперимента нами были отобраны 10 пациентов ИКБ отделения, которые, после известия об инфицировании ВИЧ, решили принять духовную помощь от представителей Русской Православной Церкви. При этом, это было осознанное принятие помощи, не менее чем через полгода после известия об инфицировании (были выбраны такие пациенты). Таких пациентов с ВИЧ/СПИДом просили сравнить их нынешнюю жизнь с жизнью до ВИЧ.

Нами были сформулированы 5 вопросов, на которые мы просили ответить пациентов.

1. Приход к Богу помог вам в социальной адаптации после того, как вы узнали что больны?
2. Духовные размышления помогли вам в принятии себя?
3. Стали ли вы лучше чувствовать себя физически?
4. Общение с другими инфицированными пациентами воздействовало на вас позитивно или негативно?
5. Что больше помогает вам – молитва или общение с духовником?

Чтобы получить демографически репрезентативную выборку пациентов мы включили пациентов мужчин и женщин примерно в одной и той же пропорции. От каждого субъекта было получено информированное согласие [6, с. 39].

Варианты ответов были: «лучше сейчас» и «сейчас хуже», «примерно так же» или «не знаю».

В ходе опроса нами были оценены частота посещения служб, частота молитв, медитаций, изучения Библии, а также внутренняя религиозность – общение с духовником по вопросам, касающийся веры, смысла и мира.

В общем и целом, в ходе исследования были оценены состояние здоровья/проблемы со здоровьем, используя такие показатели как: показатель качества жизни, ориентированный на ВИЧ/СПИД (HAT), и показатели, которые ранее были «определены пациентами с ВИЧ/СПИДом как важные: об-

щее функционирование; наличие депрессии; проблемы раскрытия информации; проблемы с лекарствами; проблемы со здоровьем; финансовые проблемы; владение ВИЧ или уровень комфорта в связи с тем, как пациент заразился ВИЧ; удовлетворенность жизнью; и доверие к представителю Церкви» [13].

Для каждого симптома, отмеченного пациентом как имеющий значение, он/она оценил степень своего беспокойства по 4-балльной шкале («это меня не беспокоит»; «это меня немного беспокоит»; «это меня беспокоит»; или «это меня очень беспокоит»).

Результаты

Удивительно, но большая часть пациентов – от трети до половины – заявили, что их жизнь стала лучше в настоящее время. Одними пациентами духовность была связана с ощущением, что жизнь стала лучше. Это подтверждает, что происходит изменение духовных перспектив пациентов с ВИЧ/СПИДом с момента начала заболевания, например, смещение акцента на настоящее и изменение порядка приоритетов.

В ответах на вопросы показатели религии и духовности в основном касались индивидуального поведения (например, частота посещения служб, молитв или посредничества). Были оценены функции религии и духовности для, которые непосредственно связаны со здоровьем и благополучием.

По результатам опроса можно предложить гипотезу о том, что духовность/религия повлияла на ощущение того, что жизнь улучшилась либо непосредственно, либо с помощью 4 опосредующих механизмов: здоровый образ жизни, который зафиксирован благодаря приверженности к лечению; социальная поддержка; самовосприятие, или самоуважение; и здоровые психологические убеждения, которые закреплены с помощью оптимизма.

Чтобы объяснить зависимость между религией и ощущением, что жизнь стала лучше после постановки диагноза ВИЧ и принятием помощи Церкви, необходимо рассмотреть методы работы с больными ВИЧ.

Было замечено, что духовная связь у пациентов, принявших Бога в свою жизнь, растет. «Увеличивается поиск духовной поддержки, религиозное прощение, совместное религиозное совладание, происходит благожелательная религиозная переоценка, религиозное очищение и религиозная направленность. Иногда можно заметить повысившуюся роль негативного религиозного совладания – духовное недовольство собой, переоценка наказания Бога и переоценка Божьих сил» [8, с. 32].

Для каждого симптома, отмеченного пациентом как имеющий значение, мы подсчитали количество симптомов, о которых пациент сообщил как о беспокоящих его или сильно беспокоящих. В результате выявлено, что большинство симптомов пациентов не беспокоит.

Мы измерили здоровый образ жизни с помощью приверженности к медикаментозному лечению, оценивая количество дозы антиретровирусных препаратов, пропущенные за последние 7 дней.

Результаты показали, что уровень стресса у пациентов стал меньше.

В ходе анализа всех результатов в совокупности можно сделать вывод о благотворном влиянии духовного попечения на физическое и эмоциональное состояние ВИЧ-инфицированных пациентов ИКБ.

Предложения

Выделены пять шагов по реализации программ религиозно-духовной поддержки.

1. Глубокая институциональная вовлеченность.
2. Формальное обучение персонала.
3. Инфраструктура и ресурсы.
4. Корректировка институциональной политики.
5. Договоренность с религиозно-духовными лидерами.

Конфронтация человека с «тяжелой болезнью или травмой и надвигающаяся возможность смерти поднимают первичные духовные вопросы. Следует отметить, что стационарный пациент более уязвим, поскольку он/она находится вдали от своих столпов веры, таких как общинные ресурсы и ежедневные ритуалы. Больница должна предоставлять религиозные/духовные ресурсы, чтобы продвигать наиболее эффективную стратегию преодоления трудностей для своих пациентов, рассматривая либо выздоровление, либо возможную смерть» [9].

«Духовность может быть определена как поиск высшего смысла, цели и значимости, по отношению к себе, семье, другим, сообществу, природе и «священному», выраженный через верования, ценности, традиции и практики. Многие люди выражают свою духовность через свои формальные религии или свои традиционные религии. Другие по-прежнему усиливают свое духовное измерение нерелигиозными элементами. Хотя религиозность и духовность являются различными конструкциями, в части составляющих элементов они совпадают» [7]. Таким образом, термин религиозность/духовность часто используется для обозначения трансцендентных элементов смысла, цели и связанности. Поэтому современная ориентация модели больничного опыта должна охватывать духовное измерение.

Автор статьи считает, что больницы должны поддерживать духовные потребности своих пациентов. Существует, по крайней мере пять причин, по которым больницы должны вкладывать силы и деньги в это направление. Данная статья является отправной точкой для обсуждения сложного вопроса о том, как удовлетворить потребности одновременно с адекватным медицинским лечением для стационарных пациентов.

Рассмотрим подробнее несколько причин инвестировать в программы религиозной/духовной поддержки.

Религиозное/духовное благополучие связано с улучшением здоровья.

Религиозная/духовная помощь сегодня является «положительным» моментом при аккредитации больниц.

Сегодня стандарты медицинской помощи в России не поясняют, что должно быть включено для удовлетворения такого спроса. Каждая больница может свободно определять содержание и объем религиозной/духовной оценки и квалификацию лиц, выполняющих ее. В этом есть такие желательные моменты: уровень соблюдения религиозных обрядов; взаимодействие с религиозной общиной; и проведение ритуалов.

Устранить религиозное/духовное давление, которое может повлиять на лечение.

«Религиозные системы (либо из религиозных доктрин, либо из культурных традиций) морально предписывают некоторые стратегии лечения и предписывают или запрещают многие виды поведения, которые могут иметь последствия с медицинской точки зрения. Иногда вера пациента или семьи может повлиять на клинические решения в таких вопросах, как обрезание, переливание крови, донорство органов. Не все пациенты полностью понимают убеждения своих собственных конфессий по конкретным этическим вопросам, и поэтому пастырский персонал или собственное духовенство пациента иногда могут оказать огромную помощь в разъяснении пациентам того, что их собственные традиции считают истинными. Присутствие священнослужителя может быть особенно важным, когда пациент имеет одну религиозную принадлежность, а родственники имеют другую, как это часто происходит в современных мультикультурных обществах» [11].

Расходы могут быть уменьшены при религиозной/духовной поддержке.

Исследование среди пациентов с прогрессирующим раком, близких к смерти, показало, что у людей с плохо поддерживаемыми религиозными / духовными потребностями были значительно более высокие затраты, больше пребывания в отделениях интенсивной терапии и меньше пребывания в хосписе. Напротив, пациенты, близкие к смерти, чьи духовные потребности были поддержаны, набрали больше баллов по качеству жизни и значительно чаще использовали хосписную помощь, а пациенты с высоким религиозным / духовным преодолением также с меньшей вероятностью получали помощь в конце жизни.

Сегодня разработаны несколько шагов по реализации программ религиозной/духовной поддержки.

Глубокое погружение в лечение

Важным действием является увязка программы религиозной/духовной поддержки с лечением. «Боль-

ница должна по-настоящему принять эту идею, чтобы оказать помощь, которая учитывает и уважает ценности пациента. Учреждение также должно знать всех клиентов духовной поддержки, охватывая не только пациентов, но и семью, лиц, осуществляющих уход, и медицинский персонал. Об этой последней группе часто забывают, хотя «заботиться о том, кто заботится» – это важно» [14].

Корректировка институциональной политики

«Целый комплекс пастырских вмешательств включает в себя: оценку (благополучие, потребности пациента); служение (помощь, беседа и поддержка священника); консультирование (консультации и обучение по вопросам этики); и ритуалы (поддержка религиозных практик, таких как Причастие или другие таинства). Многие конфликты с больничными правилами могут возрастать из-за отсутствия конфиденциальности, нарушений процедуры, нехватки времени и неадекватных моментов. Иногда правила больницы, такие как часы посещения или количество посетителей, должны быть смягчены. По возможности пациенту необходимо делать небольшие уступки, от таких, чтобы его посещал врач того же пола, до консультации с религиозным / духовным лидером перед принятием процедуры» [14]. Чтобы не задеть чувства или быть навязчивыми, желательно проверить у пациента при поступлении, хочет ли он / она религиозного / духовного сопровождения. Если это так, имя пациента попадает в список, который предоставляется священнослужителю, который затем совершает религиозный визит, избегая неуместного вторжения.

Договоренность с религиозными представителями (священнослужителями, имамами, раввинами)

В некоторых случаях собственный священнослужитель пациента является тем, кто оказывает духовную помощь, если этот священнослужитель способен прийти в больницу. Если в больнице нет священника, внешние священнослужители могут совершать периодические визиты (по запросу) или регулярные (в партнерстве между больницей и Церковью).

Заключение

Итак, в работе нами были проанализированы методы, которыми религия улучшает жизнь больных ВИЧ в условиях стационара. Духовность /религия является важным фактором здоровья и болезни, но необходима дополнительная работа, чтобы определить ее связь с качеством жизни у пациентов с ВИЧ/СПИД.

С целью установить механизмы, с помощью которых духовность/религия может быть связано с качеством жизни у пациентов с ВИЧ/СПИДом, мы разработали концептуальную модель опросник. Его цель: оценить прямое и косвенное влия-

яние духовности/религии на восприятие пациентами жизни с ВИЧ/СПИДом.

Говоря об эффектах, которые могут быть логически выведены в ходе исследования, могут быть выдвинуты гипотезы о том, что общение с пациентами с ВИЧ, группы терапии, общение с духовником, – помогает пациенту не оставаться одному в это сложное время, помогает ему социализироваться.

В ходе опроса нам хотелось узнать: чувствовали ли пациенты, что их жизнь улучшилась с тех пор, как им был поставлен диагноз ВИЧ/СПИД, и они стали получать помощь от представителей Церкви? Духовность/религия оценивалась с помощью анализа ответов. Опосредующие факторы включали социальную поддержку.

У пациентов с ВИЧ/СПИДом, принявшим решение о духовном попечении, уровень духовности/религия ассоциируется, как прямо, так и косвенно, с ощущением, что жизнь сейчас лучше, чем раньше. Считаем, что мероприятия по клиническому просвещению должны быть направлены на повышение осведомленности врачей о важности духовности/религии при ВИЧ/СПИДе.

Литература

1. Антоний (Кадышев А.С.), игум. Влияние духовного попечения на физическое и эмоциональное состояние ВИЧ-инфицированных пациентов ИКБ № 2 / Успехи современной науки и образования. 2016. № 6. Т. 4. Белгород: «Эпицентр», 2016. С. 131–134.
2. Бартлетт Дж., Редфилд Р., Фам П., Мазус А.И. Клинические аспекты ВИЧ-инфекции. – М.: ГРАНАТ, 2013. – 696 с.
3. Кадышев А.С. (игумен Антоний). Проблемы духовного попечения ВИЧ-инфицированных больных в условиях стационара. XII международной научно-практической конференции: Научные перспективы XXI века. «Достижения и перспективы нового столетия». Медицинские науки / МНИ «Educatio» – г. Новосибирск: «Educatio», 2015. № 5 (12). – С. 32–35.
4. Кадышев А.С. (игумен Антоний). «Актуальные проблемы пастырской работы священников Русской Православной Церкви с ВИЧ-инфицированными пациентами в условиях стационара»: дисс. на соискание уч. звания канд. богословия: защищена 06.03.2018: утв. 16.04.2018. – М., 2018. – С. 370.
5. Кирилл (Гундяев), митр. Выступление председателя Отдела внешних церковных связей, Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на конференции «Взаимодействие религиозных конфессий России в области ВИЧ/СПИДа» (Москва, 18–19 ноября 2008 года). Москва: 2019. С. 12–18.
6. Кюблер-Росс Э. О смерти и умирании. – М.: «София», 2011. – 110 с.

7. Свт. Лука (Войно-Ясенецкий). Дух, душа и тело. – Минск: Изд.: Белорусская Православная Церковь, 2020. – 191 с.
8. Щербатых Ю.В. Психология страха. – М.: Эксмо, 2015. – 205 с.
9. Barnett KG, Fortin AH. Spirituality and medicine. A workshop for medical students and residents. J Gen Intern Med. 2016; 21:481–5.
10. JCAHO. Spiritual Assessments. Available at: http://www.jointcommission.org/AccreditationPrograms/HomeCare/Standards/FAQs/Provision+of+Care/Assessment/Spiritual_Assessment.htm. Accessed August 10, 2016.
11. Puchalski C. Spirituality in health: the role of spirituality in critical care. Crit Care Clin. 2004; 20:487–504.
12. Lorenz KA, Hays RD, Shapiro MF, Cleary PD, Asch SM, Wenger NS. Religiosity and spirituality among HIV-infected Americans. J Palliat Med. 2015; 8:774–81.
13. Ironson G, Solomon GF, Balbin EG, et al. The Ironson-Woods Spirituality/Religiosity Index is associated with long survival, health behaviors, less distress, and low cortisol in people with HIV/AIDS. Ann Behav Med. 2022; 24:34–48.
14. Tsevat J, Sherman SN, McElwee JA, et al. The will to live among HIV-infected patients. Ann Intern Med. 2019; 131:194–8.
15. Honiden S, Sundaram V, Nease RF, et al. The effect of diagnosis with HIV infection on health-related quality of life. Qual Life Res. 2016; 15: 69–82.

RELATIONSHIP BETWEEN THE PSYCHOPHYSICAL STATE OF HIV-INFECTED PATIENTS AT AN INFECTIOUS DISEASES CLINICAL HOSPITAL AND THEIR CHURCH MEMBERSHIP

Nomerovsky V.O.

Russian Christian Humanitarian Academy named after. F.M. Dostoevsky

The modern hospital experience must embrace the religious and spiritual transformation of clients. Fighting HIV through religion and spirituality is very common today. Personal beliefs remain central to self-efficacy. Receiving the news that a patient has the human immunodeficiency virus (HIV) can be viewed negatively by some, and for some, the emotional aspects of the news carry as much weight as the physical ones. After all, HIV affects the entire body—physical, emotional, and spiritual—and often forces a person to examine who they are as a person and what they believe. Religion and spirituality are central to many people's lives and, when faced with HIV infection, can provide a newly infected person with the tools to cope or come to terms with their illness. Conclusions. For patients with HIV/AIDS who have made decisions about spiritual care, the level of spirituality/religion is associated, both directly and indirectly, with the feeling that life is better now than before. We believe that clinical education activities should be aimed at increasing doctors' awareness of the importance of spirituality/religion in HIV/AIDS.

References

1. Anthony (Kadyshev A.S.), abbot. The influence of spiritual care on the physical and emotional state of HIV-infected patients at ICH No. 2 / Advances in modern science and education. 2016. No. 6. Т. 4. Belgorod: "Epicenter", 2016. P. 131–134.
2. Bartlett J., Redfield R., Pham P., Mazus A.I. Clinical aspects of HIV infection. – М.: ГРАНАТ, 2013. – 696 p.
3. Kadyshev A.S. (Hegumen Anthony). Problems of spiritual care for HIV-infected patients in hospital settings. XII international

- scientific and practical conference: Scientific prospects of the XXI century. "Achievements and prospects of the new century." Medical sciences./ MNI "Educatio" – Novosibirsk: "Educatio", 2015. No. 5 (12). – P. 32–35.
4. Kadyshch A. S. (abbot Anthony). "Current problems of pastoral work of priests of the Russian Orthodox Church with HIV-infected patients in hospital settings": dissertation. for academic competition title of Candidate of Sciences theology: protected 03/06/2018: approved. 04/16/2018. – M., 2018. – P. 370.
 5. Kirill (Gundyaev), Metropolitan. Speech by the Chairman of the Department for External Church Relations, Moscow Patriarchate, Metropolitan Kirill of Smolensk and Kaliningrad at the conference "Interaction of religious denominations of Russia in the field of HIV/AIDS" (Moscow, November 18–19, 2008). Moscow: 2019. pp. 12–18.
 6. Kübler-Ross E. About death and dying. – M.: "Sofia", 2011. – 110 p.
 7. St. Luka (Voyno-Yasenetsky). Spirit, soul and body. – Minsk: Publishing house: Belarusian Orthodox Church, 2020. – 191 p.
 8. Shcherbatykh Yu.V. Psychology of fear. – M.: Eksmo, 2015. – 205 p.
 9. Barnett KG, Fortin AH. Spirituality and medicine. A workshop for medical students and residents. *J Gen Intern Med.* 2016; 21:481–5.
 10. JCAHO. Spiritual Assessments. Available at: http://www.joint-commission.org/AccreditationPrograms/HomeCare/Standards/FAQs/Provision+of+Care/Assessment/Spiritual_Assessment.htm. Accessed August 10, 2016.
 11. Puchalski C. Spirituality in health: the role of spirituality in critical care. *Crit Care Clin.* 2004; 20:487–504.
 12. Lorenz KA, Hays RD, Shapiro MF, Cleary PD, Asch SM, Wenger NS. Religiousness and spirituality among HIV-infected Americans. *J Palliat Med.* 2015; 8:774–81.
 13. Ironson G, Solomon GF, Balbin EG, et al. The Ironson-Woods Spirituality/Religiousness Index is associated with long survival, health behaviors, less distress, and low cortisol in people with HIV/AIDS. *Ann Behav Med.* 2022; 24:34–48.
 14. Tsevat J, Sherman SN, McElwee JA, et al. The will to live among HIV-infected patients. *Ann Intern Med.* 2019; 131:194–8.
 15. Honiden S, Sundaram V, Nease RF, et al. The effect of diagnosis with HIV infection on health-related quality of life. *Qual Life Res.* 2016; 15: 69–82.

Выявление восприятия молодежью роли религии в обществе: аспекты формирования веротерпимости

Суслонов Павел Евгеньевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры организации работы с молодежью Института физической культуры, спорта и молодежной политики ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: dr.suslonow2010@yandex.ru

Вуберман Анна Борисовна,

студент ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: vuberman@mail.ru

Статья посвящена анализу результатов социологического опроса обучающихся в ряде образовательных организациях высшего образования Свердловской области (Уральского федерального университета, Гуманитарного университета, Уральского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы) по актуальным вопросам восприятия молодежью религии в обществе, формированию веротерпимости и профилактики экстремистских проявлений религиозного характера в молодежной среде.

Актуальность указанного исследования обоснована поливариантностью религиозно-мировоззренческого выбора в современном российском обществе и непосредственным влиянием религиозности на безопасность общества и государства.

Показываются особенности образов религии, конфессиональных сообществ и верующих как носителей религиозных практик, в массовом молодежном сознании, делаются выводы о необходимости продолжения стратегии профилактики экстремизма, основанной на просвещении и формировании смысловых и нравственных установок.

Ключевые слова: религия, экстремизм, традиционные конфессии, проявления религиозности, дискриминация, чувства верующих, религиозное образование, новые религиозные движения, смысловые и нравственные установки.

Религиозно-мировоззренческие мотивы как индивидуального, так и группового поведения являются серьезнейшим фактором обеспечения национальной безопасности современной России.

Большинство современных общественно-политических процессов имеют видимое религиозное измерение, в связи с этим религия, как подчеркивают Савченко И.А. и Устинкин С.В., «становится не только духовной, но и политической (или политизированной) переменной» [1, с. 232].

В современной ситуации реального многообразия форм духовного опыта личность оказывается перед реальным выбором религиозно-мировоззренческих ориентаций.

Таким образом, на сегодняшний день религиозная самоидентификация в российском обществе в подавляющем большинстве случаев носит поливариантный и во многом непредсказуемый характер.

Антрополог Маргарет Мид отмечала, что в условиях подобной «префигуративной» культуры «предстоящее неизвестно» [2, с. 359], и именно молодое поколение непосредственно сталкивается с этой неизвестностью, с ситуацией, когда социокультурный опыт предшествующих поколений оказывается не востребуемым или непонятым.

Согласимся со словами Федоровой М.В. что «исследование динамики религиозных ориентаций молодежи помогают определить тенденции развития религии в будущем и, тем самым, уйти от пост-мышления к осознанию грядущего качественно нового состояния религии в совершенно новом обществе» [3, с. 170].

Вопросы же профилактики религиозного экстремизма в современных условиях имеют серьезное значение для сохранения мира и согласия в нашей стране, так как экстремистские проявления любых разновидностей представляют собой общественно опасное явление.

Подобные умонастроения и мотивированные ими деяния негативно влияют на социально-нравственные ориентиры и ценностную сферу, прежде всего молодежи, мотивируя ее к дальнейшему нарушению прав и свобод человека и гражданина в религиозно-мировоззренческой сфере.

Наиболее реально и потенциально вовлеченной категорией населения в подобные экстремистские деяния оказывается молодежь.

Эффективная профилактика религиозного экстремизма предполагает формирование в молодежной среде объективного представления о роли традиционных конфессий, в первую очередь православия, в истории и современной жизни общества, а также уважения к праву человека на религиозно-мировоззренческий выбор [3].

Знакомство с основными моментами вероучения и религиозной практики традиционных конфессий демонстрирует их активное неприятие идеологии экстремизма и терроризма, что на нормативном уровне зафиксировано с соответствующими концептуальными (доктринальными) документах как у в Русской Православной Церкви [4], так и религиозных объединениях российского традиционного ислама [5].

Для того, чтобы провести достоверный и полноценный анализ по формированию веротерпимости и профилактики религиозного экстремизма среди молодежи, было проведено исследование, респондентами которого являлись студенты Уральского федерального университета, Гуманитарного университета, и в меньшей степени Уральского института управления – филиала ФГБОУВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» в возрасте от 18 до 20 лет (71% опрошенных), 21–25 лет (13%), старше 25 лет (16%). Преимущественно в опросе принимали участие респонденты женского пола – 68% и 32% – мужского пола.

Традиционные конфессии, прежде всего Православие, продолжают оказывать существенное влияние на молодёжь. Большинство респондентов по вероисповеданию относят себя к православию (51%), деизму (17%) и атеизму (17%) (рис. 1).

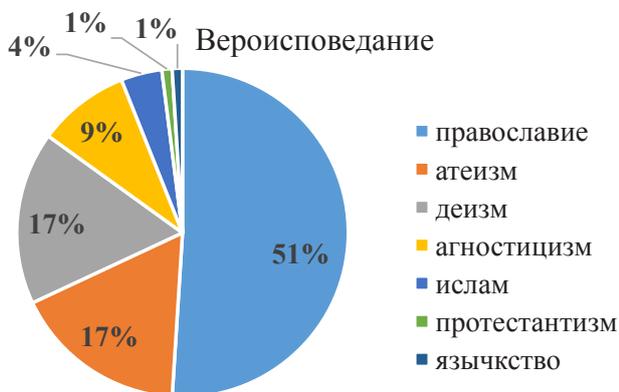

Рис. 1

Молодежь рассматривает религиозную принадлежность в основном как вопрос личного выбора (53%), также религия является традиционной религией семьи респондентов (29%) и традиционной религией народа респондента (16%) (рис. 2).

Рис. 2

Со случаями дискриминации по религиозному признаку большинство респондентов не сталкивались (61%), однако 39% респондентов подтверждают факты присутствия дискриминации в обществе по религиозному признаку, что вызывает тревогу и требует дополнительного уточнения и понимания, что имеется в виду под этими случаями.

В ходе исследования выявлено, что для респондентов не имеет значение религиозная или мировоззренческая принадлежность человека, значение имеют именно личные качества (90%).

Терпимо относится молодежь и к публичным проявлениям религиозности, таким как совершение религиозных обрядов публично, агитации, призывам к исповедованию определенной религии (рис. 3).

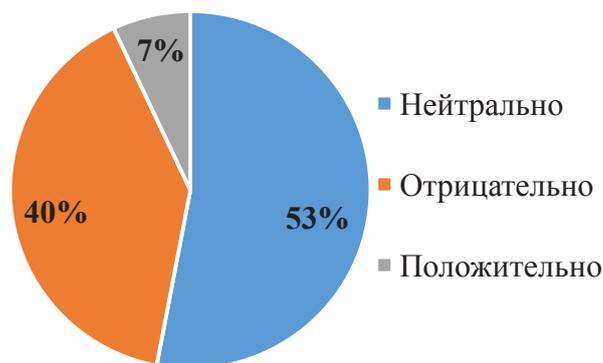

Рис. 3

Однако в большинстве респонденты не поддерживают проведение митингов и демонстраций, посвященных религиозной тематике, выражающих недовольство представителей определенных конфессий (73%), только 27% считают проведение митингов и демонстраций приемлемым (рис. 4).

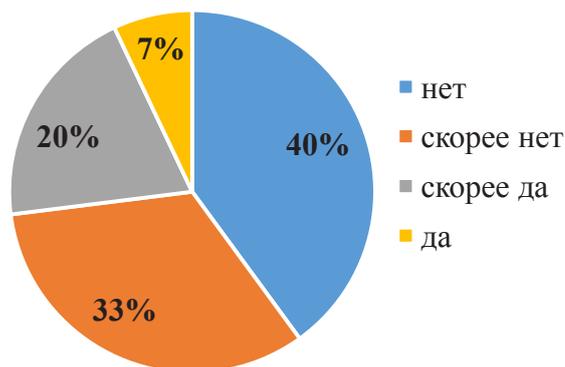

Рис. 4

По правовому аспекту защиты чувств верующих мнение респондентов разделилось 50% считают, что нет необходимости вводить какую-либо правовую санкцию в отношении людей, своими действиями оскорбляющих чувства верующих, 36% считают необходимым введение штрафа, 14% – вплоть до лишения свободы. Таким образом, мы видим, что у молодежи не сложилось единого мнения по вопросу возможности применения правовых санкций к людям, оскорбляющим чувства верующих (рис. 5).

Рис. 5

По результатам исследования хотелось бы отметить, что терминологически молодое поколение вполне подготовлено и 77% верно понимают понятие толерантность, как уважение права другого человека выбрать для себя убеждения, т.е. уважение не самой по себе религии или иной мировоззренческой системы, а права другого человека выбрать свою собственную точку зрения.

В рамках повышения религиозной грамотности нами была проанализирована ситуация относительно организации в образовательных организациях занятий, связанных с информированием о религиях и религиозной культуре. Респонденты поддерживают организацию таких занятий. Положительно оценивают занятия в рамках факультатива – 40%, нейтрально относятся 28 и 11% считают это необходимым в рамках основных дисциплин. Также респонденты относятся в большинстве положительно (37%), нейтрально (30%) к проведению воспитательных мероприятий, связанных с религиями и с участием религиозных деятелей. Но хотелось бы отметить, что занятия и мероприятия должны все-таки носить факультативный характер, и проводиться не в рамках основных дисциплин. И 1/3 респондентов негативно смотрит на такие практики в учебных учреждениях и в меньшей степени допускает участие религиозных деятелей в воспитательных мероприятиях в отношении обучающихся (рис. 6).

Как вы относитесь к организации в школах, колледжах, вузах занятий, связанных с информированием о религиях и религиозной культуре?

Как вы относитесь к организации в школах, колледжах, вузах воспитательных мероприятий, связанных с религиями и с участием религиозных деятелей?

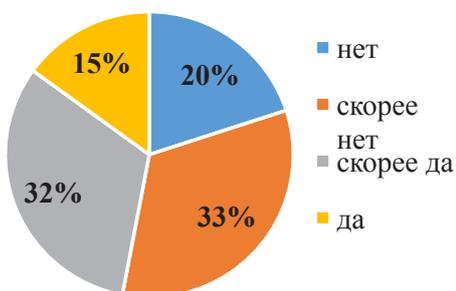

Рис. 6

В исследовании мы также обратили внимание молодежи на нетрадиционные религиозные движения. Мнение об опасности таких движений раз-

делилось почти поровну, при этом абсолютное большинство опрошенных не получали предложений к участию в их деятельности (рис. 7).

Считаете ли Вы нетрадиционные религиозные движения опасными?

Приглашали ли Вас принять участие в деятельности нетрадиционных религиозных движений?

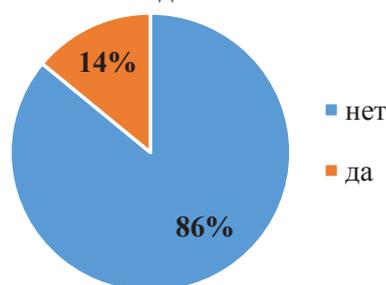

Рис. 7

Проведя исследование, мы полагаем, религиозность как таковая, и традиционные конфессии, особенно Православие, занимают серьезное место в массовом сознании молодежи, обучающихся в образовательных организациях высшего образования в Свердловской области.

Но при этом молодые люди далеки от восприятия религии и религиозных практик в доктриналь-

ном ключе, перенося данный вопрос в сферу сугубо личного выбора.

В силу этого у молодых людей не вызывает отторжения публичное выражение религиозности со стороны окружающих, но при условии, что они не переходят границы «личного пространства».

Вероятно, по причине этого молодые люди остро воспринимают возможность и реальность

дискриминации по религиозному признаку, а также оценки ряд религиозных объединений как общественно опасных.

У молодежи отсутствует четко выраженная позиция по отношению к нормативному воплощению статуса религии и верующих в обществе, в частности возможности правовых санкций к лицам, посягающим на чувства верующих, а также участия верующих в публичных протестах и участия религиозных служителей в учебном и воспитательном процессах в образовательных организациях.

Указанные выводы говорят о необходимости дальнейшей целенаправленной работы по профилактике религиозного экстремизма в молодежной среде, основанной, прежде всего, на стратегии просвещения и формирования стабильной системы нравственных и смысловых установок личности, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, ксенофобии, коррупции, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным признакам и другим негативным социальным явлениям [6].

Литература

1. Савченко И.А., Устинкин С.В. Религия в восприятии современной молодежи: Цифры и комментарии. – Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). № 7(63). С. 232–263.
2. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – С. 322–361.
3. Белобородов С.А. Религии на Среднем Урале: информ.-спр. изд. / С.А. Белобородов, А.Н. Старостин, П.Е. Суслонов. – Екатеринбург: Свердл. обл. межнац. б-ка, 2018. – 244 с. – (Средний Урал: народы, культуры, религии; вып. 1). С. 183–184.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Патриархия.ru (patriarchia.ru). – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
5. Социальная доктрина российских мусульман // Издательский дом «Алтын Мирас», 2017. 96 с. С. 71–72.

6. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // {КонсультантПлюс}. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/.

IDENTIFYING YOUNG PEOPLE'S PERCEPTION OF THE ROLE OF RELIGION IN SOCIETY: ASPECTS OF THE FORMATION OF RELIGIOUS TOLERANCE

Suslonov P.E., Wuberman A.B.

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article is devoted to the analysis of the results of a sociological survey of students in a number of educational institutions of higher education in the Sverdlovsk region (Ural Federal University, University of the Humanities, Ural branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration) on topical issues of youth perception of religion in society, the formation of religious tolerance and the prevention of extremist manifestations of a religious nature among youth.

The relevance of this study is justified by the polyvariness of religious and ideological choice in modern Russian society and the direct influence of religiosity on the security of society and the state.

The features of images of religion, confessional communities and believers as bearers of religious practices in the mass youth consciousness are shown, conclusions are drawn about the need to continue the strategy of preventing extremism based on education and the formation of semantic and moral attitudes.

Keywords: Religion, extremism, traditional confessions, manifestations of religiosity, discrimination, feelings of believers, religious education, new religious movements, semantic and moral attitudes.

References

1. Savchenko I.A., Ustinkin S.V. Religion in the perception of modern youth: Figures and comments. – Modern studies of social problems (electronic scientific journal). No. 7(63). pp. 232–263.
2. Mead M. Culture and continuity. Study of the conflict between generations // Mead M. Culture and the world of childhood. Selected works. – M.: Nauka, 1988. – P. 322–361.
3. Beloborodov S.A. Religions in the Middle Urals: information resource. ed. / S.A. Beloborodov, A.N. Starostin, P.E. Suslonov. – Ekaterinburg: Sverdl. region international b-ka, 2018. – 244 p. – (Middle Urals: peoples, cultures, religions; issue 1). pp. 183–184.
4. Fundamentals of the social concept of the Russian Orthodox Church // Patriarchia.ru (patriarchia.ru). – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
5. Social doctrine of Russian Muslims // Altyn Miras Publishing House, 2017. 96 p. pp. 71–72.
6. Order of the Government of the Russian Federation dated May 29, 2015 No. 996-r “On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period until 2025” // {ConsultantPlus}. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402/.

Гипертекстуальность и «Я»: деконструкция идентичности в цифровую эпоху

Гуйда Алексей Павлович,

главный специалист отдела разработки ИАИС, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: kelevra2501@mail.ru

Апсаматова Эльвира Джумабековна,

к.ф.н., старший преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

Смутко Алексей Николаевич,

к.ф.н., докторант, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: alesha.smutko@yandex.com

Брусиловский Денис Александрович,

д.ф.н., начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Жумабекова Айдана Таалайбековна,

магистрант, ведущий специалист Международного отдела НОУ УНПК «Международный Университет Кыргызстана»
E-mail: ajdanazumabekova139@gmail.com

В условиях современного информационного общества и развития цифровых технологий мы с вами наблюдаем радикальную трансформацию процессов конструирования идентичности. Монолитная концепция «Я», свойственная классической рациональности, уступает место множественным, ситуативным и подвижным формам субъективности. В данной статье предлагается рассмотреть феномен современной идентичности через метафору гипертекста. Подобно нелинейной, интерактивной структуре гипертекста, идентичность обретает гетерогенный, ризоматический характер, являя собой сеть взаимосвязанных, но разнородных компонентов – фрагментов опыта, нарративов, ролей и цифровых репрезентаций.

Авторы анализируют, каким образом в пространстве социальных сетей, виртуальных сообществ и компьютерно-опосредованной коммуникации происходит непрерывная деконструкция и реконфигурация идентичности. Цифровая среда провоцирует множественность, текучесть и симулятивный характер конструкций «Я».

В статье исследуются дискурсивные практики самопрезентации и технологии формирования идентичности в современной культуре. Критически анализируются онтологические и экзистенциальные последствия децентрации субъекта в цифровом пространстве. Ставится вопрос о творческом потенциале гипертекстуальной субъективности. Подобная работа может базироваться на концептуальном аппарате постструктурализма и современных исследованиях цифровой культуры. Полученные выводы вносят вклад в развитие философских теорий идентичности применительно к реалиям информационного общества. Цель данной статьи – критически проанализировать феномен гипертекстуальной идентичности сквозь призму современной философской мысли, исследовать ее дискурсивные, перформативные и технологические аспекты. В рамках предлагаемого исследования будут даны ответы на вопросы о том, какие онтологические и экзистенциальные последствия влечет за собой децентрация и диссеминация субъекта в цифровом пространстве; означает ли текучесть идентичностей их ослабление или, напротив, открывает новые формы креативности и самовыражения.

Ключевые слова: идентичность, гипертекстуальность, деконструкция, цифровая культура, виртуальная реальность; нарративы идентичности; философия информационного общества.

Введение

В эпоху цифровых технологий и повсеместной виртуализации опыта человек цифровой эпохи становится свидетелем радикальной трансформации субъективности и процессов конструирования идентичности. Линейная, монолитная концепция «Я», столь характерная для эпохи модерна, уступает место гипертекстуальной, ризоматической структуре, где идентичность обретает множественные, подвижные и ситуативные формы. Метафора гипертекста, заимствованная из сферы информационных технологий, позволяет по-новому осмыслить природу современного субъекта. Подобно нелинейному, интерактивному гипертексту, идентичность человека предстает как сеть взаимосвязанных, но разнородных элементов – фрагментов жизненных историй, социальных ролей, культурных нарративов и цифровых перформансов.

Значительный вклад в изучение социально-культурных последствий научно-технической революции (НТР) на человека и его адаптивных возможностей, причинно-следственных связей во взаимоотношении общества и природы, естественного и искусственного внесли исследования Т.А. Абдылдаева, Д.А. Брусиловского, М.Ж. Жумагулова [1; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 12; 13; 14]. Исследователь А. Касымалиев выявил методологические аспекты проблемы изменения взаимоотношения естественного и искусственного в условиях НТР. Философ, религиовед, политик и врач К.А. Ажыбекова изучала медицинские аспекты адаптации, религиозность молодежи в условиях НТР как форму социально-психологической адаптации [2; 8]. В работах кыргызстанских авторов простое противопоставление гипертекстуальности и «Я», текстов Востока и Запада – если изучить глубже – предстает довольно сложной «конструкцией», в которой использованы различные мировоззренческие и обыденные категории: бытие и становление, естественное и искусственное, природное и историческое, пассивное и активное и т.п. (размышления мои – Д. Б.).

Обычно гипертекстуальность определяется как «потенциальная и реализованная возможность нелинейного прочтения текста, а также текстового единства, состоящего из двух или более текстов», а гипертекст понимается в качестве «электронной формы текста, состоящей из фрагментов и сносок, предоставляющих возможность нелинейного прочтения текста» [11, с. 359–365]. В концепции М.В. Масаловой гипертекстуальность рассматривается как имманентная (т.е. внутренне присущая) текстовая характеристика. В литературоведении

гипертекст тесно связан с понятием диалогического взаимодействия текстов – интертекста. Мы не будем акцентировать внимание лишь на проблеме определения «гипертекстуальности» [12] в контексте разных дисциплин, так как нас в большей степени интересует соотношение гипертекстуальности и идентичности в цифровую эпоху.

Актуальность исследования феномена гипертекстуальной идентичности и ее деконструкции в цифровую эпоху можно обосновать следующими ключевыми моментами: во-первых, влияние цифровых технологий и виртуализации на процессы конструирования идентичности является одной из наиболее значимых тенденций современности. Цифровая среда радикально трансформирует традиционные механизмы формирования субъективности, делая их более гибкими, множественными и ситуативными. Во-вторых, гипертекстуальная и мультиплицированная природа современных идентичностей ставит под вопрос классические концепции унитарного субъекта, требуя новых теоретических моделей для ее осмысления. Метафора гипертекста и деконструктивистские подходы позволяют увидеть идентичность как сложное переплетение дискурсивных практик и цифровых следов. В-третьих, исследование данной проблематики необходимо в контексте современной цифровой культуры, где процессы самопрезентации, конструирования образов и управления идентичностью играют ключевую роль в социальных коммуникациях (блоги, соцсети и пр.). В-четвертых, децентрация и деконструкция субъективности в цифровом пространстве порождают целый ряд онтологических проблем и этических вопросов о границах подлинного и симулятивного, статусе виртуальной реальности, проблемах приватности, анонимности и суверенности личности.

Исследование данной темы важно для выработки новых философских концепций идентичности, соответствующих логике информационного общества, а также критического осмысления его рисков и возможностей.

Таким образом, актуальность этого исследования продиктована необходимостью комплексно проанализировать беспрецедентные изменения в конструировании субъективности под влиянием цифровых технологий.

Методы и материалы

В ходе исследования были применены такие общенаучные методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, абстрагирование, моделирование, формализация, метод восхождения от абстрактного к конкретному, аналогия, экспертный и др.

Для более глубокого изучения и анализа проблематики децентрации субъекта и трансформации идентичности в цифровую эпоху были использованы следующие методы и подходы.

1. Феноменологический анализ – рассмотрение переживаний и экзистенциального опыта человека в онлайн-пространстве, деконструкции клас-

сического субъекта. Суть феноменологического подхода заключается в стремлении максимально беспристрастно описать опыт человека «изнутри», не навязывая заранее сформированных теоретических конструкций. Предпринимается попытка выявить инвариантную структуру переживаний, универсальные сущностные черты изучаемого феномена. Применительно к цифровой реальности феноменологический анализ сфокусирован на детальном рассмотрении жизненного мира человека, вовлеченного в виртуальное пространство. Параллельно феноменологический анализ вскрывает работу фундаментальных структур опыта – темпоральности, интересубъективности, телесности и т.д. И показывает, как они трансформируются в условиях виртуальности. В итоге феноменологический подход дает уникальную возможность эксплицировать скрытую сущность децентрации субъекта в цифровую эпоху и раскрыть глубинные онтологические трансформации человеческого бытия.

2. Дискурс-анализ – исследование дискурсивных практик самопрезентации и конструирования идентичности в интернете, социальных сетях. Данный метод позволил детально изучить, как в современном медиатизированном мире идентичность активно и непрерывно конструируется через речевые практики, тексты и коммуникативные события в интернет-среде.

Такой междисциплинарный подход, сочетающий философские изыскания, гуманитарные методы и эмпирические исследования, позволит осветить сложную проблематику децентрации субъекта в информационном обществе.

Результаты и обсуждения

В современном мире информационная среда, в первую очередь интернет, играет все более значимую роль в жизни человека и приобретает статус полноценной социокультурной среды. Этому способствует стремительный рост числа интернет-пользователей по всему миру и расширение спектра мотивов присутствия людей в онлайн-пространстве. Согласно многочисленным исследованиям и опросам [4], одними из главных побуждений для пребывания в Интернете являются коммуникация, самовыражение и самореализация. Виртуальная среда предоставляет беспрецедентные возможности для творческой самопрезентации и экспериментов с идентичностью.

Интернет становится своего рода «креативной лабораторией», где человек может воплощать самые смелые и нестандартные идеи, раскрывать разнообразные грани своего творческого потенциала, которые зачастую оказываются невосребованными или нереализуемыми в реальном социальном контексте. В онлайн-пространстве размываются жесткие рамки и ограничения физического мира. Индивид получает возможность создавать альтернативные версии своего «Я», примерять различные социальные роли, маски, идентично-

сти. Это открывает новые горизонты для самопознания и самовыражения.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть коммуникативный мотив как один из ключевых для нахождения в виртуальной реальности. Интернет представляет собой грандиозную коммуникационную площадку, вовлекающую людей в самые разнообразные взаимодействия и процессы социальной самоидентификации. Таким образом, информационная среда, особенно интернет-пространство, становится важнейшей площадкой для конструирования, самопрезентации и трансформации идентичности современного человека. Философская рефлексия этих процессов выступает актуальной исследовательской задачей.

Метафора гипертекста весьма удачно иллюстрирует природу современной децентрализованной, нелинейной идентичности в эпоху цифровых технологий. В отличие от классической книги с ее последовательным линейным нарративом, гипертекст представляет собой нелинейную систему узлов (текстовых фрагментов) и связей между ними. В нем нет единого автора и заданной траектории чтения – читатель сам выбирает маршрут, переходя по ссылкам от одного фрагмента к другому.

Подобно гипертексту, современная идентичность больше не является монолитным целостным конструктом, она распределена среди множества дискурсов, контекстов, нарративов о себе. Единое авторское «Я» распадается на совокупность текстовых фрагментов, узлов. Идентичность становится нелинейной, ризоматической, ветвящейся во множестве направлений. Она формируется из разнородных компонентов – культурных, языковых, виртуальных, профессиональных и т.д. При этом отсутствует изначально заданная программа самоидентификации. Современный индивид сам связывает воедино эти дисперсные нити идентичностей, создавая свой уникальный гипертекст. Он свободно переходит из одного дискурса в другой, примеряет разные социальные роли, комбинирует противоречивые идентификационные компоненты.

В экзистенциальном плане такая фрагментация субъективности, децентрация «Я» порождает состояние онтологической неуверенности, зыбкости бытия. Исчезает ощущение целостной подлинной идентичности как опорной точки экзистенции. Человек может впасть в своего рода «цифровой нигилизм» – состояние утраты смысла, ценностей, истины под напором симулякров виртуального гиперпространства. Экзистенциальный опыт становится калейдоскопичным, лишенным устойчивого стержня.

Вместе с тем, некоторые философы [15] видят в этом процессе и позитивный потенциал. Децентрация открывает субъекта плюрализму, освобождает его от догматизма единственной истины. Множественность «я» – это шанс выйти за пределы традиционных форм субъективности. Так или иначе, проблема децентрализованного, номадического, ризоматического субъекта в цифровой ре-

альности – одна из важнейших в современной философской антропологии. Она ставит вопросы о будущем человеческого бытия, о новых формах подлинной экзистенции.

Современная информационная эпоха с ее множественными дискурсивными полями, плюрализмом нарративов и симулякров идентичностей ставит человека перед беспрецедентным вызовом постоянного самоопределения и самоидентификации. С одной стороны, включенность в разнообразные макро-групповые сообщества (этнические, религиозные, профессиональные, виртуальные и т.д.) дает человеку возможность черпать коллективные идентичности, ощущать свою принадлежность к «воображаемым сообществам». Но, с другой стороны, эти многочисленные поля идентификации создают риск растворения подлинного «Я», утраты ядра идентичности под напором симулякров и разрозненных нарративов о самом себе. Человек словно вынужден «блуждать в лабиринтах идентичности» [10], как образно выразился немецкий социолог Н. Луман.

Заключение

Важность философского осмысления феномена идентичности в цифровую эпоху можно кратко резюмировать следующими ключевыми тезисами.

1. Проблема идентичности лежит в самом сердце попыток человека познать свою природу, сущность бытия и открыть себя для себя посредством уникальной способности к саморефлексии.

2. Вопросы идентичности имеют фундаментальное значение на протяжении всей истории философской мысли и не теряют актуальности в условиях современного перехода к цифровому информационному обществу.

3. Существует множество разнообразных, подчас противоположных концепций идентичности, локализуемых вокруг дихотомий тождества/различия, коллективного/индивидуального.

4. Научное исследование столь сложного многомерного феномена требует широкого междисциплинарного подхода, а философия предоставляет уникальный теоретико-методологический аппарат для его глубинного постижения.

Таким образом, идентичность – тот сквозной вопрос, который находится в эпицентре антропологических и экзистенциальных исканий человека во все времена. Технологический прогресс, социокультурные трансформации ставят новые вызовы перед идентичностью, но не снимают необходимости ее непрерывной философской рефлексии. Многообразие философских концепций отражает противоречивую природу самого феномена и потребность удерживать в поле зрения как моменты стабильности, так и изменчивости, как коллективные, так и индивидуальные грани идентичности.

Именно философский синтез различных методологических подходов позволяет построить целостное видение феномена во всей его сложности и противоречивости, не редуцируя его к какой-ли-

бо одной перспективе. Поэтому философская рефлексия идентичности была и остается одной из важнейших задач для понимания человеческого бытия.

В любом случае, потребность философски осмыслить идентичность в новом технологическом контексте будет только возрастать. Останется ли доминировать вектор тождества над различием или, наоборот, различие окончательно вытеснит тождество – покажет время и конкретный путь развития человеческой цивилизации. Но сама необходимость философского поиска ответов на этот глубокий вопрос вряд ли исчезнет.

Литература

1. Абдылдаев Т.А. Соотношение естественного и искусственного в условиях научно-технической революции / Т.А. Абдылдаев, А.К. Бакаев. – Фрунзе: Илим, 1983. – 196 с.
2. Ажыбекова К.А. Естественное и социальное в адаптации человека / К.А. Ажыбекова // Естественное и искусственное в естественно-научном познании / под. ред. Т.А. Абдылдаева. – Бишкек, 1991. – С. 45–54.
3. Апсаматова Э.Д. Цифровая идентичность как атрибут информационной реальности / Э.Д. Апсаматова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 32–36. – DOI 10.36979/1694–500x-2024–24–2–32–36. – EDN ERXVHC.
4. Арестова О. Н., Бабанин Л.Н., Войскунский А.Е. Мотивация пользователей Интернета / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскунский // Гуманитарные исследования в Интернете / под ред А.Е. Войскунского. – Москва: Можайск-Терра, 2000. – С. 55–76.
5. Брусиловский Д.А. Диалог культур и толерантность в условиях глобализации / Д.А. Брусиловский // Известия ВУЗов (Кыргызстан). – 2015. – № 4. – С. 129–133. – EDN ULPPFN.
6. Брусиловский Д.А. Методологические проблемы сравнительного анализа цивилизаций / Д.А. Брусиловский // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 4. – С. 39–43. – DOI 10.24158/fik.2017.4.8. – EDN YJMEFZ.
7. Брусиловский Д.А. Специфика социальной обусловленности адаптации человека в условиях развития новых технологий / Д.А. Брусиловский // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 123–127. – EDN YSPCDD.
8. Диалог культур и взаимоадаптация цивилизаций в условиях мегасоциальной интеграции / К.А. Ажыбекова, О.А. Тогусаков, Д.А. Брусиловский [и др.] // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2018. – Т. 18, № 1. – С. 128–135. – EDN YSP-CDM.
9. Жумагулов М.Ж. Понятие «связь» / М.Ж. Жумагулов. – Бишкек: Илим, 1991. – 178 с.

10. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – Москва: Праксис, 2005. – 256 с.
11. Масалова М.В. Соотношение характеристик текста и гипертекста / М.В. Масалова // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы Международной заочной научно-практической конференции, Ульяновск, 01 марта 2008 года / Ульяновский государственный университет. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2008. – С. 359–365. – EDN VJDRZT.
12. Соболева О. В. К проблеме определения понятия «гипертекстуальность» / О.В. Соболева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 7(336). – С. 72–75. – EDN SNROON.
13. Фрунзеева Ж. Н., Майрамбек А., Брусиловский Д.А. Управление сознанием в информационном обществе: социально-философский анализ / Ж.Н. Фрунзеева, А. Майрамбек, Д.А. Брусиловский // Миссия конфессий. – 2024. – Том 13. – Часть 3 (№ 76). – С. 49–56.
14. Brusilovskii D. Dialogue and tolerance in the modern era. Practical recommendations to achieve a positive and effective intercultural and interreligious dialogue / D. Brusilovskii. – Bishkek: NEO PRINT, 2015. – 150 pp. – (“Scientists of the Kyrgyz Republic”). – EDN ZQROXT.
15. Postmodern Culture / Ed. by Haul Foster. – London: Pluto Press, 1985. – 159 pp.

HYPertextUALITY AND THE SELF: DECONSTRUCTING IDENTITY IN THE DIGITAL AGE

Guida A.P., Apsamatova E.D., Smutko A.N., Brusilovsky D.A., Zhumabekova A.T.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, International University of Kyrgyzstan

In the conditions of modern information society and the development of digital technologies, we are witnessing a radical transformation of identity construction processes. The monolithic concept of “I”, inherent in classical rationality, is giving way to multiple, situational and fluid forms of subjectivity. This article proposes to examine the phenomenon of modern identity through the metaphor of hypertext. Like the non-linear, interactive structure of hypertext, identity takes on a heterogeneous, rhizomatic character, a network of interconnected but heterogeneous components – fragments of experience, narratives, roles and digital representations.

The authors analyse how identity is continuously deconstructed and reconfigured in the space of social networks, virtual communities and computer-mediated communication. The digital environment provokes the multiplicity, fluidity and simulative nature of constructions of the self.

The article explores discursive practices of self-representation and technologies of identity formation in contemporary culture. The ontological and existential consequences of the subject’s decentration in the digital space are critically analysed. The question of the creative potential of hypertextual subjectivity is raised. Such work can be based on the conceptual apparatus of poststructuralism and contemporary studies of digital culture. The findings contribute to the development of philosophical theories of identity in relation to the realities of the information society.

The aim of this article is to critically analyse the phenomenon of hypertextual identity through the prism of contemporary philosophical thought, exploring its discursive, performative and technological aspects. The proposed research will answer the questions of what ontological and existential consequences the decentralisation and dissemination of the subject in digital space entails; whether the flu-

identity of identities means their weakening or, on the contrary, opens up new forms of creativity and self-expression.

Keywords: identity, hypertextuality, deconstruction, digital culture, virtual reality; identity narratives; philosophy of information society.

References

1. Abdylidaev T.A. The relationship between natural and artificial in the conditions of the scientific and technological revolution / T.A. Abdylidaev, A.K. Bakaev. – Frunze: Ilim, 1983. – 196 p.
2. Azhybekova K.A. Natural and social in human adaptation / K.A. Azhybekova // Natural and artificial in natural science knowledge / ed. ed. T.A. Abdylidaeva. – Bishkek, 1991. – pp. 45–54.
3. Apsamatova E.D. Digital identity as an attribute of information reality / E.D. Apsamatova // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2024. – T. 24, No. 2. – P. 32–36. – DOI 10.36979/1694–500x-2024–24–2–32–36. – EDN ERXVHC.
4. Arestova O. N., Babanin L.N., Voyskunsky A.E. Motivation of Internet users / O.N. Arestova, L.N. Babanin, A.E. Voyskunsky // Humanitarian Research on the Internet / edited by A.E. Voyskunsky. – Moscow: Mozhaisk-Terra, 2000. – P. 55–76.
5. Brusilovsky D.A. Dialogue of cultures and tolerance in the context of globalization / D.A. Brusilovsky // News of Universities (Kyrgyzstan). – 2015. – No. 4. – P. 129–133. – EDN ULPPFN.
6. Brusilovsky D.A. Methodological problems of comparative analysis of civilizations / D.A. Brusilovsky // Society: philosophy, history, culture. – 2017. – No. 4. – P. 39–43. – DOI 10.24158/fik.2017.4.8. – EDN YJMEFZ.
7. Brusilovsky D.A. Specifics of social conditionality of human adaptation in the conditions of the development of new technologies / D.A. Brusilovsky // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2018. – T. 18, No. 1. – P. 123–127. – EDN YSP-CDD.
8. Dialogue of cultures and mutual adaptation of civilizations in conditions of megasocial integration / K.A. Azhybekova, O.A. Togusakov, D.A. Brusilovsky [etc.] // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2018. – T. 18, No. 1. – P. 128–135. – EDN YSPCDM.
9. Zhumagulov M. Zh. The concept of “connection” / M. Zhumagulov. – Bishkek: Ilim, 1991. – 178 p.
10. Luhmann N. Reality of mass media / trans. with him. A. Yu. Antonovsky. – Moscow: Praxis, 2005. – 256 p.
11. Masalova M.V. Correlation between the characteristics of text and hypertext / M.V. Masalova // Language. Culture. Communication: Materials of the International Correspondence Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, March 01, 2008 / Ulyanovsk State University. – Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2008. – P. 359–365. – EDN VJDRZT.
12. Soboleva O.V. On the problem of defining the concept of “hypertextuality” / O.V. Soboleva // Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2014. – No. 7(336). – pp. 72–75. – EDN SNROON.
13. Frunzeeva Zh. N., Mayrambek A., Brusilovsky D.A. Management of consciousness in the information society: socio-philosophical analysis / Zh.N. Frunzeeva, A. Mayrambek, D.A. Brusilovsky // Mission of Confessions. – 2024. – Volume 13. – Part 3 (No. 76). – pp. 49–56.
14. Brusilovskii D. Dialogue and tolerance in the modern era. Practical recommendations to achieve a positive and effective intercultural and interreligious dialogue / D. Brusilovskii. – Bishkek: NEO PRINT, 2015. – 150 pp. – (“Scientists of the Kyrgyz Republic”). – EDN ZQROXT.
15. Postmodern Culture / Ed. by Haul Foster. – London: Pluto Press, 1985. – 159 pp.

Философский анализ фундаментальных оснований взаимодействия образования, науки и производства в аспекте инновационного развития

Дубровский Илья Юрьевич,

аспирант, Омская гуманитарная академия

E-mail: dubrovskiy.iyu@yandex.ru

В условиях стремительных технологических и социальных изменений конвергенция образования, науки и производства становится ключевым фактором инновационного развития. Целью данной статьи является философский анализ фундаментальных аспектов и проблем взаимодействия этих сфер в контексте глобальных вызовов XXI века. Основные задачи исследования включают:

- 1) выявление современных тенденций и противоречий развития образования, науки и производства;
- 2) осмысление трансформации их содержания, функций и взаимосвязей под влиянием процессов цифровизации, интернационализации и интеллектуализации;
- 3) обоснование роли философии в интеграции естественно-научного, технического и социогуманитарного знания, разработке новых моделей и этических принципов инновационной деятельности.

Методологическую основу исследования составляют системный подход, сравнительный анализ, концепции постнеклассической науки и устойчивого развития. Автор приходит к выводу, что эффективная интеграция образования, науки и производства требует глубокой трансформации их институциональных форм, ценностных оснований и организационных культур. Ключевая роль в обосновании стратегий такой трансформации принадлежит философии как рефлексии над фундаментальными проблемами и перспективами научно-технического и социального прогресса.

Ключевые слова: образование, наука, производство, конвергенция, инновации, философия, междисциплинарность, социальная ответственность.

Введение

Образование, наука и производство составляют фундамент современной цивилизации, определяя траектории ее технологического и социокультурного развития. В условиях глобализации, ускорения инновационных процессов и цифровой трансформации общества эти сферы переживают период радикальных изменений, сопряженных как с новыми возможностями, так и с новыми рисками и вызовами. Осмысление этих трансформаций и поиск эффективных моделей конвергенции образования, науки и производства представляет собой одну из центральных задач философской рефлексии.

Как отмечает В.Г. Горохов, современный мир вступил в эпоху «технонауки», знаменующей собой новый тип взаимодействия фундаментальных и прикладных исследований, проектно-конструкторской и производственной деятельности [1, с. 292]. Возникновение новых высокотехнологичных отраслей – нано- и биотехнологий, искусственного интеллекта и автоматизации, виртуальной и дополненной реальности – кардинально меняет облик и структуру экономики, ведет к появлению новых профессий и компетенций, трансформирует традиционные модели образования и социализации. В то же время с новой остротой встают вопросы о социальной ответственности науки и техники, экологических и гуманитарных последствиях их развития, моральном измерении инноваций.

Эти тенденции усиливают междисциплинарный характер современного научного знания, требуют синтеза естественнонаучной, технической и гуманитарной культур. По словам В.С. Стёпина, ключевые проблемы современной цивилизации «не могут быть решены без опережающего развития системы образования, создающей интеллектуальный потенциал нации и закладывающей основы будущих инноваций – научных, технологических и социальных» [10, с. 350]. Это актуализирует философские вопросы об изменении роли и миссии университетов в условиях экономики знаний, сдвигах в содержании и методах образования, новых формах интеграции исследовательской, проектной и учебной деятельности.

Современные вызовы и тенденции развития образования

Система образования в XXI веке сталкивается с двойным вызовом – необходимостью адаптации к ускорению технологических и социальных измене-

ний и растущей конкуренции на глобальном рынке интеллектуального труда. Массовизация высшего образования, с одной стороны, открывает новые возможности для социальной мобильности и развития человеческого потенциала, с другой стороны, порождает проблему инфляции дипломов и дисбалансов на рынке труда [7, с. 57]. Цифровизация образования позволяет обеспечить широкий доступ к образовательному контенту и технологиям, персонализацию обучения, но вместе с тем несет угрозу дегуманизации педагогического процесса, подмены содержательного понимания формальным усвоением информации [5, с. 1022].

Ответом на эти вызовы становится смена самой парадигмы образования – переход от «образования на всю жизнь» к «образованию в течение всей жизни», от передачи готового знания к развитию навыков самообразования и творческих способностей. Как писал Дж. Дьюи, цель современного образования заключается не столько в том, чтобы передать ученику сумму знаний, сколько развить у него способность решать проблемы и самостоятельно мыслить [2, р. 85]. Речь идет о новой образовательной модели, основанной на принципах гибкости и открытости, активности и сотворчества субъектов обучения, интеграции различных видов познавательной и практической деятельности.

Реализация этой модели требует глубокой трансформации педагогических подходов и технологий. Традиционные лекционно-семинарские занятия уступают место проектным и проблемно-ориентированным формам обучения, симуляционным и игровым технологиям, сетевому взаимодействию и коллаборации [5, с. 1024]. Особую роль приобретают междисциплинарные образовательные программы, обеспечивающие синтез фундаментальных и прикладных знаний, естественнонаучной и гуманитарной подготовки. В то же время возникает проблема разработки новых критериев и механизмов оценки образовательных результатов, связанных не только с овладением предметным содержанием, но и с развитием метапредметных компетенций – критического мышления, креативности, коммуникации, кооперации и т.д.

Другим важным аспектом трансформации образования является его растущая интернационализация и глобализация. Возникновение международных научно-образовательных сетей и консорциумов, программ двойных дипломов и академической мобильности, массовых открытых онлайн-курсов (МООК) способствует преодолению национальных границ и культурных барьеров, формированию единого мирового образовательного пространства [3, с. 24]. В то же время это обостряет проблему сохранения национальной и культурной идентичности образования, его связи с потребностями локальных сообществ и рынков труда. Поиск баланса между глобальными трендами и локальной спецификой, универсальными моделями и многообразием образовательных практик – одна из ключевых задач современной философии образования.

Трансформация науки в контексте глобальных проблем

Важнейшей тенденцией развития современной науки является усиление ее проблемной ориентации и социальной ответственности. Наука все больше фокусируется на комплексных междисциплинарных задачах, имеющих жизненно важное значение для выживания и развития человечества – изменении климата, поиске новых источников энергии, борьбе с глобальными эпидемиями, обеспечении продовольственной безопасности и т.д. Это требует не только синтеза различных областей научного знания, но и тесной кооперации ученых, инженеров, управленцев, представителей бизнеса и гражданского общества.

Так, в последнее время получили развитие новые организационные формы научно-технической деятельности – технологические платформы, инновационные кластеры, экосистемы открытых инноваций, – объединяющие усилия университетов, исследовательских центров, высокотехнологичных компаний для создания прорывных технологий и продуктов [6, с. 14]. Примером такого рода инициатив является Европейский институт инноваций и технологий, интегрирующий ресурсы образования, науки и предпринимательства для решения ключевых общественных проблем в таких областях, как изменение климата, устойчивая энергетика, цифровизация производства, инновации для здорового образа жизни и активного долголетия.

Другой пример – американская программа конвергентных технологий NBIC (нано-, био-, информационных и когнитивных), нацеленная на синергетическое применение достижений различных научных дисциплин для увеличения производительности труда, улучшения качества жизни, развития человеческого потенциала [1, с. 337]. Реализация этой программы потребовала не только масштабных инвестиций в исследования и разработки, но и глубокого переосмысления социальных, этических и мировоззренческих основ научно-технического прогресса, развития гуманитарной экспертизы технологий.

Становление «проблемно-ориентированной науки» сопровождается изменением самого способа производства научного знания. На смену классической модели «чистой науки», основанной на свободном поиске истины и линейном продвижении от фундаментальных исследований к прикладным разработкам, приходит модель «постнеклассической науки» [10, с. 330]. Для нее характерны нелинейность инновационного цикла, тесное переплетение когнитивных и социальных факторов, гибридизация научных дисциплин и институтов, усиление роли междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, ведущихся на стыке науки и практики, академических и неакадемических организаций.

Эти процессы выдвигают на передний план проблему социального позиционирования и ле-

гитимации науки. Если раньше наука воспринималась как отдельная сфера, относительно автономная от общества и производящая объективное знание, то сейчас она все больше интегрируется в экономику и политику, становится инструментом реализации национальных приоритетов и корпоративных стратегий. В этих условиях наука сталкивается, с одной стороны, с угрозой потери своей независимости и критического потенциала, с другой стороны, с необходимостью поиска новых форм диалога с обществом, повышения прозрачности и подотчетности своей деятельности [6, с. 12].

Ответом на эти вызовы становится развитие концепций «социально-ответственной науки», «науки для общества», «вовлекающей науки» (engaged science), предполагающих активную роль общественности в определении целей и направлений научных исследований, экспертизе и оценке их результатов [9, с. 11–12]. Возникают новые формы научной коммуникации и гражданского участия – краудсорсинговые проекты, платформы научных волонтеров, хакатоны и воркшопы по решению социально-значимых задач. Философия науки в этом контексте призвана осмыслить изменение природы и функций научного знания, разработать новые этические и аксиологические принципы научной деятельности.

Философские аспекты развития техники и производства

Сфера техники и производства в начале XXI века переживает радикальную трансформацию, связанную с переходом к новому технологическому укладу – Индустрии 4.0. Ее основу составляют киберфизические системы, интегрирующие виртуальные и физические процессы, обеспечивающие гибкое и персонализированное производство на основе анализа больших данных и Интернета вещей [1, с. 313]. Внедрение цифровых двойников, роботизированных комплексов, аддитивных технологий позволяет перейти от массового производства стандартизированной продукции к кастомизированному выпуску под индивидуальные запросы потребителей.

Эти изменения сопровождаются не только повышением производительности и эффективности производства, но и глубокими социальными сдвигами. Автоматизация рутинных операций и интеллектуализация технологий ведет к высвобождению значительной части рабочей силы, трансформации структуры занятости и профессиональных компетенций [5, с. 1025]. С одной стороны, возникает спрос на высококвалифицированных специалистов, способных работать в гибридных человеко-машинных системах. С другой стороны, обостряется проблема технологической безработицы и социальной исключенности работников, не обладающих необходимыми навыками и квалификацией.

В этих условиях обостряется вопрос о социальной и гуманитарной оценке техники. Если клас-

сическая философия техники фокусировалась на ее инструментальной функции как средства реализации человеческих целей, то современные подходы все больше акцентируют внимание на автономности технического развития, его непредсказуемых и неконтролируемых последствиях. Как отмечает В.Г. Горохов, «постепенно стала осознаваться угроза возможной деструктивности научно-технического развития, выходящего из под контроля и становящегося самодовлеющим» [1, с. 41]. На первый план выдвигаются вопросы технологических рисков и уязвимостей, социально-этических и экзистенциальных аспектов взаимодействия человека и техники.

Одним из центральных становится вопрос о статусе и роли искусственного интеллекта (ИИ) как ключевой технологии Индустрии 4.0. С одной стороны, ИИ открывает грандиозные возможности для повышения эффективности производства, оптимизации управленческих решений, развития новых форм коммуникации и познания. С другой стороны, он порождает опасения по поводу потери человеческого контроля, угрозы личному пространству и конфиденциальности данных, социальной дискриминации и манипулирования [9, с. 16–17]. Философия призвана осмыслить фундаментальные проблемы субъектности и агентности ИИ, границ его применения, правовых и моральных аспектов распределения ответственности в системах с ИИ.

Другая группа вопросов связана с трансформацией самого характера производственной деятельности. Если раньше труд воспринимался как необходимость и средство удовлетворения базовых потребностей, то в условиях автоматизации и постдефицитной экономики на первый план выходят проблемы самореализации и развития человека труда [1, с. 332–333]. Размывание границ между рабочим и свободным временем, производством и потреблением, материальными и нематериальными активами актуализирует задачи поиска новых форм организации труда, мотивации и стимулирования работников.

Наконец, серьезной философской проблемой остается вопрос об экологических последствиях технического прогресса. Несмотря на развитие зеленых и ресурсосберегающих технологий, совокупное воздействие человечества на биосферу продолжает нарастать, ведя к изменению климата, истощению природных ресурсов, утрате биоразнообразия [9, с. 14]. Преодоление этих тенденций требует не только технологических инноваций, но и глубокого переосмысления ценностных основ техногенной цивилизации, перехода к новым моделям производства и потребления, гармонизирующим отношения общества и природы.

Интеграция образования, науки и производства: проблемы и перспективы

Решение глобальных проблем современности и реализация целей устойчивого развития невозмож-

ны без опережающей подготовки кадров, способных к творческой и ответственной деятельности в условиях неопределенности и динамичных изменений. Это выдвигает на передний план задачу конвергенции образования, науки и производства как ключевых факторов инновационного развития. Только на основе их глубокой интеграции и синергии можно обеспечить непрерывный процесс генерации и обмена новыми знаниями, технологиями и практиками.

Однако путь к такой конвергенции сопряжен с рядом серьезных противоречий и барьеров. Прежде всего, это разрыв между содержанием и методами обучения в вузах и реальными потребностями высокотехнологичных производств. Многие образовательные программы по-прежнему выстроены вокруг узких дисциплинарных знаний, в то время как индустрия нуждается в специалистах, обладающих гибкими междисциплинарными компетенциями, сочетающих глубокую фундаментальную подготовку с практическим опытом проектной работы [6, с. 11–12]. Преодоление этого разрыва требует перехода к практико-ориентированным форматам обучения, интеграции образовательного процесса с исследовательской и инновационной деятельностью.

Примером такого подхода может служить модель предпринимательского университета, активно развиваемая в последние годы [3, с. 22–23]. Она предполагает не только генерацию новых знаний, но и их капитализацию, коммерциализацию научных результатов через создание спин-офф компаний, лицензирование и трансфер технологий. Университет выступает здесь как драйвер регионального развития, интегратор образовательной, научной и инновационной экосистем. Другой пример – модель университета третьего поколения (University 3.0), сочетающего функции образования, исследований и социальной миссии, активного участия в решении проблем местных сообществ [8, с. 132–133].

Важным условием реализации этих моделей является развитие эффективных механизмов коммуникации и кооперации между образованием, наукой и производством. Речь идет о создании общих институциональных площадок и инфраструктур – технологических платформ, инжиниринговых центров, бизнес-инкубаторов, – обеспечивающих трансфер знаний и технологий, сетевую организацию исследовательских и инновационных проектов [6, с. 18]. Не менее важно выстраивание системы опережающей подготовки кадров на основе мониторинга и прогнозирования технологических трендов, формирования долгосрочных партнерств университетов и высокотехнологичных компаний.

Наконец, ключевым фактором интеграции образования, науки и производства становится развитие качественно новых практик и культур обмена знаниями. В условиях возрастающей сложности и динамизма инноваций линейные модели трансфера знаний и технологий уступают место сетевому взаимодействию, основанному на прин-

ципах открытости, разнообразия, доверия [4, р. 94–95]. Решающую роль здесь играют неформальные связи и сообщества, горизонтальные формы коммуникации и коллаборации – профессиональные ассоциации и сети, экспертные панели и рабочие группы, площадки совместного создания инноваций (ливинг лабс, хакатоны, коворкинги).

Развитие этих практик требует глубокой трансформации управленческих моделей и организационных культур образования, науки и производства. Необходим переход от бюрократического администрирования и узковедомственных интересов к стратегическому видению и проектному управлению, от конкуренции за ресурсы к кооперации вокруг общих целей, от закрытых инноваций к парадигме открытых инноваций и знаний [10, с. 606–607]. Это предполагает изменение механизмов финансирования и оценки деятельности, систем стимулирования и мотивации персонала, критериев карьерного роста и развития компетенций.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что конвергенция образования, науки и производства представляет собой ключевой фактор инновационного развития в условиях становления экономики знаний и общества риска. Стремительные технологические изменения, усложнение социальных и экологических проблем, растущая неопределенность будущего требуют опережающей подготовки кадров и знаний, непрерывного обновления компетенций и культурных практик. Решение этих задач невозможно в рамках устаревших институциональных форм и моделей управления, узких дисциплинарных подходов и границ.

Необходим переход к новым, более гибким и открытым форматам интеграции образования, исследований и инноваций, обеспечивающим единство фундаментальной и практической подготовки, проектного и предпринимательского обучения. Университеты призваны стать интеллектуальными хабами регионального развития, центрами превосходства и трансфера передовых технологий. Наука должна быть более чувствительна к запросам общества и индустрии, активно вовлекать в определение своей повестки стейкхолдеров и широкую общественность. Бизнес, в свою очередь, призван инвестировать в развитие человеческого капитала, поддерживать вузовские исследования и разработки.

Решающее значение приобретает поиск новых моделей государственной научной и инновационной политики, обеспечивающих стратегическое целеполагание и координацию различных субъектов инновационной деятельности, эффективное распределение ресурсов и рисков между ними [5, с. 1028]. Необходима разработка комплексных стратегий и дорожных карт научно-технологического развития, синхронизированных с приоритетами образовательной и промышленной политики. Только на основе синергии образо-

вания, науки и производства можно обеспечить динамичный и сбалансированный рост экономики и качества жизни.

Все это выводит на первый план задачи философского осмысления происходящих трансформаций, их ценностных и мировоззренческих оснований. Философия призвана обеспечить целостное видение процессов технологической и социальной модернизации, выявить ключевые противоречия и зоны развития образования, науки и производства [3, с. 26–27]. Она должна способствовать интеграции естественнонаучного, инженерного и социально-гуманитарного знания, выработке новых когнитивных моделей и этических регулятивов инновационной деятельности.

Особую роль философия играет в критической рефлексии над автономией и социальной ответственностью образования и науки, в обосновании приоритета общественных интересов над коммерческой выгодой и узковедомственными установками. В условиях технологической неопределенности и социальных рисков она призвана поставить вопрос о человекообразности инноваций, их соответствии гуманистическим ценностям и идеалам устойчивого развития. Именно философия способна задать интегральные смысловые рамки конвергенции образования, науки и производства, сделать ее осознанной и продуктивной.

В целом, конвергенция образования, науки и производства представляет собой магистральный путь цивилизационной динамики, ключ к решению большинства проблем современности – от повышения конкурентоспособности экономики и создания прорывных технологий до обеспечения занятости и социальной справедливости, развития творческого потенциала человека и гармонизации отношений с природой. По сути, речь идет о становлении качественно новой генерации знаний и технологий, интегрирующей познавательные, проектные и гуманитарные компоненты, фокусирующей усилия на нахождении ответов на ключевые вызовы нашего времени.

В свою очередь, это требует формирования нового типа профессионалов, обладающих междисциплинарным мышлением и коммуникативными навыками, сочетающих предметные компетенции с пониманием социального и гуманитарного контекста инноваций. Подготовка таких специалистов должна стать приоритетом образовательной политики и практики, основой для построения обучающегося общества и экономики, основанной на знаниях. Именно на их плечи ляжет миссия социально ответственного обновления всех сфер человеческой жизни в XXI веке.

Литература

1. Горохов В.Г. Техника и культура: возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX – начале XX столетия. – М.: Логос, 2010. – 376 с.

2. Dewey J. Democracy and Education. – New York: The Free Press, 1966. – 378 p.
3. Иванов В.Г. Философия образования в контексте глобальных вызовов XXI века // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 18–27.
4. Jaspers K. The Idea of the University. – Boston: Beacon Press, 1959. – 135 p.
5. Карпов А.О. Современное образование в контексте вызовов технологического развития // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 10. – С. 1017–1028.
6. Лекторский В.А. Наука в современном мире: новые вызовы и перспективы развития // Философские науки. – 2021. – № 1. – С. 7–19.
7. Новиков А.М. Развитие отечественного образования: полемические размышления. – М.: Эгвес, 2005. – 176 с.
8. Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. – СПб.: РХГИ, 2004. – 520 с.
9. Розин В.М. Философия техники и производства: проблемы и перспективы // Философия науки и техники. – 2020. – Т. 25. – № 1. – С. 5–19.
10. Стёпин В.С. Философия и методология науки. – М.: Академический проект, 2015. – 716 с.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE FUNDAMENTAL FOUNDATIONS OF INTERACTION BETWEEN EDUCATION, SCIENCE AND PRODUCTION IN THE ASPECT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT

Dubrovsky I.Yu.

Omsk Humanitarian Academy

In the context of rapid technological and social changes, the convergence of education, science and production is becoming a key factor in innovative development. The purpose of this article is a philosophical analysis of the fundamental aspects and problems of interaction between these spheres in the context of the global challenges of the 21st century. The main objectives of the study include:

- 1) identifying current trends and contradictions in the development of education, science and production;
 - 2) understanding the transformation of their content, functions and relationships under the influence of the processes of digitalization, internationalization and intellectualization;
 - 3) substantiation of the role of philosophy in the integration of natural science, technical and socio-humanitarian knowledge, the development of new models and ethical principles of innovative activity.
- The methodological basis of the study is a systematic approach, comparative analysis, concepts of post-non-classical science and sustainable development. The author comes to the conclusion that effective integration of education, science and production requires a deep transformation of their institutional forms, value bases and organizational cultures. The key role in justifying the strategies of such transformation belongs to philosophy as a reflection on the fundamental problems and prospects of scientific, technical and social progress.

Keywords: education, science, production, convergence, innovation, philosophy, interdisciplinarity, social responsibility.

References

1. Gorokhov V.G. Technology and culture: the emergence of the philosophy of technology and the theory of technical creativity in Russia and Germany at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. – М.: Logos, 2010. – 376 p.
2. Dewey J. Democracy and Education. – New York: The Free Press, 1966. – 378 p.

3. Ivanov V.G. Philosophy of education in the context of global challenges of the 21st century // Questions of philosophy. – 2020. – No. 6. – P. 18–27.
4. Jaspers K. The Idea of the University. – Boston: Beacon Press, 1959. – 135 p.
5. Karpov A.O. Modern education in the context of the challenges of technological development // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – T. 89. – No. 10. – P. 1017–1028.
6. Lektorsky V.A. Science in the modern world: new challenges and development prospects // Philosophical Sciences. – 2021. – No. 1. – P. 7–19.
7. Novikov A.M. Development of domestic education: polemical reflections. – M.: Egves, 2005. – 176 p.
8. Ogurtsov A.P., Platonov V.V. Images of education. Western philosophy of education. XX century. – St. Petersburg: RKhGI, 2004. – 520 p.
9. Rozin V.M. Philosophy of technology and production: problems and prospects // Philosophy of science and technology. – 2020. – T. 25. – No. 1. – P. 5–19.
10. Stepin V.S. Philosophy and methodology of science. – M.: Academic project, 2015. – 716 p.

Влияние эпидемии Черной смерти на дестабилизацию европейского общества

Кокорева Елена Борисовна,

аспирант кафедры философии ГУП, сотрудник кафедры биоэтики ФГАОУ ВО «Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова»
E-mail: kokorevaelena@yandex.ru

В статье рассматривается эпидемия чумы («Черной смерти») 1347–1353 годов и анализируется ее влияние на состояние европейского общества XIV века. Эта эпидемия привела к существенной дестабилизации общества и даже почти поставила под вопрос само его существование. В статье рассматриваются причины быстрого распространения эпидемии (голод, перенаселенность городов, ошибочные воззрения науки на причины эпидемии) и ее последствия (упадок экономики, нарушение социальных связей, падение духовно-нравственного уровня населения). С другой стороны, анализируются факторы, которые помогли обществу устоять: меры властей по установлению карантинных и устройению лазаретов, очищение городов от мусора, своевременное захоронение умерших, организация городских патрулей, роль религии в моральной поддержке общества. Заключительная часть статьи посвящена ключевым моментам трансформации европейского общества после окончания эпидемии. В результате исследования можно сделать вывод о том, что Черная смерть оказалась не только фактором дестабилизации, но и источником последующего обновления европейского общества.

Ключевые слова: эпидемия Черной смерти, флагеллантизм, карантин, лазарет, доктрина Гиппократова – Галена.

Стабильный экономический рост XIII века и неурожаи XIV века

Тринадцатый век был весьма благоприятным для развития и процветания Европы. Продолжительная теплая погода способствовала высоким урожаям сельскохозяйственных культур, что вело к значительному увеличению численности населения, которое достигло, по оценкам, 75–80 миллионов человек. В XIII и начале XIV века торговля в Европе стала преимущественно морской, а не сухопутной, и расширилась, как никогда прежде. Предметы роскоши из Китая стали повсеместно продаваться не только в Италии или Франции, но даже в Англии.

Однако в XIV веке начались различные экологические катастрофы, такие как засухи, землетрясения и наводнения, и общий вектор погоды существенно изменился к худшему. В 1310–1315 гг. холод в Европе был особенно силен, что привело к Великому голоду 1315–1317 гг., когда, как считается, вымерло до четверти населения Северной Европы.

Нехватка продуктов продолжалась и дальше. Сельское население начало стекаться в города, вполне вероятно, что и миграция крыс – переносчиков зараженных чумой блох происходила туда же. Городское планирование было не в состоянии справиться с массовым притоком сельского населения, и поэтому города стали неорганизованными, перенаселенными и еще более грязными. Городские жители не могли эффективно справляться со всем мусором, который они производили [1]. Например, сточные воды нередко выбрасывались из окон на улицы.

Дестабилизация общества по мере продвижения чумы

В октябре 1347 года двенадцать генуэзских галер из Кафы, города в Крыму, зараженного чумой, прибыли в порт Мессина в Италии. Именно в Мессине эпидемия приняла такие масштабы, что была названа Великим мором. Находившиеся на кораблях мужчины и женщины были покрыты поражениями, характерными для чумы; в трюмах были обнаружены груды мертвых тел. Промедление с решением не впускать корабли оказалось роковым: чума мощным потоком вторглась в Италию, и, пройдя по всему полуострову, убила в конечном итоге треть населения (возможно, половину) [3].

Болезнь распространилась по Италии очень быстро, преодолевая, в среднем, 4 км в день – пересекая реки, преодолевая горные перевалы

и проникая почти в каждый город, с которым сталкивалась. В городе Генуя, население которого, по оценкам, составляло девяносто тысяч жителей, погибло 30–40% горожан [1]. В январе 1348 года пострадала Венеция, с населением, по оценкам, в 120 000 человек. Уровень смертности в Венеции был катастрофически высок и превысил 60% населения. Цивилизация выстояла с огромным трудом [3].

У людей внезапно, как из воздуха, появлялись волдыри в виде пурпурно-черных опухолей в подмышечной впадине или в паху, известные как бубоны. За этим следовала кровавая рвота, гипертермия, бред и, в большинстве случаев, через три дня все это заканчивалось мучительной смертью. Общество начало распадаться, поскольку целые семьи и кварталы погибали в течение нескольких дней или недель. В городах нарастала паника, распространялись беспорядки и мародерство. По большинству оценок, во Флоренции погибло 50% населения [5].

Не хватало места на кладбищах, поэтому рыли огромные траншеи, в которых умерших хоронили тысячами. В сентябре Черная смерть захватила Пиренейский полуостров, а к октябрю достигла Парижа. Год спустя более половины города осталось безжизненным. При продвижении чумы на север многие сельские общины были уничтожены полностью [3].

Достигнув Англии, чума проявила себя с невиданной прежде силой. Если в городах континентальной Европы средний уровень смертности составлял приблизительно 33%, то в Англии он взлетел до 55%. А в некоторых городах погибло до 80–90% населения. Умерло так много людей, что некому было работать на полях, домашний скот тысячами погибал на пастбищах, зарастали улицы небольших деревень и городков [3].

К 1351 году чума прибыла в Польшу, но не смогла нанести такого огромного ущерба, возможно, потому, что города были разбросаны, а король Казимир Великий закрыл границы своего королевства и ввел чрезвычайно строгие карантинные меры. Также существует предание о том, что в Польше было изобилие кошек, которые помогли обуздать популяцию крыс и таким образом помочь в борьбе с эпидемией [6]. К 1353 году, когда Черная Смерть пошла на убыль, Европа была опустошена и разорена экономически.

Здесь можно добавить, что даже в XIX–XX вв. (до того, как в 1943 году в лечении чумы стали применяться антибиотики), смертность среди заболевших сохранялась на уровне 60–70%, несмотря на любые современные меры медицинского ухода, которые только можно было предпринять [4].

Отсутствие научных подходов к борьбе с болезнью

В XIV веке еще не существовало научных знаний о сущности и причинах чумы. Наука микробиология

еще не появилась и не открыла бактерию *Yersinia pestis*, возбудителя чумы. Одной из самых распространенных теорий в то время была идея о том, что причиной эпидемии является переносимый плохой воздух, пар, миазма, возникающие из болот или испорченных почв. Считалось, что этому можно противостоять, вдыхая чрезвычайно чистый воздух, и именно по этой причине многие люди бежали в сельскую местность. Врачи, согласно с гуморальной доктриной Гиппократа и Галена, одобряли такое бегство. Сами врачи для защиты дыхания носили маску с носом «длинной в полфута, по форме напоминающим клюв, наполненную духами и мазями, а комплектация дополнялась круглыми стеклянными очками». Также наряд врача состоял из пальто, покрытого ароматизированным воском, бриджей, соединенных с сапогами, заправленной рубашки, шляпы и перчаток из козьей кожи. Эту одежду для врачей разработал Шарль де Лорм, главный медик трех французских королей [7].

По приказу французского короля сорок шесть магистров-астрологов из Парижского медицинского университета собрались вместе и в своем докладе *Compendium de epidemia per Collegium Facultatis Medicorum Parisius* определили, что Черная смерть была вызвана необычным соединением Сатурна, Марса и Юпитера, которое, по их определению, произошло в один час пополудни 20 марта 1345 года [3]. Считалось, что в случае эпидемий, от которых страдали сотни тысяч людей на больших расстояниях друг от друга, инфекция возникла от какого-то глобального нарушения, например, от столкновения космических тел.

Сегодня наши знания о чуме продолжают обогащаться благодаря секвенированию ДНК бактерии чумы, извлеченной из археологических образцов. Чумная палочка была обнаружена в Европе в человеческих скелетах, которым предположительно пять тысяч лет. За это время *Yersinia pestis* приобрела набор генетических мутаций для усиления степени передачи инфекции и приспособленности для циркуляции в популяциях диких грызунов [2].

Духовно-нравственное разложение общества в условиях эпидемии

Джованни Бокаччо писал: «Это бедствие вселяло такой ужас в сердца мужчин и женщин, что брат бросал брата, а очень часто и жену, или жена собственного мужа. Что еще хуже и почти невероятно, так это то, что отцы и матери отказывались видеть своих собственных детей и заботиться о них, как если бы они им не принадлежали» [8]. Многие люди, уверенные в своей скорой смерти, шатались от таверны к таверне, пытаясь ухватить последние удовольствия этой жизни, предавались блудным радостям, или заходили в покинутые дома и брали там, что хотели. Ходило поверье, будто можно избавиться от чумы, передав ее другому. И некоторые инфицированные занимались преднамеренным заражением, толкаясь на рынках или пытаясь дышать

на своих врагов. Кто-то считал, что заразиться можно от взгляда больного, или даже просто подумав о болезни. Люди перестали есть рыбу, считая, что она отравлена ядовитым воздухом [5].

Преобладающим в поведении стало правило избегать больных и всего, что с ними связано, вести максимально изолированное существование. Социальная жизнь резко замедлилась, если не прекратилась вовсе. Например, в Сиене закрылись суды, было остановлено строительство собора и выпечка хлеба, поддержание хоть какого-то порядка на улицах прекратилось. Чиновники заперлись с семьями по домам и не выполняли своих обязанностей. Преступники могли делать, что хотели; антисанитария нарастала. В 1348 году итальянцы, и не только они, ждали Конца Света; мало кто рассчитывал спастись. Общество балансировало на грани анархии и развала. По словам поэта Петрарки, современника событий: «Повсюду мы видим скорбь, со всех сторон мы видим ужас» [2].

Городские и сельские общины часто стремились выявить и изгнать тех, кто, как им казалось, был морально ответственен за столь масштабное бедствие. Виновные в оскорблении Бога должны были быть найдены и наказаны. Одними из виновных, несомненно, считались проститутки. Во многих местах разъяренные толпы закрывали бордели, а проституток изгоняли из города. В Венеции к тому же были закрыты все питейные заведения и игорные дома. Нападениям также подвергались люди другой веры, или иностранцы, или те, кого принимали за ведьм или колдунов. Все они были виновны в том, что навлекли бедствие на общество. Таким образом, города по всей Европе в годы чумы закрывались для посторонних, а в их стенах неугодных выслеживали, избивали, изгоняли вон или убивали [9].

Немало было и тех, кто считал причиной такого огромного числа смертей заговор группы людей. Например, Альфонсо из Кордовы распространял ложные слухи, что злоумышленники – евреи, и они используют яды для распространения чумы. Годы Черной смерти стали временем самого большого всплеска антисемитизма в Средние века. Многие верили, что обширная подпольная еврейская сеть отравила все колодцы, вызвав болезнь. Но далеко не все поддерживали этот миф. Например, король Польши Казимир Великий принимал еврейских беженцев и запрещал их преследование. Папа Климент VI в папской булле от 06 июля 1348 года писал: «Не может быть правдой, что евреи являются причиной чумы, поскольку она поражает самих евреев» [3].

Но были примеры и самоотверженного служения. Например, безграничная жертвенность сестер больницы Отель-Дье в Париже, которые пытались выходить зараженных чумой. Или бесстрашие главного врача папства Ги де Шолиака, который до конца эпидемии оставался в зараженном чумой Авиньоне. Один из самых знаменитых врачей Италии, Джентиле да Фолиньо, остался в городе Перудже и помогал бедным до тех пор, пока

болезнь не сгубила и его [10]. Великое бедствие породило множество примеров как безграничного сострадания и милосердия, так и жадности, хитрости и эгоизма. Надо добавить, что даже в самое трагичное время эпидемии люди некоторых стран Европы не переставали воевать друг с другом.

Стабилизирующая роль религии

В страшные годы Черной смерти религия оставалась той опорой, которая приносила многим людям, если не излечение, то успокоение и веру в лучшую долю в ином мире. Христиане стали молиться о выживании тем святым, которые, как считалось, наиболее сердечно заступались за страдающее человечество. Прежде всего, это были Дева Мария, святой Себастьян и святой Рох. Наиболее заметным в века чумы было новое почитание святого Себастьяна. Он жил в третьем веке, был солдатом и христианским мучеником, который подвергался преследованиям из-за своей веры. Он был предан смерти при Диоклетиане. Чума положила начало интенсивному общеевропейскому почитанию Себастьяна. Он был привязан к столбу, в то время как лучники пронзали его тело стрелами, а стрелы были общепринятым символом чумы. Таким образом, мученичество святого Себастьяна имело и символическое значение: будучи живым щитом, Себастьян поглощал стрелы Чумы, принимая болезнь на себя [9].

Вторым из великих святых чумы, ставшим объектом нового поклонения, был святой Рох, известный как «святой пилигрим». Согласно преданию, он был дворянином из Монпелье во Франции, вырос набожным и аскетичным, и прибыл в Италию в качестве нищего пилигрима. Вскоре в Италии разразилась эпидемия чумы, и Рох посвятил себя уходу за больными. Через какое-то время он заразился, но стал одним из тех немногих счастливых, которые выжили, и после выздоровления продолжил ухаживать за умирающими. Есть свидетельства о чудесах, совершенных по молитвам к нему.

Поклонение Деве Марии не было чем-то новым. Она всегда была для христиан просительницей перед Богом за грешных людей, но чума придала большее значение ее миссии помогать страдающему человечеству. Часто ее изображали на иконах в сопровождении святых Себастьяна и Роха [9].

Но были в католичестве и крайние проявления покаяния. Многие верующие считали, что выживание зависит не столько от поиска естественных средств защиты, сколько от умиротворения божественного гнева. Усилилось движение флагеллантов, больших групп людей, которые участвовали в паломничествах по разным территориям Европы, бичуя себя до крови кнутами в качестве самонаказания за грехи человечества. Многие шли с обнаженным торсом, другие были одеты в белые одежды с капюшонами, иногда с нарисованным на них красным крестом. Официально такого рода действия были отвергнуты папой Климентом VI

как еретические [3]. Кроме того, такие паломники служили переносчиками болезни.

Несмотря на молитвы и совершение крестных ходов, служители Церкви также умирали в массовом количестве. За шесть недель Великого мора в Авиньоне, в то время месте пребывания Римского Папы, погибло одиннадцать тысяч человек и треть всех кардиналов. Кстати, сам Папа Климент VI пережил эпидемию, и во многом потому, что строго соблюдал рекомендации своего врача – Ги де Шолиака: жил изолированно в загородной резиденции, воздух в его комнате очищался постоянно горящими факелами и т.д. А, например, в Пьяченце чума нанесла мощный удар по Церкви, убив более шестидесяти священнослужителей. Считается, что общие потери духовенства в Италии составили 40–50% [5].

Меры властей по сохранению социума

Когда власти оправились от первого шока, то стали предпринимать различные меры по борьбе с чумой. Первой такой мерой стало создание институциональной структуры должностных лиц. Создавались экстренные медицинские комиссии, наделенные полномочиями изолировать инфицированных, уничтожать зараженное имущество и ограничивать передвижение. Новые органы власти впоследствии были названы «магистратами здравоохранения». В последующие десятилетия магистраты были обязаны защищать общество от вторжения чумы или, если она уже разразилась, сдерживать ее дальнейшее распространение.

Меры по борьбе с чумой впервые были разработаны Управлением здравоохранения Венеции. Они опирались на три основных учреждения: карантин, лазареты и санитарные кордоны. С этой целью на отдаленных островах лагуны были построены два крупномасштабных учреждения – Лаццаретто Векьо и Лаццаретто Нуово. Экипаж и пассажиров кораблей доставляли на берег этих островов под охраной и изолировали в лазаретах. Груз и личные вещи выгружались, вывешивались на солнце для высушивания и фумигации. Только по истечении сорока дней грузы и пассажиры допускались в город. Период заключения, названный «карантином» от итальянского слова *quaranta* (сорок), составлял основу стратегии общественного здравоохранения.

Считается, что Милан и значительная часть Польши обошлись минимумом жертв в годы Черной смерти во многом благодаря карантину. Уровень смертности в Милане составил всего 15%, а в Польше этот показатель был намного ниже, чем в остальной Европе. После того, как в 1377 году, при вспышке чумы, карантин был применен в венецианской колонии Рагуза, он стал распространяться по всему западному Средиземноморью и, в XV–XVI веках – по всей Европе и за ее пределами, став главным инструментом в борьбе с чумой.

Во времена Черной смерти сообщества формировали отряды, которые патрулировали городские

стены, отпугивая чужаков. В последующие годы практика с размещением войск по периметру городов стала официальной. Эти линии войск с расположенными через равные промежутки сторожевыми постами стали известны как санитарные кордоны (*cordons sanitaires*), и их использовали как на городских, так и на государственных границах [9].

В христианской Европе вода имела не только буквальное очищающее действие, но и символическое. Вода была очищающим элементом из-за своей роли в крещении, где она как бы очищала душу. Поэтому по всей Европе власти приказывали горожанам во время чумы очищать свои улицы водой, делая это не только по санитарным, но и по религиозным соображениям.

Врачи пытались отыскать тот разлагающий элемент, который был непосредственной причиной болезни. Миазматическая концепция указывала, на неприятные запахи, которые были в изобилии в городах. Поэтому власти старались предпринимать необходимые меры с целью борьбы с ними. Они собирали мусор, закрывали некоторые мастерские и промыслы, подметали улицы, приостанавливали работу на скотобойнях и отдавали приказы о незамедлительном захоронении трупов [3]. Все эти меры властей помогли европейскому обществу устоять и сохраниться.

Новая структура общества как стимул к инновационному развитию

«Мы смотрели в бездну и выжили» – могли бы сказать люди, пережившие чуму 1347–1353 гг. Первоначальный демографический шок от Черной смерти был одним из основополагающих событий в истории человечества. Краткосрочным эффектом высокой смертности было нарушение равновесия и страдания. Каковы же были долгосрочные последствия? Половина населения Европы, которая пережила ужасы, смерть и разорение Черной смерти и выжила, представляла собой уже совершенно другое общество. Историк Ибн Халдун писал, что «изменился весь обитаемый мир» [2]. В ходе мора все средневековые институты подверглись изменению: общество и семья, феодальные отношения и религия. Во многих сельских общинах и городках общество было полностью разрушено или оказалось на грани гибели, но цивилизация в Европе выстояла, сохранилась, и стала развиваться в совершенно других условиях.

Нелегко разобраться, просто ли чумной шок ускорил изменения, которые уже происходили, или непосредственно изменил ход истории? Быстрый демографический рост XIII века при сохранении традиционных малоэффективных методов в сельском хозяйстве привел в XIV веке к мальтузианскому дисбалансу между численностью населения и возможностью его пропитания. Широко распространились бедность, голод и недоедание; в городах росло число нищих. Социальная мобильность была редкостью, а внедрение технологических

инноваций подавлялось. Новые идеи и способы мышления осуждались как опасные ереси [10]. Но после Великого мора многое изменилось: великая дестабилизация привела к серьезной трансформации общества.

В результате огромного количества погибших во время Черной смерти стоимость рабочей силы сильно выросла. Феодалы и церковнослужители остались без работников. Имевшие средства вынуждены были платить высокую заработную плату наемным рабочим, которая в два-три-четыре раза превышала зарплату 1346 года. Выжившие крестьяне наследовали имущество своих умерших родственников – дома, землю, и уровень их жизни вырос. Они даже могли накапливать богатство, чтобы потом передать его своим детям. Бедные люди могли переезжать на новые места, зная, что там можно будет найти работу. Спрос на рабочую силу был очень высок. Улучшилось даже положение женщин, потому что их стали брать на работу, за которую хорошо платили. Можно сказать, что резкий контраст между условиями жизни господ и народа значительно смягчился. Черная смерть положила конец концепции фиксированного социального статуса.

Меньшее население означало большую долю ресурсов для выживших и более эффективное их использование. Земли, которые раньше, в условиях экстремального демографического давления, возделывались под зерновые, теперь были переданы под животноводство. Расширился рынок переработанных сельскохозяйственных товаров. После эпидемии чумы сформировались черты новой социальной модели – с растущими рынками, значительно большим уровнем личной свободы и более высоким уровнем потребления. Многие капиталы, оставленные умершими, пошли на восстановление городов. Например, в 1350 году в Пизе на эти средства была построена знаменитая колокольня. Многие исследователи считают, что с этого времени берет начало упадок крепостного строя в Европе и начало роста среднего класса. Известно, что в Англии, к XV веку, крепостничество постепенно исчезло из жизни общества. Происходил пересмотр старых институтов и переоценка старых идей. Растущий средний класс стремился к новым концепциям, новым книгам, а растущее разочарование в религиозных институтах подталкивало Европу к Реформации. Происходили качественные изменения в архитектуре, искусстве, науке и литературе [10].

В медицине начала подвергаться сомнению как гиппократо-галеновская концепция возникновения болезней, так и сами устаревшие методы лечения, что дало новый импульс развитию здравоохранения. В искусстве, литературе, музыке глубоко разрабатывалась тема смерти.

Человеческая изобретательность также росла по мере того, как люди искали способы заменить рабочую силу машинной мощностью. В результате Европа получила более диверсифицированную экономику, более интенсивное использование ка-

питала, более мощные технологии и более высокий уровень жизни [3]. Каким бы ужасным ни было столетие неумолимой смерти, «Европа смогла выйти из склепа чумы обновленной, как солнце после дождя» [10].

Черную смерть современники-европейцы называли – «Великая смертность». По оценкам, в Европе погибло 30–40 или даже 50% населения, но она была не одинока: Африка, Ближний Восток, Индия и Восточная Азия – все они были опустошены. В конце концов, было подсчитано, что во всем мире погибло не менее 200 миллионов человек. Это число особенно впечатляет, учитывая, что население земли в то время составляло приблизительно 500 миллионов человек.

Литература

1. Cohn SK Jr. Epidemiology of the black death and successive waves of plague. *Med Hist Suppl.* 2008; 27:74–100.
2. Harper Kyle. *Plagues Upon the Earth: disease and the course of human history.* Published by Princeton University Press, 2021.
3. Claudia Ferreira, Marie-Françoise J. Doursout, Joselito S. Balingit. *2000 Years of Pandemics: Past, Present, and Future.* Springer Nature Switzerland AG 2023. ISBN 978-3-031-10034-5
4. Уильям Макнил. Эпидемии и народы. Москва, Университет Дмитрия Пожарского. Русский фонд содействия образованию и науке, 2021. ISBN 978-5-91244-286-5.
5. Черная смерть. Эпидемия чумы в средневековой Европе. – URL: https://youtube.com/watch?v=__lZya5YKbY&si=RIYIP_4lLg6jkHPm
6. Glatter KA, Finkelman P. History of the plague: an ancient pandemic for the age of COVID-19. *Am J Med.* 2021;134(2):176–81.
7. Калмыков А.А., Аминев Р.М., Корнеев А.Г., Поляков В.С., Артебякин С.В. Военно-медицинский журнал, 2016; 337(1):76–80.
8. http://lib.ru/INOOLD/BOKKACHO/dekameron.txt_with-big-pictures.html
9. Frank M. Snowden. *Epidemics and Society: From the Black Death to the Present.* Yale University Press, 2019. ISBN 978-0-300-19221-6.
10. Джон Келли. Черная смерть. История самой разрушительной чумы Средневековья. Перевод: Л.В. Калининой. Москва: Эксмо, 2021. ISBN 978-5-04-119124-5

THE IMPACT OF THE BLACK DEATH EPIDEMIC ON THE DESTABILIZATION OF EUROPEAN SOCIETY

Kokoreva E.B.

Russian National Research Medical University named after. N.I. Pirogov

The article examines the plague epidemic (“Black Death”) of 1347–1353 and analyzes its impact on the state of European society in the 14th century. This epidemic led to significant destabilization of society and even almost called into question its very existence. The article examines the reasons for the rapid spread of the epidemic (hunger, urban overcrowding, erroneous views of science on the causes of the epidemic) and its consequences (economic decline, disruption of social ties, decline in the spiritual and moral level of the population). On the other hand, the factors that helped society

survive are analyzed: measures taken by the authorities to establish quarantines and set up hospitals, clearing cities of garbage, timely burial of the dead, organizing city patrols, the role of religion in the moral support of society. The final part of the article is devoted to the key moments of the transformation of European society after the end of the epidemic. As a result of the study, we can conclude that the Black Death turned out to be not only a factor of destabilization, but also a source of subsequent renewal of European society.

Keywords: epidemic of the Black Death, flagellants, quarantine, infirmary, the doctrine of Hippocrates-Galen.

References

1. Cohn SK Jr. Epidemiology of the black death and successive waves of plague. *Med Hist Suppl.* 2008; 27:74–100.
2. Harper Kyle. *Plagues Upon the Earth: disease and the course of human history.* Published by Princeton University Press, 2021.
3. Claudia Ferreira, Marie-Françoise J. Doursout, Joselito S. Balin- git. *2000 Years of Pandemics: Past, Present, and Future.* Springer Nature Switzerland AG 2023. ISBN 978-3-031-10034-5
4. William McNeil. *Epidemics and peoples.* Moscow, Dmitry Pozharsky University. Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2021. ISBN 978-5-91244-286-5.
5. Black Death. Plague epidemic in medieval Europe. – URL: https://youtube.com/watch?v=__lZya5YKbY&si=RIYIP_4lLg-6jkHPm
6. Glatter KA, Finkelman P. History of the plague: an ancient pandemic for the age of COVID-19. *Am J Med.* 2021;134(2):176–81.
7. Kalmykov A.A., Aminev R.M., Korneev A.G., Polyakov V.S., Ar- tebyakin S.V. *Military Medical Journal,* 2016; 337(1):76–80.
8. http://lib.ru/INOOLD/BOKKACHO/dekameron.txt_with-big-pictures.html
9. Frank M. Snowden. *Epidemics and Society: From the Black Death to the Present.* Yale University Press, 2019. ISBN 978-0-300-19221-6.
10. John Kelly. *Black Death. The story of the most destructive plague of the Middle Ages.* Translation: L.V. Kalinina. Moscow: Eksmo, 2021. ISBN 978-5-04-119124-5

«Текущая идентичность»: деконструкция самости в контексте гипертекстуальности

Гуйда Алексей Павлович,

главный специалист отдела разработки ИАИС, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: kelevra2501@mail.ru

Апсаматова Эльвира Джумабековна,

к.ф.н., старший преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: elvira.apsamatova@mail.ru

Урумкулова Назгул Темирбековна,

преподаватель, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
E-mail: nazgulurumkulova6@gmail.com

Брусиловский Денис Александрович,

д.ф.н., начальник отдела развития международных научно-исследовательских коммуникаций «ИлимГрад», Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б.Н. Ельцина
E-mail: denis6605@mail.ru

Тейишева Кундуз Бекболотовна,

магистрант НОУ УНПК «Международный Университет Кыргызстана»
E-mail: kteyisheva@gmail.com

В эпоху всеобъемлющей цифровизации и стремительного развития гипертекстуальных коммуникаций, традиционное понимание идентичности личности подвергается радикальной трансформации. Данное исследование ставит своей целью философский анализ феномена «текущей идентичности», возникающего в контексте гипертекстуальной среды. Опираясь на концепции постмодернистских мыслителей, таких как Ж. Деррида и Э. Бауман, авторы статьи аргументируют тезис о том, что в условиях доминирования гипертекстуальных структур, структура «Я» личности утрачивает свою целостность и однозначность, подвергаясь неустойчивым, фрагментированным и подверженным непрерывным изменениям. Анализируя характер взаимодействия между человеком и цифровыми технологиями, исследование демонстрирует, как гипертекстуальность, с её бесконечными ссылками и ризоматическими связями, способствует «растворению» традиционных представлений о самости, побуждая к радикальной деконструкции идентичности. Статья вносит весомый вклад в осмысление трансформаций, происходящих с человеческим «Я» в условиях становления информационного общества, открывая новые горизонты для философской рефлексии над природой идентичности в цифровую эпоху.

Ключевые слова: «текущая идентичность», постмодерн, гипертекстуальность, деконструкция, цифровая эпоха, информационное общество.

Введение

В пространстве цифровой коммуникации, социальных сетей и виртуальных сообществ идентичность подвергается непрерывной деконструкции и реконфигурации, обретая текучесть и множественность. Человек цифровой эпохи вынужден создавать и конструировать различные версии «Я» в зависимости от контекста, целей и адресата. В этой симулятивной игре репрезентации пересматриваются границы между истинным и ложным, подлинным и искусственным.

Труды представителей постмодерна (Ж. Бодрийар [5; 6], Ф. Гваттари и Ж.Ж. Делез [7; 8; 9], Ж. Деррида [10; 11], Ж.Ф. Лиотар [12; 13], М. Фуко [15] и др.) поставили под сомнение характерное для традиционной философии разделение субъекта и объекта и акцентировали внимание на воспроизводстве (репродуцировании), а не на производстве, как было принято в раннем капиталистическом модерне. На наш взгляд, характерными чертами постмодерна как эпохи и постмодернизма как выражения этой эпохи в культуре являются иррационализм, агностицизм в отношении объективной истины, плюрализация сингулярных ключевых концептов модерна, эклектизм в смысле фейерабендовского принципа «все допустимо» [14], бессистемность, анархизм. Подобное восприятие постмодерна заключается в специфике глобализирующегося мира, в котором люди стали продуктом нескольких цивилизаций, способных производить и подражать, экспортировать и импортировать, но при этом не всегда раскрывать свои сердца для конструктивного диалога в контексте гипертекстуальности (размышления мои – Д. Б.).

Данная тема приобретает исключительную актуальность в свете стремительного развития цифровых технологий и их все более глубокого проникновения во все сферы человеческой жизни.

Методы и материалы

Для более детального изучения и анализа проблемы трансформации идентичности в цифровую эпоху можно использовать следующие методологические подходы и исследовательские стратегии:

1. Герменевтический метод – интерпретация текстов постмодернистских философов (Ж. Делез, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) [21], осмысливших кризис субъективности. Герменевтический анализ текстов постмодернистов сфокусирован на выявлении их деконструктивистских стратегий по отношению к традиционным метафизиче-

ским понятиям и категориям, в том числе понятию субъекта/субъективности. В текстах Ж. Делеза [18] прослеживается критика классического представления о субъекте как стабильной, автономной, рационально-волевой инстанции. Вводятся концепты «ризома», «номадической субъективности», множественных становлений субъекта. Ж. Деррида [19] деконструирует логоцентризм западной философии и понятие трансцендентально-го субъекта. Его методом является выявление недостатков, противоречий и условностей в базовых оппозициях (субъект-объект и т.д.). М. Фуко [15; 20] подвергает критике идею суверенного субъекта через концепции дисциплинарной власти, дискурсивных практик конституирования субъекта. Ж. Бодрийяр [6] анализирует симуляцию и деконструкцию субъекта в условиях медиареальности и общества потребления.

Герменевтический анализ позволяет реконструировать специфические методологические установки, стратегии аргументации и ключевые понятия, с помощью которых философы-постмодернисты [21] осмысливают децентрацию, деконструкцию и диссеминацию классического субъекта. Кроме того, герменевтический метод дает возможность выявить противоречия, апории, неоднозначности в их текстах, связанные с проблематикой субъективности.

В целом, герменевтическая интерпретация работ мыслителей постмодерна позволяет разобратся в сложной философской проблематике децентрации субъекта и использовать их концептуальный аппарат для анализа современных явлений трансформации идентичности в цифровую эпоху.

2. Семиотический анализ – изучение знаковых систем и способов репрезентации «Я» в виртуальной реальности. Данный анализ обеспечивает эффективные инструменты для критического рассмотрения того, как люди используют различные знаковые системы для самопрезентации и созидания виртуальных «Я» в условиях цифрового пространства.

Применение данных методологических подходов позволит всесторонне исследовать многогранные процессы, связанные с деконструкцией традиционного понимания «Я» личности в условиях гипертекстуальной реальности.

Результаты и обсуждения

Как читатель гипертекста самостоятельно прокладывает траекторию чтения, так и субъект в постмодерне вынужден самостоятельно определять свой жизненный путь, устанавливая связи между гетерогенными фрагментами своей биографии и самопрезентации. При этом возможны и параллельные нарративы, множественные самоидентификации в разных контекстах. Это создает ситуацию плюральной, децентрированной субъективности. Таким образом, метафора гипертекста позволяет образно представить современные искусственно кон-

струируемые формы идентичности – нелинейные, децентрированные, фрагментарные, процессуальные и подвижные, открытые для переозначивания и альтернативных версий.

В условиях современного цифрового пространства индивид сталкивается с серьезными онтологическими и экзистенциальными последствиями децентрации субъекта, распада целостного «Я». Этот процесс подрыва классической картезианской субъективности освещался многими выдающимися философами постмодерна. С онтологической точки зрения, в цифровой виртуальной реальности преодолеваются жесткие границы между субъектом и объектом, внутренним и внешним, личностным и безличным. Субъект больше не является незыблемым ядром, самотождественным стержнем бытия. Он распределяется, децентрируется между множеством симулякров, цифровых масок и аватаров.

Интернет предоставляет человеку возможность принимать различные виртуальные идентичности, «играть» многочисленными «Я», формируется цифровая идентичность как неотъемлемое свойство информационной реальности [1]. Это подрывает монолитность классического субъекта, открывая его плюральность, процессуальность, нестабильность. Как утверждал Ж. Делёз, субъект становится «дивидуумом» [18] – делимой и смещающейся множественностью.

Работы классиков постструктурализма и постмодернизма [21] внесли значительный вклад в концептуализацию проблем деконструкции субъективности и гипертекстуальности идентичности в контексте новых информационных технологий. Так, Ж. Деррида [19] развил концепцию деконструкции логоцентрической метафизики присутствия, показывая децентрированность и нестабильность любой структуры означающих. Деррида указывал на невозможность окончательной фиксации смысла и идентичности: «Идентичность не есть ни вещь, ни качество, ни релевантность. Она не существует где бы то ни было, поскольку является чистым различием» [19]. Ж. Делез выдвинул концепцию ризомы как нелинейной, разветвленной модели детерриториализованного мышления, не имеющей центра и четкой структуры. Делез указывает на мультиплицированную природу субъекта: «Я был застигнут множеством, следовательно, я сам стал множественностью» [18]. Ж. Бодрийяр писал о гиперреальности симулякров, подменяющих реальность знаками без референтов. Он утверждал кризис идентичности в информационном обществе: «Благодаря средствам массмедиа все события, какими бы раздробленными они ни были, составляют в настоящий момент одну гигантскую галактическую драму, из которой мы уже более не можем выделить персональную индивидуальную историю» [6]. М. Фуко развил концепцию дискурсивного производства субъекта, его включенности в различные дисциплинарные практики и отношения власти-знания. Фуко отмечал: «Индивид является переплетени-

ем практик, произведенных историей, он не более чем конкретный субъект» [15; 20]. Таким образом, эти мыслители в разных ракурсах описывают децентрацию субъективности, утрату ею единого основания, ризоматическую, фрагментарную природу идентичности в современной ситуации. Их идеи резонируют с феноменом гипертекстуальной, мультиплицированной и симулятивной идентичности цифровой эпохи. Постструктуралистские и постмодернистские концепты дают инструменты для деконструкции классических представлений об идентичности.

Итак, в рамках постмодернистской философской парадигмы произошла существенная проблематизация и переосмысление феномена идентичности. Ключевые положения данного тезиса можно проиллюстрировать следующими теоретико-методологическими утверждениями классиков постмодернизма: во-первых, подчеркивается, что «идентичность представляется ускользающей, виртуальной, посредством которой трудно завладеть и почти невозможно построить что-либо прочное» [3]. Во-вторых, «сама структура самости раздроблена, даже у одного человека она оказывается разнообразной в своих разных оборотах» [12]. И, в-третьих, «структура идентичности является открытой, прерывистой, противоречащей движением, принимающим различные формы» [2]. Таким образом, постмодернистская мысль подчеркивает децентрированность, плюральность, ситуативность и динамичность идентичностей. Идентичность больше не рассматривается как единая, цельная, неизменная сущность субъекта. Наоборот, она предстает как множественный, дискурсивно сконструированный и контекстуально обусловленный процесс.

В этой перспективе кризис идентичности, ее размывание и непрерывные трансформации выступают не патологическим, а нормативным состоянием современного человека [17, с. 12]. Постмодернизм легитимирует право быть разным, отказываться от заданных канонов и постоянно переопределять себя в соответствии с изменяющимися дискурсивными практиками и ситуациями.

Отсюда следует вполне закономерный и аргументированный вывод о том, что в рамках постмодернистской парадигмы кризис идентичности может трактоваться как норма человеческого становления. Постмодернистская философия, таким образом, открыла пространство для подобной интерпретации изменчивой и множественной природы идентичности.

Действительно, перед лицом этого давления плюрализма и калейдоскопа ролей/масок индивид обречен на перманентную работу самоидентификации, на попытки уловить свою целостность, вписать себя в некую устойчивую «рамку» идентичности. И многие философы [21] выражали серьезную озабоченность угрозой распада, фрагментации «Я», утраты субъектом подлинной идентичности под натиском симулякров гипер-реальности.

В этом контексте постмодернистский философский дискурс действительно диагностировал определенный «кризис идентичности», растворение целостного субъекта под воздействием плюральных дискурсов и разнонаправленных социальных кодов. Таким образом, в информационную эпоху вопросы самоидентификации, поиска базовых оснований идентичности приобретают особую значимость, а философская рефлексия здесь призвана помочь человеку не раствориться окончательно в «лабиринтах» симулякров.

Заключение

Проблема идентичности будет оставаться актуальной для философской рефлексии всегда, независимо от исторических, технологических и социокультурных трансформаций. Потребность человека осмыслить свою сущность, место в мире, целостность своего «Я» является фундаментальной экзистенциальной потребностью. В грядущем цифровом будущем, в условиях сосуществования реального и виртуального миров, а также искусственного интеллекта, вопросы идентичности, самоидентификации, поиска смыслов и предназначения лишь обострятся. Ведь размывание границ между физическим и цифровым, наличие множества возможностей для конструирования альтернативных «Я» в виртуальных средах будут провоцировать человека к еще более глубокой рефлексии над проблемой идентичности.

Так, в этом контексте может актуализироваться поиск новых оснований идентичности, некоего базового тождества с самим собой и человечеством в целом. Ориентиром здесь может выступать видение К. Шваба о возможности формирования в технологическую эпоху нового «коллективного и морального сознания», способного интегрировать человечество в «единое целое» [16, с. 14]. Однако не стоит забывать и об альтернативных сценариях, которые, напротив, предполагают дальнейшую атомизацию, индивидуализацию и плюрализацию идентичностей в цифровую эру. Виртуальная реальность может стать полем для безграничной игры различий и симуляции альтер-эго.

Литература

1. Апсаматова Э.Д. Цифровая идентичность как атрибут информационной реальности / Э.Д. Апсаматова // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 32–36. – DOI 10.36979/1694–500x-2024–24–2–32–36. – EDN ERXVHC.
2. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции / пер. З. Баблюяна. – СПб.: Алетейя, 2020. – 160 с.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2005. – 390 с.

4. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
5. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А.А. Качалова. – М.: РИПОЛ-классик, 2016. – 224 с.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. – М.: Постум, 2015. – 240 с.
7. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез; пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Акад. проект, 2011. – 472 с.
8. Делез Ж. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с фр. Я.И. Свирского. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.
9. Делез Ж. Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Акад. проект, 2009. – 261 с.
10. Деррида Ж. Позиции / Ж. Деррида; пер. с фр. В.В. Бибикина. – М.: Акад. проект, 2007. – 160 с.
11. Деррида Ж. Поля философии / Ж. Деррида; пер. с фр. Д. Кралечкина – М.: Акад. проект, 2012. – 376 с.
12. Лиотар Ж.-Ф. Либицинальная экономика / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. В.Е. Лапицкого. – М.; СПб: Ин-т Гайдара, 2018. – 472 с.
13. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко – М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
14. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания / П. Фейерабенд; пер. с англ. А.Л. Никифорова. – М.: АСТ, 2007. – 413 с.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; пер. с фр. В. Наумова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 416 с.
16. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции / К. Шваб, Н. Дэвис; пер. с англ. К. Ахметова [и др.]. – М.: Бомбора, 2022. – 317 с.
17. Шеманов А.Ю. Самоидентификация человека и культуры / А.Ю. Шеманов. – М.: Академический проект, 2007. – 479 с.
18. Deleuze G., Guattari F. Rhizome: Introduction / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris: Éditions de Minuit, 1976. – 74 pp.
19. Derrida J. The Deconstruction. – N.Y., 1975.
20. Foucault M. Postmodern Culture. – L., 1985. – P. 58.
21. Postmodern Culture / Ed. by Haul Foster. – London: Pluto Press, 1985. – 159 pp.

“FLUID IDENTITY”: DECONSTRUCTION OF THE SELF IN THE CONTEXT OF HYPertextUALITY

Guida A.P., Apsamatova E.D., Urumkulova N.T., Brusilovsky D.A., Teyisheva K.B.
Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin, Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn, International University of Kyrgyzstan

In the era of comprehensive digitalisation and the rapid development of hypertextual communications, the traditional understanding of personal identity is undergoing a radical transformation. This study aims to philosophically analyse the phenomenon of ‘fluid identity’ that emerges in the context of hypertextual environments. Relying on the concepts of postmodern thinkers such as J. Derrida and Z. Bauman, the article argues the thesis that in the conditions of dominance of hypertextual structures, the structure of the individual’s “self” loses its integrity and unambiguity, being unstable, fragmented and subject to continuous change. By analysing the nature of interaction between the individual and digital technologies, the study demonstrates how hypertextuality, with its endless references and rhizomatic connections, contributes to the ‘dissolution’ of traditional notions of self, prompting a radical deconstruction of identity. The article makes a significant contribution to the understanding of the transformations occurring with the human “I” in the conditions of the formation of the information society, opening new horizons for philosophical reflection on the nature of identity in the digital age.

Keywords: fluid identity, postmodernity, hypertextuality, deconstruction, digital age, information society.

References

1. Apsamatova E.D. Digital identity as an attribute of information reality / E.D. Apsamatova // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. – 2024. – T. 24, No. 2. – P. 32–36. – DOI 10.36979/1694-500x-2024-24-2-32-36. – EDN ERXVHC.
2. Butler J. The psyche of power: theories of subjection / trans. Z. Babloyan. – St. Petersburg: Aletheia, 2020. – 160 p.
3. Bauman Z. Individualized society / Z. Bauman; lane from English ed. V.L. Inozemtseva. – M.: Logos, 2005. – 390 p.
4. Bauman Z. Fluid modernity / trans. from English ed. Yu.V. Asochakova. – St. Petersburg: Peter, 2008. – 240 p.
5. Baudrillard, J. The Spirit of Terrorism. There was no war in the Gulf / J. Baudrillard; lane from fr. A.A. Kachalova. – M.: RIPOL-classic, 2016. – 224 p.
6. Baudrillard J. Simulacra and simulations / J. Baudrillard; lane from fr. A. Kachalova. – M.: Postum, 2015. – 240 p.
7. Deleuze J. Logic of meaning / J. Deleuze; lane from fr. Ya.I. Svirsky. – M.: Academician. project, 2011. – 472 p.
8. Deleuze J. A Thousand Plateaus. Capitalism and schizophrenia / J. Deleuze, F. Guattari; lane from fr. Ya.I. Svirsky. – M.: Astrel, 2010. – 895 p.
9. Deleuze J. What is philosophy? / J. Deleuze, F. Guattari; lane from fr. S. Zenkina. – M.: Academician. project, 2009. – 261 p.
10. Derrida J. Positions / J. Derrida; lane from fr. V.V. Bibikina. – M.: Academician. project, 2007. – 160 p.
11. Derrida J. Fields of Philosophy / J. Derrida; lane from fr. D. Kralchikina – M.: Acad. project, 2012. – 376 p.
12. Lyotard J.-F. Libidinal economy / J.-F. Lyotard; lane from fr. V.E. Lapitsky. – M.; St. Petersburg: Gaidar Institute, 2018. – 472 p.
13. Lyotard J.-F. The state of postmodernity / trans. from fr. H.A. Shmatko – M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 1998. – 160 p.
14. Feyerabend P. Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge / P. Feyerabend; lane from English A.L. Nikiforova. – M.: AST, 2007. – 413 p.
15. Foucault M. Supervise and punish. The birth of prison / M. Foucault; lane from fr. V. Naumova. – M.: Ad Marginem Press, 2018. – 416 p.
16. Schwab K. Technologies of the fourth industrial revolution / K. Schwab, N. Davis; lane from English K. Akhmetova [and others]. – M.: Bombora, 2022. – 317 p.
17. Shemanov A. Yu. Self-identification of man and culture / A. Yu. Shemanov. – M.: Academic project, 2007. – 479 p.
18. Deleuze G., Guattari F. Rhizome: Introduction / G. Deleuze, F. Guattari. – Paris: Éditions de Minuit, 1976. – 74 pp.
19. Derrida J. The Deconstruction. – N.Y., 1975.
20. Foucault M. Postmodern Culture. – L., 1985. – P. 58.
21. Postmodern Culture / Ed. by Haul Foster. – London: Pluto Press, 1985. – 159 pp.

Чиновничество и чиновпочитание: от «кувшинного рыла» до «офисного планктона»

Кравченко Альберт Иванович,

д.с.н., профессор, заместитель главного редактора журнала «Социология»

E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Между бюрократией и чиновничеством, несомненно, очень много общего. Но отождествлять оба понятия, на наш взгляд, не следует. Бюрократия выступает социальным институтом общества. Призванным выполнять предписанные ей управленческие функции. Чиновничество – совокупность людей, прежде всего государственных служащих, являющихся живыми исполнителями этой функции. Итак, бюрократия – институт, чиновники – люди. Кроме того, бюрократия – особый стиль управления. Во все не обязательно, что все чиновники придерживаются его. А нередко и другие лица, не принадлежащие к чиновникам, по содержанию и форме своей деятельности – самые настоящие бюрократы. Природа власти тех и других не столько реальная, ибо реальные решения в государстве принимает не аппарат, а первые лица, сколько ритуальная. Ритуал – великая движущая сила в мире канцелярских службистов, сочетающий социальный устав и эстетический арт-шоу.

Чиновники и бюрократы – материал для усадки теста, своего рода тормозная жидкость: не беги, не разбегайся. Они ставили препоны ученым и изобретателям, стригли ножницами цензуры непокорные чубы поэтов и прозаиков. Вообще правила, нормы и законы – это гребенка, зубья которой приводят в порядок вихрестые волосы молодого племени – бунтующего, задиристого, непокорного. Чиновник – хранитель порядка – суть системный администратор. Только называется он по-разному: полицмейстер, столоначальник, губернатор, коллежский асессор и т.д. Это его специализации.

Ключевые слова: чиновник, бюрократ, власть, ритуал, служба, статус, иерархия, ранг, чин.

Кадровой основой бюрократии выступает чиновничество. **Чин** – должностное звание, указывающее на степень служебного положения государственных служащих, гражданских и военных; общественное или должностное положение; порядок, устав, обряд (чин венчанья). Чиновник – человек на государственной должности, зарабатывающий только своим чином и открывающимися на данной должности возможностями. Чем выше должность, тем больше возможностей и не всегда обязанностей. Китайская поговорка предупреждает: Не бойся чиновника – бойся его власти.

Первоначально слово «чин» означало установленный порядок какого-либо действия. А кто его мог установить? Тот, кто наделил служивого каким-то, высоким, средним или низким, чином. А на такое способно только первое лицо в государстве. Одним он мог даровать дворянское звание, князя, графа или барона, а другим всего лишь место в служебной иерархии. Дворянство кормится от поместья, земли и крепостных, а чиновничество – от жалования, подношений, льгот и взятки. Так вот и процветает управленческий аппарат империи. «Не по чину берет» – о зарвавшихся государевых людях. По чинам давали лошадей на почтовых станциях. В XVIII веке слуги разносили блюда на званых обедах по чинам, и сидевшие на нижнем конце стола гости часто созерцали пустые тарелки. Вот и приходилось «прихватывать не по чину», ибо по чину порой так мало выдавали, что титулярному советнику Башмачкину шинельку приходилось занашивать до полной прозрачности. Вот почему в народном сознании чиновник был не только крючкотвором, но и взяточником.

Чиновную мелкоту, разного рода стряпчих и ходоатаев, народ окрестил «крапивным семенем», а чуть посредине – «кувшинным рылом». Видимо, за вытянутое вперед лицо. А чего ему вытягиваться – в документах копать или перед начальством прогибаться? А крапива где растет? Да под окнами изб, вдоль заборов, на приусадебных участках. Одним словом, на отшибе. Вот ведь парадокс: чиновники и бюрократы мнят себя управленческой элитой, свысока и с апломбом разговаривающей с народом, а народ их презрительно сравнивает их с сорняками. Советская власть не скупилась на жесткую демонстрацию ненависти и презрения к бюрократии. Бюрократ – постоянная фигура в фильмах Александрова и Пырьева, в карикатурах «Крокодила» и юмористических сценках Райкина. И не удивительно: чиновники достались этой власти от царского прошлого, а к управлению она призвала простой народ. Понадобилось два поко-

ления, чтобы презиравшие крапивное семя сами превратились в презираемый всеми сорняк, пусть и советский. В 1920–1930-е годы их называли аппаратчиками и партаппаратчиками, в 1970–1980-е годы – государственными служащими, в обиходе «бюджетниками». В сленге о чиновниках сложилась множество нелестных выражений: «канцелярская крыса», «чинодрал», «приказная строка», «окурки»; люди типа – «чего изволите» или «нос по ветру», «чернильные души». Вероятно, аналогом для последнего у А. Герцена была метафора – «чернильное дворянство», а К. Рылеев отзывался о чиновниках особенно резко – «лютое отродье» [3].

Рис. 1. Кувшинное рыло

Кувшинное рыло (разг. устар.) – лицо с выступающим носом и отсутствующим подбородком. Связь с кувшинным рылом не только по форме – продолговатость сосуда и вытянутое вперед лицо, но и по содержанию – известные черты характера персонажа, сформированная или оформленная в том числе его статусом (рис. 1). Не исключена и обычная гипербола, свойственная сатирической манере повествования Гоголя. Но Чехов! Он-то точно реалист.

Негативный образ чиновника пришел к нам из произведений А.П. Чехова, Н.В. Гоголя, М.Е. Салтыкова-Щедрина. Так, Салтыков-Щедрин называл чиновников «кувшинным рылом» и «пишущей тварью». Известно, с какими мытарствами добирался незабвенный Чичиков в присутственном месте до стола Ивана Антоновича, прозванного «кувшинным рылом» и занимавшегося оформлением купчих крепостей. Описание мира чиновников в «Мертвых душах» – квинтэссенция презрительного отношения населения к чиновнику. Н. Гоголь в своей комедии осуждал злоупотребления властью, карьеризм, воровство и взяточничество, ставшие неотъемлемыми свойствами чиновников. В.Г. Белинский, болезненно переживавший распространение злоупотреблений в правительственной администрации, писал Гоголю, что в современной России «нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огром-

ные корпорации разных служебных воров и грабителей» [1]. А. Гардин писал о высокомерии, которым проникнут каждый даже маленький чиновник по отношению к скромному обывателю: он посетитель канцелярии представляется ему каким-то низшим существом. Чиновник копирует обращение своего собственного начальства и «чем круче приходилось ему самому, тем сильнее возмещает он оскорбление своего достоинства на обывателе» [2].

Справочники утверждают, что термин «чиновничество» произошел от древнерусского «чин», что означало «ряд, строй, установленный порядок» (нарушение которого есть бесчинство). Первоначально слово «чин» означало установленный порядок какого-либо действия. В социологии это установление статусных прав и полномочий, которые и наводят нормативный порядок в обществе. Правда, норма пошире, а чин поуже, только для служивого люда и государевых людей. «Государев человек» обычно трудится без усердия, с прохладцей и неспешно. Это дворянин мог стараться за свое частное дело, а чиновник «бдил» общее дело, а оно суеты не любит – ведь за всю страну отвечаешь. Еще точнее толкует четырехтомный Словарь русского языка: «Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле».

Высший ранг чиновника – сановник, лицо важное, напыщенное, одутловатое и помпезное. Бюрократ ему не чета. Это скорее оскорбительное наименование мелких и средних служащих – работников канцелярского труда, медлительных, не рассуждающих и вечно пресмыкающихся перед регламентом, документом или циркуляром. Они – служители бумажного культа, ревнители закона почти до религиозного иступления. Как и жрецы, бюрократы суть хранители некоей тайны. Что за тайна такая? Это трактовка или понимание витиевато написанных законов и установлений, которые можно трактовать вкось и вкривь, но только слово бюрократа считается истиной в последней инстанции. Как он повернет закон, так оно и выйдет. Вот она жреческая тайна. Так в античной Греции простые люди ходили к оракулу в Дельфах, который изрекал непонятные фразы, а служители культа их истолковывали.

Ритуальная власть – способ управления, основанный на применении коллективных символов и ценностей. В переносном значении, а оно ныне самое популярное, ритуальная власть понимается как символическая, мнимая в отличие от реальной, настоящей. В первом значении ритуальная власть – один из древнейших каналов манипулирования человеческим поведением.

Придворный этикет поведения предписывал чиновникам, чтобы приближенные падали ниц и не могли даже во время советов иначе подавать свое предложение и обращаться к царю, как в форме гимнов. Отношения зависимости и неравенства, которыми человек тяготится в повседневной жизни, в системе бюрократического управле-

ния изменяют свой знак. Они становятся чуть ли не подвигом и отмечаются вышестоящим как достоинство подчиненного. В управленческом ритуале они гипертрофированы в раболепие, но уже не рассматриваются как нечто унижающее личность. Они лишены своего реального содержания, превратившись в элемент чиновничьего ритуала. «Я прах у ног твоих» – обычная формула обращения к владыке. Выражались и более цветисто: «Я прах ног твоих, под сандалиями моего господина, земля, по которой ты ступаешь, подножие ног твоих, семь и семь раз падаю перед тобою ниц на землю, на грудь и спину». «Я сильно кланялся, пока горло не лишилось дыхания», – пишет египетский чиновник Сиренповет, достигший благодаря умению вовремя услужить больших высот.

Христианская заповедь «унизься и ты возвысишься», направленная против гордыни в человеке, воспитывающая в человеке скромность и достоинство, в системе бюрократического чиновничества совершенно меняет свой смысл. Чиновник унижается со злым умыслом, чем больше он кланяется, тем быстрее подвигается по служебной лестнице. Унижение здесь не просто формула утилитарных отношений, но превращенная форма гордыни, средство самовозвеличивания. В восточной деспотии у подчиненных существует одно право – унижаться и смиренно ждать милости, а у начальника – унижать достоинство личности и снисходить до благодеяния. Но первый стремится занять место второго с той единственной целью, чтобы перенять его образ и манеру поведения в качестве неотъемлемого атрибута власти (рис. 2).

Рис. 2. Я и мое Величество

Бюрократия, особенно восточная, существует в мире слов – а другого мира она не знает: землю не пашет, сталь не варит, родину не защищает. Она утверждает, отсылает к закону, что-то принимает, что-то вроде бы решает. Бюрократ – не только документооборот, но и словопоток. Он согласует дела со словами, утвержденными вышестоящим лицом или органом власти. Власть без него и шагу ступить не может. Бюрократ – жировая прослойка между властью имущими и властью неимущими, смазочное вещество государственного

механизма управления. А кто еще способен выполнить подобную функцию – крестьянин, врач, сталевар? Нет, только он – носитель чина, хранитель государственной печати. Творцы словесной эквилибристики, кудесники иерархических ритуалов, чиновпочитатели и чиновосцы, они родились одновременно с рождением власти и государства, с ними и умрут. Не хороните их порознь – борьба с бюрократией безуспешна как борьба с тараканами, способными пережить ядерную зиму.

Любопытный папирус сохранялся от эпохи Среднего царства. В нем повествуется о том, как селянина, отправившегося с нагруженным овощами ослом на заработки в город, грабят слуги важного придворного чиновника. Четыре дня он умоляет слуг вернуть ему осла, но безрезультатно. Наконец, ему удается попасть к их господину. Селянин оказался настолько красноречивым, что знатный вельможа не только возвратил все сполна, но и отвез его в столицу, добился приема у фараона, который любил слушать красивые речи, и в конечном счете устроил жизнь крестьянина как нельзя лучше. Видите, чиновниками не только становятся, но и рождаются.

Расцвет египетской бюрократии почему-то совпадает с расцветом ораторского искусства. «Среднее царство, – замечает Б.А. Тураев, – отличалось любовью к риторике и изысканным выражением. Тогда старались выражаться как можно искусственнее и менее понятно» [5]. Высокопарная риторика и любовь к трескучим одам в честь фараона, высокопоставленных вельмож характерны не только для египетской бюрократии.

Как отмечают историки, 1960–80-е годы отмечены подъемом советской бюрократии. Конечно, она существовала и прежде, но никогда раньше она не достигала таких высот ораторского искусства, как в этот период. Речи партийных деятелей, правительственные постановления, отчетные доклады съездам партии, а вслед за ними пресса и научная литература дают нам образцы канцелярита, в котором за пышным красноречьем скрывалось какое-либо реальное содержание. *Бюрократическая риторика*, сошедшая с высокой трибуны, продолжала жить в лозунгах и призывах, развешиваемых на каждом углу, в парадных рапортах предприятий. Возникла даже поговорка: важно не выполнить план, а красиво отчитаться о его выполнении. Пресса приукрашивала реальное положение дел, партия ставила перед народным хозяйством утопические задачи, ученые обосновывали их теоретическую значимость, а статистика завышала цифры, придавая количественный блеск несуществующим «достижениям социализма».

Официальные документы, деловые письма, послания, приказы и распоряжения, даже выговоры по службе, дошедшие во множестве из эпохи Древнего и Среднего царств, содержат цветистые гирлянды слов, восхвалений, эпитетов и сравнений. В приказе царь обращается к вельможам с длинной речью, в которой бесконечно перечисляет свои достоинства и лишь в конце объявляет

о своем намерении соорудить то или иное здание. Вельможи отвечают не менее длинным гимном могуществу и премудрости своего господине и лишь затем вкратце излагают суть дела. Ритуальная сторона управления здесь явно преобладала над деловой. В Египте существовали целые школы, где молодых людей готовили к чиновничьей карьере. Для тренировки они переписывали различные дела или сочинения, в которых прославлялись преимущества чиновничьей службы. Профессии гончара или земледельца, скульптора или военного ценились ниже чиновничьей карьеры. «Обрати сердце твое, чтобы сделаться писцом, ты будешь управлять людьми», – наставляли молодежь.

Государственная служба является каналом вертикальной мобильности, снабженной множеством механизмов – скрытых и открытых, – приспособлений, инструкций и ритуалов. Ритуальная власть, или ритуал власти, проявляет себя в нескольких видах, в том числе в а) вербальной (устной и письменной) и невербальной – движениях, позах, жестах, поведении и поступках. Например, указание пальцем, повелительные жесты, сердитое лицо – это ритуальные жесты власти.

Ярким выражением ритуальной власти является принятие присяги. Это публичное и праздничное мероприятие проходит в торжественной обстановке. Ее социально-символическое значение то же самое, что у юношеских обрядов инициации. Обряды сопровождают важные моменты человеческой жизни, связанные с рождением (крещение, наречение именем), свадьбой (сватовство, выкуп невесты, помолвка), вступлением в новую сферу деятельности (воинская присяга, посвящение в пионеры, в студенты, в рабочие) или переходом в другой возраст (инициация), смертью (погребение, отпевание, поминки).

Ритуальное обращение – регламентированная форма названия лиц, имевших чин или звание. Оно всегда происходит в соответствии с чином, должностью и происхождением. Формулы статусного обращения к вышестоящему лицу принадлежат сфере традиционного действия и, несомненно, принадлежат области ритуала. Например, поклон или обращение «Ваше высокопреосвященство».

Используя речь, мы можем признавать социальный статус собеседника, либо не признавать его. Мы обращаемся *Ваше величество* к действующему монарху. Однако и после революции монархисты продолжали использовать ту же самую статусную формулу уже по отношению к свергнутому правителю, подчеркивая не только верность ему, но и тот факт, что он для них остается реальным монархом.

Статусная функция речи, как и фикция самой речи, видна и в обращении к старшему по званию в американской армии «Да, сэр». Такую формулу употребляют даже при обращении к женщине-военному. Совершенно разным статусным значением наполнены два с виду одинаковых обращения: *Привет!* и *Здравствуй!* Статус воспитывает

ся: сюсюканье родителей демонстрирует, что ребенок еще не перешел в статус взрослого, а разговор с ним как с равным показывает статусный паритет и способствует развитию у него черт зрелой личности.

Статусные различия могут характеризовать социальную группу в целом, например младших военнослужащих в их обращении к старшим по званию, выделяя ее среди других групп единообразным поведением, либо подгруппы внутри большой социальной группы. Так, например, с покупателем совершенно по-разному ведут себя продавцы столичных и провинциальных магазинов, престижных супермаркетов и фирменных салонов в сравнении с обычными магазинами, уличные офени и современные продавцы, зарубежные и отечественные работники прилавка и т.д.

Этикетное общение – особая форма коммуникативной вежливости, произрастающая из желания мирно решать иерархические конфликты, снимать служебное напряжение, предупреждать возможные недоразумения в действиях нижестоящих с вышестоящими. Именно так, именно таков вектор иерархической дипломатии – вежливое отношение к вышестоящим, но никак не к нижестоящим. Те снесут и мат, и побои, так как деньги платят им, а не они. Служебная зависимость правит канцелярский бал, где угождение сростается с угодничеством, а прогибание означает приближение и приспособление.

Высшей степенью статусного обращения является титулование. Оно как бы возвышает социальную группу над всем населением, заставляя его относиться к ней с уважением несмотря на то, являются ли представители этой группы богатыми или нет. В царские времена механизм титулования был хорошо отлажен и достаточно вместителен по диапазону своих возможностей: от вашего благородия до вашего высокопревосходительства, а к особам царской фамилии – ваше высочество и ваше величество. Императорским величеством официально титуловались император и его жена. Императорским высочеством титуловались великие князья, то есть близкие родственники императора и его жены.

Таблица 1. Уставное обращение соответственно классу «Табели о рангах»

I-II	III-IV	V	VI-VII-VIII	IX-X-XI-XII-XIII-XIV
Ваше высокопревосходительство	Ваше превосходительство	Ваше высоко-родие	Ваше высокоблагородие	Ваше благородие

Поднять статусный престиж офицерства при помощи титулования стремились во всех странах и во все исторические эпохи. Характерно оно было и для России. В течение двухсот лет установленное для офицеров титулование в форме «ваше благородие» к младшим офицерам (ober-офице-

рам), «ваше высокоблагородие» – старшим офицером (штаб-офицерам), «ваше превосходительство» – вплоть до вице-адмирала и «ваше высокопревосходительство» к адмиралам, означало признание обществом того факта, что их носители обладают высокими моральными качествами.

После появления «Табели о рангах» в 1722 г. сложилась и система титулования, то есть специального обращения к лицам, имеющим чины. Чины 1-го и 2-го классов имели титул «ваше превосходительство», 3-го и 4-го – «превосходительство», 5-го – «высокородие», 6-го 8-го – «высокоблагородие», 9–14-го – «благородие». Лица, имевшие чины не дававшие дворянства, с 1832 года получили права «почетных граждан». Князья, не принадлежавшие к царствующему дому, и графы (вместе с женами и незамужними дочерьми) титуловались ваше сиятельство, светлейшие князья – ваша светлость. Официально жену всегда титуловали так же, как мужа. Вышестоящие по службе обращались к подчиненным со словом господин с добавлением фамилии либо чина или должности. Князей, графов и баронов равные им по положению в обществе называют просто этими титулами (особенно в неофициальной обстановке), без формулы титулования. Даже графиня Ростова в «Войне и мире» говорит мужу «послушай, граф». «Князь, князь! Назад!» – кричит княгиня Тугоуховская мужу, когда он направился было к Чацкому.

В устном общении это соблюдалось не очень строго, но на письме, особенно в официальных бумагах, отступления не допускались. Взглянув на бумагу, можно было безошибочно определить, к кому адресовано послание: начальник ставил дату сверху, подчиненный при обращении к вышестоящему – только снизу; начальник мог подписать писарскую копию одной своей фамилией, подчиненный должен был поставить сам свое звание, чин и только после этого – фамилию. Местоимение «мой» в обращении официальном к равному или тому, кто был родоу, имел большой чин, звучало как оскорбление [4].

При письменном обращении низших лиц к высшим в царской России употреблялись три титула, например: «Его превосходительству, товарищу министра финансов, тайному советнику (имярек)». С середины 19 в. чин и фамилия стали опускаться. При обращении к низшим чинам указывалась лишь должность. Лица одного ранга обращались друг к другу, указывая только должность, либо по имени и отчеству, проставляя на полях документа титул и фамилию; например, на полях «Его превосходительству (имярек)», а в тексте «Милостивый государь N». В служебной обстановке царская бюрократия строго следила за неукоснительным соблюдением правил обращения, формально укреплявших пронизывавшую все общество иерархию (рис. 3).

С точки зрения социологии бюрократ и чиновник – это не только разные понятийные конструкции, но также совершенно различные статусные позиции, стили поведения, ролевые репертуары.

Сановник Каренин у Толстого вовсе не бюрократ, т.е. имеющий власть в рамках бюро или офиса. Он вещает от имени государства, входит в управленческую элиту, имеет право высказывать свою точку зрения и с ней считаются равные ему по статусу. А что бюрократ? У него есть свое мнение, с ним считаются, или же он говорит языком инструкций и нормативов? Вот именно, что так¹.

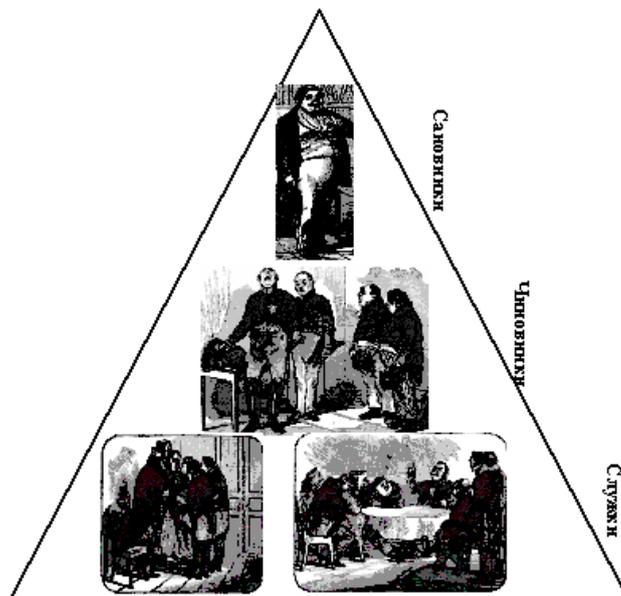

Рис. 3. Чиновная пирамида России XIX века

Это сегодня мы понимаем бюрократию как идеально вышколенную управленческую прослойку, воплощающую дух рациональности и объективности. Подобный взгляд идет от Вебера, который создал из нее идеальный тип, оговорив, что он лишь иногда совпадает с поведением реальных людей. Ему идеально-типические конструкции нужны для теоретических построений, а мы зачем повторяем философские спекуляции?

В наше время вреда от чиновников и бюрократов порой не меньше вреда, чем от пятой колонны: тормозят, воруют, водят за нос, направляют не туда, исподтишка предают и продают. Их можно сравнить не только с пятой колонной, но и пятой властью после четвертой (СМИ, включая цифровые), действующей параллельно главным трем ветвям власти и часто независимо от них, да так, что коронованным особам приходится урезонивать, наказывать и бороться с бюрократическим аппаратом. Не удивительно, что желающих попасть в эти ряды и учиться в соответствующих вузах с каждым годом все больше. «Мечтающий стать чиновником подобен мышке, ставший чиновником подобен тигру», – полагают мудрые китайцы, воспитанные на философии и социологии Конфуция.

Несмотря на корпоративную солидарность между собой у чиновников существовали далеко не дружественные отношения: подсиживание, закулисные интриги, взаимные доносы, конкуренция за высокие посты, неравенство в оплате труда,

¹ Солдатам должно иметь голову на плечах, командирам – знаки отличий (Ф.Е. Топорищев).

служебное недовольство друг другом, например, из-за невыполнения поручений или недобросовестной службы, равно как и многое другое накаляло отношения, порождая социальную и межличностную напряженность. Бюрократ – враг народа, чиновник – друг власти.

Все это – служебное рвение и юридический ригоризм, взяточничество одних и неподкупность других – чрезвычайно необходимы для выживания канцелярского племени. Служебный народец живуч потому, что скроен из композитных материалов, сочетающих разные типы материалов – этакую разносортницу, способную прогибаться и прогибать других. И племя бюрократа-чиновников представляет интересную композицию, и каждый в отдельности – те еще композиты, т.е. материалы, состоящие минимум из двух компонентов с разными свойствами. Бюрократ – идеальный тип высоко организованного и рационально мыслящего государственного служащего. Чиновник – живое лицо со всеми человеческими недостатками, которые преувеличивают и распоясываются благодаря высокой должности и безответственного распоряжения властью. В 2018–2020 гг. российские сановники получали чуть не по миллиону в месяц, а большинство народа – 20–30 тыс. руб. На обвинения они отвечали, мол, надо людям ужаться в своих потребностях, зарабатывать подсобным трудом и подножным кормом (грибы, ягоды). Композиция с народом у них явно не получилась (рис. 4).

а)

б)

Рис. 4. Прожиточный минимум: а) тех, кому он адресован, и б) тех, кто его адресует

«Большинство чиновников одновременно – бизнесмены», – сказал бородатый социолог. «А может быть, те и другие – одновременно и мошенники?», – спросил не бородатый правовед. Похоже,

власть от народа так же неотделима, как чиновник от взятки. Да и где ему ее еще брать? Кругооборот вещей в природе таков: власть качает деньги из народа, а чиновник – из власти.

Культ должности относится к средним постам в государственной или организационной иерархии и мало зависит от личных черт держателя этой статусной позиции. Подчиненные гипертрофированно рассматривают не человека, а его должность. К религии это не имеет никакого отношения, но характеризует тот или иной тип социальных отношений во властной структуре. Героем культа должности выступает чиновник, а сам он процветает не во всех обществах, а лишь в некоторых, связанных прежде всего с нерыночным типом экономики.

В западноевропейских странах *нет пожизненных должностей*. Статус гражданина или частного лица здесь важнее, приоритетнее, чем статус должности. Совсем другая картина в административной системе. В административной системе произошла подмена лица должностью. Отсюда и фетишизация последней. Выражение «*культ личности*» по отношению только к одному-единственному человеку и «*культ должности*» по отношению к миллионам безликих винтиков, стоящих ниже его, – типично *языческая формула*. Вещам и неодушевленным предметам самим по себе приписываются специфические качества, а созданные культурой свойства принимаются за нечто природное. Фанатичное преклонение перед символом власти, а деньги и должность являются символом власти, обязательно сопровождается умалением ценности реальной личности.

Административная система равнодушна к тому, является компетентным или некомпетентным данный руководитель, справляется ли он со своими обязанностями, каковы его личные качества и т.д. Руководитель освящен как должностное лицо, его переводят на другую работу, перераспределяя функции. Он функционер, и относятся к нему как к функции, а не как к личности. Фетишизация скрывает посредственности, поэтому она как нельзя лучше устраивает бюрократов – ревностных хранителей формы.

Культ должности ассоциируется в нашем сознании с разгулом бюрократии, застолий, заседаний, верховенством так называемого совкового менталитета, культом чиновника и коррупцией, серостью и безликостью руководящих кадров. «Тогда был культ личности, – сказал о сталинском времени Михаил Шолохов, – но тогда была и Личность». Потом наступила эпоха культа Должности. Оды Хрущеву слагались под анекдоты о его убожестве. Слабоумие Брежнева лишь увеличило поток адресованных ему славословий.

Чиновник – жертва кабинетного образования, герой кабинетного труда, демиург кабинетного мышления. Он мало чем отличается от столь распространенных сегодня диванных экспертов. На востоке диван – собрание высших сановников.

Диванные эксперты – в интернете любители выкладывать ролики с экстремальными экспериментами, проведенными ими с нарушением всех научных принципов. Любители давать советы о том, о чем они не имеют ни малейшего представления.

Диванные комментаторы – и уничижительная метафора для людей, прибегающих к скороспелым и поверхностным суждениям, которые основаны только на их субъективных взглядах, оценках и подходах, а не на объективном и всестороннем анализе. Это племя интеллектуальных лентяев, а диванизм – скорее всего диагноз какой-то болезни или недостатка. *Диванный мир* – домашняя вселенная.

Слактивизм, т.е. диванный активизм – словопарадокс, ибо оно составлено из двух несовместимостей: slacker – бездельник, activism – бурная деятельность. Как можно бурно делать что-либо, не сходя с дивана. Оказывается, можно. Сегодня почти все можно. Можно участвовать в мировой политике на удаленном доступе – через интернет: писать онлайн-петиции и протесты, жалобы и предложения, ставить лайки в поддержку единомышленников, отсылать донаты, чтобы помочь нуждающимся, создавать политически ориентированные блоги или критические в адрес местной администрации ролики о городе. Другими словами, интернет позволяет деятельно бездействовать¹. Ты не выходишь убирать мусор возле дома, но обращаешь на него внимание властей, не разрабатываешь юридический закон, но критикуешь или предлагаешь. И все это, не сходя с дивана (рис. 5).

Рис. 5. Диванный активизм – социально превращенная форма участия в государственных делах

Все кабинетное – вторичное, все диванное второсортное. То и другое неточное, субъективное и нередко пристрастное. В науке кабинетное исследование (desk research) – исследование по вторичным источникам данных (справочникам, сети Интернет, архивным материалам, статистическим данным).

Кабинетное творчество чиновников – термин, обозначающий сочинение инструкций, методик и распоряжений должностными лицами, малое связанных с реальной жизнью и даже вредящих

¹ Не путать слактивизм с виртуальным волонтерством типа цифрового наставничества или онлайн-сбора средств нуждающимся.

ей. Хождение по закоулкам управленческой пирамиды, кабинетам канцелярского лабиринта – это особый вид бюрократического марафона, требующий огромных сил, нервов и времени. Благой замысел, принимаемый на вершине управленческой пирамиды, как бы описывает круги дантова ада, проходя бесчисленные этажи, ступеньки и закоулки административной иерархии, пока не оказывается в самом низу, где превращается в прямо противоположное. На каждом уровне решение преломляется под своим, но уже другим углом, информация отфильтровывается в многочисленных инструкциях и директивных актах, искажается, переинтерпретируется и достигает исполнителя нередко в искаженном образе.

У чиновника одна из самых вредных профессий на свете – постоянная работа с людьми, а это стресс, нервные срывы, встреча с неадекватными персонами... и жалобы, жалобы, жалобы. А им не на кого и, главное, некому жаловаться, ведь они и есть представители власти, которой и на которую жалуется народ. Врачи и продавцы тоже постоянно на людях и с людьми. Так и у них профессиональное выгорание. А когда в профессии выгораешь, профессионалом быть перестаешь.

Вред от работы у чиновника есть, но и выгода немалая. Кормление с мест, возникшее еще при царском режиме, сохраняется и сегодня. В Википедии читаем: «Кормление» (ст.-слав. управление от корма) – первоначально означало способ содержания должностных лиц, вид пожалования великих и удельных князей своим должностным лицам, по которому княжеская администрация содержалась за счёт местного населения в течение периода службы. Когда мы кормим с руки городских голубей, то они перестают быть дикими и превращаются в одомашненных паразитов, привыкающих к халяве. А когда над чиновником и надзор слабый, ибо надзирают такие же чиновники, то ли его хорошие знакомые, то ли родственники, то социальный паразитизм становится единственным образом жизни. Государственная должность функционирует как малый, а иногда и совсем не малый, бизнес: то подряд на мощение городских улиц чиновник отдаст «своим», то конкурс нужным подрядчикам позволит выиграть, конечно, за солидный «откат». А разрешение на строительство подземного гаража и супермаркета кто дал? А проект кто согласовал? Чиновников власть с руки кормит, чиновники с руки бизнес прикармливают, а тот с ними делится той прибылью, которую собрал за счет повышения цен для населения. Еще один парадоксальный кругооборот вещей в природе.

Может быть, бюрократ – социопат? Ведущие признаки второго у первого налицо: отсутствие совести, цинизм, рассудочность и рационализм, надменность, презрение к другим и даже стремление их унижить, невыполнение обещаний, показуха. Правда, специалисты заверяют нас, что социопатия – обозначение антисоциального или диссоциального расстройства личности. Иными словами, болезнь. А бюрократ – совершенно здоровый

человек, иначе бы не попал на управленческую должность. Может быть, у него работа такая, что стала похожа на болезнь? Ставить знак равенства между бюрократом и социопатом медики и социологи пока не решаются, но проблема все же есть.

Чиновник как воплощение и носитель бюрократического этоса – особая тема разговора. После Макса Вебера о нем говорил Райт Миллс в середине XX века. Он указывал на то, что образование в США представляет собой феодальную систему, где студент выражает лояльность одному профессору, чтобы защититься от другого. Позже А. Гоулднер и И. Горовитц согласились с тем, что Американская социологическая ассоциация превратилась в феодальную империю с разветвленной иерархией чинов. Научные школы выполняют особую функцию. Они воспитывают своих последователей в духе верности определенным традициям, нормам, принципам. Академический успех и карьера молодого ученого непосредственно зависят от лояльности и преданности его данной школе. Лидеры школы, участвующие в почетных комиссиях, коллегиях и фондах, обеспечивают своим последователям режим наибольшего благоприятствования и финансирования. По мере роста стоимости научных разработок появляются исследовательские команды, формируется корпоративный дух, и ужесточаются меры контроля.

Р. Миллс отмечает, что современное ему поколение социологов в Америке наименее творческое и наиболее догматичное, оно строже придерживается методических канонов, раньше начинает специализацию, рассматривает социальное исследование как карьеру, индифферентно к социальной философии. Подготовленные таким образом специалисты создают монографии, фактически переписывая чужие книги. «Слушая их разговоры, пытаюсь понять природу их пытливости, мы обнаруживаем жуткую ограниченность ума» [6]. Таковы порождения бюрократического стиля мышления, утвердившегося в американской социологии.

Буквально этос (греч. ἦθος – нрав, характер) обозначает душевный склад, некий социальный генотип или габитус, управляющий человеком независимо от его субъективных намерений. Может быть, чиновник хочет понять старушку, встать на ее сторону, но бюрократический этос велит поступать строго по формуляру, отказать в просьбе, не пойти навстречу. Этос действует по умолчанию как коллективный архетип, точнее сказать, корпоративный дух. Чиновник перестанет быть чиновником, прояви он гуманизм и прогни закон под бабушку в слезах. Его уволит корпорация, состоящая из таких же, как он. А народу приходится приспособляться, во-первых, к жесткости российских законов и жесткости его хранителей-чиновников, во-вторых, к необязательности их соблюдения, которые те же самые чиновники и проявляют, но только для «своих». Судить не по закону, а по совести – великий закон великой стра-

ны, рожденный в параллель чиновному произволу и бюрократическому этосу.

Последняя разновидность чиновничества и канцелярских работников – это пересекающиеся, но все же разные социальные страты, – офисный планктон. Официальная дата рождения чиновников – 1722 г. «Табель о рангах» Петром I. Офисный планктон – категория «белых воротничков» (в простонародье – «офисные хомячки») – появилась в XXI веке в связи с цифровизацией умственной деятельности. Основанием для метафоры послужили мелкие морские организмы, обитающие на нижних ступенях пищевой пирамиды. Канцелярские служащие низшего звена не имеют подчиненных и никем не руководят, не производят продукта, не участвуют в профильном производстве, но ради благозвучия (иначе бы туда работать никто не пошел) называются менеджерами (офис-менеджер, контент-менеджер, PR-менеджер, HR-менеджер, менеджер по продажам). Что также парадоксально, ибо менеджер – это руководитель (рис. 6).

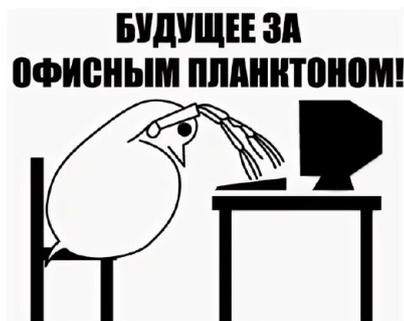

Рис. 6. Вся власть офисному пролетариату!

Как и чиновники, они пассивны, не заинтересованы в результатах своего труда, но в отличие от них нелояльны к начальству, работодателя и фирме. Их круг общения и среда жизнедеятельности – всемирная паутина. Свое рабочее время «пауки» тратят на телефонные разговоры, общение в социальных сетях и компьютерные игры. За чинами, как их далекие предки, они не гонятся, у них невелик профессиональный опыт, легко переходят с места на место, а при скромных способностях имеют весьма нескромные запросы. Одним словом, закономерный продукт потребительского общества в формате трудового общества.

Как без чиновников государственное управление, так без офисных работников потребительская экономика не может обойтись в принципе. Поскольку цифровизация сегодня захватила все трудовые ячейки общества, кроме ручного физического труда, да и то невысокой квалификации, к офисному пролетариату надо относить почти всех «средне-разрядников» и младшие чины – от бухгалтеров и вахтеров до менеджеров по продажам, коучеров, PR- и HR-менеджеров. На цифру, как на наркотик, ныне подсаели все, и все сидят в офисах, неважно это отдел доставки, конструкторское бюро или кабинет ученого. Обращение с цифровой информацией формирует новый

менталитет, язык и культуру. Новые слова, новые привычки и новые возможности преобразуют старый мир. На смену канцеляриту – чиновничьему языку – приходит сленг, смесь молодежных¹ и иностранных слов, выполняющий функцию международного средства общения – эсперанто или средневековой латыни.

Литература

1. Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1956. С. 213.
2. Гардин А. Чиновник и общество // Спутник Чиновника. 1912. № 4. С. 5.
3. Голосенко И.А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Том II. № 3. С. 111.
4. Марченко Н. Приметы милой старины: нравы и быт пушкинской эпохи. М., 2002.
5. Тураев Б.А. История Древнего Востока. – Л.: ОГИЗ, 1936. Т. 1. – С. 245.
6. Mills C.W. The sociological imagination. – N.Y., 1959. – P. 105.

OFFICIALDOM AND OFFICIAL VENERATION: FROM «JUG SNOOT» TO «OFFICE PLANKTON»

Kravchenko A.I.

Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "Sociology"

There are undoubtedly many similarities between bureaucracy and bureaucrat. But to identify both concepts, in our opinion, should not be. Bureaucracy acts as a social institution of society. Called to

fulfil its prescribed managerial functions. Officialdom is a set of people, primarily civil servants, who are living performers of this function. So, bureaucracy is an institution, officials are people. In addition, bureaucracy is a special style of management. It is not necessarily that all officials adhere to it. Often, other persons who do not belong to officials are real bureaucrats by the content and form of their activities. The nature of the power of those and others is not so much real, because the real decisions in the state are made not by the apparatus, but by the first persons, as by ritual. Ritual is the great driving force in the world of clerical servants, combining social statute and aesthetic art show.

Officials and bureaucrats are dough shrinking material, a kind of brake fluid: don't run, don't scatter. They put obstacles in the way of scientists and inventors, cut the unruly bangs of poets and novelists with the scissors of censorship. In general, rules, norms and laws are a comb, the tines of which tidy up the wavy hair of the young tribe – rebellious, cocky, unruly. An official – the guardian of order – is a system administrator. Only he is called in different ways: politmeister, stolonachalnik, governor, collegiate assessor, etc. These are his specialisations

Keywords: official, bureaucrat, power, ritual, service, status, hierarchy, rank, rank.

References

1. Belinsky V.G. Complete. collection soch., vol. 10. M., 1956. P. 213.
2. Gardin A. Official and society // Official's Companion. 1912. No. 4. P. 5.
3. Golosenko I.A. The phenomenon of "Russian bribe": an essay on the history of domestic sociology of bureaucracy // Journal of Sociology and Social Anthropology. 1999. Volume II. No. 3. P. 111.
4. Marchenko N. Signs of dear old times: customs and life of the Pushkin era. M., 2002.
5. Turaev B.A. History of the Ancient East. – L.: OGIЗ, 1936. T.1. – P. 245.
6. Mills C.W. The sociological imagination. – N.Y., 1959. – R. 105.

¹ Средний возраст «планктона» 20–40 лет.

Восстановление «Я-образа» человека с искаленной телесностью средствами трудотерапии: социально-философский анализ

Нагорная Любовь Александровна,

к.ф.н., доцент кафедры философии Гуманитарного института, ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»
E-mail: poty-lyubov@yandex.ru

Нагорный Николай Николаевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, ФГКОУ ВО «Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
E-mail: nnagornyj@yandex.ru

В статье утверждается, что трудовая деятельность человека с искаленной телесностью обязательно должна быть подобрана и организована таким образом, чтобы оказывать на него терапевтическое, а не разрушающее воздействие. Отмечается, что при неспособности (постоянной или временной) человека с искаленной телесностью к полноценной профессиональной адаптации, целенаправленное вовлечение его в подходящие для него виды трудовой деятельности является одним из важнейших условий его успешной реабилитации/абилитации. Показано, что оптимальным образом организованная трудовая деятельность имеет огромное значение в том числе для психолого-правовой реабилитации/абилитации человека с искаленной телесностью, поскольку терапевтическое воздействие труда оказывается и на такие компоненты сознания, как «Я-образ», правосознание и правовое самосознание. И, напротив, успешная психолого-правовая реабилитация/абилитация человека с искаленной телесностью имеет огромное значение для его успешной профессиональной социализации.

Ключевые слова: трудотерапия, человек с искаленной телесностью, «Я-образ», правовое самосознание, профессиональная социализация, психолого-правовая реабилитация/абилитация.

Труд зачастую определяют как целенаправленную деятельность человека по созданию материальных и/или духовных благ, удовлетворяющих его потребности.

Право каждого россиянина на свободный труд в оптимальных для него условиях закреплено, в частности, в ст. 37 Конституции РФ [7].

Понятие «искаленная телесность» трактуем как «любые случаи телесно-физического и/или интеллектуально-духовного нарушения развития, требующие создания специальных условий для получения образования, трудовой деятельности, ряда аспектов жизнедеятельности» [10, с. 117 и др.], отмечая, что одним из наиболее существенных последствий воздействия на человеческую телесность тех или иных повреждающих факторов является инвалидизация человека [10, с. 117–118 и др.].

В соответствии с рядом международных и федеральных нормативных правовых актов (например, Конвенцией ООН о правах инвалидов, Федеральным законом от 24.11.1995 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и др.) каждый человек с инвалидностью в нашей стране вправе рассчитывать на получение профессионального образования, трудовую деятельность (и, соответственно, на адаптацию (при необходимости) профессионально-образовательного и профессионального пространств к его особым потребностям), а также социальную защиту от безработицы. Напомним, что Российская Федерация в 2008 г. подписала, а в 2012 г. ратифицировала Конвенцию ООН о правах инвалидов, обязуясь тем самым обеспечить полную реализацию всех прав и основных свобод людей с инвалидностью. В том числе и поэтому с 2011 г. в нашей стране действует неоднократно продлеваемая к настоящему времени федеральная целевая программа «Доступная среда», ориентированная на включение (инклюзию) инвалидов в российское общество.

Ответственным исполнителем государственной программы «Доступная среда» совершенно справедливо было назначено Министерство труда и социальной защиты РФ, поскольку успешная профессиональная самореализация, оптимальным образом способствуя (по Г.И. Бондаренко) трансформации «Я-потенциального» от «Я-маргинального» к «Я-полноценному» [3, с. 36], самым благоприятным образом сказывается на результате социализации и инклюзии человека с инвалидностью [13, с. 334]. Более того, формирование у как можно большего количества членов обще-

ства (включая людей с инвалидностью) качеств, способствующих их успешной профессиональной самореализации, является одним из важнейших условий дальнейшего прогрессивного развития общества [11, с. 195; 6; 18]. Ранее мы, в частности, неоднократно указывали на то, что работу по оптимизации процессов профориентации, профподготовки и профессиональной адаптации людей с искаленной телесностью необходимо рассматривать в качестве одного из актуальнейших направлений социально-экономической политики российского государства [11]. При этом обязательно нужно учитывать то, что современные цифровые технологии способны существенно увеличить многие (физические (сенсорные, скелетно-мышечные [5, с. 8]), нейрокогнитивные [5, с. 8], коммуникативные, познавательные, образовательные, профессиональные, творческие и др.) возможности людей с искаленной телесностью (т.е. могут способствовать значительному расширению возможностей людей с искаленной телесностью, в том числе в сфере профессиональной подготовки и трудовой деятельности). Вместе с тем необходимо понимать, что людям с искаленной телесностью по ряду причин сложнее противостоять негативному социализирующему влиянию виртуальной реальности, поэтому цифровая социализация таких людей должна носить максимально целенаправленный и контролируемый характер [10, с. 126; 15, с. 904–905].

Но, несмотря на уверенное движение нашего общества в сторону инклюзии людей с искаленной телесностью, многие россияне с инвалидностью при вхождении в общество по-прежнему сталкиваются со значительным количеством барьеров, в том числе в профессионально-образовательном пространстве и/или в профессиональном пространстве. Снижение инклюзивного потенциала данных пространств, безусловно, заметно «обедняет» результат процесса социализации человека с инвалидностью. При этом, как показано в литературе по проблеме исследования, именно образование, профессиональная ориентация и занятость – наиболее проблемные области в инклюзии людей, имеющих инвалидность [4, с. 6]. До сих пор далеко не все россияне с инвалидностью, которые могут и хотят трудиться, имеют такую возможность. Приводятся, в частности, следующие цифры: на 01.01.2021 работа была только у каждого четвертого инвалида трудоспособного возраста, а из людей с инвалидностью пенсионного возраста работали только 0,5 млн (из 7,1 млн) (иными словами, трудоустроена была лишь пятая часть из тех инвалидов, кто способен работать) [19]. Е.В. Воеводина указывает на следующие причины столь невысокой занятости инвалидов в нашей стране: недостаточная эффективность реализации индивидуальных программ реабилитации или абилитации (люди с инвалидностью нередко владеют малоквалифицированными профессиями, что закрепляется специалистами медико-социальной экспертизы (МСЭ) при вынесении трудовых реко-

мендаций, кроме того, в трудовых рекомендациях МСЭ нередко можно встретить устаревшие специальности[□]; в результате, работодатель часто оценивает такого работника как неспособного к интенсивному труду или карьерному развитию); проблемы профессиональной подготовки инвалидов; самостигматизация и вторичная девиация людей с инвалидностью; негативное отношение некоторых работодателей к работникам с инвалидностью [4, с. 107–108]. По сути, выбор возможных специальностей, а тем более предлагаемые рабочие места для людей с инвалидностью в нашей стране по-прежнему существенно ограничены, что не позволяет в полной мере реализовать потенциальные возможности таких людей [11; 2 и др.].

Согласно Л.Н. Нацун, барьеры трудоустройства людей с инвалидностью во многом могут быть преодолены благодаря дальнейшему внедрению, распространению, совершенствованию механизмов так называемого «поддерживаемого трудоустройства» (supported employment) инвалидов [16; 17], схемы которого «предполагают поиск подходящих для соискателей с инвалидностью рабочих мест на свободном рынке труда при одновременной реализации ряда мероприятий, повышающих их конкурентоспособность» [17, с. 204 и др.]. Отмечается, что на сегодняшний день в российском обществе ключевыми механизмами поддержки занятости инвалидов по-прежнему остаются такие традиционные механизмы, как квотирование и создание специальных рабочих мест (иными словами, адаптация профессионального пространства к людям с особыми потребностями) [17, с. 210]. Но действие и этих механизмов поддержки занятости инвалидов в современном российском обществе оставляет желать лучшего. Так, в 2020 г. в нашей стране посредством механизма квотирования были трудоустроены только 6,2% человек из числа тех инвалидов, кто нашел работу благодаря службе занятости населения [17, с. 210]. Н.Ю. Белокопытова, В.Ю. Бешкорева в 2018 г. указывали на то, что в ряде регионов Российской Федерации (например, в Башкортостане, Татарстане, Приморском крае, Архангельской, Магаданской, Саратовской областях) законодательство в сфере квотирования рабочих мест для инвалидов практически не соблюдается [1, с. 95]. Кроме того, по ряду причин, связанных с несовершенством законодательства в этом вопросе, на протяжении многих лет работодатели зачастую не готовы были брать на себя обязательства по адаптации профессионального пространства к работникам с инвалидностью, предпочитая выплатить штраф в случае обнаружения нарушений [16, с. 674].

Как известно, процесс профессиональной подготовки и непосредственно профессиональная деятельность в той или иной области предполагает формирование определенного профессионального сознания (определенной «профессиональной картины мира»). Каждое профессиональное сознание, так или иначе, включает теоретический и обыденный уровни [9, с. 29]. Профессиональная

идентичность лежит в основе не только профессионального сознания, но и во многом в основе личностной идентичности [9, с. 31], как и профессиональное сознание во многом определяет сознание в целом (можно сказать, что профессиональная картина мира «вписывается» в концептуальную картину мира, изначально определяясь ею и в дальнейшем во многом определяя ее).

Необходимой составляющей профессионального сознания является профессиональное самосознание («образ-Я-профессионал», профессиональный «Я-образ», профессиональная Я-концепция), т.е. совокупность представлений о себе как о профессионале, о своем месте в профессии и своем месте в обществе как представителе той или иной профессии и т.п. Структуру профессионального «Я-образа», по аналогии со структурой «Я-образа» в целом [10, с. 123 и др.], можно представить как совокупность тех или иных «Я-реальных» и «Я-идеальных» образов, определяющихся во многом требованиями, предъявляемыми к специалисту в данной сфере деятельности.

Согласно С.П. Мироновой, «Я-реальное» – констатирующий «Я-образ», а «Я-идеальное» – «Я-перспективное». Потенциально «Я-реальное» может трансформироваться в «Я-перспективное» [9, с. 31]. Отмечается, что построение «Я-реального» «Я-профессионала» (какой я сейчас) и «Я-идеального» «Я-профессионала» (каким я буду) происходит в процессе профессиональной идентификации [9, с. 31]. Полагаем, что такого рода подход актуален в случае гармоничного профессионального «Я-образа» (и, очевидно, в целом гармоничного «Я-образа»). Вместе с тем под воздействием профессиональной среды в человеческой телесности могут происходить довольно стойкие негативные изменения. Данное явление получило название «профессиональная деформация». Профессиональная деформация – это всегда некая дисгармония, искажение ранее устоявшихся связей между элементами человеческой телесности как системы [12, с. 49]. У человека с профессиональной деформацией всегда в той или иной степени нарушено равновесие (баланс) между основными компонентами «Я-образа», искажено представление о себе как о профессионале, возможно сильнейшее, объективно непреодолимое, противоречие между «Я-реальным» и «Я-идеальным» «Я-профессионалом» и т.п. [12, с. 49–50]. Ожидается, что человек, телесность которого была повреждена еще до начала трудовой деятельности (т.е. уже была искаленной), при неблагоприятном воздействии профессиональной среды будет более подвержен профессиональной деформации, чем человек с полноценной телесностью [12, с. 50]. Поэтому для молодого человека с искаленной телесностью особое значение имеет своевременная грамотная профориентация. В идеале профессиональная подготовка и дальнейшая профессиональная деятельность должны «подходить» человеку, соответствовать его психофизике, способствовать дальнейшему совершенство-

ванию его телесности, а не повреждать ее [12, с. 51].

Еще раз подчеркнем: профессиональное самосознание, являясь неотъемлемой частью профессионального сознания, является также важной составляющей «Я-образа» (самосознания). По сути, профессиональное самосознание – это есть область пересечения профессионального сознания и «Я-образа». Очевидно, что гармоничное/дисгармоничное развитие профессионального сознания благоприятно/неблагоприятно отражается на развитии «Я-образа». И наоборот: гармоничное/дисгармоничное развитие «Я-образа» благоприятно/неблагоприятно отражается на развитии профессионального сознания. Соответственно, успешное коррекционное воздействие на один из этих двух компонентов сознания предполагает и положительные преобразования в структуре второго компонента.

При этом профессиональное сознание, профессиональное самосознание и «Я-образ», безусловно, тесным образом взаимосвязаны с другими составляющими сознания («образа мира», «концептуальной картины мира» и др.). Так, в одной из своих предыдущих работ [14] мы, раскрывая взаимосвязь «Я-образа», правового самосознания и правосознания человека, отмечали, что при оптимальном уровне своего развития «Я-правовое» в той или иной степени проникает в подавляющее большинство компонентов «Я-образа». В данном случае у человека сформированы представления об адекватном правовом поведении в ходе выполнения большей части своих социальных ролей/функций (в том числе и роли работника) [14, с. 115]. Таким образом, профессиональное самосознание, являясь неотъемлемой частью и «Я-образа, и профессионального сознания, зачастую тесным образом взаимосвязано с правовым самосознанием (особенно, если у человека сформировано профессиональное юридическое сознание).

Напомним, что, согласно нашей точке зрения, поскольку в структуре сознания правовое сознание и «Я-образ» тесно взаимосвязаны друг с другом (а пространство пересечения правового сознания и «Я-образа» – это есть правовое самосознание), реабилитация/абилитация человека с искаленной телесностью обязательно должна включать и психолого-правовую реабилитацию/абилитацию, в рамках которой формирование у него развитого правового самосознания должно быть неразрывно связано с психопрофилактическим, а при необходимости и психокоррекционным, психореабилитационным воздействием на его «Я-образ», а сама работа по формированию адекватного правового самосознания должна иметь «психотерапевтический» эффект, выступать дополнительным фактором психологической защищенности субъекта, способствовать коррекции его «Я-образа» или изначальному формированию более гармоничного «Я-образа» [14, с. 115–116].

Полагаем, что успешная психолого-правовая реабилитация/абилитация человека с искаленной

ной телесностью способствует его более успешной профессиональной социализации (в том числе такой ее значимой составляющей как профессиональная адаптация). И наоборот: успешная профессиональная социализация человека с искаленной телесностью является одним из важнейших условий его успешной психолого-правовой реабилитации/абилитации.

Немалое количество людей с искаленной телесностью достигают хороших (а, порой, и впечатляющих) результатов в той иной профессиональной сфере, обладая определенными способностями, устойчивой внутренней мотивацией профессионально социализироваться именно в данной сфере, высокой работоспособностью и т.п., создавая по-настоящему серьезную конкуренцию людям, не имеющим значительных повреждений телесности. Очевидно, что у таких лиц с искаленной телесностью сформированы и более или менее оптимальным образом используются необходимые копинг-стратегии и механизмы психологической защиты (в первую очередь те из них, которые способствуют наиболее эффективному функционированию субъекта как профессионала (например, компенсация, сублимация, наличие адекватной профессиональной самооценки и др.)). Более того, можно с уверенностью утверждать, что подавляющее большинство людей с искаленной телесностью до определенного момента в своем психофизическом развитии (а именно до того, как те или иные вторичные и третичные нарушения развития, будучи изначально обратимыми, станут необратимыми) потенциально способны к успешной профессиональной социализации в той или иной профессиональной сфере. Но значительная реализация профессионального потенциала человека с искаленной телесностью, безусловно, предполагает его своевременную локализацию в среду, в которой для него созданы благоприятные внешние и внутренние условия профессиональной социализации [11, с. 195–196] (в том числе проводится целенаправленная работа по его психолого-правовой реабилитации/абилитации).

Вместе с тем часть людей с искаленной телесностью даже при оптимальных условиях профессиональной социализации практически ни в одной профессиональной сфере не смогут достичь высокого уровня конкурентоспособности. Очевидно, что наименьший трудовой потенциал присущ людям с серьезными ментальными расстройствами (в первую очередь с глубокой степенью интеллектуальной недостаточности, с тяжелыми формами аутизма и т.п.), а также людям с тяжелыми множественными нарушениями развития. Соответственно, из всех людей с искаленной телесностью наибольшей конкурентоспособностью обладают лица с незначительными физическими нарушениями. В одной из своих работ Л.Н. Нацун приводит результаты исследования, подтверждающие наши выводы [16, с. 670], подчеркивая, что на рынке труда более востребованы те люди с искаленной телесностью, которые способны адаптироваться

к типичным условиям трудовой деятельности в той или иной профессиональной сфере, а также адаптироваться к самим себе (самоадаптироваться) в данной профессиональной среде без того, чтобы профессиональное пространство, в котором они функционируют, трансформировалось с учетом их особых потребностей (т.е. адаптировалось к ним) [16, с. 670]. Если говорить о присваиваемых в РФ по результатам МСЭ группам инвалидности, то, как правило, наибольшим трудовым потенциалом обладают люди с третьей группой инвалидности [17].

Но даже в том случае, если человек с искаленной телесностью ни при каких условиях профессиональной социализации (в том числе при оптимальном действии тех или иных механизмов поддерживающего трудоустройства) не способен (или временно не способен) к полноценной трудовой деятельности, предполагающей его реальный выход на рынок труда, в отношении него возможно (и необходимо!) целенаправленное применение такого метода реабилитации/абилитации, как *трудотерапия* (в качестве синонимов термина «трудотерапия» нередко используются понятия «эрготерапия» (исцеление через деятельность) и «окупиционная терапия» (лечение занятием); вместе с тем, по мнению ряда авторов, данные понятия являются все-таки несколько более широкими, чем понятие «трудотерапия» [8, с. 29–30 и др.]; в некоторых же источниках, напротив, эрготерапию рассматривают как один из видов трудотерапии [20 и др.]).

Трудотерапию в широком смысле слова можно определить как управляемый процесс восстановления (исцеляющего) воздействия труда (трудовой деятельности) на поврежденную человеческую телесность.

В литературе по проблеме исследования различают, в частности, такие виды трудотерапии по глубине воздействия на человеческую телесность, как *общеукрепляющая; восстановительная; профессиональная* [8, с. 30 и др.]. В рамках еще одной классификации видов трудотерапии (по специфике трудовой деятельности) рассматривают: *эрготерапию* (лечение посредством механического труда (рукоделие и др.)); *спортивную физкультуротерапию*; *арт-терапию* (занятия различными видами искусства и/или походы в театры, музеи, чтение книг и т.п.); *гарденотерапию* (посадка растений и уход за ними); *игровую терапию* (занятие развивающими играми (активными, либо настольными) с другими людьми; при этом необходимо стремиться к тому, чтобы среди участников не было серьезной конкуренции, и каждый из них смог в игре проявить свои сильные стороны) [20]. Обращается внимание на то, что данные виды трудотерапии могут применяться по отдельности или в комплексе к группам людей с разными диагнозами [20]. Полагаем, что на некоторых людей с искаленной телесностью, имеющих сохранный интеллект (например, слепоглухих, слепых, глухих лиц, людей с высокофункциональным

аутизмом, инвалидов-колясочников и др.), значительное терапевтическое воздействие способно оказать научное творчество (проведение научных исследований, написание научных работ, участие в научных конференциях, симпозиумах, форумах, семинарах и т.п.); данное направление трудотерапии можно обозначить как *сайнстерапию*.

Уточним, что, по нашему мнению, понятие «трудотерапия» может употребляться как в узком, так и в широком смысле. Под трудотерапией в узком смысле следует понимать метод реабилитации/абилитации человека с искаленной телесностью (ориентированный, соответственно, на полное или частичное восстановление поврежденной человеческой телесности под воздействием труда), используемый чаще всего в том или ином специализированном учреждении (лечебном, образовательном, исправительном, комплексном), либо «в домашних условиях», но обязательно под руководством специалистов. Под трудотерапией в широком смысле, как уже выше было сказано, следует понимать в целом управляемый процесс положительного воздействия трудовой деятельности на психофизическое состояние человека. О применении трудотерапии (в широком смысле) в реабилитации/абилитации человека с искаленной телесностью можно вести речь и тогда, когда он потенциально способен к успешной профессиональной социализации (например, для работающего человека с искаленной телесностью целенаправленно созданы такие условия профессиональной деятельности, при которых она оказывает на его психофизику восстанавливающее воздействие); и тогда, когда такой человек потенциально не способен к успешной профессиональной социализации.

Предполагается, что при всех видах искаленной телесности оптимальным образом подобранная и дозированная трудотерапия способна в той или иной степени оказать положительное воздействие на сознание («образ мира», «концептуальную картину мира») человека, в том числе на такие его составляющие, как «Я-образ» (включая самооценку), правосознание и, соответственно, правовое самосознание (включая правовую самооценку).

Напомним, что трудовая деятельность может оказывать на человеческую телесность и разрушающее воздействие, которое по своей сути противоположно терапевтическому воздействию труда при трудотерапии. Поэтому наличие у работающего человека с искаленной телесностью признаков профессиональной деформации свидетельствует о неверно подобранной для него сфере профессиональной деятельности или/и о неподходящих (а, возможно, объективно тяжелых, вредных (и даже опасных)) для его психофизики условиях труда. Очевидно, что в данном случае для реабилитации человека с искаленной телесностью необходима либо смена области профессиональной деятельности, либо существенная оптимизация условий трудовой деятельности.

Обратим также внимание на следующий момент: при сохранных когнитивной и эмоционально-волевой сферах, а также при более или менее гармоничном (или «почти гармоничном») «Я-образе» (что подразумевает сформированность устойчивой адекватной самооценки) человек с искаленной телесностью способен к объективному самоанализу и самоорганизации и, соответственно, способен к «самововлечению» в ту или иную трудовую деятельность (например, самостоятельно записаться в театральную студию, заняться живописью, спортом, цветоводством и т.п.), которая в дальнейшем действительно начинает оказывать благотворное воздействие на его психофизическое состояние.

Таким образом, успешная профессиональная адаптация человека с искаленной телесностью является одним из важнейших условий его успешных социализации и инклюзии. Необходимо стремиться к тому, чтобы трудовая деятельность «подходила» человеку с искаленной телесностью, оказывала на него терапевтическое воздействие. Даже в тех случаях, когда не может быть речи о полноценной профессиональной адаптации, вовлечение человека с искаленной телесностью в посильную, подходящую ему трудовую деятельность является мощнейшим средством его реабилитации/абилитации, в том числе его психолого-правовой реабилитации/абилитации. Оптимальным образом подобранная и организованная трудовая деятельность человека с искаленной телесностью способна благотворно воздействовать как на его «Я-образ» в целом, так и на такую составляющую его «Я-образа», как «Я-правовое» (а значит, и на его правосознание). Впрочем, справедливо и обратное: целенаправленное коррекционное воздействие на «Я-образ», правовое самосознание и правосознание человека с искаленной телесностью также благоприятным образом отражается на его профессиональном сознании и профессиональном самосознании, способствуя более успешной адаптации этого человека к профессиональной среде и к самому себе в данной профессиональной среде. Поэтому трудотерапию действительно можно рассматривать как одно из важнейших средств психолого-правовой реабилитации/абилитации человека с искаленной телесностью. В свою очередь, успешная психолого-правовая реабилитация/абилитация человека с искаленной телесностью, безусловно, имеет огромное значение для его успешной профессиональной социализации.

Литература

1. Белокопытова Н. Ю., Бешкореева В. Ю. Труд инвалидов: проблемы правового регулирования. Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 25. № 1. С. 94–98.
2. Большаков Н. В. «У слышащих больше возможностей для жизни»: проблемы среднего профессионального образования глухих и сла-

- бослышащих // Журнал исследований социальной политики. 2019. 17 (4). С. 571–584.
3. Бондаренко Г. И. Я-концепция человека с инвалидностью // Дефектология. 2006. № 5. С. 36–40.
 4. Воеводина Е.В. Технологии инклюзии инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья: учебное пособие. – М.: ИНФРА-М, 2022. – 203 с.
 5. Войскунский А.Е. Направления киберпсихологических исследований // Цифровое общество в культурноисторической парадигме: материалы международной научной конференции (15–16 октября) / под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. – М.: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета, 2018. – 317 с. – С. 7–12.
 6. Дробышевский С. А., Протопопова Т.В. Представления о человеческом достоинстве в политико-юридических доктринах и праве. – М.: Изд-во Проспект, 2014. – 176 с.
 7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/28e010a834fdf2cf379381463eee4a959300e8ec/ (дата обращения: 20.09.2022).
 8. Королев А. А., Соболевская Ю.А., Рудакова С.М., Кукелев Ю.В., Камаева А.В., Шипулина Г.В., Мартынюк М.Д. Медицинская реабилитация: учебное пособие / под ред. С.С. Алексанина; Всерос. центр экстрен. и радиац. медицины им. А.М. Никифорова МЧС России. – СПб.: Политехника-сервис., 2014. – 184 с.
 9. Миронова С.П. Профессиональная сфера в концептуальной картине мира // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 3 (40). С. 27–32.
 10. Нагорная Л.А. Введение в философию искаленной телесности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2021. Том 10. № 1А. С. 115–131. DOI: 10.34670/AR.2021.29.38.012. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2021-1/12-nagornaya.pdf>
 11. Нагорная Л.А. Оптимизация процесса профессиональной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья как направление социально-экономической политики современного российского общества // Социально-экономические процессы в условиях модернизации экономики: современные вызовы, глобальные трансформации и стратегические ориентиры развития: монография / [Агумбаева А.Е., Амирова Э.Ф., Беляева С.В. и др.]; под ред. Подкопаева О.А. – Самара: ООО НИЦ «ПНК», 2021. – 205 с. С. 178–201. – URL: https://naucorp.ru/upload/iblock/f90/MONOGRAFIYA-KM_02_21.pdf
 12. Нагорная Л. А., Нагорный Н.Н. Анализ феномена профессиональной деформации сквозь призму понятий «телесность», «Я-образ», «искаленная телесность» // Научный журнал «Гуманитарный трактат». Кемерово, 2017. № 17. С. 48–52. – URL: <http://gumtraktat.ru/wp-content/uploads/v17.pdf>
 13. Нагорная Л. А., Нагорный Н.Н. Инклюзия людей с ограниченными возможностями здоровья как один из приоритетов социально-экономической политики современного российского государства // Государство будущего: актуальные проблемы социально-экономического и политико-правового развития: материалы IV международной научно-практической конференции (12 апреля 2018 г.). – Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2018. – 582 с. – С. 333–335.
 14. Нагорная Л. А., Нагорный Н.Н. Правовое самосознание и «Я-образ» человека с искаленной телесностью // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2023. № 3. С. 111–117.
 15. Nagornaya L. A., Nagornyi N.N. Current digital socialization of physically disabled people // Complex Social Systems in Dynamic Environments. Advanced Theories, Innovative Methods, and Interdisciplinary Research Results. Cham, Switzerland: Springer Nature. 2023. P. 901–907. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-23856-7_77
 16. Нацун Л.Н. Поддерживаемое трудоустройство инвалидов: обзор мирового опыта // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2017. Т. 16. № 4. С. 663–680. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.4.032.
 17. Нацун Л.Н. Влияние барьеров трудоустройства на характеристики занятости инвалидов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Том 15. № 5. С. 203–220.
 18. Протопопова Т.В. Идея человеческого достоинства в политикоюридических доктринах и праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Красноярск, 2007. 27 с.
 19. Соловьева О. Инвалидам мешают выйти на рынок труда. 02.12.2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ng.ru/economics/2021-12-02/1_8317_deficit.html?ysclid=I9fgzf7qoa_379683160 (дата обращения: 18.05.2022).
 20. Трудотерапия как средство реабилитации – показания, особенности и цели [Электронный ресурс]. – URL: <https://yusupovs.com/articles/rehab/trudoterapiya-kak-sredstvo-reabilitatsii-pokazaniya-osobennosti-i-tseli/?ysclid=lv6trmm999216098149> (дата обращения: 05.05.2024).

RESTORATION OF THE SELF-IMAGE OF A PERSON WITH A CRIPPLED CORPOREALTY BY MEANS OF OCCUPATIONAL THERAPY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Nagornaya L.A., Nagornyi N.N.
Siberian Federal University, Siberian Law Institute

The article argues that the labor activity of a person with a crippled corporeality must necessarily be selected and organized in such a way as to have a therapeutic, rather than destructive effect on him. It is noted that if a person with a crippled corporeality is unable (permanently or temporarily) to fully adapt professionally, purposefully involving him in suitable types of work is one of the most important conditions for his successful rehabilitation/habilitation. It is shown that optimally organized labor activity is of great importance for the psychological and legal rehabilitation/habilitation of a person with a crippled corporeality, since the therapeutic effect of labor is also on such components of consciousness as self-image, legal consciousness, legal self-consciousness. And, on the contrary, successful psychological and legal rehabilitation/habilitation of a person with a crippled corporeality is of great importance for his successful professional socialization.

Keywords: occupational therapy, person with a crippled corporeality, self-image, legal consciousness, legal self-consciousness, professional socialization, psychological and legal rehabilitation/habilitation.

References

1. Belokopytova N. Yu., Beshkoreva V. Yu. Labor of disabled people: problems of legal regulation. *Legal Bulletin of DSU*. 2018. T. 25. No. 1. P. 94–98.
2. Bolshakov N.V. "Hearing people have more opportunities for life": problems of secondary vocational education of the deaf and hard of hearing // *Journal of Social Policy Research*. 2019. 17 (4). pp. 571–584.
3. Bondarenko G.I. Self-concept of a person with a disability // *Defectology*. 2006. No. 5. P. 36–40.
4. Voevodina E.V. Technologies for the inclusion of people with disabilities and persons with disabilities: a textbook. – M.: INFRA-M, 2022. – 203 p.
5. Voyskunsky A.E. Directions of cyberpsychological research // Digital society in the cultural-historical paradigm: materials of the international scientific conference (October 15–16) / ed. T.D. Martsinkovskaya, V.R. Orestova, O.V. Gavrichenko. – M.: Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2018. – 317 p. – P. 7–12.
6. Drobyshevsky S. A., Protopopova T.V. Ideas about human dignity in political and legal doctrines and law. – M.: Prospekt Publishing House, 2014. – 176 p.
7. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) [Electronic resource]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/28e010a834fdf2cf379381463eee4a959300e8ec/ (date of access: 09.20.2022).
8. Korolev A. A., Sobolevskaya Yu. A., Rudakova S.M., Kukelev Yu. V., Kamaeva A.V., Shipulina G.V., Martynyuk M.D. Medical rehabilitation: textbook / under ed. S.S. Aleksanina; All-Russian emergency center and radiation medicine named after A.M. Nikiforova Ministry of Emergency Situations of Russia. – St. Petersburg.: Politehnika-service., 2014. – 184 p.
9. Mironova S.P. Professional sphere in the conceptual picture of the world // *Pedagogical Journal of Bashkortostan*. 2012. No. 3 (40). pp. 27–32.
10. Nagornaya L.A. Introduction to the philosophy of mutilated corporeality // *Context and reflection: philosophy about the world and man*. 2021. Volume 10. No. 1A. pp. 115–131. DOI: 10.34670/AR.2021.29.38.012. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-philosophy-2021-1/12-nagornaya.pdf>
11. Nagornaya L.A. Optimization of the process of professional adaptation of people with disabilities as a direction of socio-economic policy of modern Russian society // *Socio-economic processes in the context of economic modernization: modern challenges, global transformations and strategic guidelines for development: monograph* / [Agumbaeva A.E., Amirova E.F., Belyaeva S.V., etc.]; edited by Podkopaeva O.A. – Samara: LLC Scientific Research Center "PNK", 2021. – 205 p. pp. 178–201. – URL: https://naucorp.ru/upload/iblock/f90/MONOGRAFIYA-KM_02_21.pdf
12. Nagornaya L. A., Nagorny N.N. Analysis of the phenomenon of professional deformation through the prism of the concepts of "corporality", "I-image", "crippled physicality" // *Scientific journal "Humanitarian Treatise"*. Kemerovo, 2017. No. 17. pp. 48–52. – URL: <http://gumtraktat.ru/wp-content/uploads/v17.pdf>
13. Nagornaya L. A., Nagorny N.N. Inclusion of people with disabilities as one of the priorities of the socio-economic policy of the modern Russian state // *State of the future: current problems of socio-economic and political-legal development: materials of the IV international scientific -practical conference* (April 12, 2018). – Ufa: Ufa State Petroleum Technical University, 2018. – 582 p. – pp. 333–335.
14. Nagornaya L. A., Nagorny N.N. Legal self-awareness and "I-image" of a person with crippled physicality // *Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research*. 2023. No. 3. pp. 111–117.
15. Nagornaya L. A., Nagorny N.N. Current digital socialization of physically disabled people // *Complex Social Systems in Dynamic Environments. Advanced Theories, Innovative Methods, and Interdisciplinary Research Results*. Cham, Switzerland: Springer Nature. 2023. P. 901–907. – URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-23856-7_77
16. Natsun L.N. Supported employment of disabled people: a review of world experience // *Bulletin of UrF U. Economics and management series*. 2017. T. 16. No. 4. pp. 663–680. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.4.032.
17. Natsun L.N. The influence of employment barriers on the employment characteristics of disabled people // *Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022. Vol. 15. No. 5. pp. 203–220.
18. Protopopova T.V. The idea of human dignity in political legal doctrines and law: abstract. dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.01. Krasnoyarsk, 2007. 27 p.
19. Solovyova O. Disabled people are prevented from entering the labor market. 02.12.2021. [Electronic resource]. – URL: https://www.ng.ru/economics/2021-12-02/1_8317_deficit.html?ysclid=l9fgzf7qoa379683160 (access date: 05/18/2022).
20. Occupational therapy as a means of rehabilitation – indications, features and goals [Electronic resource]. – URL: <https://yusupovs.com/articles/rehab/trudoterapiya-kak-sredstvo-reabilitatsii-pokazaniya-osobennosti-i-tseli/?ysclid=lv6trmm999216098149> (date of access: 05/05/2024).

